ЗАПИСКИ
ДМИТРИЯ БОРИСОВИЧА
МЕРТВАГО
(1760–1824)

КНИЖНЫЕ
ПАМЯТНИКИ

Дмитрий Борисович Мертваго
(1760—1824)

КНИЖНЫЕ ПАМЯТНИКИ
из фондов Библиотеки академии наук

КНИЖНЫЕ
ПАМЯТНИКИ

Д. Б. МЕРТВАГО

ЗАПИСКИ

(1760—1824)

«РУССКАЯ СИМФОНИЯ»
БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ НАУК

Санкт-Петербург
2006

ББК 66.3(2 Рос)8-8*63.3
М 526

Издание подготовлено
С. Д. Дзюбановым и Г. Г. Мартыновым

Мертваго, Дмитрий Борисович

М 526 Записки (1760—1824) / Д. Б. Мертваго ; изд. подгот.: С. Д. Дзюбанов, Г. Г. Мартынов. — Перепеч. с изд. 1867 г. с испр. и доп. — СПб.: Русская симфония, 2006. — 368 с.; фронт., ил.; — (Серия «Книжные памятники из фондов Библиотеки Академии наук»). — Прим.: с. 236—336. — Библиогр.: в примеч. и с. 337—340. — Имен. указ.: с. 341—358.
ISBN 5-91055-013-6

Дмитрий Борисович Мертваго (5.08.1760—23.06.1824) — русский государственный деятель конца XVIII—начала XIX века. В 1787—1797 годах — советник Уфимского наместнического правления, затем чиновник провиантского департамента, Таврический губернатор (1803—1807), генерал-провиантмейстер (1807—1810), московский губернатор (1817), сенатор и тайный советник.

Д. Б. Мертваго был свидетелем и непосредственным участником многих важных событий российской истории: Пугачевского бунта, Русско-шведской войны, Отечественной войны 1812 года. Его автобиографические «Записки» живо и непредвзято описывают российскую действительность того времени, а также лиц, оставивших след в русской истории.

ББК 66.3(2 Рос)8-8*63.3

ISBN 5-91055-013-6

ЗАПИСКИ

ДМИТРІЯ БОРИСОВИЧА

МЕРТВАГО

1760—1824.

ИЗДАНІЕ РУССКАГО АРХИВА.

МОСКВА.

Въ Типографіи Грачева и Комп. у Пречистенскихъ воротъ, д. Миляковой.

1867.

Гербъ рода Мертваго

Вместо предисловия
Воспоминания С. Т. Аксакова о Дмитрии Борисовиче Мертваго

(Письмо к В. П. Безобразову)

М.<илостивый> г.<осударь> Владимир Павлович! Вы просили меня, чтобы я сообщил вам все то, что было лично мне известно при моих сношениях с покойным Д. Б. Мертваго: исполняю очень охотно ваше и мое собственное желание. Едва ли кто-нибудь из читателей мог так обрадоваться появлению в печати «Записок Дмитрия Борисовича Мертваго»*, как обрадовался я, для которого это было совершенною неожиданностию. Мне и в голову не входило, что он оставил после себя «Записки». Прибавить какую-нибудь черту к этим «Запискам» я считаю за счастие. Многоуважаемая память моего покойного крестного отца, в обширном и строгом смысле честнейшего человека, которого вся жизнь была борьба правды и чести с ложью и подлою корыстью, постоянно жила и живет в моей душе. Его «Записки», без сомнения, будут драгоценным приобретением для всей читающей образованной публики. Биографическое сведение об авторе «Записок», составленное братом его, С. Б. Мертваго **, написано совершенно беспристрастно, несмотря на горячую, всем известную, взаимную дружбу обоих братьев. Оно имеет один недостаток — краткость.

С тех пор, как я начал себя помнить, я помню, что Дмитрий Борисович, мой крестный отец, бывал у нас в доме очень часто, во все время пребывания моего семейства в Уфе. В 1797 году мы переехали на житье в деревню, а Дмитрий Борисович еще прежде оставил Уфу и поступил в Петербург на новую службу. Несмотря на мой детский возраст, я очень замечал, да и другие говорили, что мой крестный отец не так ласков ко мне и не так занимается мною, как другие друзья или короткие

---

* Говорится о первой главе «Записок», появившейся в «Русском вестнике» 1857 г.— ***Примеч. Бартенева.***

** Оно напечатано здесь, на с. 18.— ***Примеч. Бартенева*** (здесь и далее в сносках указаны страницы настоящего издания).

наши знакомые. К этому замечанию обыкновенно прибавляли, что он не любит маленьких детей, особенно таких, которых родители балуют. Я сам не один раз слышал, как Дмитрий Борисович подтрунивал и подшучивал над моею матерью, говоря, что «она не любит, а *обожает* своего сынка», и у меня поселилось неприятное чувство к моему крестному отцу; но это не мешало мне замечать, что он был всеми любим и уважаем, что все слушали его остроумные и веселые разговоры с необыкновенным вниманием и удовольствием, и что все называли его «душой компании». Я тогда еще слыхал от моих родителей, что Дмитрий Борисович не только сам честный человек, но других принуждает быть честными.

Разъехавшись в разные стороны, мы не видались несколько лет, и я уже забыл моего крестного отца, как вдруг пришло известие, что Дмитрий Борисович Мертваго вышел в отставку и приехал в Старую Мертовщину к своей матери и сестре, которые жили от нас в 30 верстах. Марья Михайловна Мертваго, его мать, пользовалась необыкновенным уважением от всех своих соседей и всех знакомых; она считалась женщиною великого и *политичного* ума; дочь ее, Катерина Борисовна Чичагова, была дружна с моею матерью, да и муж ее, П. И. Чичагов, любил все наше семейство.[1] Через несколько дней мы поехали в Мертовщину, и мать всю дорогу твердила мне, чтобы я не дичился и не играл бы в молчанку, потому что она желает, чтобы мой крестный отец увидел во мне умненького мальчика, довольно образованного для своих лет, а не деревенского неуча. Такие слова не прибавили мне бодрости, а еще более меня смутили. Представляя меня Дмитрию Борисовичу, мать сказала, что я его помню, люблю, уважаю и дорожу тем, что он мой крестный отец. В этих словах было мало правды: мне стало неловко, я покраснел и молчал. Дмитрий Борисович, погладив меня по головке, сказал: «А, какой молодец вырос!» — и потом уже не обращал на меня ни малейшего внимания. Матери моей это было очень досадно: как это ее сынок, такой книжный чтец и декламатор сумароковских трагедий,[2] а подчас говорун, не умеет разинуть рта перед своим крестным отцом, важным (бывшим) петербургским чиновником и умным человеком, который может подумать, что она не дала сыну никакого образования! Она не вытерпела и через несколько время, обратясь ко мне, сказала: «Что это ты все молчишь, Сережа? Крестный отец подумает, что ты глуп». Я покраснел еще более, а Дмитрий Борисович из шутливого и веселого разговора вдруг перешел в серьезный тон и, быстро взглянув на меня, строго сказал: «Не слушай, Сережа, своей матери! Никогда не вмешивайся

в разговоры старших, покуда тебя не спросят!» Это не прибавило моего расположения к крестному отцу; но на этот раз я был ему благодарен: мать уже не принуждала меня разговаривать. Мы прожили в Мертовщине еще два дня. Родных и соседей съехалось туда такое множество, что негде было помещаться; петербургской гость очаровывал всех, старых и молодых, особенно дам и девиц, своею ласковою любезностью. Он был очень хорош собою, хотя в это время небольшая лысина уже светилась на его голове; его называли даже красавцем, но притом говорили, что у него женская красота; он немножко пришепетывал, но это не мешало приятности его речей, и некоторые дамы находили, что это даже очень мило. Он был постоянно весел, шутлив, остроумен без колкости. Я слышал, что ему отдавали преимущество перед Петром Ивановичем Чичаговым, который также был в обществе необыкновенно весел и остроумен, но меткие эпиграммы нередко срывались с его языка.

Дмитрий Борисович всегда оказывал своей матери глубокую почтительность и нежность. Сестре своей, К. Б. Чичаговой, брату Степану Борисовичу, а также и зятю, он был друг в настоящем значении этого слова; даже третьему брату, Ивану Борисовичу, который уже несколько лет имел несчастие потерять рассудок (от безнадежной любви, как мне говорили), показывал он такое нежное внимание, так заботился о нем, что Марья Михайловна, со слезами благодарности к Богу, при мне говорила о том моей матери.

Дмитрий Борисович, объезжая всех родных и соседей, разумеется, вместе с матерью, сестрой и зятем, гостил везде по нескольку дней,— что было тогда в общем обыкновении, а у нас прожил он с своим семейством целую неделю. Тут я рассмотрел поближе своего крестного отца, и несмотря на свою детскость, бессознательно почувствовал глубокое уважение к высоким качествам его ума и сердца. Через несколько времени он уехал в Крым, опять на новую службу, и я до 1808 года его не видал.

В 1808 году я нашел в Петербурге своего крестного отца уже женатым, постаревшим и переменившимся. Беззаботной веселости в нем уже не было. Он служил тогда генерал-провиантмейстером, и хлопотливая, тяжелая эта должность, казалось, очень его озабочивала. Впоследствии я узнал, что находились другие причины, от которых служба была для него так невыносимо горестною. Неподкупная его честность была известна всем; но не всем, может быть, было известно, до какой строгости и чистоты возводилась эта честность во всех его служебных отношениях: мог ли такой человек не иметь врагов по службе?.. Он

встретил мое семейство как старинный друг, а меня если не так ласково, как желалось моей матери и уже мне, то, по крайней мере, очень внимательно; много расспрашивал меня о Казани, об университете [3], о службе, в которую я намеревался поступить,— но я никак не мог заметить, доволен ли он мною или нет? Он приказал только, чтобы я ходил к нему каждую неделю.

Первые мои посещения после отъезда из Петербурга моего семейства ничего хорошего не предвещали. Крестный мой отец обыкновенно говорил: «А, здравствуй! Как поживаешь? Что пишут отец и мать? Что поделываешь на службе?» В словах этих не слышно было никакого особенного участия, и они держали меня в постоянном и холодном отдалении. Случалось даже, что, выслушав мои короткие ответы, он говорил: «Ну, брат, мне некогда; ступай к Варваре (так звал он свою жену) и оставайся обедать». Весьма естественно, что такие приемы не могли нравиться молодому человеку, и я намеревался уже ограничить мои посещения двумя-тремя праздничными визитами в год, как вдруг случилась следующая перемена. Пришел я один раз к Дмитрию Борисовичу довольно рано поутру; он велел меня провести в свой кабинет и сказал, что сейчас придет. Я бывал в этом кабинете при других и мало обращал внимание на окружающие меня предметы; теперь же, от нечего делать, я начал все рассматривать, и мне кинулась в глаза небольшая картинка, висевшая над письменным столом моего крестного отца; я подошел поближе и увидел, что это был вид деревни Званки и сельского дома Гаврила Романыча Державина; внизу находились следующие четыре стиха:

Средь сих лесов, болот и ржавин,
С бессмертным эхом вечных скал,
Бессмертны песни повторял
Бессмертный наш певец Державин.

Картина была нарисована водяными красками [4] и кем-то подарена Дмитрию Борисовичу, кажется, женщиной. Кем написаны стихи — до сих пор не знаю. Я был страстным почитателем Державина; забывшись, с восторгом и довольно громко, повторял я эти четыре стиха наизусть, не заметив, что крестный отец стоял уже за мною. «А, брат, ты, видно, любишь старика!» — сказал он, и я, покраснев до ушей, с волненьем высказал все, что чувствовал и думал о Державине [5], прибавя, что знаю все его стихи наизусть. Хозяин из любопытства сделал мне экзамен, и я прочел

ему две-три пьесы, декламируя напропалую, по-студентски. «Ого, брат,— сказал с усмешкой мой крестный отец,— да ты не вздумай в актеры!» Он посадил меня возле себя, чего прежде не делал, и рассказал мне про свое знакомство с Державиным, прибавя, что он «не только великий стихотворец, приносящий честь и славу своему отечеству, но и честный сановник, и добрейший человек, и что все, что говорят про него дурного, выдумка подлых клеветников и завистников». С этого счастливого утра я стал сближаться с моим крестным отцом. Сам ли он того пожелал, или я, найдя в нем сочувственную себе струну, стал искать его расположения — не знаю, только через полгода он уже охотно, хотя без особенной ласковости, иногда долго говорил со мной о своей прежней и настоящей службе, об общественных отношениях и горько сетовал, что мало честных людей не на словах, а на деле. Дмитрий Борисович жил на Фонтанке в каменном доме или, лучше сказать, в третьей части дома, принадлежавшего его жене (урожденной Полторацкой) и сестрам ее, Сухаревой и Олениной[6]. Принадлежность владения обозначалась разностью красок. Часть Мертваго была палевого цвета. Из залы был балкон на набережную; на нем любил сидеть Дмитрий Борисович, а иногда сиживал с ним и я. Один раз он сказал мне, указав пальцем: «Видишь ли ты этого господина, который тащится по набережной, так гадко одетый?» Я отвечал, что вижу. «Это великой человек! Это нищий, которому казна должна миллион, истраченный им для чести и славы отечества. Это адмирал С<еняви>н!»[7] А как он в это время поравнялся с нами, то Дмитрий Борисович назвал его по имени и сказал ему: «Зайди ко мне». Адмирал зашел. Мы все трое пошли в кабинет. Я, разумеется, пошел по приглашению хозяина. С<еняви>н пробыл с час; просто и открыто говорил он о своем крайнем положении, об оскорблениях, им получаемых, о своих надеждах, что когда-нибудь заплатят же ему и всем офицерам призовые деньги, издержанные ими на флот (этим делом занималась тогда особая комиссия)*. Адмирал ушел. Не утверждаю, но мне показалось, что Дмитрий Борисович достал деньги из ящика и тихонько отдал их своему гостю и давнишнему приятелю. Рассказ адмирала произвел на меня такое глубокое и горькое впечатление, которого никогда нельзя забыть. Крестный отец досказал мне всю историю русского с ног до головы славного нашего адмирала; рассказал и положение, до которого он был доведен. «С<еняви>н,— прибавил он

*** Деньги точно были заплачены, только не помню, при жизни ли адмирала.— *Примеч. Аксакова.***

в заключение,— доведен до того, что умер бы с голоду, если б не занимал денег, покуда без отдачи, у всякого, кто только даст,— не гнушаясь и синенькой[8]; но у него есть книга, где он записывает каждую копейку своего долга, и, конечно, расплатится со всеми, если когда-нибудь получит свою законную собственность».

В 1809 году я уезжал в отпуск в Оренбургскую губернию и воротился в Петербург в первых числах января 1810 года. Крестный отец встретил меня уже не холодно по-прежнему, а напротив, очень ласково и даже с некоторым чувством. «Ну, брат,— сказал он мне один раз,— кажется, надобно будет службу бросить».— «Отчего же? — спросил я с удивлением.— Вы сами знаете, что приносите много пользы, и что государь об вас самого лучшего мнения?» — «Это правда,— отвечал Дмитрий Борисович,— да бывший непосредственный начальник мой, граф А<ракчее>в, всегда меня гнавший, поставил меня в такое унизительное и вредное для меня и службы положение, что выйти в отставку, даже прогневав государя, сделалось необходимостью. Гр.<аф> А<ракчее>в всегда не любил меня; но особенно возненавидел за то, что я запретил Варваре Марковне продолжать знакомство с г-жею П.[9], его фавориткой. Моя жена могла быть знакома с этой дрянью, как и со многими другими; но как скоро эта дрянь сделалась всемогущею особою у моего начальника, то моя жена уже не должна быть с нею знакома. Г-же П. уже отказывали три раза, она все продолжала ездить; в четвертый я велел отказать так, чтобы она уже более не приезжала. Как нарочно так случилось, что сидел я на известном тебе балконе и со мной была Варвара Марковна; вдруг подъезжает открытая коляска, в ней сидела г-жа П. Я не позволил жене уйти с балкона, позвал человека и громко сказал ему, так, что приехавшая гостья все до слова слышала: «Скажи, что барыни нет дома». Г-жа П. перестала ездить, и тут-то началось злобное преследование меня. Прежний начальник, перестав быть моим непосредственным начальником, сохранил всю свою силу и вмешивался во все дела».

Недели через две я пришел к Дмитрию Борисовичу и хотел пройти к нему в кабинет уже без доклада; но человек сказал мне, чтоб я подождал, потому что в кабинете какой-то генерал и что туда не приказано никому входить. Я как-то почувствовал, что это недаром, и стал дожидаться в соседней комнате. Наконец, дверь отворилась, и Дмитрий Борисович, провожая генерала, спокойно, холодно и громко сказал: «Итак, доложите его сиятельству, что я не могу входить в объяснение по таким словесным замечаниям. Если ему угодно будет сделать их на бумаге, то

я стану оправдываться. Впрочем, зная, что я лично не нравлюсь его сиятельству, я уже давно подал просьбу об отставке, которая лежит у министра. Я не хочу вредить месту, которое занимаю, и губить себя без всякой вины». Дмитрий Борисович рассказал мне, что это уже не в первый раз, что его бывший начальник имел дерзость делать ему выговоры через своего адъютанта, что, разумеется, он его не стал слушать и что, вот, наконец, он прислал с тем же своего фаворита, генерала К<ангеви>ча [10]. «Делать нечего, надо решительно выйти в отставку,— сказал он,— тут пользы не сделаешь, а только наживешь больше врагов и долгов, а у меня и так уже довольно и тех и других». Действительно, Дмитрий Борисович вскоре оставил службу.

Прошло несколько лет, в продолжение которых совершились вековые, достопамятные события 1812 года, и я даже не знаю, где жил в это время мой крестный отец. Я увиделся с ним уже в 1816 году в Москве, в собственном его доме у Красных ворот, в приходе Трех Святителей.* Он не был еще тогда сенатором [11], но говорил мне, что желал бы занять эту должность. Всем известно, что впоследствии он занимал ее. Я уехал в Оренбургскую губернию на десять лет и не видался уже более с моим крестным отцом, скончавшимся в 1824 году.

Вот все, что сохранила моя память об одном из достойнейших людей прошедшего времени.

Москва. Января 20-го 1857 год

---

* Этот дом стоит самым оригинальным образом: [12] он не на улице, не в переулке и не на площади — к нему ведет особый проезд, точно как в чувашских деревнях. В этом доме, принадлежавшем после кончины Дмитрия Борисовича Мертваго сначала А. П. Елагиной [13], а потом покойному сыну ее Ивану Васильевичу Киреевскому, доме, воспетом звучными стихами Языкова [14],— много лет собирался известный круг московских литераторов и ученых. Сколько глубоких мыслей, светлых взглядов, честных порывов любви к просвещению и литературе было высказано и принято в этом доме!.. И как немного осталось в живых из прежних его посетителей! В числе самых горьких и свежих утрат находятся достойные и незабвенные братья, И. В. и П. В. Киреевские.— ***Примеч. Аксакова.***

Содержание записок Д. Б. Мертваго

I. Пугачевщина. Появление Пугачевских шаек в Алатырском уезде, Симбирской губ. в июле 1774 года.— Выезд семьи Мертваго из их имения.— Трое суток в лесу.— Наставления родителя.— Измена слуги.— Нападение крестьян.— 14-летний Мертваго с младшими братьями в руках возмутившихся крестьян.— Его везут в секретари к Пугачеву, хотят убить; он спасается бегством.— Сострадательная мордовка.— Вторичный плен.— Встреча с матерью и своими в Алатыре.— Подробности гибели отца.— Два воеводы, Белокопытов и Сердешев.— Помещение у подьячего.— Гонение от воеводы.— Игра в войну.— Бригадир Пиль.— Граф П. И. Панин в Алатыре.— Облегчение участи.

II. Служба в Оренбургском краю. Первоначальное служебное прохождение.— Прокурорство.— Генерал-губернатор Игельстром.— Переход в Уфу.— Советничество в губернском правлении.— Меры против бухарских лазутчиков.— Отъезд Игельстрома в Петербург.— Дело о мясном торге в Оренбурге.— Бухарский посол.— Объезд башкирских степей.— Ссора с губернатором Пеутлингом и чиновниками по делу о мясном торге.— Поездка в Петербург.— Знакомство и дружба с Державиным.— Возвращение в Уфу.— П. И. Чичагов и его женитьба на сестре Мертваго.— Другая поездка в Петербург.— Е. Я. Державина.— Обезьяна князя Зубова.— Исходатайствование прощения Чичагову.— Уфимский генерал-губернатор С. К. Вязмитинов.— Снабжение провиантом пограничных войск и поездка для того к башкирцам.— Отпуск и переезд в Петербург.— Сотрудничество Вязмитинову в комиссариатском департаменте. Искание нового места по службе и переход в провиантскую.

III. Служба в Петербурге в провиантском ведомстве. Беспорядок в провиантской экспедиции.— П. Х. Обольянинов.— Общество князя Лопухина.— Руководительство Обольяниновым и неловкие к нему

отношения.— Пожалование землею.— Кончина императора Павла.— Арестование Обольянинова.— Зубовы.— События в царствование Павла.— Генерал-провиантмейстер Н. С. Свечин.— Поездка в Литву и характеристика того края.— Экономические отношения к Пруссии.— Забота императора Александра о пресечении злоупотреблений.— Оборона Обольянинова.— Упорство в бескорыстии и правде.— Отзыв гр. Толстого о генерал-провиантмейстерском месте.— Прошение об отставке.— Уговоры Ламба.— Отставка.— Отец в сонном видении предостерегает от взяток.

IV. Служба в Крыму. Сношения с Злобиным.— Получение из казны денег за землю.— Лечение в Сарепте.— Державин определяет Мертваго надзирателем Крымских соляных озер.— Ссора с Сафоновым.— Поездка в Петербург.— Гр. Кочубей.— Получение аренды.— Склонность к В. М. Полторацкой.— Ее мать.— Сватовство.— Заседание у графа Кочубея.— Габлиц.— Женитьба и отправление в Крым на губернаторскую должность.— Очерк истории Крыма в политико-экономическом отношении.— И. В. Лопухин.— Сутяжничество.— Баязет-бей.— Борьба с военным губернатором Розенбергом.— Подсылки в Крым из Турции.— Война и тяжкое положение русской власти в Крыму. Назначение нового муфтия.— Образование войска из татар.— Уничтожение попыток к возмущению.— Меры к обороне Крыма.— Таяр-бей, его история, его поездка в Петербург и политические замыслы.— Оставление Крыма.

V. Служба в должности генерал-провиантмейстера. Тогдашнее состояние провиантской части в России.— Столкновение с В. С. Поповым и прошение об отставке.— Приготовления к Шведской войне.— Биография и характер графа Аракчеева.— Сухари для войск.— Копьев.— Вторичное прошение об отставке.— Разговор с государем.— Извинение Аракчеева.— И. Я. Бухарин.— Гонение на чиновников, получивших место от Мертваго (Шишков).— Вторичная поездка в Финляндию.— Опять прошение об отставке.— Выговор от государя и его неблаговоление.— Объяснение с Аракчеевым.— Требование законности в делах.— Работа по составлению законоположения о провиантской части.— Поездка в Прибалтийский край и закупка провианта у тамошнего дворянства.— 1808 год. Закупка провианта в Белорусском краю и Литве.— Новые формы шнуровых книг.— Новое прошение об отставке.— Барклай-де-Толли и его слабохарактерность.— Дело о ненужной закупке провианта.— Отставка.

VI. Жизнь в отставке и сенаторство в Москве. Дела хозяйственные.— Покупка клинского имения, села Демьянова.— Поездка на

родину.— Дело Лешерна и начеты по оному.— Отношения к теще.— 1812 год.— Разговор с А. Д. Балашовым.— Спасение от французов.— Поездка в Петербург и сношения с властями о поступлении опять в службу.— Посещение Демьянова императрицею Мариею Феодоровною.— Письмо к государю.— Сенаторство.— Месть Аракчеева.— Ревизия Владимирской губернии и Кавказа.— Ермолов.

«ЗАПИСКИ» Д. Б. МЕРТВАГО

***

«Записки» Д. Б. Мертваго обязательно сообщены в «Русский архив» академиком В. П. Безобразовым, которому принадлежит самая рукопись. Начало «Записок», именно рассказ о Пугачевщине, был уже напечатан в «Русском вестнике» 1857, № 1, и там же сообщено следующее биографическое сведение об авторе «Записок», составленное братом его, С. Б. Мертваго:

«Дмитрий Борисович Мертваго родился 1760 года августа 5-го; в службу вступил в 1775 году. С 1787 по 1797 год был советником Уфимского наместнического правления; деятельность и справедливость его надолго сохранились в памяти всех сословий губернии. С 1797 по 1802 год был членом Провиантской экспедиции, где своими достоинствами и способностями обратил на себя внимание общества и стал известен императору Павлу. В 1802 году определен начальником поступивших в казенное управление Крымских соляных промыслов, в 1803 году — Таврическим гражданским губернатором, 1807 — генерал-провиантмейстером, 1810 — уволен по прошению от службы. В 1817 году назначен сенатором в Москву, где и скончался 23-го июня 1824 года.

Пылкий и основательный ум, чтение, наблюдательность и способность соображать происшествия заменяли ему недостаток учения при воспитании. К удивлению всех, знавших его, он действительно ничему не учился. Чувствительное и доброе сердце, которое отражалось на открытом благовидном лице его, веселый нрав, ласковость в обхождении, дар слова, твердость и справедливость во всех делах и случаях, непоколебимая честность, совершенное бескорыстие при тогдашнем недостатке и при многих случаях обогатиться недозволенным образом, деятельность в исполнении должностей, усердие к распространению добра привлекали к нему всеобщую любовь и уважение даже от недоброжелателей и завистников.

Оставшись четырнадцати лет по смерти отца, он был попечитель и наставник сестрам и братьям, а потом и детям их, и не только словами и письмами, но и делом всегда доказывал искреннюю дружбу и нежную любовь к ним.

Кроткое и человеколюбивое обращение с служителями и отеческое попечение о спокойствии и даже удовольствии их возбуждали в них усердие служить и угождать ему, и при кончине его они почувствовали, что лишились в нем благодетеля.

Дмитрий Борисович в 1804 году вступил в брак с Варварою Марковною Полторацкою и имел трех сыновей и пять дочерей. Как истинно-нежный отец, он был обожаем в своем семействе».— ***Примеч. Бартенева.***

I. Пугачевщина

Известно, что отдаленный край нашего отечества раздираем был волнением народа, в пользу бунтовщика, назвавшегося царским именем[15]. Зло, тогда распространенное, потрясало основание государства, и хотя искоренено, но многим оставило в памяти неизгладимые черты ужаса и скорби[16].

Отец мой и мать, имея одну деревню в Оренбургской губернии, в краю, где начался бунт, а другую — Симбирской губернии, в Алатырском уезде, в пятистах верстах оттуда, жили в последней. Зная только по слухам, что многие из крестьян наших вступили в службу к самозванцу и находятся при нем, родители мои хотя и готовились потерять свое состояние, но себя считали вне всякой опасности, принимая в соображение расстояние и меры, принятые правительством, но воля судьбы, неведомым для смертного путем все ведущая, определила быть тому иначе.

Пугачев, то поражаемый войсками, посланными для усмирения мятежа, то усиливаемый новыми толпами злоумышленников, долго, как некий вихрь, носился в горах и степях малообитаемых и летом 1774 года двинулся на север и обложил Казань. Оборона жителей заставила его промедлить; разграбленное и сожженное им предместье послужило к его неудаче; многочисленная чернь, составлявшая его шайку, вдалась в пьянство и грабеж; в это время войска Михельсона[17] настигли и разбили его, но не схватили самого злодея; он с большим числом злоумышленников бежал за Волгу к Алатырю, в тот спокойный край, где мы жили. Сначала он был неизвестен, но через несколько дней, по присоединении к нему множества дворовых людей и крестьян, явился близ нашего селения, знаменуя везде свое шествие кровопролитием.

За три недели перед этим матушка родила, и в день, когда начались наши несчастия, 22 июля, праздновали мы ее именины[18]. По деревенскому обыкновению званы были гости, и уже стол был накрыт, как вдруг

отец мой получил письмо от приятеля и соседа нашего, званого на праздник, который уведомлял, что самозванец в тридцати верстах от нас, пришел в господское селение, повесил приказчика и все имущество разграбил; вместе с тем он писал батюшке, что со всем своим семейством выехал, сам не зная, куда судьба его поведет.

Собравшись наскоро, поехали мы в город Алатырь, отстоящий в сорока верстах от нашей деревни. Перед вечером, приближаясь к городу, встретили мы знакомого, который сказал отцу моему, что Пугачев вступает в Алатырь, и народ с образами, хлебом и солью пошел ему навстречу.[19] Весть эта была громовым для нас ударом; надо было бежать, а куда, Бог знает. Усталость лошадей принудила нас своротить в сторону, мы въехали в лесок недалеко от дороги, где на пчельнике нашли одного только человека; у него в избе провели ночь.

На рассвете отправились мы, сами не зная, куда. Приехав в первое селение, увидели множество народа, толпившегося по улице. Окружив наши повозки, крестьяне остановили нас и спросили, куда едем и для чего; грубые их речи и, наконец, строгое требование, чтобы мы тотчас выехали из их селения, были для нас первым знаком народного волнения и грозившей нам опасности.

Выехав из села, поворотили мы в маленькую мордовскую деревеньку, находившуюся близ большого леса; остановившись у знакомого нам мордвина, узнали мы, что вся чернь волнуется, ожидая Пугачева, и что, не подвергая себя крайней опасности, нельзя нам останавливаться ни в каком селении. Осведомившись о дороге, ведущей в чащу леса, взяв у мордвина хлеба, сколько у него испечено было, и телеги вместо карет, пустились мы в лес, единственное наше тогда убежище.

Часу в десятом утра, приехав к мельнице, находившейся в самой дремучей части леса, остановились мы кормить лошадей. В это время батюшка познакомился с мельником и узнал от него, что в глубине леса есть полянка, близ которой протекает речка, верстах в осьми от мельницы, а от ближайших селений верстах в пятнадцати, что дорога туда так дурна, что нелегко доехать до поляны, и что немногие эту дорогу знают. Добрый мельник согласился проводить нас, обещая клятвенно не разглашать о том никому.

Едва к вечеру могли мы доехать до того места, где мельник, простившись с нами, подтвердил свое обещание и сдержал его.

На другой день рано поутру батюшка пошел осмотреть окрестности нашего убежища. Найдя в некотором расстоянии другую полянку, приказал перевести туда лошадей; на той же, где сами остались, сделали

шалаш. Всем розданы были ружья и пистолеты и положено было обороняться в случае нападения.

Так пробыли мы трое суток, не слыша ничего кроме птичьего крику. В продолжение этого времени почтенный родитель мой делал нам наставления, основанные на чистой добродетели; говорил нам, что спокойствие человека составляет все его блаженство, и что оно зависит от согласия поступков его с совестию, что, нарушив это согласие для каких бы то ни было выгод, потрясает он то драгоценное спокойствие, которого ничто заменить не может. Примерами знакомых нам людей доказывал он, как приобретающий одни временные выгоды не наслаждается ими, быв ежеминутно угрызаем совестию, еще не погасшею в нем.

Потом, прогуливаясь наедине со мною, говорил он, что если случится ему проститься со мной навеки, то помнил бы я слова его и наставлял бы братьев, которые были гораздо моложе меня, чтобы радел о своей душе и сердце и строго замечал свои склонности и поступки; советовал не быть корыстолюбивым, говоря, что ни один из предков наших не был таковым, и, наконец, заклинал меня быть достойным имени его, угрожая в противном случае Божеским наказанием.

Единый Бог может быть свидетелем движения сердечных чувств, и только всесильная помощь Его в состоянии сохранить человека от соблазнов, действующих на сердце. Что желаю и стараюсь я быть достойным моего родителя, это Бог видит, но достоин ли и буду ли впредь достоин, того не знаю.

На четвертый день нашего пребывания в лесу стал оказываться у нас недостаток в съестных припасах. Незнание обстоятельств того времени, надежда, что вслед за бунтовщиком идут войска, поражавшие его всегда и везде, а более всего болезнь матушки, причиною которой были душевные и телесные беспокойства, заставили батюшку послать одного из людей наших в ближнее селение для покупки припасов и для разведывания, что там происходит. Человек этот казался нам верным, и действительно, я думаю, вначале он не имел злого умысла.

Приехав в селение, приискивал он купить, что ему было приказано, и вместе с тем разведывал о Пугачеве. Крестьянам это показалось странным; по причине повсеместного тогда волнения никто ничего не покупал, а все брал даром и убивал слабейшего за неисполнение его требования. И потому, задержав его, стали расспрашивать, что он за человек и откуда; вероятно, собственная опасность заставила его сказать истину; тогда человек двести жителей того селения собрались против нас; а он, показывая им дорогу, довел до того места, где мы скрывались.

Приблизившись к нашему убежищу, разделились они на несколько партий, окружили нас и напали вдруг со всех сторон с большим криком. В эту несчастную минуту батюшка отдыхал в шалаше; люди оробели и побежали; сестры, схватив под руки матушку, побежали в лес; злодеи кинулись на батюшку. Он выстрелил из пистолета, и хотя никого не убил, но заставил отступить, и, схватив ружье, лежавшее возле него, и трость, в которой была вделана шпага, не видя никого из своих около себя, побежал в чащу леса, закричав нам: «Прощай, жена и дети». Это были последние слова, которые я от него слышал.

В большом страхе бросился было я вслед за батюшкой, но чаща леса разделила нас; не видя его, я бежал, сам не зная, куда. Запнувшись об обгорелое дерево, лежавшее поперек дороги, упал я, и в эту минуту, увидев возле себя просторное дупло, вполз в него; чрез несколько минут, очувствовавшись от страха, я слышал стреляние из ружей и крик около себя: «Ищите и бейте».

Пролежав долгое время и не слыша более никакого шума, решился я выйти из дупла, долго оглядывался во все стороны, прислушивался; наконец, не замечая никакого шуму, пошел к той поляне, где мы стояли. Тут нашел я несколько лоскутков изодранного белья и окровавленный платок, по которому должен был заключить, что кто-либо из ближних моих убит.

Теперь прошу читателя представить себе четырнадцатилетнего, избалованного и изнеженного мальчика в лесу, перед вечером, не знающего дороги, без всякого оружия для обороны. Тут-то в первый раз послужили мне наставления моего родителя. Я молился, поручая себя воле Господа, обещал хранить завещание отца моего, плакал не как испугавшийся ребенок, но как плачет взрослый от сокрушения сердца, целовал окровавленные лоскутки, прощался со всеми местами, где я сиживал с родителем, слушая его наставления, и где видел я его в последний раз; потом, взяв палку, пошел по дороге, где видны были следы повозок, стал смелее и твердо был уверен, что не погибну.

Пройдя некоторое расстояние, и как стало уже смеркаться, послышал я шорох в стороне и спросил. Голос мой узнали мои братья, из которых одному было десять, а другому семь лет. Они прибежали ко мне, и с ними наша няня; мы чрезвычайно друг другу обрадовались и, не зная, куда идти, остались ночевать под деревом.

Поутру, лишь только стало светать, пошли мы по дороге, не зная, куда она ведет. Уже солнце высоко поднялось, когда приблизились мы к речке, берегом которой шла дорога; прелестные места кругом, небольшие

полянки, приятный утренний воздух и повсеместная тишина заставили было нас забыть ужасное наше положение, но вдруг услышали мы страшный крик: «Ловите, бейте». Я схватил за руку одного брата, бросился к речке и скрылся в густой траве у берегов, а няня с меньшим братом моим побежала по дороге. Злодеи, приняв ее за дворянку, погнались за нею, и один из них ударил ее топором; в испуге она подставила руку, которая, однако, ее не защитила; острие, разрубив часть ладони, вонзилось в плечо; страшный крик сильно тронул мое сердце. В то же время слышу я вопль брата, которого схватили и спрашивали, куда мы побежали. Не зная, что я делаю, я откликнулся и, выскочив из травы, явился к ним; они спросили мое имя, сказали, что знают батюшку, но что с ним сделалось, не слышали; потом сняли с нас все платье и обувь и, не делая более никаких грубостей, отпустили в одних рубашках, показав дорогу на мельницу, которая была недалеко.

Обессилевшую от раны, а более от испуга, няню нашу поднял я и повел под руку к мельнице. Когда мы подошли к плотине, напали на нас две большие собаки, от которых, конечно, мы бы не в силах были защититься, если бы мельник не прибежал к нам на помощь. Этот добрый человек, узнав, что мы дворяне, откровенно сказал, что нянюшка может остаться у него, а нас он принять не смеет, боясь быть за то убитым со всем своим семейством. Но когда мы сказали ему, что сутки ничего не ели, то он пригласил нас на мельницу и обещал дать молока и хлеба.

У мельничного анбара нам дали по большому куску хлеба и по ложке и поставили крынку молока; лишь только принялись мы за приятную для голодного работу, как вдруг жена мельника закричала: «Ай! казаки, казаки!» Оглянувшись, мы действительно увидели толпу приближавшегося народа; я испугался чрезвычайно и не помню, как спрятался с братьями под мельницу.

Толпа эта, увидя няню нашу, окровавленную, лежавшую на земле у мельничного анбара, спросила мельника, что это значит; он сказал всю правду и указал место, где мы спрятались. Двое из толпы спустились по лестнице и вынесли на руках братьев моих; третий, взяв меня за волосы, потащил за собою на лестницу, а четвертый в это время бил меня сзади палкою.

Я увидел всю толпу у мельничного анбара; нас поставили в средину ее и стали произносить приговор. Всяк говорил свое и предлагал меня убить, а братьев, как малолетних, отдать бездетным мужикам в приемыши. Некоторые предлагали бросить меня с камнем на шее в воду; другие — повесить, застрелить или изрубить; те же, которые были пьянее

и старше, вздумали учить надо мною молодых казаков, не привыкших еще к убийству. Слыша эти рассуждения и ругательства, я ничего не говорил и уже готовился к смерти, но тут один из толпы сказал, что, будучи в городе, получил он от самозванца приказание привести к нему дворянина, мальчика лет пятнадцати, умеющего хорошо читать и писать, за которого обещал дать 50 рублей награждения. Это предложение было всеми тотчас принято, меня начали экзаменовать, заставляли писать углем на доске, задавали легкие задачи из арифметики и, наконец, признали достойным занять важное место секретаря у Пугачева. Снисходя на мою просьбу, они согласились не разлучать меня с братьями.

Мы пробыли у мельницы все время, необходимое на корм лошадей и на отдых пешим. Между тем, стали со мной обходиться почтительно, называли меня секретарем, рассказывали о разных происшествиях, относящихся до самозванца, о силе его и о намерении истребить всех дворян, и, наконец, о приказании крестьянам защищаться всеми силами от воинских команд, ожидаемых вскоре.

Во время этих рассуждений и рассказов один пьяный казак, взяв меня за косу, сказал: «Батюшка не любит долгих волос, это бабам носить прилично». И тут же, прислонив меня к близстоявшему дереву, закричал другому: «Руби, брат!» Этот, будучи также пьян, отрубил мне топором косу вплоть к затылку. Я чрезвычайно испугался, но имел столько присутствия духа, что шутил насчет своих волос и благодарил этих пьяниц.

Вести о близости воинских команд обрадовали меня; я стал придумывать, как бы мне укрыться от злодеев на несколько дней. Но между тем, надобно было отправляться с ними в путь пешком, без одежды и обуви.

Во время нашего путешествия подружился я с одним крестьянином, приставшим к толпе из ближнего селения. День уже склонялся к вечеру, мы стали выходить из леса; большие поляны, засеянные хлебом, показывали близость деревни. В это время слышу я рассуждения злодеев, ехавших верхом, которые говорили, что сомневаются застать самозванца в городе Алатыре и что надобно будет вести меня далее, не зная, где найдут они Пугачева, и заплатит ли он обещанную сумму; другие говорили, что когда доведут меня до селения и я объявлю себя секретарем, они принуждены будут не оставлять меня и жертвовать своим трудом и временем, быть может, понапрасну, и потому согласились убить меня, не выходя из леса, а братьев, как малолетних, раздать в приемыши бездетным мужикам.

Слыша эти рассуждения, я страдал; сердце неизъяснимо ныло, но делать было нечего: надобно было молчать и притворяться еще, что не

слышу. В это время крестьянин, подружившийся со мною и не вмешивавшийся в рассуждения, отведя меня немного в сторону, сказал: «Или ты не слышишь, что ребята-то говорят?» Я отвечал: «Слышу, и если можешь, Бога ради, спаси меня и братьев». Он, взяв с меня слово, что я пойду к нему в работники, обещал усыновить меня; рассказал, как найти деревню и дом его, и потом, сказав злодеям, что идет с нами в сторону, велел бежать в кусты и там скрыться.

Как стало уже смеркаться, вышел я из леса и увидел деревню, где был дом моего избавителя, и возле нее ту маленькую мордовскую деревеньку, где останавливались мы, ехавши в лес. Я пошел в последнюю, в дом к мордвину; его тогда не было дома, но жена его пригласила нас, как знакомых, благосклонно.

Чрез несколько минут собралось к ней множество жителей того селения; старшины, казалось, что-то грозно говорили хозяйке по-мордовски, и один из них, подойдя ко мне, сказал повелительно, чтобы тотчас вышел я с братьями из деревни, потому что им не велено принимать дворян.

Я повиновался и, выйдя за околицу, сел на землю; недоумение сжимало мое сердце; я боялся идти в ту деревню, где жил крестьянин, пригласивший меня к себе; между тем, ночь уже наступила; заунывные голоса людей, сгонявших скот, рев и топот коров вместе с темнотою ночи произвели такое чувство в напуганном моем воображении, что мне казалось лучше быть убитым, чем терпеть это страшное мучение духа.

Встав поспешно, пошел я обратно в деревню, где не встретил никого на улице; войдя в дом к мордвину, я не нашел в избе жены его. Оставленный тут маленький ребенок, сидя в зыбке, плакал; я сыскал в столе хлеб и нож, отрезал всем по куску и посадил братьев на полати, куда и сам забрался.

По окончании домашних работ, хозяйка возвратилась в избу, засветила огонь, поужинала и, поиграв с своим ребенком, собиралась уже идти спать. В эту минуту, поспешно сойдя с полатей, бросился я пред нею на колена, прося позволения ночевать в ее доме; поутру же, если ей угодно, сама бы нас убила или отдала бы на убийство... Долго не отвечала она ни слова, умильно смотрела на меня, покачивала головою; наконец, слезы, покатившиеся по лицу, убедили меня, что жалость взяла верх над страхом. Она, подняв меня, говорила: «Если сведают, что я скрыла у себя дворян, то меня, мужа моего и ребенка нашего убьют и дом сожгут, но быть так...» После этого, сняв с полатей братьев моих, которые там уже было заснули, одела всех нас в мордовские платья,

провела на задний двор в сенницу; положив на землю подушку, велела нам лечь и, одев шубою, накрыла нас пошевнями[20]. От усталости я так сладко заснул, что ничего во сне мне не грезилось.

Лишь только стало светать, хозяин, сняв пошевни, покрывавшие нас, разбудил меня и убедительно просил не губить его и, пока люди еще спят, выйти из селения. В кратких словах изъяснил он мне все опасности нашего положения, говорил, что матушку и сестер провезли к Пугачеву, и что, конечно, уже нет их теперь на свете. Этот честный человек сам плакал, видя мои слезы. Когда я ему изъяснил, что желаю пробраться в свою деревню, он советовал, избегая встреч по дороге, спуститься к реке и берегом ее добраться до места; провел нас за околицу и простился со слезами со мною, говоря, что вовеки нам не видаться.

Расставшись с человеком, бравшим участие в моем несчастии, и оставшись один с двумя младенцами-братьями, не имел я не только никакой помощи, но даже и надежды; единый Бог оставался нам подпорою... Подойдя к крутому берегу реки, при виде восходящего солнца стал я на колена, молился Богу и братьям велел тоже делать; по окончании молитвы спустились мы под яр[21].

Мелкие камешки на песчаном берегу реки несносно кололи ноги, которые расцарапали мы до крови; меньшой мой брат не мог вовсе идти; я посадил его к себе на плеча, а другому велел держаться за мою рубашку; так продолжали мы путь.

Следуя наставлению мордвина, шел я верст восемь берегом реки до моста, перейдя который, вышли мы по маленькой лесной дороге на большую, никого не встретив. Наконец, когда показались места знакомые и осталось менее десяти верст до деревни, увидел я человека, лежавшего под кустом, и привязанную подле него лошадь. Подняв голову, он спросил нас, что мы за люди. Я отвечал: «Дворяне».— «Стой! куда?» — закричал он. Я бросился от него, но тяжесть на плечах, разбитые, исцарапанные и распухшие босые ноги, изнеможение вследствие голода,— все это лишило меня возможности спасаться бегством, и я был схвачен крестьянином, который, взяв меня за ворот рубашки, привел к своей телеге и приказал лечь в нее, мучительным образом связал веревкою руки мои назад, локоть с локтем, и, загнув ноги, привязал к рукам.

В то время, как вязал он меня и я, чувствуя несносную боль, умолял его о помиловании, подъехал знакомый ему крестьянин, к которому посадил он в телегу моих братьев. Запрягая свою лошадь, он между тем говорил с товарищем своим, что когда привезут они нас в город и представят к самозванцу, то получат за каждого по десяти рублей.

По дороге к городу, недалеко от того места, где я был взят и связан, находилось большое село, близ которого было убито большое количество дворян, и крестьяне этого села более других участвовали в этих злодействах. Большой Алатырский лес окружен многими селениями; крестьяне, узнав, что дворяне, жившие в окрестности, скрываясь от самозванца, прячутся в лесу со своим имением, ходили шайками по лесу, ловили дворян, разделяли ограбленное имущество между собою, а дворян отвозили к Пугачеву. Возчики наши, остановясь в селе близ церкви, пошли к толпе народа, собравшейся на площади. Когда таким образом мы остались одни, старушка, жившая в богадельне, подойдя к моей телеге, положила мне облупленное яйцо и кусок хлеба, сказав: «Прими, Христа ради»; спросила, как зовут меня, и объявила мне, что знает нас, что матушку и сестер провезли накануне и убили недалеко от села, и маленькую трехнедельную сестру положили матушке на грудь. Потом, увидя, что хозяева наших телег возвращаются, простилась со мною, сказав, что и меня на том же месте убьют.

Отъехав две версты от села, увидел я сквозь щели телеги брошенные близ дороги тела убитых дворян. Полагая, что между ними находятся и тела близких моему сердцу, спросил я у крестьянина, куда везет он меня. «В город,— отвечал он,— потому что там только велено убивать дворян». Я стал просить, чтобы, развязав меня, он позволил найти тела матушки и сестер и проститься с ними; но он сказал мне презрительно: «Ты сегодня же с ними на том свете увидишься».

Отчаяние привело меня в ожесточение; я стал бранить его, укоряя, что он мучит человека, не сделавшего ему никакого зла, и продает его на убийство за десять рублей и что в последние часы жизни лишает его горестной отрады увидеть и проститься с телами родных; наконец, страшая гневом Божиим, я достиг того, что он сжалился надо мною: развязал мне ноги, помог поворотиться и позволил сидеть в телеге.

Это снисхождение послужило мне только к большему мучению; я мог не только видеть, но и узнавать тела знакомых и родственников; сердце до того сжалось, что я уже не хотел оставаться в живых. Связанные руки мои распухли; запонка, оставшаяся у одного рукава, давила мне одну из них; я попросил крестьянина отстегнуть ее, говоря: «Она серебряная, тебе годится». Исполнив мою просьбу и любуясь на запонку, он сказал: «Ба, да ты, брат, добрый, не сердишься на меня». Я отвечал, что если все переменится и будет по-прежнему, и я останусь жив, то даю ему слово, что не только не будет он наказан за поступок со мною, но что я постараюсь наградить его. На это грозно он возразил:

«Врешь, этому не бывать; прошла уже ваша пора». Однако вскоре после того развязал мне руки.

По приезде в город представил он нас в канцелярию воеводы, где записали наши имена, заплатили ему за каждого из нас по десяти рублей, высадили из телег и приказали отвести в тюрьму, находившуюся близ канцелярии.

Насилу с помощью какого-то человека взобрался я на лестницу, и можно представить себе мое удивление и радость, когда увидел я матушку и сестер, посаженных тут в числе множества дворян. Я бросился с восхищением к матушке, но она, холодно дав мне руку, спросила: «Где отец?» Я отвечал, что не знаю. После этого во все продолжение дня и следующей ночи она ни с кем ни слова не говорила. Сестра мне рассказала, что человек, которого батюшка посылал из леса, был в толпе злодеев, напавших на нас, что он был пьян и ударил матушку и ее дубиною по голове; окровавленные их платья подтверждали истину этих слов; разбойники, выбрав все вещи из повозок, разделили их между собою и сбирались убить матушку и сестер; но люди наши умоляли о помиловании, свидетельствуя в том, что господа были добрые; выйдя из леса, они провожали до тех пор, пока могли не отставать от повозок, ехавших тихо, и во все это время оказывали матушке и сестрам усердие и почтение; даже человек, ударивший их дубиною по голове, молчал и показывал вид раскаяния. Все это было причиною того, что крестьяне учтиво с ними поступали все время и, привезя в город, объявили о том воеводе, определенному от самозванца. Со слезами рассказывала мне сестра, что матушка в течение двух суток ни с кем не говорит и что в поступках ее заметно помешательство.

На другой день поутру вошла к нам в тюрьму для подаяния милостыни горничная двоюродной сестры нашей, убитой во время смятения. Матушка спросила ее, не знает ли чего о батюшке. «Его вчера повесили в деревне вашей»,— отвечала та хладнокровно. Услышав это, матушка упала в обморок и долго пролежала без чувств; мы думали, что она скончалась, и, окружив ее, рыдали; помочь же ей и не умели и не имели средств: у нас и воды тогда не было.

Очувствовавшись от обморока, матушка, стоя на коленях, долго молилась Богу, потом просила горничную рассказать подробности нашего несчастия. Женщина эта рассказала нам, что батюшка рано поутру прибежал к околице своей деревни, где встретил дворовых людей наших и некоторых крестьян. Сказав им, что он трое суток ничего не ел, разбросал свое платье по лесу, будучи не в силах нести его на себе, просил

дать ему молока и хлеба, что тотчас было исполнено; потом, узнав, что матушку и сестру отвезли в город, просил, чтобы и его туда же отправили; люди, исполняя его волю, запрягли парою телегу, в которой он выехал из деревни, но какая-то женщина, мывшая на реке платье, увидя толпу злодеев, ехавших на другой стороне реки, закричала им: «Барин здесь». Эти люди тотчас же переправились вплавь чрез реку и, не застав батюшку в деревне, поскакали вслед за ним. Нагнав его в нескольких верстах от селения, заставили повернуть назад и, собравши всех дворовых и крестьян наших, объявили им, что, кто хочет, может бить его. Когда же все сказали, что довольны батюшкою, и просили ему помилования, то злодеи приказали везти его в город. Но тогда тот самый человек, который ударил матушку и сестру дубиною по голове, стал бить батюшку плетью; после чего казаки повесили его и, стреляя в него, ранили в плечо и бок. Наконец, полагая, что он уже умер, сняв с виселицы, потащили за ноги к реке и там в тине оставили... Но, видно, он еще был жив тогда, потому что преданные ему люди, чрез несколько дней после того выехавшие из города, нашли тело его и свидетельствовали, что пальцы правой руки его были сложены для крестного знамения.

Такова была кончина человека, которого, по всей справедливости, можно было назвать честнейшим[22]. Все, знавшие его, единогласно в том удостоверяют, и все дела его подтверждают тоже; твердый в правилах, он был справедлив и щедр. Он погребен близ церкви. Часто после плакали мы на его могиле, и почтение к его памяти вечно останется в моем сердце.

Часу в десятом утра услышали мы шум народа, толпившегося около канцелярии. Караульные наши смотрели за нами слабо, я сошел вниз и слышу, все кричат: «Воевода * идет, сечет и рубит». Вскоре после того показались бежавшие окровавленные люди. За ними следовал воевода Белокопытов с обнаженною шпагою в руке, и кругом его пять солдат штатной команды с ружьями на плечах; двери пред ним отворились; он вошел в канцелярию; все робко на него смотрели и готовы были ему повиноваться.

---

* Незадолго пред бунтом прислан был в Алатырь к исправлению воеводской должности подполковник Белокопытов; он узнал о приближении самозванца и, заметив сильное волнение в народе, не имея никакой возможности сопротивляться, решился спасаться бегством. Он ушел ночью с шестью солдатами из города в лес и унес с собою все деньги, кроме медных.[23] Возвратясь в город, оставил в лесу при деньгах одного солдата, и таким образом спас и себя и казну. — ***Примеч. Мертваго.***

Войдя в судейскую комнату, Белокопытов застал на воеводском стуле Сердешева, назначенного в воеводы самозванцем. Тут начался спор старого воеводы с новым *; Сердешев говорил, что не отдаст он Белокопытову своего места, потому что спас от смерти многих дворян; Белокопытов, не отвечая ему, закричал своим солдатам: «Возьмите его!» Солдаты, схватив Сердешева кто как попало, стащили его со стула и отвели под стражу. Тогда Белокопытов, открыв окно на площадь, где много собралось народа, закричал повелительным голосом, чтобы все прежние начальники в городе и в предместии тотчас явились к нему, что и было исполнено немедленно. Вышед на крыльцо, именем Государыни объявил он всем, что преступления их прощает, но только чтобы жители поставили триста человек конных и вооруженных людей, которым обещал давать по одной копейке в день жалованья и назвал их *копейщиками*. Требование его так скоро было исполнено, что он тут же успел осмотреть представленных ему людей, записать их имена, разделить на команды и определить к ним начальниками солдат, возвратившихся с ним из леса. Узнав, что партия бунтовщиков пьянствует в дворянском селении в восемнадцати верстах от города, он отрядил туда команду, которая взяла их и привезла в город; некоторые из них замучены были до смерти, а другие посажены в острог; по показанию последних о другой партии, находившейся в другом селении, Белокопытов отправил и за ними команду; все это исполнил он в первый день своего воеводства.

Я был очевидцем всех этих происшествий. Воспользовавшись свободою и оставшись без надзора по случаю перемены властей, я, не теряя из виду воеводу, шатался с прочими ребятишками то по площади, то в канцелярии; когда уже стало смеркаться, возвратясь в тюрьму, я нашел матушку, сестер и братьев в большом страхе от моего долгого отсутствия. Со мною пришел подьячий, которого мать была попадьею в нашем селе; он предложил нам квартиру [24] в его доме; хромой и престарелый регистратор, отец подьячего, сделал тоже предложение, но с тем, чтоб я просил дозволения на то у воеводы, и не думая, что может быть в том отказано, ушел домой приготовить нам ужин.

---

* Инвалидной команды прапорщик Сердешев [25], не успев бежать, явился к самозванцу и присягнул ему. Он определен был воеводою в Алатырь, и ему дан был указ, состоявший только в том, чтобы вешать всех дворян. Сердешев объявил в народе, что не позволяет убивать дворян в уезде [26], и приказал возить их для того в город. Чтобы успешнее привести эту меру в исполнение, он платил за каждого мужчину десять, а за женщину пять рублей, и таким образом спас многих от смерти.— ***Примеч. Мертваго.***

Войдя в судейскую комнату, увидел я воеводу с пером в руках и что-то читавшего; я подошел к столу, имея на себе всей одежды одну только рубашку. Дождавшись, пока он взглянул на меня, я низко поклонился, объявив ему, что я дворянин его провинции, и просил позволить мне с семьей своей жить в доме подьячего. Воевода, не отвечая на слова мои, сказал: «Пошел вон, теперь не до тебя». Я вышел из судейской и объявил этот ответ молодому подьячему, который научил меня сказать часовому из новонабранного войска, что воевода приказал нас выпустить. Я исполнил совет этот успешно, и мы, взяв матушку под руки, увели из тюрьмы; наступившая темнота благоприятствовала нашему бегству, и когда мы пришли в дом подьячего, вся семья его встретила нас в чистой комнате.

На другой день пред рассветом сильное волнение в городе разбудило нас; крик, шум, скачка по улицам навели на всех большой страх. Причина этого шума скоро объяснилась: сотня казачьего полка, прискакав в город, окружила канцелярию с ужасным криком и спрашивала: «Кому вы служите?» Вновь набранное войско, думая, что это партия бунтовщиков, отвечало, что служит самозванцу; командир сотни, поставя часовых, поскакал в дом к воеводе Белокопытову, который в испуге спрятался в огороде, где казаки нашли его между двух гряд гороха. Когда они привели его к ротмистру, воевода, думая, что он стоит пред Пугачевым, объявил себя слугою самозванца; ротмистр, дав ему несколько пощечин, вывел несчастного на площадь и при множестве собравшегося народа высек плетьми. Таким же образом поступил он с воеводою Сердешевым и приказал связать им руки назад и посадить в две телеги, запряженные парою.

В то время, как ротмистр управлялся с воеводами, казаки его команды бросились в обывательские домы грабить. Хозяйка наша, обливаясь горькими слезами, просила помилования у грабителей; но казаки брали все вещи, которые находили и могли взять, не отвечая ей ни слова. Жалость взяла меня; не говоря никому ни слова, я, надев старый набойчатый халат и туфли моего хозяина, отправился на площадь. Ротмистр в то время бранился с связанными и посаженными в телеги, высеченными воеводами; я подошел к нему, объявил, что я дворянин, потерпевший несчастие от бунта, лишился отца и, не имея пристанища, призрен со всею оставшеюся семьею моею подьячим, которого ограбили казаки его команды. Ротмистр хотя был пьян, но сжалился надо мною — приказал сыскать казаков и отдать мне все взятое; вмиг возвратили мне множество платья и вещей. И когда я объявил ротмистру, что я не в состоянии

поднять все принесенное, он приказал казакам тотчас отнести все обратно, что и было исполнено.

Я понравился пьяному ротмистру; он поцеловал меня, объявил мне, что высек воевод, и спрашивал, не досадили ли они мне, обещая прибавить им по нескольку ударов. Потом он приказал привести на площадь бунтовщиков, привезенных воеводою Белокопытовым накануне и посаженных в острог. Казаки, подняв их на пики, расстреляли. Совершив этот последний подвиг, собрал он свою команду и с обоими воеводами отправился из города, оставив нас без всякого начальства.

Возвратясь домой, я был принят подьячим и женою его с почестями; они называли меня благодетелем, спасшим их имение, и в награду за геройские подвиги подарили мне взятые у них халат и туфли. Но это торжество было непродолжительно, и я вскоре был причиною многих их горестей.

В тот же день вечером вступил в город гарнизонный батальон из Симбирска, и вскоре после того возвратился и воевода Белокопытов, у которого ротмистр просил прощения, протрезвившись и чувствуя, что поступил с ним неблагоразумно. Воевода, получив свободу, обещал ротмистру не разглашать, что был высечен плетьми.

По возвращении своем, Белокопытов отправил несколько солдат на мельницу богатого купца привезти в город его имущество, и разнеслась по городу весть, что взял он за то с купца пятьдесят рублей. Я полагал, что если можно посылать команды, то воевода не откажет послать к нам в деревню объявить людям, чтобы явились в город и привезли все необходимое к нашему содержанию.

На другой день поутру, не сказавшись никому, пошел я к воеводе; я нашел его в канцелярии и изъяснил ему свою просьбу. Не отвечая на слова мои, он сказал грозно: «Как смел ты обмануть часового и увести свою мать, братьев и сестер из-под караула?» Я с кротостию отвечал, что если бы увидел он положение матушки, то он сам бы сжалился над нами и приказал бы выпустить ее из тюрьмы. «Так нет тебе команды для посылки в деревню»,— сказал он сурово. «Это от того,— отвечал я,— что нет у меня пятидесяти рублей».— «Ах ты сарафанник, щенок!» — закричал воевода. «Родился я с тем,— возразил я,— чтобы носить кафтан лучше твоего, потому что я дворянин, а ты солдатский сын». Тут вскочил он со стула, затопал и закричал: «Розги! Я высеку тебя!» А я, подобрав длинные полы подьяческого, набойчатого халата, убежал домой, не сказав никому о своем приключении.

Воевода, озлобившись на четырнадцатилетнего мальчика, призвал старика подьячего и приказал ему, чтобы тотчас всех нас выгнать из дома.

Но наш добрый хозяин объявил Белокопытову, что мой отец был его благодетель, и потому он никак не может исполнить его приказание. Воевода спорил, подтверждал свои повеления палочными ударами по спине доброго подьячего; но тот вытерпел наказание и не согласился выгнать нас; его принесли домой на руках, призвали цирюльника и пустили ему кровь.

На другой день воевода, узнав, что хозяин наш, сказавшись больным, остался дома, приказал привести его в канцелярию и, заковав в железы, посадил под караул будто бы за то, что он, быв приходорасходчиком, задержал казенные деньги, показывая ложно, что они похищены бунтовщиками; прислал описать все его имущество и сделал в доме строжайший обыск, по которому однако же не найдено было ничего, что бы могло служить основанием подозрению, вымышленному с такою злобою.

Эти происшествия терзали мое сердце; раскаяние и жалость меня мучили: упреки нашей хозяйки, гнев матушки и горькие слезы ее напоминали мне поминутно мою вину и случившееся от того несчастие людей, которые оказали нам услугу и без помощи которых не знали бы мы, куда приклонить голову. Когда матушка пошла к вечерне с женою подьячего, я взял с собою братьев, которые были в одних рубашках, и пошел к воеводе. Встретив его на площади, когда он шел из дома своего в канцелярию, я бросился пред ним на колени и просил прощения; он так был груб и зол, что, не отвечая ни слова, едва не ударил меня в лицо ногою. Я хотел было войти за ним в канцелярию; но солдаты, поставленные у дверей, не впустили нас.

Возвратившись домой, я рассказал о своей неудаче и был наказан за то. Хозяйка наша возненавидела меня и бранила беспрестанно. Муж ее высечен был в тот же вечер, и ему сказано было, чтобы согнал нас со двора, но он не согласился на то и после наказания.

На другой день вечером возвратился дворовый наш человек, которого батюшка посылал в оренбургскую деревню узнать, что там делается, и собрать оброк. На обратном пути, узнав о возмущении, он отпустил бывшего с ним крестьянина, и один, пешком, в разорванной одежде, пошел нас отыскивать. Верность этого человека и радость его при свидании с нами сладостна была осиротевшим сердцам нашим, а деньги, которые он с собою принес, дали нам возможность не бояться нищеты. Узнав подробно о всех обстоятельствах, он нашел, что не нужно просить команды у воеводы, и вызвался сам идти в деревню и привезти людей и все нужное к нашему содержанию. Матушка удерживала его, боясь, чтобы и его там не убили; но он не послушался и в ту же ночь отправился пешком в путь.

На другой день вечером пришли к нам человек двадцать наших людей, и в числе их тот, который указал место, где мы скрылись, ударил матушку и сестру и один из всех участвовал в убийстве батюшки. Увидев его, матушка испугалась и вскричала: «Бога ради, не пускайте его ко мне!» Я велел ему идти за собою и, взяв двоих людей, пошел в канцелярию. В то время воеводы там не было. Вызвав караульного сержанта, я объявил ему о преступлении этого человека, за которое он должен быть предан суду, и, оставив его в канцелярии, возвратился домой.

Все это послужило воеводе, как видно, доказательством, что мы не имеем более надобности просить его милости, и на другой день, когда я был послан к нему матушкою объявить о поступках человека, отданного под стражу, воевода, хотя и со злобою, но учтиво сказал мне: «Не погрешите пред Богом, если вы правого делаете виноватым».— «От вас зависит оправдать его»,— отвечал я. В тот же день игуменья, двоюродная сестра батюшки, скрывавшаяся до того времени в лесу, возвратившись в монастырь [27], дала свою рясу нашему портному и приказала сшить мне кафтан и прочие принадлежности одежды. Сапожник наш достал где-то кожи и сшил мне сапоги. Все это сделано было скоро, и я перестал быть сарафанником, как называл меня Белокопытов, видя в подьяческом набойчатом халате.

Я стал смелее в новом наряде. Хозяин наш, выпущенный из тюрьмы, оправился; жена его со всею своею семьей, пользуясь нашими припасами, стала веселее. Монахи, монахини, городские богомольные старушки, узнав, что у матушки водятся деньги, стали ласкаться к ней больше прежнего. Она приказала служить по всем церквам панихиды по батюшке, проводила все время в молитве и слезах и совсем забыла нас, ведя жизнь по обрядам монастырским. Я мог делать, что хотел.

Час от часу делаясь смелее, я скоро дошел до дерзости и не пропускал случая, при встрече с воеводою, оказывать ему грубости если не словом, то хоть миною. Однажды услышал я, что множество лошадей, отбитых у бунтовщиков, за отсутствием хозяев отдаются на расписку городским жителям, и что воевода извлекает из того свои выгоды. Я явился в канцелярию, объявил желание взять к себе пять лучших лошадей, хотя мне в них не было никакой надобности, и в разговоре не забыл наговорить дерзостей Белокопытову. Он выслушал меня хладнокровно и приказал дать мне лошадей, которых я просил.

Вскоре буйственные эти склонности довели, было, меня до беды, которая могла бы сделать меня навеки несчастным.

Матушка, сделавшись до чрезвычайности богомольною, занималась нами, как выше я сказал, мало. Я делал, что хотел, окружил себя мальчиками разного состояния, и вскоре умел взять над ними большую власть.

Все умы заняты были тогдашними суровыми происшествиями. Беспрерывные слухи о сражениях и убийствах и почти ежедневное зрелище смертной казни завели и у нас тому подобные игры. Мы разделились на две партии, из которых одной я был предводителем, и играли в войну. Однажды собралось мало мальчиков моей партии, и я, видя невозможность защищаться на открытом месте и напасть, как прежде бывало, на неприятеля, засел в пустых срубах сгоревших изб. Предводитель неприятельской партии, сын ямщика, не зная, где мы скрывались, послал из партии своей лазутчиком мальчика-дворянина ровесника мне, и также как я чудесным образом спасшегося от смерти, поручив ему разведать, откуда удобнее на нас напасть. Этот мальчик, маленький ростом, разделся и, прикрыв спину рогожею, пополз на животе исполнить данное ему поручение. Неприятель наш не знал, что для надзора за его движениями я поставил в скрытых местах несколько часовых, которые поймали и привели ко мне лазутчика. Я собрал начальников моей партии, нарядил суд, который решил виновного повесить, и как ни любил я этого мальчика, но привел в исполнение приговор суда. К счастью нашему, петля, сделанная из той рогожи, которая покрывала лазутчика, слабо скрученная, была мягка и не сильно захватила горло; однако он переставал уже дышать, когда гарнизонный солдат, шедший по пустырю, увидев наши проделки,[28] прибежал и вовремя снял повешенного, который долго лежал без чувств. Мы стали дышать ему в рот и качать — и кое-как оживили. Не могу передать, как сильно я почувствовал важность моего преступления. Я сознался во всем пред солдатом, просил его отвести меня, как убийцу, к воеводе, говоря, что я достоин строгого наказания, что согрешил я пред Богом и пред людьми и не должен более жить на свете. Когда мальчик ожил и солдат, только пожурив, меня отпустил, я сильно обрадовался, тотчас помирился с лазутчиком и, отыскав его платье, помог ему одеться, а как все мальчики разбежались, видя беду, то и мы воротились домой; с этих пор я дал себе слово не заводить вперед подобной забавы и играл только в козлы и чушки.

Воевода не переставал нас преследовать, и хотя выпустил подьячего из тюрьмы и не наказывал его, но всячески старался, чтобы он согнал нас со двора, на что хозяин наш однако же не согласился. Упорство подьячего, грубости, которые продолжал я беспрестанно оказывать воеводе, и разглашение о поступках его сердили Белокопытова и, вероятно, убеждали

его в необходимости удалить из города дерзкого мальчишку, знавшего многие его проказы.

В конце осени воевода получил приказание приготовить квартиры для пехотного полка. Он назначил двух офицеров в дом нашего хозяина, оставив без постоя многие дома, гораздо более нашего, который состоял всего из горницы с перегородкой, где мы жили, горницы, где жил хозяин со своею семьей, и небольшой избы для людей на дворе; поэтому нам невозможно было долее оставаться в доме. Сколько ни искали мы нанять квартиру, никакая цена не могла соблазнить обывателей; никто, опасаясь гнева воеводы, не впускал нас к себе. Мне приходилось плохо; опять начали бранить и бить меня. Матушка посылала меня почти каждый день к воеводе просить о квартире; сама к нему ездила, но он был неумолим, говоря: «Вы можете жить в своей деревне». Нам нельзя было туда ехать, потому что матушка чувствовала к ней отвращение, да и жить там было опасно.

Все это заставило нас собраться ехать в Пензу, за двести слишком верст от Алатыря. Трудное было наше положение; мы знали, какие опасности предстояли нам в дороге; но делать было нечего, и мы выехали накануне прибытия полка в город на крестьянских лошадях, в простых крестьянских телегах, покрытых кибитками. Грязь, проливной дождь, продолжавшийся целый день, дурные лошади и дурные повозки были причиною, что, промокнув до костей, едва к вечеру дотащились мы до села в двадцати верстах от города, где расположился тогда полк на ночлег. Мы простояли несколько часов на улице под дождем и насилу нашли квартиру; матушка проплакала целую ночь; с ней сделался жар, и она занемогла.

На рассвете полк стал собираться в свой путь, а мы в свой. Тут осмелился я приступить к матушке с просьбою возвратиться в город в надежде, что полковой командир за нас вступится; если же он этого не сделает, то предлагал я матушке с сестрами и женскою прислугой поместиться в монастыре у игуменьи, а мне с братьями жить где день, где ночь. После долгих рассуждений и по совету одного человека, показавшего к нам большое усердие, матушка согласилась на это предложение. Вслед за полком приехали и мы в город и застали на дворе нашего хозяина офицерские повозки; люди их расположились уже в той горнице, где мы жили. Добрый наш подьячий не отказался принять нас и предложил нам жить в одной с ним горнице. Я надел черный кафтан и пошел к командующему полком бригадиру Пилю * [29], у которого тогда было много

---

* Не дед ли это М. А. Дмитриева [30], мать которого была урожденная Пиль? — ***Примеч. Бартенева.***

офицеров и воевода Белокопытов. Я подошел к бригадиру и объяснил ему, что я дворянин, лишившийся отца, претерпевший все возможные несчастия, и не имею с целою семьей пристанища по злобе воеводы; рассказал ему причину этой злобы и не скрыл того, что назвал его солдатским сыном. Бригадир казался чрезвычайно тронутым и с слезами на глазах, обратясь к побледневшему воеводе, сказал: «Боишься ли ты Бога!» — позвал квартирмейстера и приказал тотчас очистить нашу квартиру от постоя. Когда я прощался и благодарил его, он изъявил желание, чтобы я приходил к нему почаще, позволил мне обращаться к нему со всякими просьбами и обещал помогать во всем.

Я возвратился в дом к хозяину нашему вместе с квартирмейстером. Учтивость этого офицера, скорое исполнение приказания бригадира и уверенность, что он уймет воеводу, оживили нас всех. Вскоре мы убедились в основательности этой надежды. Хозяин наш, большой охотник до водки, напившись не вовремя допьяна, ожидал неминуемого наказания, но воевода не только по обыкновению не побил его, а даже и не побранил. Это до того ободрило его, что мы часто, бывало, скучали его пьянством, за которое он уже не опасался наказания.

Матушка пришла в себя, повидавшись с приехавшею к нам игуменьею и собравшимися богомольными старушками, и на другой день поутру приказала мне идти к бригадиру благодарить от ее имени за оказанные нам милости. Пиль принял меня очень ласково, расспрашивал о всех подробностях нашего несчастия и о домашних обстоятельствах, оставил у себя обедать, посадил подле себя, занимался более мною, чем воеводою Белокопытовым (который, как казалось, очень его боялся), и познакомил с офицерами своего полка, которые были помоложе. Приглашение быть чаще у него в доме было очень для меня приятно.

Вскоре потом приехал в город граф Петр Иванович Панин[31] с неограниченным полномочием для управления краем. Узнав о наших приключениях, граф на второй день своего приезда прислал мне сказать, чтоб я явился к нему на другой день в шесть часов утра. Целый вечер у нас продолжались толки, что это за вызов и для чего. Богомольные старушки учили меня, каждая по-своему, что делать, и что говорить, но я ни одну из них довольно не почитал, чтобы следовать их советам.

Исполняя приказание графа, к шести часам я явился и объявил о себе в передней какому-то чиновнику, который провел меня до дверей кабинета, устроенного в гостиной воеводского дома. На большом столе, заваленном множеством бумаг, догорали две свечи, тусклый свет которых едва доходил до дверей, в которые я вошел. Граф сидел за столом

и занимался делами; я видел, как внимательно читал он бумаги и писал на них свои резолюции; наконец, оборотясь ко мне, спросил: «Ты Мертваго?» — приказал подойти к столу и приятным тоном сказал: «Расскажи мне, мой друг, все приключения твои исторически». Я рассказал ему все подробно, кроме того, что касалось до притеснения воеводы Белокопытова: матушка мне запретила строго говорить о том; впрочем, я и сам бы того не сделал, зная, что граф накануне в присутствии многих не только что бранил его, но и грозил повесить.

Во время моего рассказа граф расчувствовался, плакал, нежно, как отец, целовал меня, и сказал: «Скажи мне, чем могу облегчить несчастие ваше и поправить домашнее расстройство?» Я отвечал, что кроме Бога никто этого не может сделать и что мы ни в чем не нуждаемся. Ответ этот ему понравился. Он обнял меня и поцеловал. Слезы его, катившиеся на мое лицо, были доказательством участия, принятого им в нашем горе. Показывая мне множество бумаг, он сказал: «Вот дело о человеке вашем: он злодей; что хотите вы с ним делать?»* Я отвечал, что вина его не подлежит нашему суду. Но граф возразил: «Я властен, что́ хочу,— итак, спроси у матушки своей и скажи мне; я так его накажу, как вам будет угодно». На это я ему сказал, что и матушка ничего сказать не может. После того он отпустил меня, пригласив к себе обедать.

Возвратившись домой, я нашел всех старушек, ожидавших меня с нетерпением; я рассказал по приказанию матушки все, что со мною случилось, и она осталась мною довольна.

Вследствие приказания графа, я отправился к нему обедать. В числе приглашенных было множество чиновников, приехавших для свидания с графом,— бригадир, нас облагодетельствовавший, и воевода Белокопытов. Когда я вошел, граф выговаривал воеводе за беспорядки его управления. Граф очень милостиво меня принял, подозвал к себе, поцеловал и, обратившись к бригадиру, сказал: «Вот герой и глава своей семьи». За обедом он посадил меня подле себя, а по другую его сторону сидел бригадир Пиль. Граф сказал Пилю, чтобы он записал меня к себе в полк. Пиль отвечал, что он давно мне это предлагал, имея намерение взять к себе в адъютанты на вакансию, которая вскоре откроется; но что

*** Человек этот, сделавший нам много зла, при допросе показал, что, боясь пытки, объявил о месте, где мы скрывались; матушку и сестру ударил дубиною по голове, чтобы доказать мятежникам, что он пристал к их толпе; а участвовал в убийстве, думая, что батюшка, узнав о его поступке, не оставит без наказания. Человек этот, таким образом вовлеченный из одного злодейства в другое, кончил свою жизнь на виселице.— *Примеч. Мертваго.***

матушка, не посоветовавшись с дедушкою, на это не соглашается. Тут пошли об этом толки; граф доказывал, что матушка поступает нехорошо, и, видя, что я молчу, приказал передать ей этот разговор. На другой день граф выехал из города. Я стал чаще ходить к бригадиру; благодаря хорошему обхождению его со мною и ласкам офицеров, я проводил время приятно; наступавшая вместе с тем зима разлучила меня с мальчиками, прежними моими друзьями, и образ моей жизни совершенно переменился.

Вскоре приехала жена бригадира.[32] Услышав о наших приключениях, она сказала мне, что желает познакомиться с матушкою. Я отвечал, что матушка за долг почтет быть у нее и благодарить за милости, оказанные нам ее мужем. Возвратившись домой, я думал сообщить приятную новость и рассказал матушке о разговоре с бригадиршею. Но она побранила меня за то, что я осмелился давать за нее слово, и, как видно, не имела и намерения знакомиться с бригадиршею.

В первое воскресенье после того бригадирша поехала с своим мужем к обедне в женский монастырь, где матушка была каждый день. Подозвав меня к себе во время обедни, она просила меня указать ей матушку, которая стояла в углу близ игуменьи и молилась с горькими слезами. По окончании службы бригадирша подошла к игуменье и познакомилась с нею. Потом, когда игуменья увела матушку в свою келью, бригадирша с мужем своим пошли за нами, где Пиль, подошед к матушке, сказал ей, что он доволен моими посещениями, и подвел к ней познакомиться свою жену. Матушка, обливаясь слезами, сказала, что по постигшим нас несчастиям она в таких обстоятельствах, что должна быть в тягость людям, и только поэтому не была у них, чтобы благодарить за все оказанные нам милости, но что Бог им и детям их за то заплатит. Сцена была чувствительная, все присутствующие прослезились, слушая их объяснение.

Пробыв несколько времени в келье, бригадир с женою поехали домой, а мы, несколько погодя, потащились пешком на квартиру. Только что успели воротиться, приехала к нам бригадирша. Войдя в комнату, она просила прощения, выразила желание познакомиться с матушкою, и все это таким обязательным образом, понятным чувствительному сердцу. Тут начались новые слезы и изъяснения. Матушка объяснила ей, что она чувствует цену ее поступка, благодарит за то Бога и у Него просит ей воздаяния; что она не может ни к кому ездить, будучи уверена, что кроме тягости она собою никому ничего не принесет, и ищет только уединения. Бригадирша доказывала матушке, что шестеро малолетних детей

требуют ее попечения, и она в исполнении своих обязанностей должна видеть волю Божию, но матушка отвечала все одно и тоже: «Бог им отец, и Он устроит их участь».

Однако вскоре она согласилась с мнением новой нашей попечительницы и обещала к ней приехать, только не к обеду, потому что, следуя монастырским правилам, ела постное, никому о том не сказывая, хотя все это знали.

После обеда мы все пошли к бригадиру. Ласковый и почти родственный прием, казалось, был приятен матушке; но начавшийся благовест к вечерне поднял нас вскоре, и, не слушая никаких просьб, она со всеми нами отправилась в монастырь. Игуменья, узнав о нашем визите, убедительно уговаривала матушку продолжать знакомство, говоря, что это нужно для детей ее и не может быть помехою любви ее к молитве.

На другой день бригадирша была опять у нас и пригласила матушку к себе. Они вскоре сблизились; дружба эта заставила матушку придти в себя и иметь о нас должное попечение, и, может быть, спасла нас от погибели, которая легко могла случиться от непризрения в ребячестве.

II. Служба в Оренбургском краю

По прошествии нескольких месяцев после нашего несчастия матушка стала приходить в себя и поехала к своему отцу. У него прожили мы почти всю зиму.[33] Возвратясь в Алатырь, она купила дом, и, перестроив его, начали мы жить как следует. Родственница матушки, приехавшая из Москвы, с которою она была дружна, боясь возвратиться в свою деревню, находящуюся недалеко от города, также купила дом. Многие дворяне, поселившись также в городе, составили очень приятное общество и до того дружное, что казалось, что все были одной семьи *. Несчастие всегда уничтожает гордость и склоняет сердца к снисхождению и единомыслию.

Между тем записали меня унтер-офицером в гвардию и прислали паспорт на два года: в начале 1777 я должен был явиться в Петербург.

В сентябре месяце 1776 года матушке представилось, что я могу уже быть способен к делу, и меня послали в оренбургскую деревню привесть в порядок дела и расстроенное там хозяйство.

Приехав в 1777 году в С.-Петербург на службу, я не явился в полк. Покровители мои сочли за лучшее показывать меня малолетним. Меня производили в чины и выпрашивали мне паспорты до совершенного возраста. Наконец, когда мне минуло 19 лет, я вступил в службу сержантом, и чрез два месяца, в которые один только раз был в карауле, мне исходатайствовали отпуск на год. По окончании отпуска покровители мои посоветовали мне оставить военную службу и перейти в статскую.

---

* Вот одна из причин заселения дворянами наших мелких городов. Введенное вслед за укрощением Пугачевщины «Учреждение о губерниях»[34] в соединении с дарованною 13 лет тому назад свободою дворянам служить или оставаться дома[35] также много способствовало усилению городской дворянской жизни и приготовило тот быт, который господствовал до нынешних дней.— *Примеч. Бартенева.*

На 22-м году я был определен прокурором с чином, этому званию присвоенным.

Все это время и пять лет, в которые я был прокурором, провел я самым праздным образом: ничему не учился, ни к чему не прилежал и не знал ничего, что касается до должности. Но будучи любим начальниками и находясь всегда в их обществе, я не только был терпим по службе, но многие даже меня уважали.

(1785). Когда мне минуло 25 лет, назначен к нам был генерал-губернатором немец со всеми качествами древнего рыцаря и новейшего петиметра: влюбчивый, воинственный, вспыльчивый, хитрый, приятный в обществе и несносно гордый, щедрый и в то же время скупой, охотник наряжаться и видеть пред собою нарядных, затевать великие дела, представлять малые великими и покровительствовать всем страждущим *. Новый генерал-губернатор, обладавший умом более чем обыкновенным, сначала был предварен обо мне невыгодно. Но вспыльчивый и избалованный мой нрав послужил мне в пользу. Жаркое объяснение о моей невинности ему понравилось, а скорое затем открытие клеветы глупых и пристрастных чиновников обратило его совершенно на мою сторону. Вначале я был принят в его избранное общество, потом стал мне покровительствовать.

Я провел несколько времени, как и прежде, праздным, но, поссорившись с любовницею генерал-губернатора, которая взяла над ним большую власть, потерял его доверенность. Место, к которому я принадлежал по службе, было в областном городе. Со мною сделалась лихорадка, которая вместе со скукою, неизбежною в дурном, отдаленном городе, такое навела на меня уныние, что я послал просьбу об отставке. Я ее получил обратно вместе с представлением губернского прокурора при письме его письмоводителя, которым уведомлял он меня, что я произведен в надворные советники и потому хотя на некоторое время должен остаться в службе.

Это происшествие, служащее доказательством выгодного обо мне мнения начальства, было причиною множества толков. Начальник губернии снова и даже еще более стал ко мне внимателен и предложил мне ехать с ним в другую губернию, вверенную его начальству. Я согласился. Дорогою занемогает его письмоводитель. Будучи принужден оставить

*** Граф Осип (Иосиф) Андреевич Игельстром (ум. 1817). Он был генерал-губернатором Симбирским и Уфимским с 1784 по 1792 годы. Впоследствии он прославился на войне и особенно известен своим посольством в Польше во время Варшавского избиения русских поляками.— *Примеч. Бартенева.***

его, он не знал, что делать, не умев писать по-русски, и предложил мне исправлять эту должность, на что я согласился. Слог мой ему понравился. Дела, сильно действовавшие тогда на его честолюбие, открыли мне все тайны его намерений. Некоторые мои предположения, приведенные в действие и прославившие его впоследствии, доставили мне полную его доверенность и дружбу.

Город, где я прожил с ним целые два месяца, мне понравился. Ссора моя с любовницею генерал-губернатора и вместе с тем женою глупого губернатора не представляла мне возможным приятно проводить время в Оренбурге, и я вздумал проситься в Уфу. Я написал к генерал-прокурору * и просил определить меня советником в гражданскую палату. Место это мне было обещано, и. очень довольный, отправился я ожидать повеления о своем перемещении, что вскоре было и сделано.

Приехав в Уфу, я вступил в должность. Председатель палаты, человек немолодой, довольно честный и, гордясь знатностью рода и своим богатством, считавший присутствующих палаты своими подчиненными, обошелся со мною ласково, но с видом покровительства. Честолюбие мое было тронуто. Я был с ним учтив, но стал удаляться от него и обходился с ним, как с равным. Мои товарищи, не смея поступать также, одобряли, однако, же мое поведение. Однажды в присутствии председатель сказал мне, что я не знаю дела и хочу быть тем, чем быть не умею. Больно мне было это выслушать, и хотя на словах я ему не уступил, но сам в себе сознавал преимущество его над собою. После этой ссоры он возложил на меня особое по делам поручение, и мне всякой день приходилось чувствовать свои недостатки. Унижение, которое я терпел, и самолюбие не давали мне покоя. Я стал заниматься, познакомился со старым и опытнейшим в своем деле честным судьею. Он мне ясно доказал, что путь к знанию не труден и не далек, лишь бы охота была учиться. Полгода, проведенные в серьезном занятии, много научили меня и дали мне вкус любить дело.

(1787). Вскоре получено было повеление о моем перемещении в советники губернского правления. Имея надежду управлять делами места, начальствующего в целой губернии, я с восхищением отправился к новой должности. Похвальные отзывы начальника поселили в моем сердце честолюбие.

Вступив в должность и входя в дела, я с радостью увидел, что в состоянии вести их как следует. Самолюбие внушило мне, что я понимаю

---

* Князю Александру Алексеевичу Вяземскому.[36]— *Примеч. Бартенева.*

виды правительства лучше своих предместников, а совершенное во всем невежество губернатора, с которым я присутствовал, еще более вкоренило во мне вредное о себе высокое мнение. В это время приехал ко мне родной мой и друг, Николай Александрович Чирков *, отправлявшийся в поход, которому надобно было дождаться приезда нашего главного начальника и принять его приказания. Он получил тогда из Петербурга вновь появившиеся книги — сочинения Мерсиера **. Драма его «Судья» сильно поразила меня. Читая ее со слезами на глазах, Чирков говорил мне: «Счастлив бы я был, если бы ты был похож на этого судью!» Воображение мое было воспламенено; честолюбие, подстрекаемое успехами и всеобщим уважением, сделалось во мне страстию.

Дружба моя с начальниками продолжалась недолго. Жена губернатора начала, недаром, покровительствовать одному богачу, который искал притеснить бедного и с тем вместе разорить целое общество добрых поселян. Я за них вступился, поссорился с начальниками, и хотя не мне защитить крестьян, но так повел дело, что впоследствии они выиграли.

Противодействие губернатору произвело то, что умный генерал-губернатор стал отзываться обо мне, что я честолюбивый ребенок, который ищет славы во вкусе романтическом; а глупой губернатор сердился и бранил меня. Жена его внушала своему любовнику, что я стараюсь показать себя умнее и справедливее его и употребляю во вред его доверенность, а мужу своему говорила, что пора унять меня.

Между тем, по случаю начавшейся в 1787 году войны с турками [37] поступило в губернское правление дело очень важное, и я выбран к приведению в исполнение предположения генерал-губернатора.

Прежними примерами доказано было, что во время войны с турками всегда возмущались народы, исповедующие Магометанский закон и обитающие на Азиатской границе, что было всегда причиною, препятствующею успехам победоносного нашего войска.

Бухария, окруженная степями киргиз-кайсаков и татар и граничащая с Персиею и Индиею, славится своим духовенством. Магометане, обитающие в России, имеют большое уважение к тем духовным особам, которые воспитывались в Бухарии. Поэтому всякий мулла, выехавший оттуда, объясняющий догматы религии, признается суеверным народом

---

* Отец Софьи Николаевны Давыдовой, ныне вдовы известного партизана-поэта, женатый впоследствии на Елизавете Петровне Татищевой, дочери одного из основателей «Дружеского ученого общества» [38].— ***Примеч. Бартенева.***

** «Судья», драма в 5 действиях Мерсье, переведена была А. Ф. Лабзиным и напечатана в Москве в 1788 году.— ***Примеч. Бартенева.***

за святого — всеведущего. Эти муллы употреблялись всегда турками к возбуждению российских магометан к бунту. Генерал-губернатор, предугадывая, откуда можно ожидать грозу, и издерживая собственные свои деньги, послал в степь своих шпионов и успел перехватить письмо из Турции в Бухарию, из которого видно было, что вскоре отправляется паша с большими подарками склонить бухарцев против России. Письмо это послано было в оригинале к императрице. Вследствие того генерал-губернатор получил милостивый рескрипт, в котором хвалили его действия и уведомляли, что подобное сведение уже получено было из Персии. Вместе с тем приказано было под видом ревизии присутственных мест отправить по губернии надежных чиновников, которым поручить, применяясь к обстоятельствам каждого края, дать наставления уездным начальникам о мерах, которые следовало принять, и в случае прибытия бухарцев, препятствуя исполнению их замыслов, так поступать, чтобы не дать повод к подозрению и не возмущать права народные. Это важное поручение дано было мне и одному моему приятелю; я должен был объехать семь, а он шесть округов.

Исполнив поручение, я явился в Оренбург к генерал-губернатору. Все мои представления насчет общих дел по губернии были совершенно одобрены и приведены в действие. В рассуждении же мер, которые следовало принять против проповедывания бухарцев, я подал проект, где предлагал учредить при губернском правлении духовное собрание из двух или трех избраннейших и в верности испытанных духовных особ Магометанского закона, которые экзаменовали бы желающих поступать в звание мулл и представляли бы их на утверждение губернского правления; правление же обязано было каждому дать указ, без которого, как без доказательства его звания, никто бы не смел учить в школах и изъяснять закон в мечетях. И как установление не новое, но только не исполняемое, оно не могло причинить вредных в народе толков, а между тем пресечет козни бухарцев, распространяющих будто бы волю Пророка между простодушными русскими магометанами. Проект мой принят был генерал-губернатором с большим уважением, и мне было приказано, прибыв в Уфу, объяснить его в губернском правлении и потом представить по порядку, что и было исполнено.

(1789). Когда генерал-губернатор получил от губернского правления мой проект, то, одобрив его, представил императрице. Вследствие того учреждено было духовное собрание Магометанского закона, и председатель оного пожалован в муфтии. Права этого нового места определены были на основании моего проекта. Генерал-губернатор написал

мне письмо, в котором благодарил меня и представил к награждению орденом, но представление было сделано слабо, и я его не получил.

(1790). Чрез несколько месяцев после сего главный наш начальник получил повеление ехать в столицу и назначение командовать армиею против шведов.[39] Перед отъездом он объяснялся со мною, обещал за меня ходатайствовать, дал слово взять к себе моего брата и заботиться о его возвышении. Он помирил меня с мужем своей любовницы и так устроил дело, что я снова всем сердцем стал желать их пользы. Приехав в столицу, он был очень милостиво принят императрицею. Пользуясь этим, он до того неумеренно хвалил губернатора, обладателя красоты его любезной, что милости на него посыпались, и он был удостоен совершенной доверенности, что возродило неслыханную гордость этого глупого человека и делало его час от часу несноснейшим. Между тем, губернаторша, не подражая примеру Пенелопы[40], чрез несколько дней по отъезде своего героя прельстилась другим; известие о неверности ее, дошедшее к рыцарю среди военных действий, воспалило его яростию и мщением.

В это время возникло дело, сделавшееся впоследствии важным, которое мучило меня несколько лет и грозило мне большим несчастием. Оренбург — коммерческий город в летние месяцы. Иногородние купцы, приезжавшие на время ярмарки, мало-помалу, пользуясь правом сильного, присвоили себе все выгоды обывателей, которые, будучи бедны, терпели от дорогого содержания в отдаленном городе на бесплодной земле и, отличаясь только от других жителей налогами, купеческому званию присвоенными, были в совершенной нищете. Не в силах будучи производить торг свежим мясом, требующим капитала на покупку и прокормление скота в зиму, они производили дороговизну для всех, которые по службе должны были жить в городе. Полиция, получив согласие магистрата и дозволение губернского правления, заключила контракт с одним оренбургским купцом, обязавшимся продавать всегда свежее мясо по таксе, и за то со своей стороны запретила иногородним купцам, не имевшим права мелочной торговли в городе, делать подрыв ему в этом промысле. Купцы сии, съехавшиеся в город к ярмарке и видя, что пресечена им большая отрасль барыша, стали просить губернатора, изъясняя, что будто бы мясною торговлею держится вся коммерция, чего по справедливости совсем не было. Они хорошенько попросили его секретаря и губернаторшу и довели до того, что он, при предложении своем, прислал эти просьбы в губернское правление (в котором я тогда один присутствовал) и требовал, рассмотрев дело, представить ему мнение

правления. Между тем, он остановил действие контракта и дозволил иногородним купцам пользоваться всеми выгодами, принадлежавшими одним бедным обывателям. Поверенный иногороднего купечества привез предложение в правление и подал мне письмо, подписанное всеми лучшими купцами. В письме этом они выхваляли мою справедливость и, криво доказывая правость своего дела, старались обратить меня на свою сторону. В тот же день по почте получено было в правлении донесение магистрата, который просил утвердить и привести в действие контракт как основанный на законе и сделанный в пользу городских жителей; а начальник полиции и вместе с тем областной обер-комендант, командир и старший член пограничной экспедиции, рапортом изъяснял правлению, что если контракт будет нарушен, то полиция лишится всякого доверия, что купец, заключивший контракт, употребив немалый капитал на все необходимые заведения, разорится, и город по-прежнему не будет иметь свежего мяса во все зимние месяцы. Я только что приказал сообразить это одному другому противоречащие требования и выписать законы, относящиеся к делу, как в тот же день получил два указа Сената. В одном требовали объяснения о причинах медленности во взыскании денежных недоимок, и мне поэтому надобно было просмотреть до сорока дел, привести их в исполнение и по всем написать объяснение. Вторым указом Сенат требовал объяснения о причинах медленности рекрутского набора, которому давно минул срок. Для донесения Сенату мне также необходимо было просмотреть огромную переписку по этому предмету с казенною палатою.

На другой день я получил сведение, что бухарцы и турки, не имея возможности действовать по-прежнему для возбуждения русских магометан к бунту, посылают ко двору посла под тем будто бы предлогом, чтобы принести жалобу на киргизцев, грабивших караваны и препятствующих тем распространению торговли. Посол, ехавши целое лето чрез Киргизскую степь, собирал там киргизцев и башкирцев, обитающих в пределах России; многие из них согласились быть готовыми к бунту и получили от посла обещание об отводе им участков земли в степи Киргизской в случае удачи возмущения. Взаимною присягою они утвердили обещание и назначили день, в который после поминок богатыря их, издревле славимого, погребенного в степи близ линии, должно было приступить к делу. Генерал-прокурор, уведомляя губернатора о вредных замыслах бухарского посла, предписывал тотчас по прибытии его на линию под видом почестей удалить его от всякого сообщения с народом, и на пути к столице, сколько можно, миновать магометанские

селения. Но губернатор удовольствовался только тем, что написал всем комендантам принимать посла с почестями и немедленно донести о его прибытии; и потому по приезде в Оренбург он принят был отлично, и по изъявленному им желанию отведена была ему квартира в Татарской слободе, где, находясь без всякого присмотра (до тех пор, пока получено было повеление об отъезде его в Петербург), недели с две принимал у себя магометан наших всех сословий.

В это время получил я письмо от губернатора, в котором уведомлял он меня, что, будучи болен, едет в Уфу*, и приказывал мне по окончании экстренных дел и по прибытии вновь определенного советника выехать к нему навстречу. Вместе с тем он мне давал знать о намерении своем командировать меня в округи и назначил мне свидание чрез четыре дня.

В это короткое время я исполнял указы Сената и собрал все сведения, необходимые для командировки; по делу же о мясном торге не обратил большого внимания и отвечал губернатору, что, по моему мнению, он должен принадлежать городским обывателям, а торг салом и кожами, как предмет внешней нашей торговли с азиатцами, должен быть свободный, что предполагал представить на рассмотрение Сенату. Губернатор, или лучше сказать его секретарь, представил это дело Сенату в таком виде, что губернское правление дозволило заключить контракт, но он, приехав в Оренбург, найдя контракт вредным для торговли и имеющим вид монополии, остановил его действие; что от существования этого контракта произошли в киргизском народе вредные толки, что скот их идет в одни руки, и от того цена ему упадает; а потому прикочевывать на линию они стали меньше, и тем торговля уменьшилась; что, по его мнению, должно вовсе уничтожить контракт и дозволить всем беспрепятственно производить всякие промыслы; губернское же правление, не соглашаясь с мнением его, полагает, что по закону иногородние купцы не могут пользоваться правом оренбургских жителей.

---

* Для более ясного понимания читатели припомнят, что недавние отношения между Оренбургом и Уфою в старину находились в положении обратном: существовало Уфимское наместничество, и Оренбург подчинялся Уфе. Д. Б. Мертваго писал свои «Записки» уже в XIX веке и называл должности новыми именами. По месяцесловам 1789 и 1790 годов, к коим относится этот рассказ его, видно, что ни должности губернатора ни губернского правления в Уфе и в Оренбурге тогда не было; под именем губернатора следует разуметь правителя наместничества, т. е. помощника наместника или генерал-губернатора. Этим правителем состоял тогда генерал-майор Александр Александрович Пеутлинг. Советником *наместнического* правления кроме Д. Б. Мертваго показан в месяцесловах директор народного училища Андреян Андреянович Гагемейстер.— *Примеч. Бартенева.*

Иногородние купцы с своей стороны не дремали. Выбрав поверенного, на общий счет, отправили его в С.-Петербург с просьбою к президенту коммерц-коллегии *, лично знакомому некоторым из богатейших купцов, к которому писал об этом деле и губернатор.

Не предусматривая скопляющейся надо мною тучи, я отправился по округам, получив от губернатора поручение принимать всякие меры, которые найду полезными. Оставалось без малого два месяца до времени поминок богатыря, и потому я начал ревизию округов, к тому месту прилегающих, и занялся исследованием причин неуспешности рекрутского набора. Производя ревизию присутственных мест, я находил почти повсеместно притеснения и ябеды, разоряющие бедных поселян. Принимая сторону утесненных, я старался мирить тяжущихся, употреблял самые жестокие меры к искоренению грабительства, а грабителей, вышедших в чины, которых невозможно было исправить телесным наказанием, заставлял подавать прошения в отставку; некоторых же в высшей мере преступных отсылал к губернатору для предания суду. Действуя таким образом, я рассеял повсюду такой страх, что в конце второго месяца, приезжая в города, не находил ни жалующихся, ни нерешенных дел, которые следовало бы окончить.

Слава о моем правосудии и строгости распространилась повсюду. Добродушный башкирский народ, не обязанный образованием своим никому кроме природы, дружелюбно теснился вокруг меня. Смелость его обхождения со мною и похвалы его, исходящие прямо от сердца, возвышали мою душу. Неблагонамеренные же члены и чиновники присутственных мест встречали меня с трепетом; мрачность их лиц доказывала черноту их сердца. Отправившись из последнего уездного города верст за 500 вдоль по Уральским горам в земли, обитаемые кочующими башкирцами, к могиле богатыря, где должен был возгореться бунт, я решился прибыть туда к празднику поминок с тем, что если (как доходили известия) я найду скопище народа, которое силою укротить будет невозможно, то стараться успокоить их. Личная привязанность ко мне и добродушие этого, по-видимому, сурового народа, заставляли меня надеяться успеть в том. Этот план действий, задуманный мною в самом начале моей поездки, я никому не открывал и объявил только таможенному чиновнику, находящемуся в последнем городе, которому прежний губернатор поручал пограничные дела. Он одобрил мои предположения,

---

*** Граф Александр Романович Воронцов (1741—1805), впоследствии канцлер.— *Примеч. Бартенева.***

но при том сказал мне, что вследствие бывших в орде сходбищ несколько десятков киргизцев, как слышно, прокравшись чрез линию, находятся внутри Башкирии для узнания места, где удобнее переправиться чрез Уральские горы, и потому советывал мне взять предосторожности, необходимые в таких обстоятельствах. Известие это тяжело мне было слышать, но отстать от моего намерения казалось мне уже невозможным. Я поехал. Моя свита состояла из двух моих людей, одного унтерофицера и одного переводчика; все мы помещались в двух телегах.

Проезжая местами, где величественная природа представляется во всей красоте *, я видел людей совершенно счастливых, живущих в изобилии и не знающих тех утонченностей образования, которые, обольщая, зарождают в сердцах зависть. Я встречал всюду благорасположение этого простодушного народа. Однажды, ехавши ночью, я уснул в повозке; люди мои разбудили меня, чтобы перейти пешком мост, дурно построенный; проснувшись, я увидел человек десять башкирцев, которые сошли с лошадей. Спросив через переводчика, что за люди и какое до меня имеют дело, один из них отвечал, что он башкирец, который с год тому назад подавал в губернское правление просьбу, получил от меня скорое и справедливое удовлетворение и, услышав в кочевьях своих о моем проезде, он выехал повидаться со мною и взял с собою своих родственников, чтобы познакомить их со мною. Сказав им несколько дружеских слов, я стал с ними прощаться, советуя им обратно ехать в свои улусы [41], но они отвечали мне: «Здесь не смирно. Все ли знают, что ты добрый судья, и тебя не тронут? Нет, мы проводим тебя верст тридцать до крепости и дорогою поговорим с тобою». Это доказательство их любви ко мне так сладостно мне было, что слезы умиления покатились по лицу, и я благодарил Бога, споспешествовавшего мне до сего достигнуть.

Вследствие данных мною приказаний капитан-исправники из двух пограничных округов ожидали меня в той крепости. Основанная издревле среди Уральских гор, она имела одно название крепости, находясь в уступе между утесистыми горами; гарнизон ее состоял из 20 дряхлых солдат.[42] Исправники мне донесли, что хотя прежде несколько и было заметно волнение в народе, но никогда не доходило до той степени, как рассеялись о том несправедливо слухи; теперь же, как можно думать,

---

*** Этими строками невольно приводятся на память описания того края в сочинениях С. Т. Аксакова, который нарисовал нам и картину тогдашней жизни в городе Уфе, где служил дед его по матери Николай Федорович Зубов («Семейная хроника», изд. 1856, стр. 100 и 104).— *Примеч. Бартенева.***

башкирцы все спокойны, устраиваются на зиму,[43] и нисколько не видно, чтобы решались на отчаянное предприятие. Посоветовавшись с ними, я счел нужным дать каждому письменное наставление, как поступать при первом усмирении мятежа, и ласково, но вместе строго подтвердил о соблюдении справедливости и о скором решении дел. Затем я отправился по предназначенному мною пути и, пробыв всего два с половиною месяца в дороге, возвратился в Уфу.

В это время губернатор, получив несколько милостивых рескриптов от императрицы, возгордился и, видя из моих донесений, что вести о бунте были несправедливы, принял меня довольно холодно и не показал никакого внимания к хорошему исполнению данного мне поручения. Вследствие поданного от меня рапорта, он донес императрице, что слухи о волнении были совершенно несправедливы, в чем удостоверяют его трое чиновников, посланных им для разведания в округи. В числе этих трех я показан был последним, а первым помещен был чиновник, ездивший в свою деревню поохотиться с собаками, вторым же ездивший для покупки себе и губернатору лошадей. Эта несправедливость меня мало оскорбила, потому что я в душе своей презирал начальника и не желал его одобрения.

Вскоре по возвращении моем открылись следствия дела о мясном торге.

Президент коммерц-коллегии, получив жалобу купцов и письмо губернатора, представил императрице, что полиция заключила контракт с купцом и предоставила ему одному право продавать в городе мясо. В докладе он умолчал о том, что купец заключил контракт с согласия всего общества, имеющего право на сию торговлю, и что этот контракт заключен был для пользы всех обывателей. Вследствие доклада президента последовал указ генерал-губернатору, бывшему тогда в Петербурге, в котором, осуждая распоряжения губернского правления по сему делу, клонящемуся к монополии и притеснению народа не только в свободе торговли, но и в пропитании, как сказано было в указе, повелено ему принять меры к искоренению этого злоупотребления и, вытребовав от кого следует объяснение, поступить с виновными по законам. Генерал-губернатор вместо того, чтобы потребовать объяснительный рапорт от губернского правления и, прочитав в Сенате донесение начальника губернии, полагая, что я один, присутствуя в правлении, дозволил заключение контракта, предложил немедленно уничтожить его, и всех тех, которые заключили его и дали на то дозволение, предать уголовному суду и поступить с ними как с преступниками закона. Если же

откроется, что вследствие этого контракта было стеснение в торговле, причинившее ущерб казне или убытки частным лицам, то задержать жалованье виновных, на все недвижимое имение их наложить запрещение, а на движимое — секвестр.

Генерал-губернатор, прислав это строгое предписание с нарочным, вместе с тем писал к губернатору, что, прочитав рапорт его Сенату, находит его мнение справедливым и полагает, что губернское правление, дозволив заключение контракта, совершенно вышло из пределов своей обязанности. Президент же коммерц-коллегии писал губернатору, что при докладе императрице этого дела было объяснено, что он в том нисколько не участвовал. Показывая мне эти письма, губернатор советывал мне впредь в подобных случаях быть осторожнее.

Так как при предложении генерал-губернатора приложена была копия с именного указа, коим повелено было истребовать объяснение, а потом уже предать виновных суду, то, сделав распоряжение относительно уничтожения контракта, я написал объяснительный рапорт от имени губернского правления, в котором изложил причины, побудившие дозволить заключение контракта, и объяснил, что свобода торговли оным не стеснялась, монополии никакой не могло быть, что обыватели от того выиграли и не понесено убытков ни казною, ни частными лицами. В заключение же рапорта я просил главного начальника губернии вступиться за подчиненное ему место и защитить оное от клеветы.

Я подал рапорт на рассмотрение губернатора, который, прочитав его, понял, как много разнится он с рапортом, посланным им в Сенат, и когда я напомнил ему, что им дано было дозволение на заключение контракта и что им подписан о том журнал губернского правления, он очень испугался и перестал делать мне наставления. Он хотя и согласился на журнал об объяснительном рапорте, но подписать самый рапорт отказался, который за одной моей подписью и был отправлен.

Генерал-губернатор, получив объяснение губернского правления, прислал предложение, в котором, опорачивая мое мнение, приказывал поступить на основании первого его предложения, в котором изъяснена была высочайшая воля государыни императрицы.

В тот день как это предложение было получено, я поутру заехал к губернатору. Войдя в кабинет, вижу, что лекарь и камердинер трут спиртом его руки, пораженные параличом; страшная бледность лица, глаза, налившиеся кровью, жена и дети в слезах около постели — вот картина, которая мне представилась. Не понимая ничего, спросил я о причине болезни; показывая мне бумагу, лежащую на столе, он сказал: «Прочти

ет он, злодей, погубить нас хочет». Я прочитал предложение, которое, вероятно, тем сильнее на меня подействовало после картины печали, заполнившей уже унынием мое сердце. В жару чувств я сказал губернатору: «Зачем же так сильно огорчаться? Вся тяжесть наказания, если действия губернского правления найдены будут незаконными, должна пасть на меня, потому что генерал-губернатор, объявляя волю императрицы, опорочивает мое мнение, и потому сего дня же я подам объяснение и наложу запрещение на свое имение, а в получаемом жалованье, без которого служить не могу, представлю поручительство моего брата, который не откажется отвечать своим имением, если будет присуждено возвратить жалованье в казну или отдать кому в удовлетворение за убытки».

Когда я это высказал, у губернатора покатились слезы по лицу; он говорил, что эта жертва слишком велика, и не соглашался принять ее; но я находил, что, чувствуя себя правым, уверен, что нас невозможно обвинить за это дело; если же мы ничего не сделаем по предложению, в котором изъяснена высочайшая воля, то генерал-губернатор, рассердившись, доложит о том императрице: мы будем уже тогда поистине виноваты, и нас, отрешив от должности, за дело предадут суду; и хоть после и оправдаемся, и я, быв молод и в малом чине, если буду служить, могу еще догнать своих сверстников, но он с большим семейством, в его летах и чине может потерять все невозвратно; а предание одного меня суду не может иметь такого влияния на дела губернии, как когда предадут нас вместе. И потому, полагал я, наложив запрещение на мое имение, отослать все дело в уголовную палату для отыскания и предания суду виновных.

Сделав все таким образом, уведомили мы о том генерал-губернатора, который совершенно успокоился. Между тем советывал я губернатору наблюдать за уголовною палатою, в которой присутствующие ни в образе мыслей ни в поведении не были со мною согласны, и всегда личнo были на меня в неудовольствии. Я находил, что палата не должна никого допрашивать, и если найдет нужным пояснить дело, то относилась бы за справками в губернское правление, которое, будучи местом присутственным и поставленным выше палаты, может отстранять несправедливые требования и давать делу законный ход. Губернатор очень охотно принял этот совет и понял, что в исполнении его заключается собственная его польза.

Вскоре после этого я должен был ехать на несколько дней в свою деревню. Воспользовавшись моим отсутствием, асессор уголовной

палаты *, состоявший при губернаторе по пограничным делам, свел его с своим председателем **, с которым он был прежде в ссоре. Они, посоветовавшись, решили дело устроить таким образом: уголовная палата на основании последнего предложения генерал-губернатора, считая одного меня виновным, будет просить у губернатора позволения допросить меня и, признав за подсудимого, постановит приговор, в котором скажет, что по неведению законов и неразумению важности дела я запутал губернатора, за что полагает отрешить меня от должности с тем, чтобы впредь никуда не определять. Этот приговор губернатор представит прямо императрице, прося милосердия чиновнику, сделавшему преступление по неведению.

По возвращении моем из деревни, асессор, ветреный и пьяный француз, сам рассказал мне все, что он придумал вместе с губернатором и председателем уголовной палаты, думая, что я подобным решением останусь доволен. Но когда ответ мой показал ему ясно его заблуждение и когда он понял, что я почитаю себя правым и в силах довесть дело до сведения императрицы, до того же времени буду защищаться от бесчестного и глупого нападения, сколько закон и право мое, на справедливости основанное, мне дозволят, асессор протрезвился, выслушал все жесткие слова мои и, как видно, успел донести о том губернатору. Когда я на другой день поутру к нему явился, он принял меня холодно и стыдился глядеть мне в глаза. Не желая объясняться, я, сколько мог, дал ему почувствовать, что намерения его мне известны, и презираю его от всего сердца. Потом поехал я в правление и более с губернатором не виделся, потому что он не ездил в присутствие под предлогом множества занятий по делам пограничным, и чрез несколько дней отправился на линию для назначения нового хана,[44] который должен был жить в Оренбурге.

Во время отсутствия губернатора уголовная палата на основании предложения его об отобрании от меня объяснения прислала ко мне вопросные пункты. Ответ мой состоял только в том, что из копии со всего производства палате должно быть известно, что журналы губернского правления подписаны губернатором и мною; что же касается до моего мнения, на основании которого составляемы были журналы, то оно не могло иметь влияния на самый ход дела. Потом, изъяснив смысл журналов правления, я предоставлял палате обратиться к губернатору насчет

* По месяцеслову с росписью на 1791 год, стр. 271, это был капитан Федор Кабрит.— ***Примеч. Бартенева.***

** По месяцесловам, Матвей Евментьевич Мажаров.— ***Примеч. Бартенева.***

донесения его Сенату и узнать от него причины, почему дело приняло совершенно другой вид со времени этого донесения.

Иногороднее купечество, не ожидавшее, как видно, таких происшествий, показало мне в это время приверженность и усердие. Я получил по почте, не знаю от кого, множество копий с писем губернатора к знатным особам по этому делу и с рапорта его Сенату. Из них, хотя и поздно, узнал я всю глупость и подлость этого труса и корыстолюбца; и когда уголовная палата два раза под присягою допросила всех купцов, не последовало ли от утверждения губернским правлением контракта кому-либо убытков, все единогласно показали, что таковых никому не было; казенная палата отвечала, что казна не понесла от того никакого ущерба.

Все эти происшествия заставили меня, пока было еще время и возможность, собрать все сведения, необходимые для моей защиты. На посланные от губернского правления запросы пограничная таможня отвечала, что уменьшение торга мясом произошло от небольшого приезда киргизцев; из ведомостей же, от нее доставленных, в которых показаны были ежедневный приход денег и число людей, бывших на торгу, видно было, что торговля стала уменьшаться десять дней после уничтожения губернатором действия контракта. Экспедиция, заведовавшая пограничными делами, в ответ на сообщение губернского правления о доставлении сведения об обстоятельствах того времени, когда контракт существовал и впоследствии, как ярморка продолжалась, и не было ли каких особых происшествий в городе, на линии и в меновых дворах, дала знать: что в начале того месяца, когда по уведомлению таможни торг стал уменьшаться, казацкие команды, посланные губернатором в Киргизскую степь, находились там более двух недель, награбили множество скота и имущества и взяли в плен большое число людей. В начале того же месяца по жалобе, поданной двумя купцами губернатору, одиннадцать почетнейших киргизцев, приехавших на торг, взяты были под стражу и, как преступники, посажены в тюрьму за то, что будто бы родственники их ограбили тех купцов в городе. Когда они частию уплатили деньгами, а в остальной сумме дали по себе поручительство в уплате всего иска, простиравшегося до семидесяти тысяч рублей, то были выпущены из тюрьмы и отправились в свои улусы, и, вероятно, распространили там страх приезжать к нашим местам торговли. К довершению всех этих происшествий киргизский хан в то же самое время умер, и киргизцы для выбора нового хана собрались вовнутрь степи, что совершенно объясняло уменьшение торговли.

Кто живал в губернском городе, знает, как покидают того, кто гоним начальством и не в связи с судьями-корыстолюбцами: всякому действию

его дают дурной вид, предсказывают вредные последствия, на всяком шагу поставляют ему препятствия и показывают неприязненное расположение. Это дознал я на опыте. Быв в должности советника губернского правления, требовавшей деятельности и быстроты в решении дел в такое время, когда встречалось множество случаев необыкновенных, я действительно чувствовал, что не в состоянии был бы исполнить обязанность свою как следует, если бы Господь не дал мне друга умного и честного, заслужившего всю мою доверенность *. Его советы и одобрения не давали мне впасть в уныние, возрождали бодрость и утверждали в надежде на Бога.

Губернатор находился в Киргизской степи для поставления нового хана, а генерал-губернатор — в Петербурге. Присутствуя один в губернском правлении, не знал я, кому подать прошение об увольнении меня в отпуск. И потому, написав оное по форме, отправил при письме к генерал-губернатору, прося представления о том Сенату; но он приказал меня уведомить, чтобы просил я о том губернатора, который должен знать, могу ли я быть уволен до решения дела, производящегося в уголовной палате.

Оскорбившись этим отзывом и не теряя времени, отправил я с нарочным мое прошение к губернатору, который представил об увольнении моем Сенату и уведомил меня о том.

Когда я получил сведение, что прошение мое отправлено уже в Сенат, я написал к генерал-губернатору письмо, в котором просил его ходатайства к скорейшему моему увольнению и изъяснил, что гонят меня за дело ничтожное, что я считаю себя невинным, несколько раз обращался к нему, надеясь на милость его и доброе обо мне мнение и начальническую справедливость; но, видя гонение судьбы, потерял всякую надежду, и теперь все мое желание состоит в том, чтобы явиться к нему в С.-Петербург и лично оправдаться в преступлениях, которые несправедливо мне приписывают. Между тем губернатор, возвратившийся из Киргизской степи, получивший орден в награду за его там действия, уже более месяца гордился в губернском городе. Я не имел случая его видеть, потому что он в правлении не присутствовал и в праздничные дни уезжал в свою деревню. Мне казалось непристойным, да и не хотел я быть у него поутру, когда должен был быть в правлении, ехать же после обеда или к обеду было бы знаком приязни, которой я к нему иметь не мог.

---

* П. И. Чичагова.— ***Примеч. Бартенева.***

Услужливые чиновники, его окружающие, зная нашу ссору, переносили с разными прибавлениями те неприязненные отзывы, от которых не мог я удержать себя и письменно и словесно. До меня доходили уже известия, что он раскаивается в том, что сделал представление о моем отпуске и что согласно мнению генерал-губернатора он хочет не отпустить меня и тогда, как получится о том указ Сената. Я старался показывать вид, что он не в силах это сделать, и переносившим ему всякие вести изъяснял способы, которые могут служить к моей защите против его притеснений; но, понимая неравенство власти, чувствовал свою слабость и часто приходил в недоумение, не зная, что мне предпринять, как вдруг неожиданно в губернском правлении при многих чиновниках, получил я по почте письмо от генерал-губернатора. Письмо это начиналось тем, что он обижен изъясненными мною подозрениями, что он никогда не имел причины дурно обо мне подумать и что дело, так сильно меня занимающее, совершенно ничтожное; далее просил он меня не переставать изъявлять к нему доверенность и дружбу и советовал поспешить приездом в С.-Петербург, где обещал за меня ходатайствовать. Это письмо, прочитанное мною вслух, произвело такое действие, что не только прекратились все недоброжелательные против меня козни, но многие стали брать мою сторону и просить моего покровительства: жаловались мне на глупости и пристрастие губернатора, и учтивость и уважение ко мне заступили место прежнему их нерасположению. Вскоре затем получен был указ об моем отпуске, и я в тот же день выехал из Уфы.

Мое намерение было явиться к генерал-губернатору и просить оправдать меня пред императрицею и исходатайствовать повеление в том, что я в деле прав. Прекратившиеся его любовные связи с губернаторшею давали мне надежду, что он рассудит дело как должно и согласится в том, что губернатор действительно глуп и нисколько не заслуживает его доверенности и отличий, полученных им вследствие его ходатайства, и что действиями своими (что действительно и было) наносит вред собственной его славе. На этом убеждении основывал я свою надежду на успех; в противном случае, если бы генерал-губернатор не уважил моего представления, я решался подать просьбу императрице с изъяснением всего дела и тех обстоятельств, которые были причиною несправедливых представлений, послуживших к моему обвинению.

По приезде в Москву я узнал, что наш генерал-губернатор переведен в другие губернии *. Весть эта, расстроившая мой план, горестна

---

* В Псков (1792).— ***Примеч. Бартенева.***

была для меня; но, одумавшись, рассудил я, что всякой другой, назначенный на его место, не будет иметь причины быть предупрежденным против меня и скорее окажет мне справедливость.

Не быв в Петербурге 10 лет, я приехал в совершенно незнакомый город. Я остановился у родственников, которые не в состоянии были оказать мне никакого пособия в моем деле, и потому я решился, чтоб не показаться преступником, молчать обо всем, со мною случившемся, говоря, что приехал для знакомства с людьми, от которых завишу по службе.

Я имел случай познакомиться с Державиным, состоявшим при императрице для принятия прошений,[45] человеком, известным отличной добротою сердца, остротою разума и сочинениями. Он с первого раза обошелся со мною хорошо и дозволил мне иметь свободный вход в его дом. Вскоре случилось мне рассуждать с ним о делах; понятия мои ему понравились, он откровенно мне это высказывал и изъявил желание быть чаще со мною.

Пользуясь этим дозволением, я, часто бывая у него в доме, познакомился с ним коротко *. Вкус этого истинно-необыкновенного человека есть уединение, а любимое занятие — придумывать средства к укоренению добродетели. Однажды, быв с ним наедине в кабинете, рассуждая о том, что губернаторы часто употребляют во зло монаршую к ним доверенность, он показал мне свои объяснения суду,[46] который был над ним установлен за то, что в звании губернатора, желая обуздать мздоимство, более поступал по чувствам своим, чем по правилам закона. Этими поступками он поставил противу себя генерал-губернатора и несколько вельмож в столице и едва не погиб по пристрастию корыстолюбцев **. Прочитав эти объяснения, действительно ясно написанные, и отдавая их ему, я сказал, что могу заплатить тою же монетою, прочитав ему мое дело, которое тут же ему рассказал и изъяснил мои намерения. Державин отвечал, что времени моего отпуска не достанет мне на ожидание нового начальника, потому что нельзя ожидать, чтобы новый генерал-губернатор вскоре был определен. «Если же вы хотите дать делу ход,— сказал он,— то я сегодня вечером доложу о сем императрице, и уверяю вас, Боже их упаси, если она узнает все то, что вы мне сказали». Я, подумав несколько минут, спросил: «Что же вы мне советуете?» — «Если мщения

---

* В семействе Д. Б. Мертваго известно, что самые эти «Записки» были написаны по совету и дружескому настоянию Державина.— ***Примеч. Бартенева.***

** Все это подробно изложено в «Записках» Державина.— ***Примеч. Бартенева.***

не желаете, то бросьте все это, потому что дело пустое». Я согласился, и он, очень довольный моим добрым расположением, обещал стараться вывесть меня из той губернии.

День ото дня делаясь знакомее с этим человеком, достойным всякого почтения, и бывая с ним часто по нескольку часов наедине, я наслаждался умными его рассуждениями, клонящимися к добру, восхищался его доверенностию и был счастлив знаками его ко мне дружества. Жена*, подобно ему, не родилась обыкновенною в свете женщиною; пылкость ее разума и воображения и обширные познания украшали прекрасное ее тело и давали блеск великодушному и щедролюбивому ее сердцу. Страстная ее любовь к мужу, а еще более к славе, возвышала душу Державина, делала разум его деятельнейшим к добру. С этою, можно сказать, небесною на земле четою, в городе, зараженном сладострастием, проводил я время в тихой беседе, рассуждая о пользе ближнего.

Молодой человек**, бывший тогда весьма важным при дворе, по случаю отъезда правителя кабинетских дел*** на конгресс назначен был исправлять его должность. Ему нужен был письмоводитель. В это звание ему предложили меня. Я считал это место выгодным и сказал о том новому моему благодетелю. Державин одобрил мое намерение и стал хлопотать о моем помещении; но как нельзя было думать, чтобы эта должность была постоянная, то он хотел поместить меня в какое-нибудь звание при кабинете, чтобы при перемене начальника я мог в службе остаться. Это до того не понравилось вновь произведенному правителю кабинетских дел, что он отказал мне в месте письмоводителя; и потому, согласно моему желанию, меня представили кандидатом к определению вице-губернатором в одну из отдаленных губерний, доложили о том императрице, и она, по представлению Державина и на основании хорошего отзыва обо мне, приказала написать о том указ.

Польские области, присоединенные к России,[47] назначены были к разделению на три губернии****, но были еще под военным управлением. Устройство их по образцу прочих губерний, составляющих империю, и определение гражданских чиновников замедлились потому, что по политическим обстоятельствам нельзя еще было их считать всегдашним приобретением. И для того, чтобы не иметь стыда в случае

---

* Первая его жена, Екатерина Яковлевна.— ***Примеч. Бартенева.***

** Зубов, тогда еще граф.— ***Примеч. Бартенева.***

*** Графа Безбородки.— ***Примеч. Бартенева.***

**** Волынскую, Киевскую и Каменец-Подольскую.— ***Примеч. Бартенева.***

необходимости возвратить завоеванные области и чтобы скрыть от всех план разделения их на три губернии, все дела, касающиеся до определения чиновников и до внутреннего устройства их, были остановлены. Эти обстоятельства, бывшие причиною отсрочки моего возвышения по службе, я хотел употребить в пользу и отправился к прежней должности, чтобы привести в это время в порядок мои расстроенные дела.

Губернатор, имея сведение об успехах моих в Петербурге, принял меня с уважением. Утихли все злонамерения моих гонителей, и я, занимаясь своею должностью, имел возможность сделать все распоряжения по своим делам: разделился с братьями, долги, по соразмерности своего имения, перевел на себя и, сколько можно было, обеспечил. В это время вместо ожидаемого указа о моем перемещении получил я известие, что правитель кабинетских дел граф Безбородко, вступив в должность, успел переменить все представления своего предместника, и вследствие того доклады об определении чиновников переданы на совет, который должен был представить своих кандидатов. Вскоре после того получен был указ об определении на обещанное мне место вице-губернатора другого. Наконец, Державин пожалован был сенатором [48] и, следовательно, оставив кабинет, не имел доклада у императрицы, отчего прекратилось его влияние на общие государственные дела.

Все сии происшествия очень были мне чувствительны, тем более, что, раздражив зависть моих неприятелей, я подстрекнул их к сильнейшей злобе. Но несмотря на все, я твердо решился не поддаваться гонению судьбы и против желания губернатора остаться в службе, идти прямым путем, противиться, если нужно, начальнику и по-прежнему не давать воли корыстолюбивым чиновникам, какие бы не произошли для меня последствия.

Вскоре возникло дело, довершившее нерасположение ко мне губернатора. Богатый купец, жаждущий корысти, за несколько времени пред тем приехал в город, задарил и заподчивал всех; стал часто ко мне ездить и старался чрез всех моих знакомых и коротких приятелей обратить меня на свою сторону. Все стали меня убеждать, что он прав, доказывая только тем, что у него лучшие в городе — повар, стол и вино, и много денег, которые он дарит и дает в займы. Предчувствуя всю неприятность для меня этого дела, я молчал; но когда по приказанию губернатора я должен был написать свое мнение, то вывел все плутни, придуманные поверенными в пользу богача, и невинность его соперника, пришедшего в несостоятельность, а более еще поселян, которые беды своей и не могли предвидеть; и, наконец, изъяснил, как должно производить дело и ограничить

право богача, так незаконно ему данное. Следствием того была открытая против меня злоба богача и нападения пользовавшихся его угощениями. Губернатор в предложении губернскому правлению, не согласившись с моим мнением и изъяснив законы и обстоятельства дела в пользу богатого купца, приказал отослать все дело на определение судебного места, которое приступило, было, к решению оного, основываясь на моем мнении; но губернатор, остановив все производство, представил Сенату с жалобою на суд и с просьбою о наказании за то виновных. Вследствие этого состоялся указ, в котором осуждены действия губернатора, а мое мнение признано законным и утверждено.

Это происшествие усилило злобу противу меня начальника и восстановило всех чиновников, преданных богатому купцу. Не имея возможности сделать мне законные придирки, целые два года все они искали случая представить меня в чем-либо виновным, и не было ни одного дела, в котором бы не поставляли мне всякие препятствия. Около тысячи предложений я получал каждый год от губернатора, вследствие которых должен был объяснить по делам свое мнение и смысл каждого слова. Переписка эта до того увеличила мне дела, что я принужден был заниматься не менее десяти часов в сутки. В это же время губернский стряпчий под предлогом своей должности подал протест, в котором доказывал, что я отступаю от порядка, указанного законом, и не слушаюсь губернатора. Протест этот представлен был генерал-прокурору, бывшему некогда любовником прекрасной моей командирши, и передан от него в Сенат. По истребовании моего объяснения слишком через два года и уже при новом губернаторе жалоба и доносы найдены были несправедливыми, но мне никакого удовлетворения не было сделано.

В течение этих двух лет сверх оскорблений, переносимых мною по службе, были еще тяготейшие для меня домашние обстоятельства.

Возвратившись из Петербурга и думая наверное получить место вице-губернатора и жить далеко от своих, я желал остальное время быть с ними вместе. Матушка согласилась приехать ко мне. Другом моим был в это время Чичагов, человек честный и умный, но имевший несчастие в молодости сделать преступление, не причинившее никому никакого зла. Ссоры людей сильных сделали его жертвою их мщения. Он был судим и по строгости законов наказан лишением чинов, дворянства и сослан на житье в Уфу. В него влюбилась сестра моя. Взаимная их страсть, замеченная матушкою, до того ей была противна, что мы боялись, что с ней сделается удар. Удаление Чичагова, которого при всех неприятностях я любил душевно, так было тягостно влюбленной сестре моей, что,

час от часу худея, она стала кашлять кровью. Доктор мне сказал, что вскоре надобно ожидать чахотки.

В тоже самое время меньшой мой брат Иван возвратился из армии больным и помешался в уме. Влюбчивость его во всех женщин получше собою и которых мужья были познатнее, дерзкое со всеми обхождение и уверенность, что все влюблены в него, были первым знаком его помешательства; но прежде, чем обнаружилась болезнь, он мне сделал много неприятностей. Кдовершению же расстройства, он стал играть в карты и несколько раз рисковал проиграть часть, ему принадлежащую из общего имения.

Терзаемый всеми этими несчастными обстоятельствами, я проводил время мучительнейшим образом. Ежедневно рано поутру, приходя в губернское правление, находил такое множество дел, что видел себя в совершенной невозможности быть исправным. Зная нерасположение ко мне губернатора и окружающих его чиновников, я был уверен, что малейшая моя ошибка будет ими увеличена и может быть причиною моего несчастия.

Возвращаясь к обеду домой, находил всегда или матушку или сестру, а часто и обеих, в слезах. Тут должен был забывать собственные скорби, быть их утешителем или плакать вместе с ними. Вскоре после обеда отправлялся опять в правление заниматься делами часу до десятого вечера и, приходя усталый домой, проводил еще час с матушкой или сестрой, стараясь успокоить их мысли. Кроме того, ложась спать, придет, бывало, брат Иван, с которым часто должен был спорить и доказывать ему непристойность его поступков.

Страсть сестры моей к человеку, к которому матушка имела отвращение, не давала мне покоя, потому что я не мог иметь никакой надежды соединить их. Однажды к вечеру, когда стало смеркаться, я шел в спальню сестры, нахожу ее на диване, и хотел сесть возле нее. Она привстала, чтобы дать мне место; я спросил, зачем она всегда одна, и поцеловал ее в щеку. Слезы ее брызнули мне в глаза. Тут в избытке чувств сказал я ей: «Чего ты хочешь?» — «Умереть, и больше ничего»,— отвечала она. Долго мы вместе плакали, наконец, спросил я ее: хочет ли она за него замуж? Она отвечала, что не только готова быть женою ссыльного, но и жить с ним в тюрьме, если бы только матушка дозволила. В эту минуту счастливая мысль пришла мне в голову, и мне представилось возможным соединить влюбленных и устроить их счастие. Я стал весел и успокоил сестру, обещая склонить матушку на свадьбу. Весь вечер я более ни о чем не думал, как о том, как бы лучше привести в исполнение мои

предприятия. На другой день поутру я пришел к матушке и застал ее еще в постели; я завел разговор о больной сестре, стал говорить об опасности, которой подвержена ее жизнь, доказывал ничтожность состояний в отношении к счастию, которое должно заключаться в нашем сердце, а не во внешних предметах. И когда слезы матушки показали мне, что она смягчилась, то я сказал: право бы, я думал, лучше женить их. Она воскликнула: «Ах, что ты хочешь!» Но я возразил: стоит ли того наше честолюбие, чтобы приносить ему в жертву жизнь той, которая, покоряясь обязанностям дочери, не находит в жизни никакого удовольствия и кроме смерти ничего не желает, и не будет ли грешно пред Богом, если мы их обоих погубим для своего честолюбия? Горькие слезы матушки были следствием этого разговора; в это время сестра, ничего не зная, входит в спальню и, видя нас плачущих, думая, что это от сожаления к ней, целуя у матушки руку, заплакала сама. Матушка, также не зная о разговоре моем с сестрою, сказала ей: «Знаешь ли ты, что мы думаем? Я хочу тебе советовать выйти за него замуж; положась на волю Божию, начни жить согласно желанию твоего сердца». Безмолвная благодарность сестры, изъясняемая лишь горчайшими слезами, была для меня красноречивее всех слов на свете; долго плакали мы все трое вместе, но эти слезы облегчали печаль сердца и успокоили нас.

В тот же самый день подав просьбу об отпуске на четыре месяца, я решился сыграть свадьбу в деревне и потом отправиться в С.-Петербург и чрез Державина или чрез кого поможет Бог испросить прощение зятю; а как по нерасположению губернатора я не мог более оставаться советником губернского правления и рисковал в случае новой ссоры повредить своему зятю, я решился, испросив ему прощение, когда кончится срок моего отпуска, выйти в отставку. В тот же день отыскал я случай продать свой дом в Уфе и все ненужные мне более вещи; с некоторою уступкою в цене, я скоро все дело кончил.

Между тем обстоятельства мои были в самом затруднительнейшем положении; долги превосходили цену имения, собственно мне принадлежащего, которое было еще под запрещением по делу о мясном торге. Поэтому я должен был обеспечить часть долгов имением матушки и братьев и сверх того остался еще многим должен по векселям. До меня стали доходить слухи, что мои кредиторы по совету губернатора и недоброжелавших мне чиновников намеревались после отъезда моего послать векселя ко взысканию в С.-Петербург и там посадить меня в тюрьму. Слухи эти, сильно действуя на мое воображение, не давали мне покоя; но как я не в состоянии был ничего сделать, то, скрывая грусть в своем

сердце, я имел надежду на одну только невидимую помощь Господа, и не напрасно.

Богатый купец[49], содержавший за три года перед тем винный откуп в Оренбургской губернии, был в Уфе. Ему нужна была по делам моя помощь; он искал тогда моей дружбы, никогда не обижал меня предложением подарка, но советовал завести винный завод в моей деревне. Он предлагал мне взаймы денег на устройство завода, обещая покупать вино и доказывая, что я в течение четырех лет его откупа буду иметь пятьдесят тысяч рублей барыша, что увеличило бы в пять раз ценность моего наследственного имения. Находя непристойным человеку, находящемуся в службе, вести торговые дела и пользоваться услугами людей, с которыми по службе имеешь дело, я не принял этого предложения; но, тем не менее, старался, сколько справедливость то позволяла, оказывать этому откупщику всякую помощь.

Сей купец, неожиданно приехавший в город, узнал от своего поверенного, что я продал дом, запродал все ненужные вещи и, послав просьбу об отпуске, не намерен более возвращаться к прежней должности, часто бывая у меня, благодарил за доброе к нему расположение. Однажды, оставшись с ним наедине, стал я говорить о домашних своих обстоятельствах и изъяснил ему, как тяжко для меня видеть разорение всей семьи, которая должна последовать от сделанных мною долгов. Находя, что долги мои не так велики, чтобы мог иметь я это опасение, он сказал: «Позвольте мне иметь удовольствие вас выкупить». Я спросил его, каким образом. «Я деньги вам дам»,— отвечал он. Я очень благодарен был ему за его предложение и представил ему условия, на основании которых почитал возможным принять его благодеяние. Я хотел, чтобы взял он от меня заемные письма с поручительством матушки и братьев и с залогом их имения до совершенной уплаты всего долга, платить же мне ему ежегодно по две тысячи рублей. Но он возразил, что все это не нужно, что он желает мне сделать услугу и тем доставить собственно себе удовольствие. Этим кончился наш разговор и более не возобновлялся. Купец уехал из города. Полагая, что это было пустое предложение, я перестал о том и думать, как вдруг с почтою получил десять тысяч рублей. Отдав две тысячи рублей его поверенному, я взял из десяти тысяч только восемь тысяч, выдал заемные письма с залогом ста пятидесяти душ и, расплатившись со всеми, избавился от страха петербургской тюрьмы.

При получении указа о моем отпуске, я тотчас отправился в путь. Губернатор, сделавшийся ко мне ласковым, просил меня заехать к нему в деревню, которая была почти по дороге. Я принял приглашение

и советовал будущему своему зятю ехать туда за несколько часов до нас и испросить дозволения проводить меня до моей деревни. Губернатор, согласившись на эту просьбу, спросил его, справедлив ли слух, что он женится на сестре моей. Чичагов сказал всю истину. Когда мы приехали в деревню губернатора, он очень учтиво нас принял и сел играть в карты с матушкою. После обеда, посадив за себя жену, он позвал меня в кабинет; затворив двери и убедившись, что никого нет в соседних комнатах, он стал уверять, что всегда уважал и искренно любил меня. Не зная, к чему ведет этот разговор, я молчал. Наконец, спросил он меня, может ли он сделать мне вопрос и ожидать откровенного ответа; я тотчас обещал ничего не таить от него. Он тогда сказал, что не верит словам Чичагова, будто он женится на моей сестре; я отвечал: напрасно не верите, потому что это правда. Тогда с видом удивления он воскликнул: «Вы ли это говорите, и как этому быть?» Тут я стал доказывать необходимость этой свадьбы, чтоб сохранить жизнь сестры и составить ее счастие, говоря, что она в совершенных летах и может иметь право располагать собою. «Но матушка знает ли?» — спросил он. «Не только знает, но и желает окончания этого дела», — отвечал я. После этого ответа, переменив тон, он объявил мне, что как начальник отдаленного края он должен донести о том высшему начальству. Я спросил: кому же он писать намерен? Он отвечал, что генерал-губернатору. Я изъяснил ему тогда, что если он хочет заставить меня не только забыть все вынесенные мною неприятности, но остаться вечно ему обязанным, то написал бы таким образом: во-первых бы, изъяснил ничтожность преступления, за которое Чичагов так строго наказан, упомянул бы, что прошло уже десять лет его ссылке, и присовокупил бы, что доброе поведение его, дав ему вход в домы начальников и всех чиновников в городе, было причиною, что дворянка идет за него замуж, и семья ее на то соглашается. Все это обещал сделать губернатор и простился со мною самым дружеским образом.

Приехав в деревню, на другой день обвенчали мы влюбленных, а на третий день я отправился в путь.

По приезде в Петербург я нашел благодетеля своего Г. Р. Державина в самом грустном положении. Жена его — больная при смерти и через несколько дней при мне скончалась[50]; он в ссоре со всеми знатными боярами; императрица была им недовольна. Рассказывая ему все несчастные мои обстоятельства, я просил доброго его совета, не ожидая от него никакой помощи; но он, движимый великодушием, придумывая разные способы, чрез несколько дней, несмотря на болезнь жены, ему милой,

поехал на праздник в Царское Село * [51] только для того, чтоб узнать, получил ли генерал-прокурор донесение губернатора и что думает он сделать. Донесение было получено, но не так написанное, как мне было обещано. Губернатор, очень дурно обо мне отзываясь, изъяснял, что вышедшая замуж сестра моя имеет собственное имение, то как приказано будет поступить с ним: взять ли его в казну или отдать в ведомство дворянской опеки?

Державин, не имея возможности просить генерал-прокурора, отыскал одного довольно уважаемого чиновника, хорошо ко мне расположенного, изъяснил все дело и чрез него устроил все так, что генерал-прокурор обещал не обратить внимания на представление губернатора.

Вскоре скончалась Катерина Яковлевна Державина, женщина действительно отличных достоинств. Он предался горчайшей печали, и я не отходил от него. Дело мое, разумеется, в это время было забыто.

Прежде еще 6 недель после смерти Державиной, императрица неожиданно по случаю дурной погоды в августе месяце переехала в Петербург. Державин для меня стал стараться сойтись с тогдашним любимцем и скоро достиг до того, что он, выслушав мое дело, дозволил мне ему представить записку для доклада императрице. В записке этой я старался изъяснить, что воспитание зятя моего в чужих краях, молодые лета его и обстоятельства вовлекли в преступление действительно ребяческое **; что наказание, подобное тому, которому подвергаются тяжкие преступники, хорошее поведение и ум его обратили на него всеобщее внимание; что я был его другом и допустил, что сестра моя в него влюбилась; что отвращение матушки к этой свадьбе и покорность влюбленной сестры едва не довели последнюю до чахотки; что тогда я склонил матушку выдать сестру за Чичагова [52], и преступление и несчастие его перешло и на нашу семью; наконец, заключил записку свою тем, что родственник и однофамилец его Василий Яковлевич Чичагов ***, оказавший некогда большие услуги государству, ходатайствовал о его прощении.

---

* Катерина Яковлевна Державина, уже смерти ожидавшая, лежала в постеле; я сидел возле нее, держа ее за руку; муж, ходя близ кровати, говорит: «Как мне поехать в Царское Село и оставить ее на два дни!» Она, его подозвав, сказала: «Ты не имеешь фавору, но есть к тебе уважение; поезжай, мой друг, ты можешь говорить за него; Бог милостив, может, я проживу столько, что дождусь с тобой проститься». Гаврило Романович страстно любил свою жену, но поступил великодушно.— ***Примеч. Мертваго.***

** 17 лет от роду он влюбился в девушку и по желанию отца ее подал в отставку. Не дождавшись указа об отставке, он объявил всем, что уволен с повышением чина; не получив этого чина, он на указе сам это переправил и вместо поручика стал называть себя капитаном.— ***Примеч. Мертваго.***

*** Известный адмирал.— ***Примеч. Бартенева.***

Эту записку, написанную на одном листе, Державин отдал Зубову и на другой день меня ему представили. Я введен был в спальню*. Я нашел тут множество людей, знатных и в чинах, стоявших раболепно перед фаворитом. Он в халате ходил взад и вперед по комнате, грыз ногти и, кое с кем свысока поговаривая, не дожидался ни от кого ответа. Малорослая с голым хвостом обезьяна прыгала по ширмам и у одного из вельмож испортила буклю, в каковом упражнении по приказанию хозяина он помешать ей не смел. Обезьяна стала приближаться ко мне и пристально на меня смотреть; убоясь, чтоб невольным каким движением не сделать противного боярину, ретировался я, не дождав счастия услышать к себе голос человека, от коего просил и ожидал милости и спокойствия всей своей семье.

Зубов отдал мою записку секретарю императрицы, который, не принимая во мне участия, доложил ее в праздник. Императрица за туалетом прочитала мою записку, и, как мне говорили, наше несчастие ее тронуло: она приказала мне объявить, что простит моего зятя при первом торжестве. На другой день я подал прошение в отставку, говоря всем, что остаюсь в Петербурге ожидать этого случая; многие выхваляли мой поступок и обещали свою помощь.

Всякому известно непостоянство человеческих чувств, и редко кому не приходилось дознать на опыте, как несчастие человека мало занимает людей, мечтающих только о своих забавах. Вскоре все забыли свое обещание, и я, боясь быть в тягость, перестал говорить о том и только старался как можно более понравиться лицам, которые в состоянии были переменить мое положение. Державин, не похожий на других, заботился обо мне не менее самого меня. Он употреблял все способы, чтобы меня не забыли, помирился с секретарем императрицы и достиг до того, что чрез месяц опять доложили о моем деле. Императрица в этот раз не была милостива, говорила, что она почитает людей, наказанных как Чичагов, выключенными из общества, предвидит, что ее будут просить о дозволении вступить ему вновь в службу и производить в чины, чего она не хочет. Кончилось тем, что она простила Чичагова; но в указе приказала дополнить, чтобы в службу его не определять и не иметь ему въезда в обе столицы. Чрезвычайно довольный, что успел успокоить свое

*** Предание рассказывает, что по утрам, выходя пудриться в уборную свою комнату, Зубов находил ее битком набитую посетителями; прямо шел к зеркалу, не обращая внимания ни на кого; и если, пока убирают ему голову, он, глядя в зеркало, милостиво кивнет кому-нибудь, тот считал себя уже счастливым.—*Примеч. Бартенева.***

семейство, я явился к Зубову и секретарю императрицы, чтобы поблагодарить их, и потом стал собираться ехать в деревню. Доклад императрице и указ о прощении состоялся в день памяти Св. Димитрия чудотворца,[53] и я дал обещание заехать в Ростов и у мощей угодника отслужить молебен за здравие Державина, моего благодетеля, оказавшего мне так много усердия и такого приятного благотворения. Но, к несчастию, у меня недоставало денег; надобно было расплатиться с мелкими долгами и иметь с чем доехать домой. Я сказал об этом поверенному нашего откупщика,[54] который так благородно меня одолжил и который в это время был в Петербурге. Я не мог вновь обратиться к откупщику с своею просьбою, тем более, что поверенный мне говорил, что они в то время нуждались в деньгах и что по первому моему заемному письму наступил срок, и не все деньги заплачены. Я старался занять у многих знакомых, но все отказывали за неимением денег. Возвратившись домой, мне доложили, что какой-то купец ждет меня в моей комнате; то был поверенный нашего откупщика, который подал мне 500 рублей, что совершенно достаточно было, по моим расчетам, на дорогу, и сказал мне, что хозяин его, имея всего только 800 рублей, узнав о моей нужде, прислал эти 500 рублей, чтобы не искал я занять у кого-либо кроме него эту сумму. Новое это одолжение еще более увеличило мою благодарность к нему, потому что в прежней должности моей я оказывал ему столько же содействия, как и всем другим, имевшим до меня надобность; теперь же в отставке, в небольшом чине, я уже и не мог ему быть полезен и заплатить за сделанное мне одолжение. Многие из покровителей моих советовали мне опять вступить в службу и поступить на прежнее место, которое было еще не замещено; но как гонения глупого губернатора, подлость раболепствовавших ему чиновников давно уже мне надоели, к тому же я раздражен был несправедливым отзывом губернатора о Чичагове и известиями, что после моего отъезда он хотел отяготить еще его участь, а потому благодарил своих покровителей за их предложения, говоря, что рад служить везде во всяком звании, куда бы ни вздумали меня назначить, но только не там, где перенес так много оскорблений.

В день отъезда моего из Петербурга назначен был в Уфимскую губернию генерал-губернатором С. К. Вязмитинов, который был сенатором в одном департаменте с Державиным[55] и очень был с ним дружен; в тот же день уволен был от службы наш губернатор. Вязмитинов в Петербурге раза два видел меня в обществе и со мною познакомился; на другой день после назначения своего встретил Державина и просил его уговорить меня возвратиться в Петербург и вступить опять в службу.

Я получил это приглашение на дороге в Москву, по совету Державина тотчас воротился, и принят был как нельзя лучше. По представлению Вязмитинова я был опять определен советником губернского правления и, занимавшись месяц с новым своим начальником, с полною его доверенностию отправился к своей должности.

Распутица на несколько времени задержала меня в Москве; я исполнил обет свой, заехал в Ростов, и довольно скоро доехал до Уфы. Гонителей своих я нашел совсем другими: они приписывали падение губернатора моему влиянию, что было совершенно несправедливо, и когда я это доказывал, то считали слова мои хитрою скромностию. Словом, я стал большим человеком в понятии этих негодяев, которые боялись, что я о всех их проступках могу довести до сведения генерал-губернатора.

Советник уголовной палаты, заступавший мое место, из подлого угождения губернатору старался найти меня в чем-нибудь виновным, но, к счастию, не успел, потому что я был прав и довольно осторожен; между тем издержал он на расходы много денег, не принадлежавших правлению. Когда я стал от него принимать должность, то привел в известность все незаконные расходы и заставил его заплатить все то, что он неправильно издержал. По приезде генерал-губернатора я его не предупреждал против этих негодяев, но он сам, скоро узнав о них, умел оценить каждого. Советник уголовной палаты, зная, что он умнее многих, и думая, что Вязмитинов не знает о дурном его поведении, просил о перемещении его советником в губернское правление на место старика, действительно неспособного; но генерал-губернатор сказал ему, что как солдатский сын он занимает место уже для него слишком высокое. Это очень огорчило советника, и как он никогда со мною не был хорош, а за несколько дней пред тем я имел с ним неприятное объяснение, то и заключил он, что один я, как короткий знакомый Вязмитинова, дал ему дурное о нем мнение. Это его раздражило и чрезвычайно озлобило против меня. Между тем уголовная плата по делу об одном исправнике, отданном под суд за взятки, вытребовала для допроса до семидесяти государственных крестьян и, замедляя дело для оправдания взяточника, долго продержала в городе бедных поселян. Наступившая рабочая пора приводила их в отчаяние; они пришли ко мне и просили о защите; я доложил генерал-губернатору, который, призвав всех присутствующих уголовной палаты к себе, долго бранил их и хотел донести о беззаконных их поступках государыне императрице. Чтобы уничтожить эти беспорядки, он приказал председателю подать в отставку, а советника перевел в такое место, где не было никакого дела.

Пока они оставались еще присутствующими в уголовной палате, то искали случая мстить мне и нашли в том возможность по неоконченному делу о мясном торге. По этому делу палата нашла меня виновным; но как ни казне ни частным людям убытков от того не произошло, то присудила на основании всемилостивейшего манифеста простить меня с подтверждением впредь быть осмотрительнее; советник же по этому делу подал мнение, чтобы лишить меня двух чинов. Подав это мнение, он послал просьбу на высочайшее имя, в которой жаловался, что генерал-губернатор от излишнего ко мне расположения притесняет его, и представил к перемещению на место, которое занимать он не желает. Когда уголовная палата представила свой приговор на утверждение губернатора, то он прислал мне его со своим секретарем и приказал сказать, чтобы я решил, что должен и может он сделать. Видя доброе расположение к себе начальника, не имеющего ни силы, ни сердца, соответствующих его званию, я отправился к нему, благодарил за его расположение и спросил, находит ли он виновным меня. Он отвечал мне, что этого не находит, но, не согласившись с палатою, должен представить дело на рассмотрение Сенату, где не надеется, чтобы мнение его утвердили, и потому, во избежание стыда и желая кончить дело на месте, полагает удобнейшим согласиться с решением палаты. Я возразил, что считаю это для меня унизительным и для самого правосудия непристойным, и что если нельзя делу дать тот ход, который оно прежде имело, то есть представить его императрице, то желаю и прошу перенести его в Сенат или позволить мне жаловаться. Вследствие того Вязмитинов представил дело в Сенат и донес, что, по его мнению, уголовная палата не имела права присуждать меня к наказанию, ибо я не был отдан под суд и не я один решал это дело в губернском правлении. В донесении своем он изъяснил, что ни казне ни частным людям убытка от действия контракта о мясном торге не произошло.

В это время дано мне было поручение, при исполнении которого я имел случай понравиться генерал-губернатору и видеть на опыте влияние, которым пользовался я в народе.

Провиантские комиссионеры, надеясь получить хлеб из сельских запасных магазинов, не сделали достаточного заготовления провианта для продовольствия войск, расположенных на линии. Казенная палата при производстве торгов думала только о собственных своих выгодах. Дело замедлялось еще и оттого, что генерал-губернатор был в то время в другой губернии, вверенной его начальству; цены, состоявшиеся на торгах, были высоки и не могли быть утверждены, а между тем проходило время,

удобное для перевозки хлеба. В этом положении дела генерал-губернатор узнает, что оказался недостаток провианта в одной из пограничных крепостей по неимению в магазине налицо того количества хлеба, которое значилось по ведомостям. Гарнизон вышел из повиновения, отправился в ближние башкирские деревни и награбил там скота и съестных припасов. Это происшествие встревожило Вязмитинова. Он бросил все дела и прискакал в Уфу, послав приказание провиантскому комиссионеру, имевшему пребывание в той пограничной крепости, явиться к нему. Генерал-губернатор, человек немолодой, слабого здоровья и до такой степени осторожный, что можно назвать его трусом, заболел от беспокойств душевных и телесных; несколько дней он был в опасности, кончилась болезнь, однако ж, рожью по ноге, препятствовавшей ему встать только с постели. Явившийся провиантский комиссионер ни в чем не умел дать ответу. Вязмитинов призвал меня, поручил поверить его отчеты и сделать распоряжение о перевозке хлеба, который еще был в некоторых магазинах, чтобы сколько-нибудь помочь наиболее нуждающимся. По поверке моей оказалось, что хлеба, состоявшего налицо, во всех линейных магазинах на продовольствие войск едва доставало на месяц и несколько дней. Сельские запасные магазины устроены были в селениях земледельческих, отстоящих на 400 верст от линии; Уральские горы и степи кочующих народов, где устроена была линия, представляли для перевозки хлеба величайшее препятствие, увеличившееся еще от необыкновенно суровой и снежной зимы так, что горы и степи были почти непроходимы. К довершению же всего недоставало сена; башкирцы кормили свой скот прутьями, что ясно показывало невозможность найти достаточное число подвод, необходимых для перевозки провианта. Наступил февраль (1795), а в конце марта надо было ожидать, в продолжение 2-х месяцев, распутицы и совершенной невозможности переехать горы. Эти обстоятельства грозили неминуемую бедою, если хлеб для продовольствия войск не будет вскорости доставлен на линию. Подвод ни за какую цену достать было невозможно, и потому самая необходимость заставила Вязмитинова приступить к крайним средствам. Он приказал мне нарядить обывательские подводы и перевезти хлеб из запасных магазинов на линию. Поручив мне это дело, он дал мне открытое предписание всем военным и гражданским начальствам исполнять все мои приказания беспрекословно.

Исчислив в губернском правлении, со скольких душ приходилось нарядить подвод и сделать распоряжение из какого магазина, куда и чрез какие именно места надо везти хлеб, я послал эти исчисления и маршрут

исправникам и хлебным приставам, приказав во избежание притеснения обывателей, чтобы при каждом транспорте в 50 подвод находился заседатель земского суда и офицер или унтер-офицер, на которых возложить прием и сдачу хлеба и ответственность в том, чтобы никому не сделано было притеснения. Я избрал себе в помощники одного из губернских чиновников и послал его в округи для наблюдения за действиями исправников и хлебных приставов, которые должны были, не упуская удобного времени, принимать меры к поспешному отправлению хлеба и наблюдать, чтобы при приеме его не сделано было никаких обид обывателям. Вместе с тем, я предписал исправникам горных и степных округов, чтобы они дали знать поименованным в предписании чиновникам башкирского народа о моем желании видеться с ними на назначенных мною местах.

Чрез несколько дней отправился я сам и предположил переехать по разным дорогам три раза Уральские горы, чтобы лично видеть, какие предстоят затруднения при перевозке чрез горы хлеба и какие меры принять против того. В проезд свой я убедился, как трудно, и даже невозможно переехать обозам чрез горы без пособия башкирцев. По дорогам к медным и железным заводам построены были казармы на каждых 20, а где и 30 верстах; в 2-х или 3-х избах этих казарм можно было устроить помещение для людей, бывших при подводах, но главное затруднение состояло в приискании сена. Чрезвычайно суровая зима того года заставила жителей свой скот, обыкновенно находящий пищу в горах, кормить дома; многие, у которых недоставало корма, покупали сено по неслыханной в тех местах цене: — 50 копеек за пуд. К довершению же всех затруднений дорога совершенно испортилась, вся выбита была ухабами, и небольшие речки в горах тронулись.

На всякой станции я находил множество башкирского народа. Я с ними ласково говорил, рассказывал им всю необходимость доставления хлеба в линейные магазины на обывательских подводах, изъяснял, как тяжела эта повинность для крестьян, и сказал, что надеюсь, что башкирцы, как добрые люди, без всякого приказания окажут им помощь, доставив на станции необходимое количество сена, поправят дороги, устроят переправы чрез речки и зажоры и, наконец, поставят необходимое число лошадей с хомутами и веревками, чтобы припречь их к крестьянским возам при перевозке провианта чрез Уральские горы. Башкирцы охотно обещали все исполнить, кроме поставки сена, уверяя, что и для продовольствия своего скота они его не имеют и кормят прутьями; что всякой заготовляет сено близ селения, из которых некоторые находятся в 200 верстах от дороги.

Оправдания башкирцев хотя и заслуживали уважение, но я не мог их принять и согласиться с ними. Требуя непременной поставки сена и обещая платить по 10 копеек за пуд, я спрашивал их, имел ли я случай по службе сделать им полезное?» Все закричали мне в ответ, что я их отец и что почти все они были произведены в чины при мне и указы о том получены за моею подписью. Тогда я сказал им: «Взял ли я с кого что-нибудь и мог ли взять? Они отвечали, что нет, а мог бы это сделать. «Следовательно, теперь,— сказал я,— могу я требовать те подарки, которые не принимал от вас при пожаловании вас в чины, при разделении ваших команд, при наряде вас на службу и когда принимал ваши просьбы. Я прошу отдать это сеном тем крестьянам, которые без того поморят своих лошадей и разорятся». Они захохотали и, потрепав меня по плечу, кричали: «Будет, на головах их перенесем, и все они будут сыты даром». Я возразил им, что крестьяне за провоз получают плату, а потому и сами должны платить за сено, но не более, как по 10 копеек за пуд, другие же пособия следует им делать даром. Почти на каждой станции я должен был повторять подобные убеждения и везде успевал в том.

Осмотрев несколько линейных крепостей, я поехал другою дорогою чрез Уральские горы и везде находил, что приказания мои исполняются, как должно. На каждой станции было по два башкирских чиновника с достаточным числом людей для исправления дороги, по два чиновника при запасных лошадях и столько же при больших ометах сена, которое беспрестанно подвозили. Везде поставлены были весы и вместо гирь положены каменья, приведенные в надлежащий вес. Я встретил в горах несколько обозов и слышал благодарность крестьян за оказанные им пособия, которых они не ожидали.

В половине марта я возвратился на короткое время в Уфу. Принятый ласково генерал-губернатором, узнав все, что мне нужно было, я отправился по третьей дороге, идущей в степи, которая была от того лучше; но близ хребта Уральских гор пересекало ее множество быстрых речек, и весна, тут наступающая ранее, заставляла всякого останавливаться ожидать летнего пути.

Я приказал остановить все обозы 25 марта там, где случится, и отпустить всех подводчиков домой кроме крестьян, нанявшихся за большую плату, чтобы могли они поспеть к яровой пашне и поправить лошадей своих, изнуренных дорогою. Распоряжение одобрено было Вязмитиновым; некоторая часть хлеба довезена была башкирцами на санях, брошенных крестьянами, другую приняли полки, чтобы перевезти весною на подъемных лошадях. Я везде брал офицеров из полков для приемки

хлеба, оставленного обозами. Из всего количества хлеба только несколько десятков четвертей не достало от раструски. Не пропало ни одного куля; более двух третей довезено до самых магазинов, и ни один крестьянин не завесновал в пути.

Вязмитинов чрезвычайно был мною доволен, превозносил меня при всех и обещал сделать для меня все, что я ни потребую.

Мне случилось напомнить ему это обещание; он сдержал слово, но с большим неудовольствием. Просьба моя состояла в том, чтобы он не преследовал моего приятеля, которого ненавидел из ревности.

Вскоре мы получили известие о кончине императрицы, и Вязмитинову повелено было немедленно ехать в Малороссию[56] принять начальство над тремя ее губерниями и соединить их в одну. Очень довольный новым назначением и показывая указ, Вязмитинов объявил мне, что он берет меня с собою, обещая дать мне хорошее место. Я тем охотнее принял это предложение, что давно желал оставить край, где так много перенес оскорблений и где большая часть людей мне не нравилась.

Я должен был проситься в отпуск. Вязмитинов послал мое прошение с нарочным и просил всех, кого мог, скорее исходатайствовать мне увольнение, и как мы рассчитывали, что наш нарочный привезет мой указ и должны мы его встретить в Казани, то он дал мне отпуск на восемь дней, и я поехал с ним. Мы действительно встретили нашего нарочного в Казани, но вместо указа о моем отпуске он привез известие, что без доклада императору меня нельзя отпустить; впрочем, это будет сделано без замедления. Опасаясь дурных последствий за самовольную отлучку, я отправился обратно в Уфу, проехав понапрасну 1000 верст.

Простившись с Вязмитиновым, я отдал ему все приготовленные мною по его приказанию бумаги, необходимые ему при вступлении в новую должность, и дал слово, получив указ о моем отпуске, немедленно приехать к нему; он же обещал мне стараться поместить меня на хорошее место и сделать меня известным государю.

Тяжело мне было возвратиться в Уфу, многие стали посмеиваться надо мною; наконец, чрез месяц я получил указ и тотчас отправился прямо в Малороссию.

Приехав в Москву, узнал я, что Вязмитинов назначен комендантом в Петербург и должен был туда ехать. По случаю нового назначения Вязмитинова я не мог служить под его начальством; все знатные лица, которых мог бы я просить о своем определении в службу, уехали тогда или отправлялись на коронацию в Москву. Я остановился в доме знакомого мне сенатора, человека совершенно праздного, и решился ожидать случая.

Государственный казначей граф Васильев [57], знакомый мне и прежде, которого я отыскал накануне его отъезда в Москву, узнав, что я желаю оставить Уфу, предложил мне место советника в экспедиции государственных доходов; я принял предложение, и он обещал устроить это дело по возвращении из Москвы.

Вскоре после того Вязмитинову повелено было управлять комиссариатским департаментом [58], который совершенно был преобразован и переведен из Москвы в Петербург. Дела департамента были в самом дурном положении: вещей для обмундирования армии недоставало, а которые и были, не подходили к образцам, вновь утвержденным. Обмундировывая наскоро несколько полков, находящихся в столицах, надо было платить за все необыкновенно дорого, и департамент издержал сумму, превосходившую в несколько раз ту, которая была ему ассигнована. Кредита не было никакого, ход дела и люди, совершенно неизвестные, словом, совершенный хаос, который надо было привести в порядок и вести скоро дело такое, которое, если бы и устроено было, представляло немаловажные затруднения.

Сначала Вязмитинов был доволен доверенностию и милостивым к нему письмом императора, но когда увидел это множество дел, не знал, каким образом все это исполнить. Не имея помощника, получая ежедневно множество приказаний, требующих немедленного исполнения, он предложил мне вступить под его начальство и обещал место военного советника экспедиции. Я еще на это не решался, но переехал к нему, стал заниматься делами и в течение четырех месяцев был вместе его другом, советником и секретарем.

Устраивая комиссариатские комиссии, надо было составлять штаты и писать инструкции для каждой должности; это дело Вязмитинов поручил мне. Я должен прочитать все повеления и комиссариатские уставы, чтобы ближе познакомиться со всеми частями, составляющими департамент: работа скучная и трудная, но она послужила мне в пользу. Я узнал эту часть и составил себе репутацию делового человека. Между тем отпуск мой кончился, и мне сказали, что если я просрочу, то рискую, что вышлют меня из Петербурга под караулом. Но что было делать! Прошения в отставку не принимали, потому что не приказано было никого увольнять без доклада его величеству, а государь уехал в Ревель. Государственный же казначей, предложивший мне место, не возвращался еще из Москвы.

Вязмитинов тогда решился просить генерал-прокурора об увольнении меня из статской службы с тем, чтобы донес он государю, что я ему

необходим для исправления дел, на него возложенных, которые ему трудно вести без надежного помощника. Эта просьба много послужила к моей славе, а между тем со своей стороны он сделал представление государю об определении многих чиновников, а в том числе и меня военным советником в комиссариатскую экспедицию.

Долго не выходило мое назначение. Между тем генерал-провиантмейстер Обольянинов, бывший за два года пред тем в одном со мною чине [59], а теперь сделавшийся сильным человеком при дворе, предложил мне место в провиантской экспедиции. Не имея охоты служить под начальством человека, к которому трудно мне было иметь чувство повиновения, я отказался, говоря, что зовет меня к себе прежний мой начальник, у которого я теперь и занимаюсь делами. Граф Васильев, возвратившись из Москвы, также звал меня, говоря, что место советника еще не занято.

Представление Вязмитинова возвращено было без утверждения, потому что государь находил, что управляющий департаментом не имеет права определять в комиссариат офицеров из полков. Тогда сделаны были два представления, — одно о производстве на вакансии чинов комиссариатского штата, а другое о назначении меня военным советником в комиссариатскую экспедицию, а секретаря Вязмитинова — казначеем.

Слишком месяц мы не имели никакого ответа; генерал-провиантмейстер по прежнему знакомству ласково со мною обходился и несколько раз повторял свое предложение, утверждая, что меня не определят в комиссариат, потому что представление сделано чрез президента военной коллегии*, которого государь не жалует. Я сказал это Вязмитинову, подстрекнул его самолюбие, которое в нем сильнее было осторожности; он осмелился написать к генерал-адъютанту, просил доложить государю о его представлении и вновь ходатайствовал о производстве чиновников комиссариатского штата и о принятии меня и бывшего его секретаря в службу.

На другой день вышел приказ о производстве всех чиновников; о нас же ничего не было сказано. Вязмитинов писал к генерал-адъютанту и просил доложить государю, что я ему нужен; но ему отвечали, что несколько раз было о том доложено, но государь изволил отозваться, что ему не угодно переводить из статской службы в военную. Вязмитинов показал мне много внимания и говорил, чтобы я назначил сам, куда он должен ехать и кого просить о моем помещении. В тот же день он послал письмо к государю, в котором, изъяснив, что расстроенное его здоровье

---

* Н. И. Салтыкова [60]. — ***Примеч. Бартенева.***

и глазная болезнь делают его совершенно неспособным к исправлению должности, и он, опасаясь сделать упущения и невинно обратить на себя гнев его величества, просит увольнения от службы.

Помня обещание государственного казначея и хорошие его обо мне отзывы, я поехал к нему и сказал, что не удалось мне служить у бывшего своего начальника и я готов принять место, которое он мне предлагал. Граф Васильев, приняв меня холодно, говорил, что у него нет вакансии и что он обещал уже двум дать место советника, и потому, если я хочу дожидаться третьей вакансии, то он очень рад иметь меня под своим начальством. Я очень был недоволен этим отзывом и по совету Державина написал к генерал-провиантмейстеру, находившемуся тогда с государем в Гатчине, что я готов вступить в службу в провиантскую экспедицию.

На другой день Вязмитинов получил милостивое письмо от государя; в отставке ему отказано и объявлено желание его величества, чтобы он остался в службе, а я переведен без переименования в военный чин военным советником провиантской экспедиции. Вместе с тем я получил приказание приехать в Гатчину.

Явившись к Обольянинову, я очень был обласкан; он предлагал мне место начальника Казанского депо и поручил мне покупку хлеба и поставку оттуда в Петербург. Это поручение, доказывавшее большую его ко мне доверенность, было мне приятно; но, боясь опять жить в провинции и желая сделаться известным государю и главнейшим сановникам, я отклонил это предложение и объяснил Обольянинову, что считаю себя неспособным к этому делу, но желаю и могу быть полезным в службе, состоя при нем, и он согласился дать предложение о допущении меня в заседание экспедиции.

III. Служба в Петербурге в провиантском ведомстве

1797 года сентября 21 дня я вступил в должность, совершенно для меня новую. Не имея понятия об обширных занятиях провиантского департамента, который имел дело со всеми государственными чинами, губернскими начальниками и земскими полициями, я обязан был знать все подробности каждого места на всем пространстве государства. Я не знал, к кому обратиться и просить изъяснить мне дело. Я в первый раз приехал в экспедицию рано поутру. Присутствующих еще никого не было; разговорился с секретарями и узнал, что по повелению государя департамент разделен на семь депо или отделений, но штат еще не был утвержден и не определены еще были ни должность, ни степень подчинения и отчетности каждого. В экспедиции не было не только что описания каждого места, где расположены были войска и откуда доставляем был провиант, но даже и Российского атласа.

Когда присутствующие съехались, то они стали мне говорить о неудовольствиях своих на Обольянинова, потому что не печется он об их счастии, что спесиво обходится и бранные присылает предложения. Просмотрев бумаги, я убедился, что действительно некоторые предложения написаны так грубо, что непристойно хранить подобные документы в архиве; ему отвечают так же; дела совсем недвижимы. Журналы за спорами не подписывались несколько месяцев. Протоколист уверял, что прежде месяца невозможно и приготовить журнал к подписи, и когда я спросил, как же посылаются исходящие, мне отвечали, что это делается, не ожидая скрепления журнала. Секретари писали резолюции, ссорили присутствующих, которые между собою бранились и более ничего не делали.

Когда занятия распределены были между присутствующими и ко мне поступили С.-Петербургское и Казанское депо, я приказал вносить все входящие в докладной реестр и подавать его ко мне для отметки

резолюций. Товарищи мои уверяли меня, что это не прилично моему званию, но я на основании закона продолжал это делать. Зная, что журналы в свое время не подписываются и не могут быть изготовлены, потому что кроме моего отделения резолюции, написанные секретарями в докладных регистрах, не сдаются по нескольку дней протоколисту, я приказал по всем статьям, по которым надо было написать исходящую, составлять особую журнальную записку и подавать ее всем к подписи. Присутствующие не соглашались сначала на это распоряжение, говоря, что подписывать записку излишний труд, но как я не соглашался посылать исходящих до тех пор, пока резолюция не будет подписана, то и решились они исполнить мое требование, которое впоследствии им очень понравилось.

Чрез несколько дней, познакомясь с делом, я писал Обольянинову, что, желая быть полезным в должности, на которую определен по его представлению, и споспешествовать его славе и намерениям, стремящимся к добру, я осмелился составить записку о настоящем положении провиантского департамента и изложить меры, которые нахожу возможными для приведения дела в порядок. В этой записке я объяснил необходимость иметь ясное понятие о состоянии всего государства, составить верную карту с описанием судоходных рек и каналов, утвердить штат департамента и написать инструкции с изъяснением обязанностей и прав каждого места и лица. Обольянинов поручил мне написать положение об устройстве департамента, прислал карту соединения Балтийского моря с Каспийским, взятую им из кабинета государя, изволил купить атлас Российской империи и приступить к сочинению предложенной мною карты о судоходных реках.

Приступив немедленно к этому делу, я составил инструкции для экспедиций, комиссий, провиантских депо и комиссионеров как постоянных, так и находящихся при отдельных командирах войск, определил их взаимные права и обязанности и изложил отчетность в делах и суммах. В письме к Обольянинову я изъяснил, что готов ехать всюду, чтобы узнать лучше все подробности дела и сообразить требования провиантского департамента с местными обстоятельствами каждого края. Я получил самый ласковый ответ от Обольянинова; он благодарил меня за представление, но писал, что послать меня не может, потому что я ему нужен в экспедиции. Все это видно из черновых копий с моих представлений и из подлинных писем Петра Хрисанфовича.

Вскоре после того государь возвратился в Петербург. Мне приказано было надеть военный мундир, представиться на разводе и благодарить

за принятие в военный штат. После того по определению коллегии я переименован был военным советником.

В день приезда государя в Петербург последовал указ о составлении военного комитета под председательством великого князя Александра Павловича. Все начальники военных департаментов и несколько заслуженных генералов назначены были членами комитета. Обязанность его была составить штаты, изыскивать средства содержать армию как можно дешевле и расположить войска на непременные квартиры сообразно местным обстоятельствам и потребностям государства.

Обольянинов, который должен был в этом случае быть государственным человеком и заслужить доверенность государя, по каким-то придворным проискам был в немилости и в первый день заседания комитета, не явившись в назначенный час, получил выговор, о котором отдано было в приказе и напечатано в газетах.

Всякой, бывший при дворе самодержавного государя, знает, сколько подобное событие унижает человека, занимающего значительную должность, какие ведет за собою последствия, а наипаче тогда, когда гнев постигнет человека, недавно еще из ничтожности возвышенного и возбудившего зависть и негодование всех придворных.

Комитет стал требовать от Обольянинова разных сведений, действительно необходимых для рассуждения о том, где лучше и удобнее содержать армию. Сведения эти получить было неоткуда, потому что экспедиция никогда ни к чему не приготовлялась.

Правитель канцелярии Обольянинова, ожидая неминуемого его падения и своей погибели, сказался больным и подал прошение в отставку. Доверенность к нему Петра Хрисанфовича и мысль, что он все знает, заставила его употреблять ласки и разные предложения, которые могли удержать его в службе; но ничто не подействовало: с первого дня он отказался от дел и ни за что не принимался.

Ежедневно бывая у Обольянинова и докладывая ему дела как экспедиции, так и вносимые им в комитет, я успел заслужить полную его доверенность. Желая знать все обстоятельства того времени, я без затруднения этого достигнул благодаря откровенности Петра Хрисанфовича, бывшего близким у государя и знакомым со всем, что окружает двор. Я знал, что все зависит от каприза, и, следовательно, нет ничего верного. Но сия самая ненадежность, подвергающая людей ежеминутной перемене, дает возможность каждому войти на стезю знатности...

Оценяя качества и способности своего начальника, я находил, что он имеет сердце, склонное к добру, много природного ума, слишком много

смелости, но недоставало в нем просвещения и знания, даже до того, что, практически зная употребление многих вещей, не мог припомнить имена их и перековеркивал многие непонятным образом. В отношении к делу, порученному ему, он знал и судил о нем как комиссионер, а не как начальник, и совершенно не видел пути, по которому должен идти человек государственный.

Я заболел и принужден был принимать такие лекарства, которые не позволяли мне выезжать в зимнее время. Обольянинов изредка приезжал ко мне и советовался о делах, которыми я продолжал заниматься; он мне рассказывал обо всем, что происходило в заседаниях комитета. Я старался внушить ему, как надо ему действовать, чтобы возвысить важность его должности и поставить себя на степень государственного человека; но видел, что он не имел успеха, соответствующего обстоятельствам того времени. Притом опасаясь, чтобы он не подумал, что я желаю быть его наставником, я решился письменно изъяснить ему то, что трудно было сказать на словах, предупредив о намерении моем составить записку о положении дел провиантского департамента, которая бы могла служить для объяснений по всем требованиям комитета. Он на это согласился и благодарил меня.

Чрез несколько дней я препроводил к нему эту записку. В виде предисловия я изложил, что Россия, изобилующая хлебом и металлами по судоходным рекам, текущим из центра государства к границам, имеет способы доставлять в каждое место свои богатства; описал течение всех судоходных рек и связь их между собою; исчислил время, необходимое для перевозки тяжестей; изложил разделение департамента на семь депо или отделений, сколько каждое из них продовольствует войск и в каком числе людей или лошадей, откуда и куда доставляется хлеб и какие правила следует издать для провиантских комиссий, депо и комиссионеров; наконец, в подробности изложил обязанность генерал-провиантмейстера, указав, на что именно надо обратить внимание, какую пользу он может оказать всем частям государственного хозяйства и какие должен иметь права.

Я заслужил совершенную доверенность и дружбу своего начальника, который и поверял мне все связи и обстоятельства государственных дел. Я почти с ним был неразлучен и прослыл у всех знатных лиц за делового человека. Обольянинов, имея много здравого ума и догадливости, говоря о делах, изъяснял часто мнение, которое не ожидали от него слышать; все это приписывали мне, что придало мне славы более, чем я заслуживал. Все дельное, им самим придуманное, относили ко мне, все же мои ошибки приписывали ему. Заметив это, я употреблял все способы

для уничтожения подобного мнения публики; перестал при посторонних людях говорить с ним о делах, стал играть в карты, часто говорил о делах экспедиции не так, как думал, и выслушивал при других наставления его, которые внушены ему были мною словесно и письменно; словом, употреблял все, чтобы возвысить в мнении других своего начальника, влиянием которого хотел сам возвыситься. Но ничто не действовало: все понимали мое поведение и не давали веры моим словам.

Согласно предположению моему, по которому провиантской департамент ежегодно обязан был давать отчет в издержанных суммах с показанием, на какие именно предметы что употреблено и что осталось к будущему году, Обольянинов приказал мне составить формы, которые и разосланы были во все провиантские комиссии и депо. Большое было затруднение привесть это все в порядок; департамент, со времени существования его не дававший отчета, составленный из людей, не привыкнувших к тому, едва мог это исполнить, и то с большими неисправностями. Составляя из отчетов комиссий, депо и комиссионеров генеральный отчет, я боялся впасть в ошибку, должен был рыться в старых бумагах и по многим статьям ожидать объяснения; словом, насилу окончил это дело в августе 1798 года.

Обольянинов, находившийся тогда при дворе в Гатчине, представил государю краткую выписку отчета. В ней выведено было, что из ассигнованной в 1797 году суммы сбережено до 1 700 000 рублей. Государь благодарил Обольянинова, расхвалил его в приказе, пожаловал ему бриллиантовые знаки ордена Св. Александра Невского, а мне и трем другим дан был орден Св. Анны 2-й степени, многие же провиантские чиновники произведены в следующие чины.

Сие событие, возродя зависть первенствующих властей, от которых государь стал требовать отчета, вооружило всех: на содержание провиантского департамента в 1799 году ассигновано было двумя миллионами менее против сделанного исчисления и употреблено было все, что только можно, чтобы привести дела в замешательство. Беспрерывное передвижение войск увеличивало издержки, а несвоевременный отпуск сумм из казенных палат подрывал кредит департамента.

По возвращении государя из Гатчины Обольянинов был не в милости; стали об нем распространять дурные слухи, явились доносы, начались следствия, и по одному делу департамент был обвинен совершенно несправедливо и наложено было взыскание на экспедицию.

В это время совершенно неожиданно я коротко познакомился с генерал-прокурором князем Л.[61], бывшим при дворе в большой милости.

Это казалось мне тогда лестным и могло быть полезно, но как случай к этому знакомству основан был на пороке, то и рад я был, между нами будь сказано, прекратить его.

Жена Вязмитинова,[62] гораздо моложе и глупее его и не воспитанная в хороших правилах, созналась мне, что ей нравится один полубоярин, глупый, как и она, но живший роскошно и дававший праздники. Сначала из шутки слушал я эти объяснения и учил ее, каким образом пользоваться приятностями жизни, не возмущая домашнего покоя; но вскоре, не знаю, как, я сделался поверенным в ее любовных интригах, которые могли дурно кончиться. Муж стал ревновать ее, она не успела быть осторожною. Сильную и явную страсть ее к любовнику заметили в обществе и, видя их общее ко мне доверие, стали говорить, что я устраиваю им свидания. Любовник употреблял все средства, чтобы чаще с нею видеться, давал концерты и приглашал лучших артистов, чтобы угодить мужу, охотнику до музыки. Удачный состав этих концертов и множество хорошеньких женщин, к нему ездивших, привлекли все лучшее общество, и в том числе и генерал-прокурора. Он пленился красотою Вязмитиновой, и люди, готовые угодить сильному боярину, стали для свидания его с нею давать праздники и сделались его друзьями. На эти праздники по желанию Л-а и согласно обычаю, принятому при дворе, приглашали только немногих; я попал в число избранных.

Почти ежедневно бывая с ним в обществе, я, к несчастию, мог видеть, как человек, обязанный заниматься государственными делами, от которого и по знанию и по особенной к нему доверенности государя зависит благополучие и несчастие многих, убивает время в платонической любви к молодой женщине, не имеющей и понятия о его обязанностях. Ребяческие ее требования он исполнял беспрекословно, часто не занимался делами или оканчивал их кое-как, спеша по приказанию ее приехать к ней или куда было назначено, чтобы взглянуть на начатую ею картину или новый узор, и просиживал иногда до двух часов пополуночи.

Положение мое было несносное. Надобно было иметь большую осторожность, и не знаю, что удерживало меня оставить этот дом. Обольянинов, бывший тогда в большом гонении (дела его поручены были рассмотрению генерал-прокурора), стал уважать меня еще более, хотя выговаривал мне, что от вечеров и ужинов расстраиваю свое здоровье; но я мог заметить, что скучное общество, в котором я находился, придавало мне в его глазах цену, и несмотря на то, что со всею откровенностию я рассказывал ему и многим другим, что генерал-прокурор никогда

не говорит о делах и, как кажется, об них и не думает — никто не хотел верить моим словам.

Чрез несколько времени открылась вакансия губернатора в Петербурге,[63] который получал 5000 рублей жалованья и дом казенный для житья. Герой, в прежнюю командиршу мою влюбленный, объявляет мне, что хочет определить меня на это место и требует решительного ответа. Подумав несколько и сообразив обстоятельства того времени, я видел, что предлагаемое место действительно самое для меня лестное и могло мне открыть путь возвыситься по службе, но как оно должно возбудить общую зависть, как я мог чрез то показаться в обществе негодяем, получающим чины чрез любовную связь генерал-прокурора, то и решился я отказаться от предложения. Я отвечал, что не хочу переменять места без согласия своего начальника, чтобы он не подумал, что я его оставляю в неприятное для него время. Требование мое на другой же день было исполнено. Обольянинов объявляет мне, что меня хотят назначить петербургским губернатором, говоря, что это для меня выгодно, и он готов тому содействовать. Я откровенно изъяснил ему, что если бы генерал-прокурор, зная меня по службе и находя способным, определил в высшую должность, я бы был доволен; но как он хочет возвысить меня за то, что я бываю в его обществе, то мне кажется неприличным воспользоваться этою милостию, тем более, что оставил бы своего начальника во время, для него неприятное, и когда я ему нужен по делам. Обольянинов был очень доволен моим объяснением, обнимал, целовал меня, и с того времени стал оказывать мне свою дружбу.

Чрез несколько месяцев дела его при дворе поправились; гонения несколько утихли, но вследствие прежних козней не отпущены были провиантскому департаменту большие суммы, на содержание его необходимые, а от беспрерывного передвижения войск расходы превосходили смету. Надо было опасаться недостатка в запасах и, пропустив время заготовления хлеба, причинить вред, который мог иметь важные последствия для государственных дел, и потому я решился вновь пустить в ход составленную мною записку о положении департамента. Оставив тоже введение, я изложил порядок, принятый для производства дел с издания высочайше утвержденного штата, обстоятельства каждой комиссии и депо, и исчислил, какие суммы по местности края необходимы для безостановочного действия каждого места, подведомственного департаменту. При этом исчислении я показал о количестве не отпущенных по ассигновке сумм и о дурных последствиях, если хлеб не будет вовремя куплен и летом доставлен на место. Я пустил по рукам эту записку, и она

дошла до сведения государя. Между тем Обольянинов успел лично все объяснить. Вследствие того переменились дела департамента; деньги были отпущены, и даже более чем следовало, и начальник мой стал сильнее прежнего. Государь, увидя его невинность и зная о несправедливом на него гонении, в знак своего благоволения пожаловал ему богатую табакерку с портретом. Я был произведен в генерал-майоры, и мне было приказано приехать в Гатчину благодарить государя на разводе.

На представлении я имел счастие слышать лестные отзывы государя, и между прочим изволил он сказать, что он рад со мною лично познакомиться, и повторил это за обедом Обольянинову. Мы опять были в милости и славе, но завистников нажили много.

По возвращении его величества из Гатчины Обольянинов под большим секретом сказал мне о намерении государя определить его генерал-прокурором. Мне очень приятно это было узнать, потому что, желая идти вперед по службе, я мог надеяться на повышение, когда начальник мой будет так высоко поставлен. Я стал заниматься разными прожектами устройства государственных дел и передавал их Обольянинову, который, изменив несколько слог и выдавая за свое сочинение, отдавал их Кутайсову[64] для доклада государю.

Много времени прошло в неизвестности; переменчивый нрав государя заставлял нас задумываться. Кутайсов между тем усиливался и очень расположен был к моему начальнику. Обольянинов, узнавая от него о намерениях государя, говорил о том со мною, и мы придумывали, в случае назначения его, что может быть сделано, что невозможно, и как действовать согласно воле государя, и как отклонять мысли его от предприятий бесполезных, не оскорбляя самолюбие властителя. В это время я убедился, что Обольянинов честен, смел, умен и готов быть полезным несмотря на то, что может тем причинить себе вред.

Осенью, когда государь был в Гатчине и мой начальник при нем находился, стали говорить в городе, что он подал прожект об устройстве народных магазинов. С этим прожектом государь повел Обольянинова в первый департамент Сената, вызванный в то время для заседаний в Гатчину, и пожаловал его сенатором.[65] Все находили прожект неудобным и отяготительным для народа и везде бранили моего начальника. Государственный казначей *, не любивший Обольянинова, сказал в обществе, что я сочиняю законы. Многие, разделяя это мнение, стали мне говорить, что я отягощаю народ, и без того уже бедный. Не имея никакого

---

* (Граф) А. И. Васильев.—***Примеч. Бартенева.***

понятия о прожекте, я сколько ни уверял, что не имею ни малейшего участия в этом деле, никто мне не хотел верить. Поздравляя Обольянинова с званием сенатора, я написал ему, что прожект его производит неудовольствие в публике, и просил дать мне знать о содержании оного. Обольянинов на другой же день доставил мне копию с прожекта, описывал случившиеся с ним происшествия, уведомлял, что прожект написан им по воле государя, и требовал, чтобы я изложил свое мнение. Прочитав со вниманием прожект, я нашел, что действительно многое в нем было неудобно к исполнению и отяготительно для народа без всякой надобности и пользы. Я послал к нему записку, в которой объяснил те статьи прожекта, которые необходимо было переменить, и изложил свое мнение, каким образом можно было это устроить. Моя критика не понравилась. При свидании нашем в Гатчине он сказал жене своей, что я хороший фрукт, но не поспел; объясняться более не хотел; а я, следуя правилам благопристойности, не начинал о том и разговора. Хотя он продолжал быть со мною откровенным, поручил мне написать прожект о устройстве коммерческой части, но я мог заметить, что по мере увеличения его власти он от меня удалялся.

Вскоре получены были в экспедиции отчеты за 1798 год. Я составил из них генеральный отчет и отправил к Обольянинову, который приказал мне приехать в Гатчину. Он хвалил меня за помещение всего отчета на одном листе и очень был доволен, что из ассигнованной суммы уменьшено издержек слишком на 1 200 000. Он советовался со мною насчет наград, и мы составили список о представляемых к орденам и чинам. Обо мне не было речи, и я молчал, полагая, что должен быть представлен с прочими, заслужившими награждение за усердие к службе. Кончилось тем, что отчет подан государю, который был им доволен, пожаловал моему начальнику Мальтийский крест,[66] осыпанный богато бриллиантами, и дом в городе. Все представленные получили награды, а я остался ни причем. Признаюсь, досадно мне было, но я это скрывал, от гордости боясь показаться обиженным.

По возвращении Обольянинова в Петербург, желая скрыть от него и от всех других свое неудовольствие, я продолжал быть в доме его, и он по-прежнему был со мною ласков и откровенен. Но как он, наверное, ожидал назначения в генерал-прокуроры, то, стараясь привыкать к новым делам, стал ежедневно ездить в Сенат, а провиантскую экспедицию оставил моему попечению, подписывал все наши журналы и определения, но почти совсем ими не занимался. Наконец, он был определен генерал-прокурором[67] с оставлением в должности генерал-провиантмейстера.

С тех пор, имея много занятий, он перестал заниматься провиантскими делами, и я управлял один департаментом.

С каждым днем становясь сильнее, он вскоре уподобился великому визирю. Все, лично имевшие доклад у государя, получили приказание присылать свои представления чрез генерал-прокурора и были принуждены объясняться по всем делам с Обольяниновым, сообразжаться с его мнением или, лучше сказать, с его приказанием, которое казалось всем волею царя. Множество дел, быстрота, которую государь требовал в их исполнении, непривычка заниматься важными делами, а более всего дурное воспитание и грубость его обхождения вооружили против него всех, имевших дело с ним.

Вскоре после назначения его генерал-прокурором по решению Сената отобраны были земли у многих помещиков в Саратовской и других губерниях, которые поступили в казну. Обольянинов, желая поощрить своих подчиненных, исходатайствовал многим сенатским и некоторым провиантским чиновникам пожалование от тысячи до пяти тысяч десятин. Это было во время летних месяцев, когда государь не жил в Петербурге. Генерал-прокурор был при нем, но по заведенному порядку приезжал еженедельно на два дни в город для присутствования в общем собрании Сената и для окончания дел, требовавших личного его присутствия. Он привез с собою указы о пожаловании землями, о чем в городе были уже слухи, и нашел в своем доме множество съехавшихся благодарить, и тех, которые по делам должны его видеть. Он думал, как говорили мне его домашние, найти меня в досаде и ожидал моих упреков, а я нисколько не показал неудовольствия и при коротких его знакомых в разговоре об этом пожаловании хвалил его справедливость. И когда Обольянинова в присутствии его мне сказала, что милость государя еще не кончилась, и я с другими генералами провиантского штата будем также награждены, я отвечал, что, не оказав никакого отличия, не за что и ожидать мне милости и стыдно было бы принять ее.

Вскоре после того Обольянинов, приехав в город, при многих стал мне выговаривать, что дела провиантской экспедиции идут медленно и что он при первом случае поступит начальнически, несмотря на приязнь ко мне, и присовокупил: «Дружба дружбою, а служба службою». Я возразил, что дела идут, как было прежде, и дал ему почувствовать, что когда он присутствовал, все я же делал. Разговор на том остановился, но когда многие вышли из комнаты, я спросил о причине подобного выговора. Много он мне называл дел, которые невозможно было решить за неполучением справок, и когда я это ему объяснил, он, несмотря

на то, говорил, что я слаб с подчиненными, не умею заставить себе повиноваться и не в состоянии никогда быть начальником. Я отвечал ему резко и в заключение сказал, что он, кажется, возвысился так высоко, что не имеет надобности созидать свою репутацию на развалинах моей. С этого времени я убедился, что не годится мне быть близким в его доме, и я стал удаляться; но дружеская ласка добродушной его жены заставляла меня быть у него чаще, чем я хотел.

Это стечение обстоятельств поставляло меня в большое затруднение. Мне казалось, что хорошее мнение, которое я заслужил, унижало моего начальника, породило в нем зависть и желание выказать, что я ему не так необходим, как полагали другие. Я примечал, что по мере умножения его власти увеличивается в нем самолюбие и гордость; и, боясь быть жертвою человека, из доброго и честного преобразившегося в обыкновенного боярина, я не знал, что делать. Это убеждение основано было и на том, что при самом вступлении его в должность генерал-прокурора он сам мне рассказывал, что государь хотел назначить меня генерал-аудитором; но Обольянинов на это не согласился и объявил, что если меня уволят из провиантского департамента, то он не может им более управлять, следовательно, в глазах государя я был ему необходим. Впоследствии неосмотрительные его доклады по делам Сената и постоянное благоволение за порядок в провиантском департаменте, вероятно, унижали его и заставляли говорить, что я был хорош только тогда, когда он мною руководил.

Я занемог в это время рожью на лице. Обольянинов, приехав из Гатчины, чрезвычайно занятый делами, навестил меня, однако, с женою своею и многими значительными людьми, искавшими его милости. Две комнаты, которые я занимал, были наполнены разноцветными лентами.

В это время получены были отчеты за 1799 год. Больной и развлекаемый гостями, я исполнил, однако, свое дело. Из составленного мною генерального отчета, который я послал к Обольянинову, оказалась передержка 1 700 000 против ассигновки сумм, и капитал настолько же уменьшился. Но из объяснения о причинах передержки видно было, что если бы войска, находившиеся в походе, были на непременных квартирах и провиантский департамент не принужден был производить расходы, не исчисленные в смете, то не вышел бы из ассигнованной суммы, несмотря на то, что повсеместно возвысились цены на хлеб и сено.

Хотя и старался я оправдать передержку сумм, но как капитал департамента был тронут, то и не ожидал ничего хорошего, тем более, что начальник ко мне был нерасположен; но совершенно неожиданно получил

в награду пять тысяч десятин земли и пожалован почетным командором ордена Св. Иоанна Иерусалимского.[68] Мой начальник написал мне поздравление в пышных выражениях и, приехав в город, при свидании сказал, что очень мною доволен. Жена его рассказала знакомым моим и мне подтвердила, что государь, рассматривая отчет, изволил отозваться, что по обстоятельствам прошедшего года он не надеялся, что так мало будет передержано против ассигновки, благодарил Обольянинова и приказал представить к награде тех, кого он считает достойными, прибавя, чтобы не забыл меня. Вследствие этого я и пять генералов провиантской экспедиции были представлены, и государь назначил нам ордена, но начальник наш доложил, что мы все небогаты и что мне не на что купить карету, на что государь сказал: «Что же им дать?» — и обещал исполнить по назначению Обольянинова. Тогда он выпросил нам в Саратове земли, и приказано было написать указ о пожаловании нам по пяти тысяч десятин.

Обольянинову известны были все подробности моих домашних обстоятельств. Он знал, что я был должен около 15 000 рублей, которые если не превосходили, то уж верно были равны цене принадлежащего мне имения. Я никогда не жил в роскоши и, терпя всегда нужду, сделал этот долг на службе, потому что одним жалованьем жить было невозможно, незаконных же доходов никогда не имел, не имею и не буду иметь. Прежде, когда казался я ему нужен, он делал мне разные предложения для поправления моих обстоятельств, но я всегда отказывался. Однажды, принимая во мне большое участие и узнав, что я сильно беспокоюсь о своих долгах, которые могли нарушить покой матушки, он дал мне свидетельство на свое имение и предлагал заложить его в банке и расплатиться с кредиторами. Я не принял этого предложения, и потому теперь, когда он стал первым наперсником государя, чрезвычайно щедрого, и выпрашивал всем царские милости, я мог надеяться, что он выведет меня из отяготительного моего положения. Однажды в разговоре я сказал ему, что почел бы себя счастливым, если бы мог продажею пожалованной мне земли расплатиться с моими заимодавцами, и освободить от залога имение, в котором живет матушка. Он холодно отвечал: «Верно, выручишь денег более, чем должен». И конечно, я бы выручил более, если бы получил землю, какую он мог мне назначить по указу государя; но вместо того он приказал все земли, вновь дошедшие казне в Саратове, разделить на участки и прислать описание их в Сенат с тем, чтобы жребий решил, кому достанется какой участок. Он этим распоряжением поставил меня наряду со всеми чиновниками, которые себя не забывали

и, не имея наследственного имения, жили в роскоши и которых поведение прежде он часто осуждал в разговорах со мною. Так-то переменяются люди по мере перемены с ними обстоятельств. Я, однако же, не обвинял своего начальника за то, что он не старался устроить мое состояние. Мне казалось, что он имеет большие на меня виды. Я слышал от многих, что он желает определить меня секретарем государя на место Н...* [69], которого должность была самая важная из секретарских мест, и что он намерен устроить таким образом это дело, чтобы ни просить ни рекомендовать меня, а заставить взять меня в секретари как бы против моего желания, уговорив меня принять это назначение, и угодить тем государю. Он мне несколько раз говорил, что мне надо переменить место своей службы; я всегда отвечал, что я готов на все, лишь бы не служить без пользы и прилично моему званию.

Время это было самое ужасное. Государь был на многих в подозрении. Тайная канцелярия была занята делами более вотчинной; знатных сановников почти ежедневно отставляли от службы и ссылали на житье в деревни. Государь занялся делами церковными, преследовал раскольников, разбирал основание их секты, многих брали в тайную канцелярию, брили им бороды, били и отправляли на поселение. Словом, ежедневный ужас. Начальник мой стал инквизитором, все шло чрез него. Сердце болело, слушая шепоты, и рад бы не знать того, что рассказывают.

В марте месяце 1801 года государь скоропостижно скончался. Событие это и без меня известно.[70] Я расскажу только, что случилось со мною. Поутру, до рассвета, я слышу, сильно звонят у моих дверей. Приехал мой знакомый и, входя в спальню, сказал мне, чтобы я скорее одевался, и объявил, что государь скончался. Только что я стал одеваться, приходит провиантской унтер-офицер с рапортом и, боязливо отзывая меня в сторону говорит, что войска собираются и с чем-то друг друга поздравляют. Потом вскоре приехал экзекутор и объявил приказание вице-президента тотчас явиться в военную коллегию. Одевшись как можно скорее, я поехал к Обольянинову. Но кругом его дома я нашел множество солдат с ружьями, и офицер запретил мне войти. Я отправился в коллегию и нашел множество военных, ожидавших приезда вице-президента. Накануне я виделся со многими у генерал-прокурора, и они, полагая, что я его приятель, учтивы были со мною до невозможности; но тут не смотрят на меня и стараются быть от меня подальше. Зная чистоту своего поведения, я нисколько не смутился и, видя в них

---

* Нелединского? — ***Примеч. Бартенева.***

эту крутую перемену в обращении, вместо оскорбления или досады смешны и жалки мне были эти люди, во всяком случае одинаково подлые. Хотя из любопытства я и желал вступить в разговор с кем-нибудь из них, но, зная, что они мне ничего не скажут, а подумают, что я на них похож, я удержался. Наконец, приходит военный советник Б...*[71], бывший правителем канцелярии Обольянинова, и говорит мне шепотом, что в час пополуночи арестовали генерал-прокурора, войска расставлены были в доме и кругом его, чтобы никого не впускать, а Обольянинова повели пешком в ордонанс-гаус[72], откуда он уже отпущен и теперь находится в своем доме под караулом.

Вице-президент **, войдя в присутствие военной коллегии, прочел манифест о кончине государя Павла Петровича и о вступлении на престол Александра Павловича и, по приводе нас к присяге, приказал всем начальникам департаментов идти в свои экспедиции и привесть к присяге всех, подчиненных им. Подозвав присутствовавшего в провиантской экспедиции генерал-лейтенанта Ханыкова[73], вице-президент поручил ему принять в управление провиантской департамент.

Я попросил позволения нового моего начальника и поехал к Обольянинову[74]. Не доезжая до дома, увидел я кругом его войска, и потому, выйдя из саней, пошел пешком. Чрез дверь и по маленькой лестнице я вошел в дом и застал в столовой офицера, который, к счастию, знал меня. Он спросил меня, зачем я пришел, и позволил мне идти к вчерашнему моему начальнику. Я нашел его в постеле с совершенно спокойным лицом. Жена, сестра и другие женщины, живущие в доме, сидели возле. Он очень мне обрадовался и рассказал о происшествиях, с ним случившихся. В час пополуночи, когда он еще не заснул, пришел к нему плац-майор с командою, объявил, что он арестован, но не сказал, по чьему повелению, позволил ему одеваться в столовой, окружив его солдатами с ружьями и с примкнутыми штыками.

Зная переменчивый нрав покойного государя, Обольянинов думал, что это все происходит по его повелению, несмотря на то, что только вечером в девять часов от него уехал, и государь был очень к нему милостив. Думая о том, чем он мог провиниться, и вспоминая все то, что он говорил и делал, он не понимал причины такой сильной строгости.

Когда он оделся и плац-майор приказал ему идти за ним, Обольянинов отдал ему свою шпагу, объявив, что, занимаясь государственными

*** Василий Кириллович Безродный.— *Примеч. Бартенева.***
**** Генерал-от-инфантерии Ламб[75].— *Примеч. Бартенева.***

делами, у него есть бумаги, заключающие в себе тайну, запер при нем свой кабинет и ключи взял с собою. Его привели в ордонанс-гаус, где он лег на канапе[76], и уснул. Я считал это важным доказательством чистоты его сердца, а многие за то его осуждали, говоря, как можно уснуть спокойно под арестом, когда в ту же ночь он засыпал, воображая себя полномочным доверенным царя. Когда рассвело, ему объявили о кончине государя и дозволили возвратиться домой, где оставлен был один офицер для надзора.

После обеда я поехал домой узнать, нет ли какого приказания по делам, которыми я заведывал. Я возвратился к Обольянинову часа через два, нахожу его бледным, пожелтевшим, а жену его в другой комнате в пресильной истерике. Он спросил меня, может ли надеяться, что я не откажу сделать ему большое одолжение? И когда я отвечал, что готов на все, он просил меня съездить во дворец, отыскать там одного из Зубовых[77] и просить их ходатайства, чтобы посадили его в тюрьму, если он виноват или это необходимо, но избавили бы дом от караула, потому что жена его лишь увидит офицера к нему приставленного, падает в обморок и с нею делаются сильные истерические припадки. Недавно еще Зубовы были в гонении, жили под присмотром в своих деревнях, им было запрещено видеться друг с другом, и пожалованные им императрицею имения были конфискованы; им оставили только родовые, обремененные долгами. Обольянинов из тщеславия и желания показать свою силу и обязать людей, бывших в большой силе, успел отсоветывать государю пожаловать эти имения герцогу Александру Виртембергскому[78], отдал их в управление человеку известному, привел эти расстроенные имения в порядок, приказал окончить дела по спорам о землях, которые могли стоить Зубовым больших хлопот и издержек, исходатайствовал им прощение и, возвратив имения, сделал их богаче прежнего. Но они забыли цену благотворения, основанного единственно на одном тщеславии.

Приехав во дворец, я увидел князя Зубова у подъезда. Я нагнал его на лестнице, и когда он увидел меня и спросил, что мне нужно и каков Петр Хрисанфович, я передал ему просьбу Обольянинова. Он отвечал, что государь не имеет к нему доверенности, и потому он не может быть генерал-прокурором, что караул приставлен не к нему, а к делам, находящимся у него. Я сказал тогда, что за дела должны отвечать чиновники, и они находятся не у него, потому что всякое представление, утвержденное государем, передано в Сенат; в тайной экспедиции есть сенатор, заведывающий этими делами, генерал-прокурорские у экспедиторов, а у Обольянинова в кабинете могут быть только одни прожекты для доклада.

Но если даже и предположить, что у него в кабинете есть важные дела, которые надо сохранить, то предосторожность пустая, приставив к ним офицера, которого Обольянинов может увести в дальние от кабинета комнаты, и в это время можно истребить все, что необходимо. А потому, если некому поручить должность и принять дела, бывшие в производстве генерал-прокурора, то лучше все запечатать до этого назначения и самого Обольянинова заставить быть хранителем печати. Зубов обещал мне тотчас доложить государю и вечером приехать к Петру Хрисанфовичу.

Не успел я отдать отчет в своем поручении, как прибыл посланный государя, который выговаривал офицеру за то, что он ходил во внутренние комнаты, и приказал ему быть в передней. Вскоре потом приехал главноуправляющий кабинетными делами. Он посмотрел все бумаги в кабинете и, видя, что действительно хранить нечего, отослал караульного офицера. Князь Зубов также приезжал, но Обольянинов не приказал его принимать. На другой день, когда позволено было ему приехать во дворец, все Зубовы подходили к нему и хотели с ним объясниться, но он отклонил это.

После милостивого приема государя был большой съезд у Обольянинова, так что ему прислали сказать, чтобы он много к себе не принимал и чтобы поменьше болтали в доме его. Это сказано было насчет его жены, которая действительно позволяла себе говорить много лишнего. Военный генерал-губернатор граф Пален [79], бывший с Обольяниновым в открытой вражде, стал письменно требовать от него объяснения. Петр Хрисанфович отвечал действительно сам и изложил всю истину, которая всегда была для него похвальна. Вскоре он потребовал, чтобы я к нему не ездил, потому что это может быть вредно для меня, а для него опасно. Он рассказывал мне, что записывают, когда и долго ли я у него бываю, и требовал, чтобы я прекратил свои посещения, сказав: «Видишь, брат, думают, что ты меня учишь».

Я провел вечер и следующий день дома и в экспедиции. Признаюсь, тяжело мне было. Зная, что граф Пален, бывший тогда в большой силе, подозревал меня близким к Обольянинову, которого он ненавидел и который обращал на себя большое внимание по тогдашним обстоятельствам, что он легко может сделать со мною все, что захочет, я решился не показываться в обществе. Дружба, которую я и прежде питал к прежнему своему начальнику, возродилась с большею силою в сердце, когда я увидел его сильное падение, К этому присоединилась мысль, что, покинув Обольянинова, я могу показаться трусом или человеком неблагодарным. Я на третий день пришел к нему пешком и узнал, что он получил

отставку и очень довольный уезжает в деревню. Я провел с ним все это время; мы расстались друзьями, с тех пор ведем между собою переписку и желаем увидеться, но Бог знает, когда это случится. Когда я прощался с ним и благодарил за все сделанные мне одолжения, он сказал, что чувствует себя обязанным и не знает, кто из нас кого более одолжал. Одно мне только показалось смешно: перед самым отъездом, разбирая книги и бумаги, бывшие в его кабинете, ему попалось описание, мною составленное, о состоянии провиантского департамента. Он положил его к тем бумагам, которые брал с собою, и сказал: «Я это здесь не оставлю, пусть назначенный на мое место потрудится сам собрать все содержащиеся тут сведения». Если бы он не был в гонении, я бы не вытерпел дать ему хороший урок, но тут промолчал, подумав только, до чего человек может забыться, когда обстоятельства возведут и низведут его гораздо далее черты, предназначенной ему судьбою.

После отъезда Петра Хрисанфовича я почти никуда не ездил, более прежнего занимался делами, старался все привести в такой порядок, чтобы новый генерал-провиантмейстер не мог выговаривать нам за неисправность, исправил составленное мною прежде описание о состоянии департамента, дополнил его новыми сведениями, словом, приготовил множество дел, чтобы встретить как должно нового начальника. Долго не выходило это назначение, и слух, что будет определен генерал-провиантмейстером человек, давно мне знакомый и хотя гордый, но умный и бескорыстный, заставлял меня с большим удовольствием заниматься этими приготовлениями.

Прошел месяц, и все забыли о прежней моей силе у начальника. Наступила Святая Неделя, а с нею и необходимость ехать с визитами. Я имел удовольствие видеть, что меня хорошо принимают, был и у Зубовых, которые были со мною очень учтивы, но сделал этот визит из одного приличия: я не желал бы с ними сблизиться, не имея к ним уважения, и поистине не принял бы повышения, которым бы мог быть им обязан.

Обстоятельства последних четырех лет, которые были мне довольно известны, заслуживают того, чтобы сохранить их надолго в памяти... Послы за границу чрез фельдфебелей проваживались как бы подпоручики гарнизонных полков.

Французская революция потрясала троны. Покойная императрица, искусно пользуясь смятениями, присоединила несколько губерний от Польши и объявила войну против Персии [80]. Войска наши перешли через Кавказские горы и приблизились к Анатолии; это сделано было, как говорят, для того, чтобы поступить с Турциею, как поступлено было

с Польшею, и восстановить всеобщий мир в Европе. Государь оставил завоеванные места Персии, отозвал войска, объявив, что не хочет никакой войны, не желает никакого приобретения, а намерен беречь своих людей, не мешаться в чужие дела и иметь попечение о том, чтобы внутреннее устройство государства доведено было до степени желаемого им совершенства.

Чрез год по вступлении его на престол великая княжна Александра Павловна[81] помолвлена была за эрц-герцога Иосифа, брата австрийского императора. Государь стал мешаться в дела соседа, бывшего тогда в войне с Французскою республикою. Он послал в Австрию вспомогательный корпус и по представлению полномочного посла Римского императора вызвал из деревни знаменитого фельдмаршала Суворова[82] и назначил его главнокомандующим. Вскоре потом на основании трактата, заключенного с Англиею, посланы были против Франции еще два вспомогательных корпуса, один в Швейцарию, а другой в Голландию. Войска под предводительством фельдмаршала Суворова прославили Россию: в одно лето вытеснили французов из Италии, перешли Альпийские горы, выиграли много сражений и подошли к границам самой Франции; другие два корпуса действовали неуспешно и при первых встречах с неприятелем проиграли сражение и потеряли много людей. Государь возымел подозрение, что союзники, желая загребать жар чужими руками, дурно вспомоществовали общим предприятиям. Это сделало совершенный разрыв, все войска без всяких предварительных сношений отозваны были в Россию. Возвращение их было затруднительно, но общее почтение к храбрости и честности русских отверзало им повсюду путь, и недоброжелательные нам бывшие союзники доставляли войскам продовольствие.

Небольшое число наших пленных, взятых французами, должны были быть выменены на пленных, находившихся у австрийцев и англичан, но как внезапный разрыв с союзниками не позволял требовать этого обмена, то все пленные выключены были из службы, что возбудило общее негодование и много добрых искр загасило в сердцах.

Я забыл упомянуть о главном поводе объявления войны. Союзники, не имея в Средиземном море достаточных морских сил, предложили императору Павлу I принять под покровительство России остров Мальту[83], предательски занятый французами. По совершении церемонии он принял от бродящих без пристанища кавалеров звание великого магистра ордена Св. Иоанна Иерусалимского, назначил в Мальту гарнизон и коменданта и приказал внести город в календарь наравне с губернскими

городами. Англичане в это время заняли остров и, продолжая переговоры до прекращения союза, присоединили его потом к своим владениям.

Франция в это время была в затруднительном положении: лучшие войска ее почти в плену, в Египте, у турок и англичан; она была в войне со всею Европою. Первый консул Бонапарт, желая вступить в союз с Россиею, написал письмо к государю, в котором, называя его неограниченным монархом, уведомлял, что 5000 наших, зная, что они исключены из службы, не принимают никаких выгодных предложений французского правительства и остаются верными своему государю и что Франция готова отпустить их без вымена, желая тем показать свое желание быть союзницею России. Это письмо было прислано с майором, бывшим в плену, который рассказывал, что наши пленные одеты по новой форме, установленной государем, что из них составлены батальоны, которыми командуют русские офицеры и генералы и обучают их согласно вновь изданному уставу. Государь так пленился и так чувствительно принял это известие, что, говорят, плакал и более суток не мог ничего есть; с этого времени началась дружеская переписка с Бонапартом, и наши пленные выступили в Россию.

На основании союза, заключенного с французами, конфискованы были все английские суда в наших портах; конторы их в Петербурге и других приморских городах подвергнуты были осмотру, и сочтены были их капиталы. Думали этими мерами получить большие выгоды, но обманулись. Нарушили только доверие, которое должно быть свято почитаемо просвещенными народами, а дело показало, что конторы существовали одним кредитом и что нашего капитала в чужих краях более, чем англичане в России имеют его. Этот поступок послужил лишь к явному разрыву с Англиею. Вследствие того заключен был оборонительный северный союз с датчанами и шведами, получающими хлеб из России. Начались приготовления к защите берегов Балтийского моря, построены были батареи, маяки и расстановлены всюду войска; все это стоило больших издержек казне и изнурило только людей.

Чтобы англичанам причинить чувствительное зло, которое бы могло их разорить совершенно, приказано было 40 Донским полкам со всею конною их артиллериею совершить удивительное предприятие. Они должны были от Оренбургской линии чрез Киргизскую степь проникнуть в Бухарию и Хиву, освободить там наших пленных, следовать чрез степи в Индию и разорить английские поселения. Бонапарт в это время должен был послать часть французских войск из Египта чрез Сирию для соединения с Донскими казаками. Англичане после совершенного поражения

Типо Саиба[84] имели мало войска в Индии; при помощи русских и французов восстали бы все недовольные, и можно было надеяться лишить англичан этой отхожей их пустоши, составляющей все их богатство и силу, и если бы войска перенесли влияние климата и преодолели трудный путь, то возвратились бы с большим богатством.

Все эти предположения не осуществились по случаю кончины государя. Английский флот перешел чрез Зунд, сильно при том пострадал, но причинил большой вред датчанам. Донские казаки уже были на Оренбургской линии, пройдя более тысячи верст. В это время им велено было идти назад, и английский флот пошел обратно к своим берегам.

Много я распространился в описании происшествий, до меня не касающихся; пора приняться за себя.

Чрез месяц после кончины государя назначен был в генерал-провиантмейстеры Свечин*, которого я совершенно не знал, и который имел большие неприятности с Обольяниновым. Известие об этом назначении не могло мне быть приятно. Я ожидал до того времени служить под начальством человека, давно мне знакомого, и приготовил для него все сведения по провиантской части. Узнав о назначении Свечина вместо того, которого ожидал, я решился не представлять ему мою работу, чтобы мое усердие о пользе службы не показалось желанием подслуживаться.

Я приготовил заранее все сведения, которые провиантская экспедиция должна была представить новому начальнику, и пересмотрел все то, что можно было потребовать из канцелярии генерал-провиантмейстера. Узнав поутру о назначении Свечина, я успел в тот день снова все пересмотреть и проверить и со всеми этими сведениями и донесениями, после того полученными, несколько раз заезжал к заведывавшему экспедициею старшему члену генералу Ханыкову, но не заставал его. На другой день, приехав к нему поутру, мне сказали, что он еще спит. Я отправился в экспедицию, пересмотрел вновь полученные рапорты и предписания военной коллегии и опять поехал к Ханыкову передать ему все бумаги и просил представить всех членов экспедиции, и в том числе и меня, новому начальнику. Ханыков, очень недовольный назначением Свечина, не торопился одеваться и принудил меня с досадою ему напомнить многие мои услуги, которые действительно он должен был считать за одолжение и за которые я требовал только того, чтобы избавил он меня от

---

* **Николай Сергеевич, муж известной отступницы от православного закона, Софьи Петровны Свечиной, урожд. Соймоновой.[85] — *Примеч. Бартенева.***

4 Зак. 3729

неприятности получить выговор или быть дурно принятым начальником за то, что по обязанности своей к нему не явился. Ехать же одному без бумаг, которые надо было ему представить, мне казалось непристойным. Насилу дождавшись окончания туалета, мы приехали к Свечину и застали его на крыльце, когда он хотел садиться в карету. Он сказал Ханыкову, что, давно его ожидая, он уже думал ехать к нему, чтобы получить необходимые сведения прежде представления государю, потом он мне поклонился и просил извинения, что принимает меня на крыльце; я принял это тогда за учтивый выговор, но после узнал, что это было так сказано.

В первые дни вступления своего в должность Свечин обращался с вопросами к старшему члену Ханыкову, который ничего не знал, кроме придворных связей и способов наживаться службою, и потому он вскоре привыкнул рассуждать со мною о делах и показал мне желание со мною сблизиться. Видя, что он имеет доброе сердце и по воспитанию своему получил многие полезные сведения, хотя и недальнего ума, я находил, что он может быть полезным начальником обширной провиантской части. Узнав, что он хочет устроить главные магазины в тех местах, где назначены были депо и доказывая ему невозможность этого дела, я ему отдал все сведения, изготовленные мною прежде, и карту судоходных рек и всех тех мест, где существовали магазины и где необходимо было оные устроить.

Познакомясь с ним короче и часто рассуждая с ним, я видел, что он добр, но по простоте своей не может быть тверд в своих мнениях. Хорошее воспитание давало ему вес в глазах людей неосновательных, и потому я видел его в одно время и полезным и ненадежным. До меня дошли слухи, что хотят прежнего моего начальника обвинить, чтобы оправдать в публике сделанное ему оскорбление. Свечин мне подтвердил эти слухи и сказал, что государь спрашивал о всех его подчиненных, и в том числе обо мне, и он отзывался, что все дела экспедиции производятся мною и что он находит мое поведение согласным с обязанностию благородного человека; и потому, обязанный ему за этот отзыв и видя, что чрез него я могу защитить прежнего моего начальника, я всячески старался быть ему полезным. Я был у него ежедневно и изъяснял, каким образом привести дело в должную исправность; в свободное время я не ездил в общество, а сидел дома и составлял для нового начальника записки.

В это время вздумали послать инспекторов по провиантской части, и меня назначили освидетельствовать Рижское и Киевское депо. Я готовился уже ехать, но в самой день отъезда прислал мне Свечин два секретных предписания, в которых, описывая дороговизну хлеба, огромные издержки по продовольствию войск в губерниях, присоединенных от

Польши, сведения о неурожае в том краю и трудностях перевозки, далее объясняя, что Польша всегда считалась землею хлебородною и могла продовольствовать целые армии, он поручал мне вникнуть во все подробности этого дела, обнаружить злоупотребления военных и губернских начальников и провиантских комиссионеров, просил меня уведомлять его письменно о средствах, которые могут искоренить это зло; заключил тем, что от усердия моего и искусства будет зависеть польза, которую ожидают и государь и отечество.

Подобная доверенность лестна была моему честолюбию и открывала мне возможность показать себя и сделаться действительно полезным; но я в тоже время предвидел опасность гонения от множества людей, противу которых должен был действовать. Изъяснив Свечину все мои опасения и взяв с него слово, что будет защищать меня от нападений, я решился поступать как должно — по совести.

Я поехал по берегу Балтийского моря до самой Прусской границы. Я нашел тут злоупотребления, не заслуживающие большого внимания, видел бедность крестьян, управляемых алчными помещиками, богатство торговли, доставляющей мало пользы государству, потому что выгоды купцов были велики; бесполезные издержки казны для защиты берегов от ожидаемой высадки англичан, количество войска, несоразмерное ни с необходимостию, ни с возможностию содержать его, которое терпело во всем недостаток и размещено было до того тесно, что негде было укрыть людей и защитить их от суровости климата; вместе с тем оно стесняло обывателей, распространяло в недостаточной земле голод и мешало им обрабатывать неблагодарный грунт их земли. Я донес о своих замечаниях начальнику и представил исчисление, сколько содержали здесь войск при покойной императрице, когда Курляндия и Литва только что были присоединены к России[86] и когда помещики этих мест и всей вообще Польши, имея в совершенном повиновении народ, волновали его против нас, не желая из аристократического правления подчиниться самодержавному. Я доказывал, что Россия во время разделения Польши, домогаясь для живого по реке Неману урочища завладеть Мемелем и готовясь объявить войну Пруссии, вместе с тем по случаю несостоявшейся свадьбы[87] короля Шведского с Российскою великою княжною, ожидая войны со Швециею (которая всегда имела великое влияние на лифляндцев и эстляндцев) содержала в том краю вполовину менее войска, чем в теперешнее спокойное время.

Проезжая Литву, надседалося сердце от жалости и досады. Богатая земля населена людьми, томящимися в рабстве, и глупые паны, водимые

жидовскими плутнями, управляют с необузданною властию крестьянами, доведенными до совершенной нищеты. Обычай отдавать имение в аренду уничтожил всякое человеколюбие и промышленность. Нет никаких заведений, которые приносили бы пользу и распространяли изобилие. Много наезжал я таких селений, где нельзя было достать кусок хлеба, а между тем в городах царствовали беспутная роскошь и сластолюбивая праздность. Жиды всему злу корнем, и все исправляется чрез них. Грабеж бессовестный и бесстрашный. Провиантские комиссионеры, совокупясь интересами с чиновниками губернскими, брав в часть или обманывая военных, воруют беспутно смело. Жиды маклерствуют и у всех в части. Одним словом, совершенное распутство.

Запрещение вывозить из России хлеб обратили прусаки для обогащения себя; река Неман, с Пруссиею граничущая, передавала российской хлеб Пруссии, которая продавала его англичанам, датчанам и шведам до 15 рублей за четверть по курсу на наши деньги. Хлеб в том краю от многого собрания войск, от непомерного курения вина и от предательства жидов ценою возвышался, и сие возвышение, облегчая способы к большим грабежам казны, было одобряемо всеми большими нашими боярами, по разделении Польши имения получившими в Литве, коим чрез то доходы возвышались. Деньги, серебряною монетою тамо ходящие, привозимы обозами из Москвы и Риги в Вильну, отколе чрез жидов и многих панов, задолжавших мемельским, данцигским и кенигсбергским купцам, передавались в Пруссию. Словом, видел я, что Литва остается Прусскою провинциею, отданною России на аренду. Все сие во всей подробности, основываясь на доказательствах, описал я моему начальнику.

Изыскивая средства к уменьшению расходов в Литве и поставлению хотя несколько преграды выходить российской монете в Пруссию, вздумал я испытать, нельзя ли доставлять ей хлеб из Малороссии, дабы деньги, на то употребляемые из казны, рассыпались подалее от границ; платеж же за провоз входил бы мелкими частями в карманы обывателей того голодного края. Давно уже мне известно было о канале[88], иждивением польского маршала Огинского выкопанном, который соединяет реки Шару в Неман и Припеть, в Днепр текущие. С кем ни разговаривал о сем в Литве, кого ни спрашивал, никто ничего не знает; а некоторые смеялись заблуждению моему, говоря, что то вещь невозможная, и сумасшедший Огинской, издержав на копание канала много денег, не пользовался им. Хотя отзывы сих людей приводили меня несколько в сомнение, но, однако ж, не отвратили от намерения. Свидетельствуя

магазины, доехал я до местечка Слонима, на берегу реки Шары находящегося, до коего беспрепятственно плавают от Немана с довольным грузом суда. Тут, взяв двух человек нижних провиантских служителей, исходатайствуя от земского исправника обывателям приказ, чтобы давали мне работников, я отправился вверх по Шаре чрез места действительно необитаемые, а потому никому неизвестные. В пять дней совершил я путь и удостоверился собственным опытом о возможности сей коммуникации. Из Пинска я отправил лодку в Киев, а сам поехал в Брест Литовской и после на Волынь. В Киеве купленный хлеб со всеми издержками при доставлении обошелся менее трех рублей за четверть, будучи доставлен в те места Литвы, где ниже десяти рублей никогда покупаем не был. Все сие также со всею откровенностию донес я начальнику с приобщением моего мнения о способах к сбережению казны. Будучи на Волыни, расстоянием от Петербурга за 1800 верст, получил я с нарочным ордер. Начальник мой, описывая надобность моего возвращения, назначает мне срок чрез двенадцать дней. Исполняя в точности предписанное, успел я заехать в Киев, посмотреть редкости сего древнего русского города и сделать распоряжение о покупке хлеба, в Литву, как выше сказал, доставленного.

Претерпя беспокойство продолжительной дороги, явился я к начальнику точно в назначенный день. Он удивился, встретясь со мною, объявляя, что совсем не ждал меня так скоро; положил же срок для того, чтобы старался я поспешить. Признаюсь, досадно мне было, тем паче, что узнал причину, для коей призван был. Она состояла в том, чтобы старшего члена, прежде должность начальника исправлявшего, потешить отпуском в Москву, а меня на время отлучки генерал-провиантмейстера оставить управляющим экспедициею. Попенял я командиру, сказав столько правды, сколько благопристойность и осторожность дозволяла, принужден был проглотить пилюлю, уже не впервые мне чрез франта подносимую. Начальник мой хотя уверял меня, будто причиною сего со мною поступка есть следствие доверенности; но я все-таки ему твердил: «Когда я больше доверенности имею, зачем же тот меня старее?»[89]

Дни чрез два по приезде моем в Петербург явился я у вице-президента, в большой доверенности у государя находящегося. После ласкового приема позвал он меня в особую комнату. Тамо, затворя двери, начал предисловие объявлением, будто государь имеет выгодное обо мне мнение, и чтобы, для укоренения оного, обещал я ему скромность и точное исполнение того, о чем просить будет. За все благодаря и все обещая, узнал я, будто государь имеет намерение обуздать прихоти военных

начальников и пресечь злоупотребления провиантских и губернских чиновников; а потому желает найти благовидное средство возложить продовольствие войск на дворянство и купечество; на сем основании приказывает мне написать примечания мои, соображаясь обстоятельствам, мне известным.

Возражая на сие предложение, представил я, что главное число войск, содержимых во всегдашней готовности к походу, находится и по обстоятельствам государственным находиться должно в таких местах, где мало, а инде и совсем нет ни дворян ни купечества. Хлеб же для продовольствия их доставляется из отдаленности чрез продолжение немалого времени; следовательно, возложа сие на частных людей, не отяготить бы их чрез меру и не рисковать бы иногда невозможностию содержать и умножить войско там, где оно понадобится. Таковой отзыв принял он с уважением и, очень учтиво мне поклонясь, сказал, чтобы написал я все, что я думаю за полезное, подтверждая притом быть скромну, и что тогда только будет мне благодарен, когда сие останется в тайне.

По вновь сделанному о непременных квартирах расписанию сделав ведомости с показанием числа людей и лошадей и годовой им пропорции провианта и фуража, противу каждой дивизии написал я об обстоятельствах поместных и способах, ныне употребляемых, и какие полагаю я лучшими для общей пользы государя, войска и обывателей. Где можно было следовать изъясненному мне предположению государя, там я ему старался следовать.

При сочинении сей ведомости канцелярия экспедиции не знала причины. Противу каждой дивизии оставленный белый лист употребил я на примечания, написав их своею рукою. Вице-президент, прослушав и просмотря всю ведомость, расположением оной и моим мнением показался быть доволен. Очень учтиво поблагодаря, сказал мне, что как ведомость ему подана, так и он отдаст ее государю.

По случаю отбытия государя для коронования в Москву, поехали туда же все, что называют знатными господами, а в числе их и генерал-провиантмейстер. Я, оставшись старшим в экспедиции, сделался управляющим делами всего департамента и больше затрудняем, если бы был оного начальник, потому что не имею ни силы ни способов, сему званию принадлежащих. Будучи обязан обо всех делаемых распоряжениях доносить генерал-провиантмейстеру и на многое ожидая его резолюции, остерегаясь, чтобы приказаниями своими не сделать противоречий, могущих последовать от него, сделался в необходимости употреблять излишний труд и иметь много попечения. На сие слагаясь, отдался я склонности

своей сидеть дома. Утреннего времени довольно, чтобы исправить все дела по должности, а вечером, вспоминая прошедшее, продолжаю писать о происшествиях, со мною бывших.

Бурливое время, когда бывший начальник мой П. Х. Об... представлял первого чиновника и великого властелина при государе наисамовластнейшем, сделало меня известным под именем его ближнего приятеля, каковым ни для пользы своей ни для удовольствия я не был. К стыду своему был работник грубого человека, интриговавшего по состоянию того времени мастерски. Поступки мои, если могут быть извинительны, то потому только, что по истине желал я способствовать распространению добра и, сколь можно, было уменьшению зла, не выгадывая ни в чем собственной корысти.

Правление теперь от прежнего во всем отменно. Государь кроток, снисходителен; уважение к чиновникам, знаменитые должности отправляющим, делает их знатными боярами; из них большая часть имели причины к неудовольствиям на Об... Грубость обхождения и кичливая его надменность, а некоторым и явное гонение, не удивительно, что располагает их к злобе и мщению.

В первые дни сделавшейся перемены почти повсеместно при всяких разговорах встречалось имя Об... Язвительные насмешки мешаемы были с жалобами; устоять противу их мне было невозможно. Оставаться равнодушным свидетелем казалось подло. И так избрал я лучшим удалиться от таких обществ, где бы на пробу стать мог, и очень рад, что, будучи посылан инспектором, был два месяца в отсутствии, да и теперь благопристойной имею случай редко быть в компаниях многолюдных.

Ныне сильнейший представляется опыт: нападают на дела его по провиантской части. Знаю, сколь желают найти вину, достойную наказания; говорят, будто для того, чтобы унизить прощением, а может быть и разорить взысканием. Вижу много прорех, в которые коварство удобно заползти и многие ему пакости наделать может! Не столько по чувствам, сколь по рассуждению употребляю все свои силы сплетениями, на канцелярском обряде основанными, и боюсь, чтобы самому не попасть в яму, а что больше не втащить бы простодушного теперешнего начальника, не чувствующего, что собою его обороняю.

Таковая смесь чувств и рассуждений кружит мою плешивую голову и, приметно уменьшая волос, умножает морщины, округ глаз располагающиеся.

По сим причинам знаю, что я не мил людям, в знатности теперь сущим; но думаю, что за то уважают они меня. Добрая обо мне слава

поставила меня в число людей, нужных для службы. Начальник мой мною кажется быть доволен, превозносит меня похвалами, и слышу, будто старается исходатайствовать мне отличие. Но я оного не желаю для того, что, получа награждение, станут многие, завидуя, злословить и отнимут у меня возможность защищением прежнего начальника показать постоянство к превратностям света.

Должность, мною теперь исправляемая, действительно велика и удобна доставить совершенное познание о состоянии государства и многие дать сведения о политических его основаниях. Когда исполнится желание мое быть послану инспектором в Сибирь, на Кавказ и в Крым и когда кончатся все дела, касающиеся до прежнего начальника, то все старание употреблять буду избавиться сего места, толико не согласного ни с образом мыслей моих, ни с расположением воровать. Я не хочу богатства, совсем не желаю; следовательно, может ли быть сносно всякой день видеть воров, чувствовать воровство и знать наверно, что никакого нет способа не только искоренить, ниже умерить оного?

Чувствуя в себе непреодолимую склонность прославиться добрыми делами, готов я употреблять на то не только труд всего моего времени, но не пощадить и самой жизни. Признаю Божеским промыслом, что всегда обстоятельства поставляли мне препятствия возвышаться прежде, нежели научусь быть тем, чем сделаться должен. Волнение страстей, чрез меру чувствам завладеющее, укрощается недостатками и притеснениями, а гордость, претимая непозволенными ей путями, находит себе отраду. И так томлюсь, стражду и притворяюсь философствовать тогда, когда ни малого нет спокойствия в сердце. Если отнять у меня химерические воображения, я совсем несчастен. Мне часто представляется, будто слава ожидает меня на краю совершенной погибели и несчастия, что уничтожением всего, что в свете благополучием называют, возродится она и возгремит обо мне. Сумасшествие в сем случае до такой степени простирается, что, желая достичь сего назначения судьбы, как будто вижу состояние нищеты и поругания и трепещу, на него смотря... Слезы катятся из глаз, прошу милосердия Божия, да ниспошлет мне силы к пренесению тяжести несчастия, к показанию собою доброго примера, могущего распространить добрые в людских сердцах склонности, и к прославлению меня на пользу потомков, мне одноименных. При таковых чувствах овладевает мною сильное желание иметь детей, но как вспомню, что для сего надобно иметь жену, к которой, судя по чувствам, сделаюсь столько привязан, что переменит она все мое расположение и сделает обыкновенным в свете человеком, карману угождающим, то

как пар исчезает желание. Пусть братнины дети пользуются моими заслугами...

По возвращении генерал-провиантмейстера из Москвы обстоятельства мои во многом переменился.

Во время отсутствия его из полученных от комиссий провиантских и депо за минувший 1800 год отчетов сочиня в экспедиции генеральный отчет, сделав о том определение, отнесся я к нему с прошением дозволения представить оный в военную коллегию. Вероятно, что не оставил я в молчании всех тех обстоятельств, которые могли оправдывать расход в минувшем году, в превосходстве противу отпущенной на то суммы сделанный. Сим отчетом и решением многих уже дел, кажется мне, должны кончиться все подыски к прежнему командиру моему. Но генерал-провиантмейстер не сделался тем доволен. Не ответствуя на отношение, ему от экспедиции сделанное, партикулярным письмом уведомил меня, будто находит многое несогласным с теми записками, кои прежде для сведения ему я дал, а потому хочет прежде подачи в коллегию рассмотреть сочиненный в экспедиции отчет обще со мною.

По просьбе его сочинил я новый штат провиантского департамента, где, применяясь настоящим обстоятельствам и разделению вместо прежних семи на восемь депо или частей с описанием должности каждого чиновника, в Москву к нему доставил с требованием незамедлительного ответа, дабы по новому расписанию можно было сочинить требовательную на будущий год ведомость; но он не ответствовал мне на то ни словом.

Во время отлучки моей для свидетельства Рижского и Киевского депо сделано было определение в экспедиции и предписано всем комиссиям, чтобы для покупки посылаемым комиссионерам доверять число денег соразмерно собственному их имению. В не бытность уже начальника получены рапорты, что богатых комиссионеров нет, и потому доверенность делать некому. А дабы не остановить производство заготовлений, испрашивали от экспедиции приказания. Число ежегодного расхода, до пятнадцати миллионов рублей простирающееся, само собою показывает невозможность исполнить таковое постановление. Боясь сделать оскорбление начальнику, не подумавши оное сделавшему, оставил я до возвращения его. Изъяснения мои, что в подлой комиссионерской должности нельзя полагать человека, собственного капитала на полмиллиона рублей имеющего, довольно убедительными ему сделались; вследствие чего и подписал он со мною новое определение: что когда богатых нет, то доверяли бы комиссии испытанным в верности их ведомства комиссионерам. С самых первых дней по возвращении начальника приметил

уже я, что завистливо он на меня смотрит. Будучи в присутствии, при многих начал, будто советуясь со мною, сказывать, какой намерен он сделать провиантскому департаменту штат и представить на утверждение государю чрез военную коллегию. Я, одобряя его мнение, признаюсь, не стерпел, дал ему приметить, что говорит он то, что я написал по его просьбе. После сего, приласкавшись, сказывая намерение государя учредить запасы сообразно нынешнему расположению войск и надобностей государственных, кое что для сих обстоятельств надобное мне открыв, просил написать о том мое мнение. На другой же день сие исполня, ему представил; вместо благодарности с довольною надменностию он мне сказал, что он точно так думал. Всякой день видаясь, явственно я вижу, что кто-нибудь заряжает его. Начало свидания всегда открывает мне неприятность, но чрез час мы согласимся и расстанемся друзьями. Наконец, стал я требовать окончания остановившимся делам. Несколько дней сряду объявлял он новое сумнение об отчете и всегда оставался со стыдом. Чрез две недели с великой ленью подписал его для представления в военную коллегию.

Сделал он размещение чиновников провиантского департамента совершенно прихотливейшим образом, без добрых качеств и без знания. Определенные начальниками комиссий, вероятно, наделают много хлопот, а может быть, и бед. Присутствующего в экспедиции генерал-майора графа Т-ова [90] поместил он управляющим С.-Петербургского депо. Сей человек, довольно невыгодно в публике примеченный, при мне разговаривая с ним, утверждал, будто глупо не пользоваться временем обогатиться. А командир ему рассказывал, что бабушка жены его ей, а она ему толкует, что прежние генерал-провиантмейстеры по крайней мере сто тысяч рублей в год воровали и что дурак он будет, когда пропустит сей случай. Я, войдя в разговор, стал им противоречить, но гр. Т. мне сказал: «Вот ты чист, а знаешь ли, что про тебя говорят: вот-де он не дурак, он знает как поступить». Все это такое мне омерзение сделало и такой страх в сердце поселило, что я затеял во что бы то ни стало оставить сие поганое место, кроме неприятности ничего мне не принесшее, и чрез которое могу я потемнить доброе имя, о котором так прилежно хлопочу.

Генерал-провиантмейстер во время отлучки моей взял из казны 10 000 рублей, взамен коих положил вексель. Знал я, что стыдился он меня. При отъезде его в Москву предложил экспедиции отпустить с ним 50 000 рублей на случай надобности для снабжения комиссионеров, проходящие гвардейские полки довольствующих. Отпуская сии деньги, в счет оных я отпустил его вексель. Из них употребил он 22 000 рублей, а затем

28 000 рублей остаются в руках его. И вот уже три недели как он молчит, а мне напомнить ему непристойно и опасно, зная силу его у государя!

На сих днях разговаривая с ним, сколь самое существо провиантских дел подло и несносно человеку, интересоваться не желающему, и изъясняя, сколь обидно мне слышать сомнение о себе, просил я исходатайствовать мне отставку и, если можно, с половинным жалованьем. Он много мне лестного глупым образом наговорил: что трудно ему меня лишиться, кто ж будет управлять делами экспедиции, что пятеро меня не заменят. Словом, все мне показывает рабственность моего состояния,— но что делать? Должно покоряться своей участи.

Чрез несколько дней собрался он из сочиненного отчета краткую ведомость представить государю. Много раз советуясь со мною, согласился подать точную копию с доставленной к нему от экспедиции, где на одном листе ясно видны все приходы и расходы и количество провианта и фуража, к ныне текущему году остававшегося, и какой суммы денег оный стоит. Следовательно, присовокупляя к тому число наличных и от казенных палат не доставленных денег, открывается, что распоряжения предместника были не худы, и департамент, в начале сего года им принятый в управление, достался ему в порядке.

Таким образом исполня всю свою обязанность, введя нового начальника в познание всего, что для пользы службы понять он мог, конча весь отчет за дела прежнего начальника, доказав, что порядок, при нем заведенный, переменять не нужно, почел я за необходимое предупредить предстоящие хлопоты от расстройства, неминуемо быть долженствующего, которого отвратить я не в состоянии. И потому в тот час, как подписал он отчет и готовился ехать с оным к государю, подал я ему просьбу об отставке. Прочитав и повторя прежние слова, но тоном гораздо прежнего умереннее, он отправился во дворец, а я домой.

На другой день поутру приехал я к нему, долго стоял в кабинете, смотря, как утопает он в мелочных счетах и на аспидной доске пишет цифры, выводя число домашних его издержек, после коих распечатывал он пакеты, читал рапорты, в них к нему завернутые, и приказывал своему секретарю писать его резолюции. Наконец, отправя всех, оставшись один со мною, объявил, что докладывал государю о моей просьбе, рассказывал многие подробности бывших с ним разговоров. Между прочим, государь ему говорил, что много значил я во время случая Об., и потому нельзя полагать, чтобы расстроенные обстоятельства заставили меня идти в отставку. Коли хочет, то даст мне пансион, но если я ему нужен, то сказал бы мне, чтобы остался в службе.

Разумеется, что сии вести несносно мне тяжелы были. Боясь помешать удивительной откровенности его, старался я скрывать чувствуемое мною. Наконец, поблагодаря за добрые его обо мне отзывы, просил дозволения поехать домой, потому что нахожу себя не в состоянии упражняться в делах.

В жару чувств написал я к нему письмо, где, повторяя прежде поданную об отставке просьбу, изъяснял, что чувствую себя по совести правым; желаю, чтобы приказано было испытать все мое поведение не только во время продолжения службы, но и во время всей моей жизни, и если найдется, что каким бы то образом ни было я корыстовался или во зло употреблял доверенность, званию моему присвоенную, и приязни людей, значивших по делам, то хочу себе примерного наказания. Затем, прося доложить о сем государю, сказал, что, терпя от недостатков нужду, отягощая неминуемыми издержками свое семейство, быв много раз в возможности переменить бедность на избыточество, думал я сими жертвами быть известну в числе бескорыстных и государю верных людей, но когда не успел в том, ничего кроме отставки не желаю.

На другой после сего день получил я от начальника письмо, где в пышном, нескладном штиле изъясняет желание отвратить меня от моего намерения. Посланный мой ответ был подобен прежним просьбам.

Все сии письма служат доказательством здесь писанному.

За сим на другой день возвращается из отпуска вице-президент военной коллегии Ламб. Лишь услышал от кого-то, что прошусь я в отставку, прислал ко мне (больным уже две недели рапортующимся) сказать, что желает повидаться со мною прежде, нежели поедет он к государю. Будучи принужден одеться, поехал я к нему. Чиновник, от него ко мне присланной, мне объявил, что хочет он непременно удержать меня на службе.

Начал он разговор требованием сказать точную причину, для коей хочу оставить службу. Со всею откровенностию ответствовал я, что, терпя во всем недостаток, отягощая свое семейство присылкою мне денег больше, нежели состояние наше дозволяет, накопил я на себе долгов столько, что превосходят они цену имения, мне принадлежащего. И так хочу служить своему семейству и те деньги, кои здесь проживаю, обратить на уплату долгов, нажитых во время службы. Он, возражая, что это не причина, что я из числа таких людей, кои на щедрость государя надеяться могут, требовал, чтобы остался я служить, говоря при том, будто я нужен вспомоществовать начальнику моему советами. Отвечал, что нужды я в себе не вижу, что советы не всегда спрашиваются и не всегда

хорошо приемлются и что на моем месте всякой быть может, и тоже, что я, делать может. Он, горячась, доказывал мне, что я действительно нужен для пользы государя и отечества; а я спорил, что нужнее того я для себя и для своей семьи, уверяя, что ни для чего не останусь в провиантском штате, где потерял и добрую о себе славу, за которою так прилежно во всю мою жизнь гонялся. А он кричал, будто слава обо мне идет хорошая. Расстались мы с тем, что он будет препятствовать увольнению меня, и если не будет в состоянии оставить в службе так, как он располагает, то будет способствовать, чтобы дан мне был пансион, и тогда сам он тоже предпримет. Словом, чем-то все это дурачество кончится, а идет для честолюбия моего полезно, но для прямой пользы вредно! Слышу очень выгодные обо мне отзывы, авось переменят ложное обо мне мнение, авось за все мое терпение дадут мне доброе имя бескорыстного и выведут из поганой провиантской службы, ворами преисполненной.

Целый месяц и пять дней оставался я неизвестным о своей участи; сказавшись больным, не выходил из своей квартиры, объявляя всем, меня навещавшим, что лучше в тюрьме сидеть буду, нежели в провиантской экспедиции. В продолжение сего времени чрез генерал-адъютанта приказано было меня спросить, хочу ли я быть в отставке и тогда, если мне государь пансиона не пожалует. Я ответствовал, что всячески прошу отставки.

Из сочиненного за минувший год отчета ведомость и копию с определения (где прописывались причины издержек, превзошедших сумму, на расход отпущенную) послал я при письме к прежнему начальнику моему Обольянинову. Он, по несмысленности ли, по трусости ли, только сделал было мне большую пакость, препроводя ведомость при письме к вице-президенту Ламбу, изъясняя, что как уже он теперь во всем сочтен, то просит дать ему о том свидетельство. Сей, будучи ему недоброхотен, показал государю и дал толк, для меня и для него невыгодный. Начались о том рассуждения, вследствие коих спрошен я был, для чего поступил столь откровенно в делах, до должности относящихся, с человеком, в службе не находящимся. Я ответствовал, что сделал то из осторожности, дабы г-н Обольянинов, получавший повеления покойного государя и вследствие оных распоряжения делавший, мог заблаговременно объясниться с генерал-провиантмейстером, если бы нашел, что обстоятельства прошедшего времени, мною изъясняемые, темно или превратно показаны. А потому считал я себя обязанным снестись с ним о том. Когда же бы он случился в Петербурге, то призвал бы я его в экспедицию и, показав все

документы, потребовал бы его мнения, дабы оградить себя от укоризн и жалоб, могущих быть от него приносимыми на отчет, делаемый за время его начальства.

Господа чиновники, думавшие проглотить меня, сделались сим ответом убежденными. Началось толкование, что поступил я смело, но дельно. Генерал-провиантмейстер прислал своего правителя канцелярии спросить меня, зачем же я не спросил его о том, чтобы снестись с Обольяниновым. Я ответствовал, что спрашиваться времени не было, да и не нужно; потому что, оставаясь старшим в экспедиции, когда признано уже, что имел я право приступить к сочинению отчета и определения о том, то как же можно ограничивать меня в праве сноситься, с кем нужно, по делам? И сей удовольствовался сим ответом. Слышу, начались толкования, что я поступил излишне смело, неблагородно, а Обольянинов дурно, и Бог знает как понесли его везде бранить. А до того располагались отдать меня под военный суд как человека, секреты государственные продающего.

Отставлен я 9 декабря 1801 года с половинным жалованьем. Остаюсь в Петербурге дожидаться приезда зятя моего.

Примечание. Во всей полноте чувствуя Божеский о себе Промысл, долженствую, давая сведение о жизни моей, объявить первую причину, послужившую основанием спасения моего от злейшего в мире порока — корыстолюбия.

Наставление моего родителя *, в последние минуты говоренное, разумеется, сильно поразило мое ребяческое сердце; ибо в те страшные часы, лишась всякой человеческой помощи, присягал я оное исполнить. Но сие исчезло из памяти как вещь, долго в употреблении не бывшая.

Чрез 13 лет, будучи 27 лет от роду, был я определен советником Уфимского губернского правления в совершенной доверенности горделивого и многомощного генерал-губернатора Ингельстрома, при губернаторе глупом и ничего не разумеющем. И сделался я властелином сего главного места, всею губерниею управляющего. В губернии много находится богатых людей, железные и медные заводы имеющих. В тогдашнее время они много зависели от власти полицейской и имели в благорасположении управляющих нужду, ибо много делывали злоупотреблений.

Заводы богатейших Лугининых управляемы были г. Ахматовым, весьма умным и богатым человеком.

---

* См. выше стр. 21.— ***Примеч. Бартенева.***

В вечерней беседе рассказывали мне, что Ахматов приехал ввечеру и привез много подарков и, между прочим, мне собольи меха на шубу. Склонность к щегольству давно рождала в воображении моем желание о хорошей шубе, которую купить не находился я в состоянии. Сия весть тешила мои чувства; уже размышлял я о покрое шубы и веселился, воображая себя в ней на катанье с моею любезной. По истине уверяю, что в мысль мне не входило о моем почтенном родителе.

Но за несколько часов до света разбудило меня сновидение. Я вижу родителя моего в том одеянии, в коем видел его в последнюю минуту, будто он вошел в комнату, где я сидел. Я встал пред ним. Он, проходя в довольном от меня расстоянии чрез комнату, погрозил мне пальцем, сказав: «Не забывай, что я тебе приказывал».

Проснувшись, чувствовал я, что все члены мои трепетали. Не мог я более заснуть. В начале дня объявляют мне о приезде г. Ахматова. Он тотчас входит, неся в платке завязанный соболий мех, торчащий из углов платка. С торопливостью спросил я, что это. Он ответствует, что домашнее его произведение, что он в Сибири торгует в большом количестве, покупает шкуры и у себя собирает меха, и мне желает услужить. Я просил избавить меня от подарков, что буду я исполнять все возможное. Он, огорчася, говорит, что в таковой безделице никто ему не отказывал. Тут начались скорые разговоры. Он хотел развязать платок, чтобы показать мне искусство собирать меха; но я, взяв из его рук, велел вынести в другую комнату и, прося его садиться, объявил, что прошу у него извинения, имея важные причины отказать ему в принятии.

С сего времени, благодаря Бога, не был я в подобном сему смятении и, терпя много нищенского недостатка, не поползнулся на корысть.

IV. Служба в Крыму

Долго я замешкался писать о происшествиях со мною. Начиная при досуге в 1807 году, когда совсем переменились мои обстоятельства, должен вспомнить минувшее.

Получа отставку без мундира с половинным жалованьем, дожидав в Петербурге зятя моего, должно мне было прожить несколько месяцев. Домашние мои дела были тогда весьма трудны. Я был должен слишком 16 000 рублей, а имения — 50 душ, которое нераздельно с матушкой и замужнею сестрою и которое по состоянию своему не может быть разделяемо. Выдумывая средства, как бы выпутаться и под старость иметь покой, решился было я пойти в приказчики к купцу Злобину.[91] Он предлагал мне за управление в течение четырех лет делами его в Астрахани перевести на себя все мои долги, и в это время доставить мне порядочное содержание.

Чтобы подлость звания купеческого приказчика сколь можно украсить видами государственного человека, преклонял я его на предприятие отважное: начать торг с Индиею из Астрахани в Астрабад, отколе ходят караваны в Дели. Я полагал возможным достать образцы вещей железных и медных, делаемых в Англии для индейцев из наших материалов, их сделать на Оренбургских заводах, англичанину Кнауфу доставшихся от Лугинина, куда отправляться готовился англичанин Ратенберг, доказавший уже искусство преображать из железа скованные вещи в сталь.

Богатой мужик, прежде большое одолжение мне сделавший, будучи чван [92], показал желание отличиться новым предприятием. Но тут надобно было с ним много толковать, чтобы до понятия его дошла весьма сумнительная возможность исполнить сие дело с пользою. Однако же он решился и назначал капитал в мою диспозицию. Разговоры его о сем со знатными господами и хвастливость, что будет иметь меня приказчиком, обратили на меня внимание. С разных сторон доходили ко мне

известия, что государь желает знать причину, для чего оставил я службу. В совете было разговариваемо обо мне, и министры между собою рассуждали, что полезно бы было определить меня губернатором. Генерал-прокурор Беклешов[93] предлагал о том в Сенате, и заготовлен был доклад о помещении на вакансию в Оренбургскую губернию. Услыша сие от герольдмейстера, я просил его объявить генерал-прокурору, что не приму службы, и так избавил бы себя от труда докладывать дважды понапрасну.

Чтобы избавиться от жалованной мне земли, которая ничего не стоила, подал я государю просьбу, прося взять ее обратно, потому что селить мне некого, и взамену ее испрашивал милости — пожаловать, сколько угодно, денег, дабы я мог хотя несколько расплатиться с долгами, в Петербурге нажитыми, коих показал по чистой правде 5600 рублей.

Препоручено сие было генерал-прокурору Беклешову, и по докладу его дано мне 10 000 рублей. И так я, сделавшись весьма доволен, отстал от обязательства быть приказчиком у купца и отправился в марте месяце домой.

Приехав в Москву, застала меня распутица; тут, прожив месяц, часто видался я с прежним моим начальником Обольяниновым; чрезмерная его ласковость и дружество ясно мне показывали, что ему совестно передо мною. Тут же я виделся с возвращавшимся в Петербург Гаврилой Романовичем Державиным *, всегда мне много доброжелавшим. Он хотел знать, какой бы род службы избрать я хотел. Охота путешествовать заставила меня предложить о желании быть послану по местам мало известным и могущим быть для государства полезнейшими, нежели они есть,— и именно начиная от Царицына чрез Астрахань и Кавказ в Тифлис, оттоле, возвращаясь из Георгиевска, проехать по всей линии в Азов и чрез Харьков, Кременчуг и Херсон в Крым. Я желал иметь право требовать сведения, которые бы нужны были для соображения по части хозяйственной, военной и до внутреннего управления касающейся. Он требовал от меня записки, которую я вручил ему и которую он представил государю и меня о том уведомил.

Приехав домой, почувствовал я, что чрез продолжение времени укоренившиеся привычки сделали меня неспособным быть счастливым и в том крае, среди того общества и в том состоянии, в котором я находился. Я предположил пробыть один год в своей семье, отправиться

---

* Он возвращался из Калуги, куда ездил производить следствие над губернатором Лопухиным. Это было во второй половине 1802 года. См. «Записки» Державина, стр. 445 и далее[94].—*Примеч. Бартенева.*

заводить себе гнездо в Киеве, где хотел предаваться учению и писанию; а до того времени, которое назначил себе чертою старости, кроме горницы своей нигде и ни в чем не упражняться; сделавшись не в силах, хотел воспитывать сына брата моего и поехать с ним в Лейпциг или Дрезден.

Чтобы очистить соки и поправить развалившееся тело, а также чтобы провести время, делавшееся мне скучным, отправился я в Сарпу[95]. Проезжая недостаточному человеку приличным образом, ехал я в умеренном экипаже, то на наемных, то на почтовых лошадях, степями, где раскольничьи скиты и потом колонии немецкие; разность видел достойную примечания.

Пред отъездом в Сарпу, я получил от Гаврилы Романовича Державина письмо[96], где, шутя над намерением моим жить философским образом, предлагал, не лучше ли идти в службу и быть полезным в государстве членом. В таком случае написал бы я к нему письмо, которое бы он мог показать. Я ответствовал[97], что, будучи доволен состоянием моим, служба мне не надобна; но если бы сочли меня надобным службе, то я готов быть везде. Причем изъяснил, что губернатором быть не могу, потому что небогат, жалованья мало: неприличное содержание унижает начальника и делает ему разные неудобства при исполнении его должности.

Пребывание в Сарпе было пробою, до какой степени может простираться умеренность моя. Я жил у колодца в маленькой комнате, а другую такую ж занимали мои люди, лечиться со мною поехавшие. Передняя моя была обширнейшая степь. Горница, из тонких брусков сделанная и коей дверь в степь отворялась, худо защищала меня от суровости воздуха. Дожди, тогда часто бывшие, не все катились по крыше; многие капли являлись то на плешивую мою голову, то на разные утвари, в пятиаршинной комнате разложенные. Любопытство манило часто в колонию; чрез день, когда не садился я в теплую ванну, ходил туда пешком чрез пространство семи верст и нескольких сажень. Жить в Сарептском выгодном трактире я не мог, потому что надобно бы было нанимать лошадей ездить к колодцу, а у меня денег по ясному начислению, самым событием доказанному, оставалось для экстраординарных расходов только семь рублей. Прожив у колодца Сарептского все время по предварительному назначению, то есть до 1 октября, поехал чрез Саратов в Симбирскую губернию к родственнику и другу моему Николаю Александровичу Чиркову. Он много мне пенял, для чего не написал ему, чтобы прислал мне денег. Но я не хотел, и вперед полагаю так себя учредить, чтобы жить 900-ми рублями пансиона.

Будучи у Чиркова, вижу я в газетах, что будто бы согласно желанию моему определен я главным надзирателем Крымских соляных озер, чего, конечно, желать не мог.

Надобно знать, что в течение того времени, как находился я в Сарепте, сделалась великая перемена: в правлении государственном установлены министерства; Гаврила Романович Державин, участвовавший в основаниях сего нового порядка, назначен был министром юстиции [98] и сделался в большой доверенности и силе. Будучи сенатором, спорил он с Сенатом, утверждая, что для пользы государственной и блага народного надлежит крымскую соль не отдавать на откуп [99], и сию часть, елико можно, приноровить на пользу промышленности народной. Откупщиками наущаемые, бояре с ним не соглашались. Он довел сие до сведения государя и, удостоверя о истине своего понятия, укрепился его согласием. Все сие зная прежде, мог я понимать причину моего определения к должности.

Приехав домой, нашел я большую кучу бумаг, бывших с эстафетою посыланными в Сарепту и по отъезде моем оттоле возвращенными в Петербург и потом с нарочным ко мне в деревню присланными, где присоединено еще партикулярное от Державина письмо [100], коим дружески он мне советует и просит не отказаться исполнить препорученное дело и скорее ехать в Крым. На проезд и заведение пожаловано мне от государя 3 000 рублей (отправлены в Перекоп), на счет коих взял Гаврило Романович письмо от Злобина к его приказчикам, чтобы давали мне, сколько потребую. Взяв 600 рублей на счет доходов домашних, поехал я к должности.

По примерному штату, еще не конфирмованному и для начального только вступления для руководства данному, назначено мое место 4-го или 5-го класса [101]. По проекту, со штатом совокупленному, назначен мне в помощь коллежский советник Сафонов, которому в том же указе, где дано мне 3000 рублей, дано 6000 рублей. С ним вместе должен я, по рассмотрении обстоятельств, составить штат, сочинить правила и представить на утверждение. Сие дело, по учреждению министерства ведомству министра внутренних дел принадлежащее, поручено до времени его устроения министру юстиции, Я определен в должность, меня унижающую, не хотя служить в военном штате генерал-майором. Публиковано, что согласился принять советничью должность на жалованье 1875 рублей и при таком деле, где все, прежде меня бывшие, много воровали. Что это значило в глазах публики? Не сущий ли подкоп под добрую мою славу, для которой переносил я всегда все, что переносить человечество может?

Продолжение пути из Оренбургской губернии в Крым употреблено было на размышление и соображение всего, что есть и быть может. Одному, в кибитке лежащему, ничто не мешало предаваться неудовольствиям, досаде и всему, от них порождающемуся.

Беспокойства физические и моральные сделали, что я занемог и приехал в Перекоп 18 декабря 1802 года больной. Не застав своего помощника (он поехал осматривать внутри Крыма соленые озера), я получил от него письмо, где в дерзком и глупом штиле советует мне быть согласным с представлением, от него уже посланным. Рассматривая его бумаги, нахожу, что, получа от Державина письмо, уведомляющее, что посыланный ко мне в Сарепту эстафет возвращен ему обратно, что по неизвестности, где я нахожусь, скоро ли получа вторично посланные бумаги, могу приехать в Крым, принял бы он (Сафонов) все меры к образованию сего дела, за которое отвечать будет должен. На сие опираясь, Сафонов сделал штат без показания, для чего и куда определяются чиновники и служители; написал вместо правил прожекты, нелепыми бреднями и доносами преисполненные. Словом, ясно, что сей человек и не понимает, что такое организовать какую-нибудь часть, и думает о себе несравненно более, нежели он есть.

Опасаясь, если конфирмуется такой штат и неимоверные прожекты, правилами названные, и я буду должен по оным действовать (ибо Сафонову велено, науча меня, возвратиться), то сделаюсь в больших затруднениях, решился я на все статьи посланного от него представления написать мое мнение, изъясня, как понимать те вещи, и отправил с эстафетою к Державину, написав, что, не видя удобности действовать по видам Сафонова, прошу, нельзя ли меня освободить от сей комиссии, прислав другого, более меня знающего сие дело.

Представленный Сафоновым штат и правила присланы ко мне с повелением, чтобы я вместе с ним освидетельствовал соль, к сдаче откупщиком предъявляемую, которую Сафонов назвал негодною на пищу человеческую, и, сочиня также вместе штат и правила, представил на утверждение.

Исполняя приказанное при свидетельстве посторонних чиновников, раздробил я дело, как можно, на мелкие части, постепенно подписывая о всякой вещи порознь. Сафонов, наконец, сам увидел, что совершенно изобличен в ложном доносе, и необдуманные его правила и штат выведены наружу. И так, разруша его надежду обогатиться взятками с откупщика, заставил я самого торопиться скорее уехать в Петербург. Сочиненный мною штат и правила, ни в какие подробности не вводящие, он подписал без противоречия, но послал тайно от меня рапорт, что,

будучи не в силах противустоять, решился согласиться; но думает, что то не сообразно состоянию дела и пользам казны.

По рассмотрении сих бумаг, нашли лучшим возвратить мне мои представления и, определя все представляемое мною число людей, ассигновав всю сумму денег 200 тысяч рублей, препоручить, чтобы действовал я в течение одного года хозяйственным образом, испытывал бы удобства и возможности и, наконец, по опытам и лучшему рассмотрению сего дела, сочинил бы правила и штат и представил на утверждение.

Доверенность, показующая доброе обо мне мнение, была ласкательна. Я поступил так, как бы в собственном своем имении, и действительно открыл возможность, что с великим противу прежнего облегчением народу получать стала и будет получать казна вместо получаемых от откупщика 280 тысяч, более 500 тысяч рублей в год. Маленьких краж остановить нельзя, но большим, подобно бывшим, никак не можно вкрасться, если не разрушать всех, уже утвержденных, правил.

Сначала целый край, привыкший видеть богатеющихся правителей соляных озер, смотрел на меня, как на вора, коему благодетели дали средство, как они говорили, поправить состояние. Но потом сделался я в великом уважении и производил удивление. При открытии Таврической губернии, когда гражданский губернатор объявил желание просить увольнения, все дворянство отзывалось военному генерал-губернатору Беклешову, что беспорядки, в Тавриде укоренившиеся, истребить разве я только буду в состоянии. Он, мне о сем объявляя, дружественно упрашивал принять губернаторскую должность и писал о том министру внутренних дел.

Не имея знакомства с министром внутренних дел графом Кочубеем и думая, что он молодой человек-франт (при том же он в большом был несогласии с Державиным, по протекции коего я вошел в службу), боялся я принять сию должность. Уведомя Державина о соделанной мне пропозиции, просил я его ходатайства, нельзя ли мне прежде приехать в Петербург и, поосмотрясь на все, решиться, принять ли губернаторскую должность или нет. Он был в силах остановить определение. Но между тем желание графа Кочубея [102] увеличилось: по-видимому, заключать должно, и государь был в таком же расположении. И так место губернаторское в Крыму оставлено праздным. В сие время Державин отставлен от службы * [103]. Дело, мне порученное, поступило к Кочубею,

---

* То есть вышел в отставку из должности министра юстиции. Это было в октябре 1803 года.— ***Примеч. Бартенева.***

а я от него получил предписание, что по представлению моему к Державину о дозволении приехать в Петербург с отчетом и представить штат и правила по соляной части докладывал он государю и получил приказание объявить мне соизволение его величества. При увольнении Державин исходатайствовал мне аренду на двенадцать лет, приносящую дохода 1100 рублей в год, которую я после продал за 16 000 рублей.

Во время пребывания моего в Петербурге нравилась мне очень теперешняя моя жена Варвара Марковна Полторацкая. Суровое воспитание и хорошо образованный ум составили в ней правила, могущие сделать счастливым честного человека, мирно в своем доме жить желающего и чрез жену в люди выходить не добивающегося. По всем видам я был уверен, что пойдет она за меня, и мать ее * и вся родня охотно на то согласится. Но я никак не хотел послушаться своих чувств в обстоятельствах неприятных, когда не значу я ничего, не имею никаких видов по службе, кои в самодержавном государстве часто в большой цене ходят, хотя очень часто ложною монетою являются. Нет у меня имения и столько, чтобы исправно заплатить долги. Будучи притом старее ее 18 годами, казалось мне унизительным и для себя и для нее. Всякой почел бы меня обыкновенным человеком, женитьбою долги платящим. Притом же думал я, что не я нравлюсь, но мирной мой нрав. Молодая девушка, неприятно в доме материнском живущая, может быть, хочет выйти замуж для того, чтобы жить по своей воле, а не для того, чтобы сообразоваться обстоятельствам и нраву мужа и стараться делать его счастливым. Пред отъездом из Петербурга много приметил я ее склонности ко мне, много сочувствовал ей; но рассудок заглушал чувства, и я поехал, не сказав ни ей и никому ни слова.

Последующее затем время, большею частью проводимое в скуке и уединении, не уничтожало, но укореняло привязанность. Варвара Марковна мечталась в уме, вспоминались маленькие безделицы, поставлялись в число доказательств любви. Словом, я чувствовал себя совсем неравнодушным. Проезжая в Крым, увиделся я в Тамбове с одним моим приятелем, коего жена в дружбе с сестрою Варвары Марковны, Олениной, и с которою бывал я часто вместе. Рассказывая об общих знакомых, сказала она, что Варвара Марковна в жалком состоянии, что она больна, грустна и принуждена ехать в деревню, куда мать ее, собрание богатства больше всего любящая, поехала содержать винный откуп и употребляет дочь-девку в дела, совсем для нее неприличные.

*** Агафоклея Александровна, в то время вдова действительного статского советника Марки Федоровича Полторацкого (ум. 1795), урожденная Шишкова, знаменитая своим скопидомством[104].— *Примеч. Бартенева.***

Таковые разговоры произвели чувство, коего скрыть не умел. Донкишотское участие и готовность защищать невинность и добродетель являлись на лице и языке. Умная слушательница о них пересказала. А между тем по отъезде моем из Петербурга Варвара Марковна, грустя, занемогла. Доктор объявил, что надобно быть чему-нибудь моральному, которое расстраивает ее здоровье; братья и сестры стали добиваться толку. Одному из братьев, более любимому, она открыла тайну своего сердца; тот сказал нескольким из многолюдной их семьи и, наконец, Оленину *, бывшему всегда со мною особенно в приязни. Он предпринял атаковать меня без всяких околичностей и точно напал на сторону, отколе трудно мне было защищаться.

Когда жил я в Перекопе один, не было у меня ни одного человека, с коим бы одно слово кроме соляных дел сказать было можно. Когда грусть, досада и уныние свили гнездо в моем сердце, получил я письмо от Оленина. Он пишет, что Варвара Марковна меня любит и ничего не желает кроме как быть моей женой; что она была больна, призналась ему в своих чувствах, сказала, будто бы ей какие-то слова я сказал, по сим заключает, что и я ее люблю; и так, как честному человеку сие объявляя, требует решительного ответа, и если я жениться не намерен, то уверен, что сие объявление останется между нами.

Размышляя несколько времени, видел я, что прощай мои правила жить ни от кого и ни от чего в независимости. Ответствую в полной откровенности, чтобы обдумались хорошенько, сообразили бы, что я беден, что правил своих никогда не переменю, и, следовательно, не обогатиться, а промотаться могу, что я старее ее несоразмерно; и так она, находясь в заблуждении, может сделаться несчастною навек. На сие получил я ответ, что ни старость моя, ни бедность не ужасают. На вопрос, что захочет ли она жить всегда в Крыму, где предлагается мне место губернаторское, ответствовали, что всюду со мною готова. И так я сделался жених.

Все это делалось в секрете от матери, которая всегда и всем вопреки делать хочет и имеет гордость располагать склонностями и участьми детей своих и всех, ей принадлежащих, людей. Будучи всегда весьма от нее уважаемым и любимым, надлежало поступить с нею особливым образом.

Проезжая в Петербург и думая, что невеста моя тамо, не заботился и наведываться. Старинное желание навек остаться холостым все еще

---

* **Алексей Николаевич Оленин, женатый на Елизавете Марковне Полторацкой.— *Примеч. Бартенева.***

боролось со склонностию к женитьбе. Мне кажется, даже рад бы я был, если бы что-нибудь не бесчестное с моей стороны помешало исполнению сего намерения, уже далеко доведенного. Наконец, приехал я в Торжок вечером. По причине бывшего холода я спал в закрытой моей кибитке; уже лошади вновь запряжены были, как я, проснувшись, спросил: где мы? Мне отвечали: в Торжке. Зная, что теща моя содержит на откупе весь уезд, я спросил ямщика, кто здесь содержит откуп; он отвечал: генеральша Полторацкая. На вопрос, где она живет, отвечал: в городе. Вышед из кибитки, вошел я в трактир; по нескольких вопросах узнаю, что не только теща, но и невеста моя в том же городе. Я, посмотря на часы и видя, что уже десять часов, послал ямщика осведомиться, не спят ли в доме, и можно ли мне приехать повидаться. Лишь уехал мой посланной, почталион прибегает и подает письмо от г. Бакунина, тут же живущего.[105] Он пишет, что в какое бы время я ни ехал чрез Торжок, просит меня остановиться для свидания с ним. Затем вскоре он является, дает мне письмо от Олениной, советующее поехать к матушке ее в деревню *, пробыть несколько времени и сделать ей предложение о женитьбе. Между тем и посланной мой ямщик является, сказывая, что лишь услышала о мне госпожа, призывала его к себе и велела звать меня повидаться с нею.

В дорожном платье, с небритою бородою, вхожу в комнату, где по крайней мере десять женщин сидели округ кровати, на коей лежала больною объявляющаяся моя теща. Принимает меня с распростертыми руками,[106] расспрашивает, где я жил, что я делал; рассказывает, будто много о добрых делах моих слышала, пеняет правительству, для чего мало меня награждают; справедливые мои ответы принимает хитростию и скромностию; журит, для чего не пользуюсь случаями, коли не красть, то приневоливать государя награждать более; одним словом, осыпает знаками дружества. По нескольких разговорах начинает шутить, как прежде почти всегда случалось; спрашивает: «Долго ли тебе не жениться, долго ли волочиться; женись хоть на мне». Я отвечал: «Теперь хочу жениться». Она замолчала и скоро перервала разговор. Из сего я заключил, что и у нее то же было и есть на уме, о чем мы без ее ведома согласились.

Множество уездных барынь и барышень не давали мне простору поговорить с ней серьезнее о женитьбе. Уже часу в первом сделалось ей желание встать с постели; она просила меня выйти. Варвара Марковна

*** Село Грузин, неподалеку от Торжка.— *Примеч. Бартенева.***

как хозяйка позвала в гостиную. Мы сделались одни. Ту минуту я спросил ее, думала ли она обо всем хорошенько и подлинно ли решилась за меня выйти замуж. Томное «да» было ответом; я поцаловал ее, обняв, и сказал ей: «Сделай, чтобы остался я один с матушкой». Поздний вечер и ее старание исполнили вскоре мое требование.

Позван будучи в спальню, приняв прежнее место на стуле близ ее кровати, лишь остался я один, спросил: «Скажите мне правду, хорошо ли вы обо мне думаете». Она отвечала: «Очень хорошо, да что это значит?» Я, протянувши к ней руку, сказал: «Коли хорошо думаете, отдайте мне Варвару Марковну». Тут вмиг слезы у нее покатились, и она, обе руки подавая, сказала: «Изволь, батюшка, отдам тебе обеими руками». Тут позвали Варвару Марковну, спросили ее, получили ее согласие, и я сделался совершенный жених.

Поелику сие происходило в конце последней недели пред Рождеством, и мне надобно было приехать в Петербург до воскресенья, чтобы успеть прежде праздников в воскресной день, как то обыкновенно, представиться государю и императрицам, то и нельзя было мешкать. Пробыв до пятого часа пополуночи, поехал я в путь — с обещанием, что на обратном пути окончим мою свадьбу без церемоний.

Приехав в Петербург в дом старинного приятеля (делающегося мне роднею) Оленина, имел я удовольствие видеть радость всех до единого всей многолюдной их семьи.

Двор, окружающее его и всех действующих лиц увидел я новых и совсем другим манером поступающих. В течение менее двух лет отсутствия моего из Петербурга столько сделалось перемены, что, кажется, надобно бы было сто лет. Образ жизни, порядок в делах, обхождение начальников с подчиненными, все новое, все мне необыкновенное. Ко всему надобно стало применяться и самому совершенно перемениться. Приехав в субботу, несколько раз приезжал к министру внутренних дел и не мог его видеть. Явясь поутру рано в воскресенье, был тотчас позван в кабинет; подав кучу бумаг, получил приказание явиться у обер-гофмаршала*[107], который представит меня государю. При прощании, спросясь, где живу, объявил, что по прочтении бумаг позовет меня к себе.

Следуя порядку, принятому за правило, не являлся я к министру. Наконец, через четыре дни прислана была мне записка, что министр просит меня в 8 часов вечера. Явясь в назначенный час, увидел я его, товарища его гр.<афа> Строганова[108], управляющего экспедициею Габлица[109]

---

* Графа Н. А. Толстого[110].— ***Примеч. Бартенева.***

и начальника отделения по соляной части. Сели все как бы в присутственной комнате за стол. Он начал вопрошать меня о моем деле похоже на катехизис. Отвечав на несколько вопросов, я признал, что испытывает меня, я ли или секретарь мой писал ему поданное; наконец, я сказал, что все, о чем его сиятельство спрашивает, написано самим мною в поданных ему толстых тетрадях. Тут, окончив испытание ребяческое, начинается рассуждение о правилах. Я приметил, что министр углубляется в подробности и такие мелочи, коих ему знать не можно. Все рассуждения его клонились к опорочению того порядка, который действительно с опытов я написал и пользу оного математически доказал. Тотчас я заключил, что это не он говорит, а Габлиц, который был в Крыму вице-губернатором, правил сим делом и за то, что вместо 500 000 сделал 100 000 рублей дохода, награжден был. Тем больше подозрение мое увеличивалось, что он молчал. Я, утверждая свои правила, старался ввести его в рассуждение и, наконец, придравшись к слову, стал доказывать явственнее, как что прежде было и как ныне есть и что порядок, откупщиком заведенный, хорош, переменять его не должно и надобно благодарить, что не казна, а частный человек ввел оный; следовательно, неудовольствия богатившихся богатых на счет неимущих бедных обращались на него, а не на правителей, поставленных от государя, и что теперь люди уже отвыкли от беспорядка, во вред казны существовавшего.

Надобно знать, когда Крымом владел хан, хозяйство его было управляемо таким образом: татары выволакивали соль даром и не платили ничего за землю, ими владеемую; соль тогда не весили и считали возами; малороссияне, за нею приезжавшие, платили за взятую из бугров по десяти, а из озера самими ими выволоченную по шести рублей за фуру; им не препятствуемо было положить столько, сколько везти может пара волов. Когда Крым присоединен к России, принято в основание, будто фура вмещает в себе 73 пуда, и потому велено продавая соль по 14 ½ рубля, брать с фуры по 10 рублей. Известно, что есть такие волы, что везут около 200 пудов, и есть такие, что более 50 пудов везти не могут. Сей порядок, увеличивая прибыль богатых, отягощал бедных и произвел, что зажиточные, добрых волов имеющие, ездя к озерам, привозили соль в Перекоп и тут, пройдя чрез ворота, заплатя деньги по пяти копеек за пуд, продавали бедным по 15 и более. Сии злоупотребления породили другие и расплодили такое число, что сотни тысяч рублей воровали чиновники, сим делом управлявшие. Мне известно, что г. Габлиц не брал, но не умел оберечь казну от расхищения. Он, пресекая маленькие плутни, умножил доход вдвое, а не дошел до корня зла, исторгнув который, можно его удесятерить.

Вероятно, что доказательства мои обратили министра, честно свою должность исполнявшего, на мою сторону, также и графа Строганова; а Габлиц, у коего мое дело в производстве, на меня озлобился.

День ото дня делаясь знакомее с министром, отличаем я был обхождением его. Вскоре он мне предлагает должность губернаторскую с тем, что к обыкновенному губернаторскому жалованью буду я получать 2400 рублей за управление соляною экспедициею. Я согласился и вскоре был определен.

Проходит много времени и уже приближается пост, когда венчаться не можно. Меня не отпускают для того, не окончено рассмотрение представленных мною бумаг и не определено, чему как быть. Габлиц медлил сочинением от него зависящего доклада государю. Несколько раз напоминал я, что по собственным моим обязательствам пора мне ехать в деревню к теще, и для дел по службе надобно поспешить в Крым. Видел я желание министра удовлетворить моему требованию и видел бессилие его заставить делать скорее.

Однажды, долго пробыв у него в кабинете и уже прошло время обыкновенного обеда, оставил он меня у себя. Пришед в домашние комнаты пред камином в кабинете жены его *, спросил он меня: как намерен я жить в Крыму? Я ответствовал: как могу и по мере, какое содержание государь определит, рассуждая, что пышность не умножает уважения к начальнику, и много тому подобного. Наконец, он мне сказал, что «не далее как сегодня разговаривал я о вас с государем. Он признает, что ваша служба полезнее бы ему была здесь». И так, не советуя заводиться домом, требовал, чтобы, осмотря все части, привел я в известность обо всем, что есть в Крыму, и потом готов был возвратиться и жить с ними неразлучно. Я очень его благодарил и был доволен.

Вскоре затем вышло производство всех представленных мною чиновников, и я был отпущен к должности с обнадеживанием, что штат и правила будут присланы вслед за мной.

Приехав в деревню к теще моей, женился я 14 февраля 1804 года. Слово, мне данное, теща моя не сдержала: я был в церемониях сколь скучных, столь же и смешных; но, решась на все, сохранил в себе спокойствие, сделав тем удовольствие женщине, в своенравии закоренелой. Она от часу более показывала любовь и расположение; и я слышал от всех, что и не воображали ее видеть в таких приятных чувствах. Вся семья восхищалась мною, все умны, все дружны, я очень был доволен.

*** Марии Васильевны, урожденной Васильчиковой.— *Примеч. Бартенева.***

Жена моя день ото дня милее мне становилась. Я нашел ее гораздо умнее и в правилах тверже, нежели воображал.

Скоро отправясь в Крым, старался я поспешать, хотя распутица и большой обоз много делали препятствия. Приехав в Симферополь 29 марта, не зная обстоятельств губернии, ни людей, делами управляющих, должен был я много упражняться.

Чтобы объяснить тогдашние наши обстоятельства, надобно сказать историческим порядком о губернии и довести до того состояния, в котором я ее принял. История Крыма в отдаленных временах довольно известна всем, кто читать умеет. Надобно только приметить, что древние писатели говорили о нем слегка; а новейшие бумагомаратели, вытаскивая из пыли лоскутья Страбона [111] и прочих и раздувая каждое слово, увеличивая хорошее, умалчивая худое, затмили истину. Причина сему тотчас известна, как скоро кто приметить ее захочет. При покойной императрице Екатерине II управляющий кормилом государства и дающий всякой вещи смысл по своему произволению любимец ее князь Потемкин, названный после Таврическим, хотел славы. Мир с турками, достойным вечныя славы графом Румянцевым [112] заключенный в 1774 году, доставил возможность присоединить Крым к России. Князь Потемкин воспользовался сим. Получа в неограниченную власть войско, сделавшись генерал-губернатором соседствующей с Крымом губернии, интриговал он посеять в нем междоусобия и беспорядки. Хан ожесточенный начал свирепствовать с подвластными ему. Угнетаемое человечество, до отчаяния доводимое, поднимало погибающую голову и помышляло о правах естественных. Хан, сделавшись в опасности, просил пособия от русского двора; разумеется, сие тотчас исполнено. Отборные войска, уже приуготовленные на границе, вошли в Крым, содействуя к утверждению ханской власти, остались в нем и скоро надоели всем жителям. Чрез деньги найдены люди, могущие толковать, что хан всему виною. Народное противу его волнение увеличивалось. Он, видя себя между двух огней, показал желание передаться под протекцию турок, у коих глубокая рана, войною сделанная, еще была свежа. Собрав, сколько мог, военных округ себя людей, жил в лагере или, лучше сказать, кочевал по обыкновению степных жителей близ берега Черного моря, между Керчи и Феодосии; все, что имел драгоценного, и жен своих отправил в Анатолию и, как кажется, изыскивал возможность освободиться от русских войск силою, которой не имел. Будучи обманут командовавшим в Крыму генералом бароном Игельстромом [113], взят благопристойным образом под караул, отправлен будто для объяснения в Петербург, но вместо того остановился в Воронеже.

Интриги действовали, крымцы просили быть поданными российской императрицы, и яко люди, ни от кого не зависящие, приняты. Открыта губерния Таврическая. Генерал-губернатор ее князь Потемкин получил название Таврического*.

Поелику сие происшествие сделалось собственным делом князя Потемкина, коему, конечно, хотелось прославиться в России услугою, империи оказанною, и, следовательно, нужно было всех елико можно познакомить с Крымом, он стал одобрять путешественников и писателей о Крыме. Всякого звания, всякой нации люди, осматривая его красы в самое лучшее время года, описывали нагорные места,[114] где, проезжая верхом по десяти верст в день, не упоминали о тех степях, чрез кои двести верст в сутки проскакивали.

Генуэзцы и греки имели крепости и колонии в нагорной части. Они торговали с кочевавшими по степям народами, выменивали на товар хлеб и невольников, правом войны приобретаемых. Сии европейцев владения были, как кажется, без старания делать прочное. Торгом обогатившиеся возвращались обратно; обогащение их служило для обогащения кореня их в Европе, подобно как нынешних времен европейцы имеют заведения в Индии, с тою только разницею, что сила и просвещение на лучшей теперь степени. Древние в Крыму строения большею частию из ноздреватого известкового камня, сложенные на глине, жителями оставленные, развалились, показывая нам безобразные кучи. Крепости имеют стены, снаружи только на извести кладенные, но в средине на глине и земле. В сводах есть мелкой, в Италии употребляемый кирпич, все же связи из деревянных брусьев.

Когда основалась Греческая империя,[115] тогда соседство со столичным городом начало поболее укоренять в Крыму людей. Малое число строений того времени лучше и прочнее.

По уничтожении турками Греческой монархии несколько крепостей и колоний, грекам и Генуэзской республике принадлежавших, все еще сохраняли свою независимость. Крым, обладаемый татарами, от Золотой Орды оторвавшимися, не распространялся до нагорного морского берега. Хан, находя себя бессильным вытеснить или поработить европейцев, просил помощи турецкого султана. Присланный с войском паша исполнил свое дело и, оставя в крепостях гарнизон, остался начальником. Хан учинился под протекцию турок, султан располагал землями, европейцами

---

* Это обратная сторона картины, начертанной[116] гр. А. Н. Самойловым, см. «Русский архив» 1867 года, стлб. 1220—1225.— ***Примеч. Бартенева.***

владеемыми. Колонии, в Крыму оставшиеся, сделались подчиненными паше турецкому. Христиане, утесняемые помаленьку, стали принимать закон Магометанский, перемешались с турками Анатольскими, из коих гарнизон был составлен. И таким образом нагорная часть Крыма приросла к Анатолии. Оставшиеся в христианском законе греки и армяне несли всю тяжесть турецкой власти.

Мирный трактат, в 1774 году с турками Россиею сделанный, освободил Крым от власти турецкой; крепости и колонии, а с тем вместе и все земли нагорной его части учинились собственностию хана. Он, будучи России обязанным, согласился всех греков и армян выслать для поселения в Россию. Неудобопонятная политика, разоря их корень, служащий пользою и украшением Крыма, водворила их в окрестностях Азова близ берегов Азовского моря. Люди, садоводством, изделиями и шелководством промышляющие, сделались принужденными быть рыболовами и скотоводцами. Перемена климата и образа жизни много в числе их уменьшила.

По переселении армян и греков хан начал жаловать землями мурз, стараясь привлечь их к себе. Многолюдные селения, большое садоводство имеющие, начали быть обитаемы малым числом несмышлено-ленивых татар, не разумеющих содержать деревья, из южных стран перевезенные и с большим тщанием выращаемые.

Доколе оставался хан в Крыму, русские, будучи гостями, занимали квартиры в селениях татарских. Ревнивость магометан увеличивала их неудовольствие противу хана, русские войска призвавшего. По отъезде его предложено подданство; обещано поступать, как с своими, бережливее, и, следовательно, освободить от постоя. Дело сделано, крымцы присягнули на подданство, и обещание исполнено. Несмотря на глубокую осень, полкам приказано было строить землянки вместо зимних квартир. Для столь важной операции не только благовременных приуготовлений, ниже распоряжений от начальства делаемо не было, лишь показаны места в долинах. Солдаты начали работу, надобный для землянок лес стали рубить без разбору. Тут погибли высокие раины [117] и развесистые тополи, крымские сады украшающие. Не пощажены огромные деревья ореховые, грушевые, яблонные и прочие. Дерево без фруктов и без листьев незнакомо русскому; как осину и березу рубили они все, что находилось поближе. Офицеры, разлакомившиеся иметь походные мебели из орехового дерева, много их истребили.

Близ речек устроенные землянки, в осенние дни сделанные, были пагубны для здоровья людей; великое число русских к крымскому климату

не привыкших, погребено в иловато-известковую землю. Чума, может быть, завезенная, но сим еще увеличившаяся, довершила истребление.

Большие рекрутские наборы укомплектовали полки, в Крыму расположенные. Известия от возвращавшихся полумертвыми офицеров распространили слухи о тяжести климата. Россияне ужасались Крыма; но писатели, подстрекая любопытство увеличенными красами, манили в него, подкрепляемые силою великомощного боярина. Могли ли они противустать общему понятию, на событиях основанному?

Принято намерение населять Крым русскими людьми. Боярин, кроме забав и честолюбия, ничем не занимавшийся и ничто в цену не полагающий *, стал жаловать землями. Почти все достались шутам и угодникам, коим селить было некого. Удовлетворяя их выбору, отводились дачи, на которых побольше было людей. Сии помещики, силу в губернском правлении имеющие, чтобы умножить себе доходы, начали стеснять древних обитателей, произвели неудовольствие, ропот и опасность. Засим последовало уменьшение людей: многие были высланы за границу, многие уволены по просьбе, а некоторые бежали в Турецкие области. И таким образом остались в Крыму только те татары, коим деваться было некуда, то есть негодяи или те, которые, жительствуя на местах невыгодных, не подпали под иго милостей.

Для заведения русских селений исходатайствован манифест, коим прощаются беглецы, из-за границы возвращающиеся, и всякого рода и звания люди, скитающиеся под именем не помнящих родства. Им дозволялось избрать состояние по их желанию. Новые помещики, сим воспользуясь, подговаривали солдат к побегам. Бежавшие из полков на другой день являлись к пограничным начальникам, объявляли себя выходцами из-за границы или не помнящими родства. Желание их быть записанными по ревизии в крестьянство помещика, их подговаривавшего, тотчас было удовлетворяемо. Они, будучи водворяемы в селениях, где оставались татары на земле, помещику пожалованной, способствовали к скорейшему первобытных жителей удалению.

Со всего государства велено было собрать солдатских жен и отправить к мужьям. Под присмотром привезенные в Крым женщины, коих мужья давно померли, разбираемы были солдатами, коим тотчас давалась отставка и снабжение от казны, и лишь объявит желание поселиться на землях, к тому назначенных в Крыму. Взяв незнакомую и в пути, да и дома еще избалованную жену, получа все, что крестьянину иметь

---

* Мы уже знаем, что это отзыв пристрастный.[118] — ***Примеч. Бартенева.***

надобно, оставшись на свободе без всякого присмотра, предавались они распутству, и большая часть исчезла.

Такое основание, конечно, должно было принести вредные плоды. Бродяги, бездетно умершие, а большая часть разбежавшиеся, отягощая оставшихся чрез умножение податей, вносимых за убылых, отяготили край на многие годы и пресекли путь к приведению его в лучшее состояние; ибо никто из добропорядочных поселян не захотел водвориться в таковые селения. Всего же злее, что бродяги, промотавшие данное им снабжение, не жалея ничего, истребили лучшие деревья, продавая все, что можно. Потом они же ввели в обыкновение всякие мошенничества и скверные дела.

В Турецкие области удаляющиеся из Крыма татары жалобами и воплем возбудили общее негодование. Народная готовность к войне давала правительству надежду возвратить потерянное. Начались с обеих сторон приуготовления. Новые помещики и судьи, взятые из полковых офицеров, большею частию солдатские дети, разогнавшие и ожесточавшие татар, искали возможностей к снабжению принимаемых и на пожалованных им землях водворяемых бродяг. Они умыслили и исходатайствовали приказание отобрать у татар оружие и скот их перегнать на степь, за Перекопом простирающуюся до берегов реки Днепра. Сие дало возможность, отбирая оружие, отобрать и все, что можно было взять. Татары, коих скот удаляем был за 100 и более верст, полагая его погибшим, старались его наперерыв продавать. Дворяне и судьи, за порядком смотреть и сосчитывать определенные, много даром отсчитывая себе, покупали гуртом по рублю лошадь и рогатый скот.

Война, в 1787 году наченшаяся,[119] кончилась для России счастливо. Пределы ее распространились, прежнее приобретение сделалось надежнее по мере ослабления турков. Но Крым, выше объявленными происшествиями изнеможенный, показывал опустошение и ужасные следы беспорядков.

По смерти князя Потемкина Крым, как бы удел фаворитов, достался под начальство князя Зубова. Молодой человек женоподобного нрава, ничем никогда не управлявший, никаких дел не знающий, опираясь на власть, безрассудно ему данную, хотел быть милостив. Чтобы сделать благодеяние новым его подчиненным и окружающим государыню служителям, исходатайствовал дозволение жаловать не дачами (как прежде князь Потемкин делывал), а числом десятин. Сие дело, чрез бессовестного губернатора в действо произведенное, довершило погибель Крыма.

Судьи и придворные камердинеры, камер-юнгферы и прочие такового рода люди, желая получить не земли для водворения обывателей,

но возможность собрать деньги, взяли им пожалованное число раздробительно в разных дачах; словом, везде распространили и пустили глубже корень беспорядка и утеснения первобытных жителей.

Кончина императрицы Екатерины II переменила вид всех дел. Губерния Таврическая уничтожена. Крым, обратившийся в уезд, причислен к Екатеринославской губернии, переименованной тогда Новороссийскою. Суровость правления произвела страх. Сократились притеснения обывателям, и умолкли их жалобы. Уничтоженные присутственные места, оставя многое число в чины выведенных негодяев, составили корпус нищих в старинных наместнических мундирах. Ябедничество оставалось им средством к содержанию себя. Семена зла, гнездящегося в сердцах и умах их подобно морозу, скрепляемы были строгостию тогдашнего правления. Надобна была теплотворная кротость, чтобы возникли они и явились на поверхности с плодами.

Судьи и подъячие, от службы уволенные, никакого имения нигде не имеющие, разбрелись по дачам, им пожалованным.

Они жили с татарами мирно, по-братски; некоторые ж, в число получивших поместья не попавшие, поступили в волостные писари, а иные упражнялись в писании прошений к местным начальникам. Между тем все между собою завидовали, враждовали и, спознавая тонкости минувших плутней, готовились к доносам.

По кончине Павла I, бывшего в нынешние времена подобным царю Иоанну Васильевичу Грозному, явилась на престоле российском благодать в лице Александра I. Снисхождение ко всему и кротость начали смягчать суровую кору, и добро и худо в недрах содержавшую. Любимец его Новосильцев [120], ни в каких делах не упражнявшийся, захотел научиться и подобно Некеру [121] нагрузил свой кабинет чужими идеями. Издан указ, чтобы все, с полезными прожектами явиться могущие, предстали к сему молодому патриоту. Первые прожекты, ободрение и награду получившие, расплодили людей сего рода. За недостатком выдумать полезное, явились доносчики, бывшее зло объявляющие. Начались исследования, учреждались для рассмотрения комитеты, умножилось число дел, и зло, в другом только образе, размножилось. Крым сделался в страшном потрясении; старинные беспорядки, в известность приводимые, виновников ужасали. Они ожидали подобного страшного суду Божию, в Евангелии обещанному.

Для рассмотрения на месте о землях,[122] вопреки справедливости и порядка розданных, и для разрешения споров между старых и новых помещиков и простых татар, учреждена и отправлена в Крым комиссия.

5 Зак. 3729

Сенатор Лопухин [123] назначен председателем; с ним отправлены и именитые и чиновные четыре члена *. Всем дано большое жалованье и столовые деньги.

Пышная комиссия, поселившаяся в уездном городе, понятно, какой гром сделала. Явные отзывы начальника, что прислан защитить угнетенных, манили к нему толпами людей. Мелкие прежние судьишки, секретари и подьячие, завидуя получившим имения и знавшие все их пакости, открывают свое ремесло, пишут всем прошения; за недостатком просителей пишут от имени таких людей, коих вовсе нет и не было, с жалобою на тех, которых не любят, изъясняя злые поступки и дела, достойные строгого наказания. Сенатор, без прочтения от всех принимающий, накопил необъятную кучу бумаг: истребуя от всех мест все дела, до раздачи земель, до споров и жалоб касающиеся, нагрузил комиссию балластом более, нежели было в Ноевом ковчеге.

Приступают к рассмотрению общего плана, к раздаче земель относящегося; проходит в сем упражнении целый год, а между тем помещики, кои побогатее и поболее прочих виноватые, приметя склонность сенатора к пьянству ** и чванству, сопутствуя ему и угождая, приобрели

---

* См. записки И. В. Лопухина. М., 1860, стр. 117 и далее. Лопухин говорит: «Причиною учреждения сей комиссии были жалобы татар, подстрекнутых завистью, неприязнью между собою и разными личностями дворян и чиновников, начиная с нижних до самых вышних, так что сие касалось и до играния знатнейших ролей при дворе. Одним словом, сия комиссия родилась больше от споров на паркете, по которому охотники ходить всегда теснятся и скользят, нежели в обильных долинах и великолепных горах романтической Тавриды: потому что при отправлении ко мне указа ближайшие по государственным делам к государю писали ко мне, что его величество изволил поручить мне сию комиссию, зная мое беспристрастие, опытность и особливо твердость». Указ об этой комиссии, данный государственному казначею 19 мая 1802 года, находится в Полн. Собр. Законов, № 20 270. Из него видно, что Лопухин получал в этой комиссии, кроме жалования по чину, ежемесячно 500 рублей столовых, да на путевые издержки ему выдано 5000 рублей. Членами комиссии назначены: обер-прокурор временного межевого департамента Ланской, действительный статский советник Михаил Туманский (родственник кн. Кочубея), обер-секретарь Крейтер и статский советник Павел Сумароков (напечатавший в 1803—1805 годах.[124] известные «Досуги крымского судьи»). Там же, от того же 19 мая, под № 20 276 напечатан подробнее указ о комиссии, данный Сенату, с приложением правил оной, которые, как свидетельствует Лопухин, изданы были и на татарском языке.— ***Примеч. Бартенева.***

** Сочинитель, вероятно, думал сказать: к хорошему столу и удобствам житейским. Между тем сам Лопухин («Записки», стр. 119) в просьбе своей о денежном вспоможении говорит государю: «Не только не любил я пиров и праздников и никогда не давал их, но, может быть, слишком всегда был против их предубежден... Не проигрывал я, конечно, никогда нескольких рублей без

его благорасположение. Он представил о неудобствах исполнить на комиссию возложенное по правилам, ей начертанным, и исходатайствовал дозволение приехать в Петербург для объяснения. Поехал * и через год привез дополнения, коими укоренилися права помещиков, для поселения людей не имеющих. Крым, лишившийся надежды приходить в лучшее состояние, терпел более прежнего. Неизвестность, кому что принадлежать может, остановило хозяйство. Медленность комиссии и порядок, несносно отяготительный, причиною, что в три года ее существования ни одного дела не решено и даже половины бумаг не разобрано и не прочтено.

До приезда моего без мала год существовавшая губерния не имела начальника. Всякого рода злоупотребления укоренялись и распространяли ветви. Не только воровства, грабительства, но смертные убийства оставались необнаруженными, ненаказанными, и дела предавались суду Божию. Присутствующие гражданского и уголовного суда явно торговались с подсудимыми. Правосудие продавалось, как вещь в торговле обыкновенная.

При вступлении в должность, всякой день по нескольку десятков жалоб мне подавалось. О всякой безделке, не стоющей цены написать прошение, люди шли ко мне. Я, начав каждодневно присутствовать в губернском правительстве и каждодневно побывая во всех судебных местах, начал сам писать резолюции по делам просительским и направлял понемножку на порядок законный. Потом, видя, что ябедники, возбуждая народ к тяжбам, питаются от того, придравшись к тому, что многие просители признавались в незнании написанного, а другие совсем другой смысл и уменьшенные претензии объявляли чрез переводчика, я публиковал, чтобы всякой татарин, желающий мне жаловаться или доносить, писал бы на своем языке, дабы не мог отзываться незнанием.

сожаления, как, напротив, никогда не подавал я бедному без некоторого беспокойства о том, что не мало ли даю ему. Были обстоятельства, в которых разум мой считал должным и силился удерживать мою руку, но ни одного, конечно, раза не успел». Все предания уверяют в искренности последних слов памятного Москвы мартиниста. Он действительно помогал неимущим щедро; но для своих подаяний брал взаймы у людей достаточных, не платил этих долгов и тем разорил многих. Старожилы подтверждают и отзыв Д. Б. Мертваго о наклонности И. В. Лопухина к чувственным удовольствиям; сличи «Русский архив», 1864, изд. 2-е, стлб. 588.— ***Примеч. Бартенева.***

* Лопухина «Записки», стр. 118: «За особыми, кроме комиссии, от государя поручениями, не успев до поздних чисел февраля выехать из Крыма, приехал я... в Петербург... в марте 1803 года, выехал из него в августе 1804 года.— ***Примеч. Бартенева.***

Представление о сем министру внутренних дел удостоено апробациею государя.

Начав строго поступать с писателями прошений и наблюдать, чтобы градские и земские полиции были исправнее, утишил я сие волнение; многократно представляя, наконец, достиг, что присутствующих гражданского и уголовного суда отрешили от должностей и на место их определили других. Всех капитан-исправников, многих заседателей, также и полицеймейстеров переменили. Теперь сделалось, что жалобщиков почти нет, дела идут скорее; обыватели довольнее и трудолюбивее становятся. Не только смертные убийства прекратились, но и воровства мало слышно. Тотчас все находится, и виновные наказываются.

Сенатор Лопухин в конце 1805 года возвращен в Сенат. Председательство в комиссии препоручено мне. Сокращая порядок в производстве дел, и вместо прежних в губернское правительство посылаемых толстых сообщений, приняв на себя предписывать градским и земским полициям о призыве просителей и ответчиков или о вспросе, кого о чем спросить надобно, облегчил правительство, и дело пошло успешнее.

Впоследствии открылось, что проситель, от имени коего жалоба подана, и не знал о ней и не имел надобности просить. Ответчики, на коих жаловались с изъяснением поступков бесчеловечных и непростительных, вовсе не имели той земли. Словом, по прежнему порядку, в комиссии заведенному, напрасно в газетах публиковались люди в обидных для них выражениях, и общая молва удостоверила об истине, что ябедники, желая обидеть, писали прошения от людей, коих нет, и, ложно описывая беззакония и мерзости, искали только оклеветать им противного человека. К подаче прошения дешево нанимали они татар, ничему не подвергающихся, ибо сенатор и никто из членов его и секретарей не читал прошений, а только, принимая, клали в кучу.

Поелику в правилах сказано, что всякой должен быть вопрошен и всякой должен представить права на землю, которую считает своею, или взамену документов присягнуть тяжкою для татар клятвою; притом же дана воля всем мириться, и комиссии не велено доискиваться остатков, казне принадлежать могущих: то, полагая, что невозможно простому поселянину ходатайствовать по своему делу, тем не менее нанять стряпчего, и никак не можно сделать, чтобы все истцы и ответчики в одно время явились в комиссию, следовательно, примирять нет средства, я предложил членам, что полезно бы было им ездить на места споров, где все участвующие люди без отягощения могут быть собраны вместе. По измерении спорных участков и по принятии документов явно будет, кому

что присуждено быть должно. И так, избегая производства и судебного решения, можно соглашать спорющихся к примирению, которое навсегда утверждать комиссия должна. Сим не только облегчается она в делах, но и укоренять может согласие людей, вражду миролюбно прекращающих.

Члены мои, большое жалованье и столовые деньги получающие, приметили близость конца комиссии, им любезной, будучи при том подстрекаемы от прежнего их начальника, место сие им давшего, и который удостоверял, что комиссия очень тяжкая, четырнадцать лет существовать долженствующая, достойна великого внимания и милости государской и что члены, в ней находящиеся, несут труд чрезмерный. И так, опираясь на мнимую его силу, начали (члены комиссии) явно противиться моим распоряжениям: никто ничего не стал делать; на всяком шагу споры, голоса; словом, совершенная остановка.

Долго я страдал, будучи в недосугах по другим, мне порученным, делам. Несколько времени спорил я с членами, желая им доказать пользу от скорого окончания комиссии; целые дни просиживая в присутствии с ними, видел невозможность успеть. Наконец, многие их непослушания противозаконные, в журналах записанные, представил я на рассмотрение министру внутренних дел и представил ему о порядке, который мне кажется способом прекратить споры скорее, и сверх общего добра окончить существование комиссии, коей содержание немало денег стоит.

За споры приказано было военному губернатору Дюку де Ришелье [125] попенять моим членам, а о порядке, мною представленном, получил я именный указ, коим велено все то делать, что от меня к министру писано было. Унятые члены и облегченный порядок причиною, что с сентября 1806 года по апрель 1807 решено дел 105, рассмотрением приведено к окончанию 116, остается 173, которые уповаю кончить в течение сего года.

Народ сделался спокойнее и трудолюбивее. Пример решенных дел показывает путь к примирениям. Казна доныне сбережена от обещанных вознаграждений за отчужденные земли. Всякой входит в черту, справедливостию назначенную.

Распространяясь о делах комиссии, прервал я изъяснение о состоянии губернии и вообще о делах, мне порученных; возвращаясь, начну по порядку.

Входя в состояние дел губернских, нашел я, что во время войны с турками, в 1787 году наченшейся, переселенные из Бессарабии ногайцы,[126] коим отведена обширная земля по берегу Азовского моря до Молочных вод, будучи управляемы плутом Баязет-беем (всех начальников подарками, подлостями и всем, чем можно, улещавшим), рассыпаясь по

всем того края степям, производят воровства, злодейства и причиняют совершенное препятствие умножению переселения порядочных людей на обширные и доброго качества земли Днепровского и Мелитопольского уездов. Исследуя о том подробно, обнаружа пакости, представил я министру. Доведено сие до сведения государя и поручено военному губернатору генералу Розенбергу * [127], тогда в Петербург приехавшему, войти в рассмотрение, удалить Баязет-бея и сделать полезную в ногайском народе перемену.

Розенберг, до подарков лакомый, был знаком с Баязет-беем. Безграмотный сей генерал мастер только был подписывать свое имя; им управляли секретари (равно, как и он, деньги, лошадей и всякого рода подарки любящие, с тою только противу него отменою, что имели знания больше, а совести, может быть, меньше). Гордость немецкая, усиленная давностию службы и многими знаками отличия, была подстрекаема и тем, что, не свидавшись с ним, вступил я в должность, стал строго поступать со многими чиновниками, из коих некоторые им определены были, и, пользуясь временем его отсутствия и правами, законом данными, переменил, выгнал и вновь определил людей в местах полицейских.

По приезде в Крым встреча наша была настоящая баталия словесная. По нескольких стычках я стал победителем. Он ретировался; пошли мирные переговоры, и, наконец, приняты взаимно кондиции, чтобы не слушать никаких рассказов и не ссориться нам ни в чем; что мысль, в его отношениях содержащуюся, стану я принимать происходящею от него; слова же буду понимать происходящими от секретаря. Он обещал не мешаться в мелочи, коими усиливаться и ослабляться может моя власть, для утверждения порядка и правосудия нужная, и содействовать мне будет силою доверенности, которою он удостоен от государя; а я стану обо всем к нему относиться и чтить его, как следует начальника.

Поелику сей договор не был утвержден поручительством его секретарей, то лишь расстались мы, был нарушен. Все приходящие от него бумаги были вопреки моим представлениям. Скоро он пожаловался, что определял я чиновников и представлял для определения к министру без его согласия, и исходатайствовал повеление у государя, чтобы я представлял к нему об определении и удалении от должности чиновников. Потом стал он или, лучше сказать, секретари его брать сторону судей

*** См. о нем в «Записках» гр. Комаровского, «Русский архив», 1867, стлб. 531, 553 и др.— *Примеч. Бартенева.***

гражданского и уголовного суда. Все мною одобряемые люди подвергались бедам, все ж преданные суду являлись правы. Розенберг утверждал решение, а я был должен исполнять, ибо противу всякого дела заводить тяжбу нельзя и успеть не можно. Между тем сенатору Лопухину при мне начало быть стыднее, коего перестали чествовать, встречать и провожать и коему часто я говорил при многих, что пора комиссии начать свое дело, а что без того нельзя быть никакому в губернии порядку. Все сие его вооружило противу меня, он соединился с Розенбергом, и начали умышлять, как бы от меня избавиться.

Одобрение моим поступкам, похвала от министра и получение 1-й степени ордена Св. Анны сокращало старание. Они явно показывали злобу, но в тоже время ласкались ко мне и терпели слова мои, без всякой записки им по правде говоренные. В продолжение сего времени получил я именной указ, коим в двусмысленном штиле дозволялось увольнять татар для переселения в Турецкие области. Великое число их просилось, и более тысячи душ переселилось; а в то же время переселились к нам из Турецких областей булгары и греки.

Полагая, что сие есть тайное условие правительства, я старался содействовать полезной мене, но после открывается мое заблуждение. Сколько ни писал я партикулярно и по форме императору, всегда исправно ответствующему, не получил ответа, должно или нет увольнять множество татар без разбора и опустошать Крым. Розенберг, сим воспользуясь, писал, что непомерная моя строгость разгоняет людей и совершенно опустошает край, хотя сам знал, что строгость моя — противу судей и противу воров и злодеев, от коих добрые люди удаляются, а не противу обывателей, честно живущих; что татары мною довольны и что переселению их причина суеверие: Магомет налагает проклятие на тех, которые могут присоединиться к верным и остаются под властию неверных. Кончилось сие тем, что не приказано увольнять татар без разбора, предоставлено оное военному губернатору, и в самом том указе поступки мои одобрены.

Наскуча беспрестанною подьяческою войною и видя себя не в силах воздерживать беспорядки и беззакония, писал я к министру, просил исходатайствовать увольнение от моей должности. На сие получил очень благосклонный отзыв, уведомляющий, что по повелению государя писано Розенбергу, дабы он был со мною снисходительнее и дружнее и чтобы поприлежнее смотрел за его канцеляриею. Мне советовал министр искать его благорасположения, говоря, что леты и прежняя служба дают ему право на пожертвование с моей стороны.

В сие время послал я отчет за управление соляною экспедициею. Дела мои одобрены, все представляемые мною чиновники награждены, и я получил благоволительный рескрипт.

Вскоре присоветуемо Розенбергу попроситься в отставку. Он послушался и отставлен с полным жалованьем. На место его определен давно мною почитаемый, достойный человек Дюк де Ришелье.

24 апреля 1805 года родился у меня сын Николай, а 5 июня 1806 года — дочь Мария.

1806 год был самый для меня тяжкой: я, жена и все в доме моем больны, и во всем Крыму необыкновенно много терпели люди болезней, и много померло.

После Аустерлицкого сражения [128] возгордившиеся французы, водимые умною и честолюбивою головою Бонапарта, начали возмущать турков. По трактату 1791 года господари Молдавской и Валахской состояли под защитою русского императора, и султан преждевременно сменять их был не должен. Чтобы разорвать мир, требуемо от турков было их сменить, и сменены. Российской министр и союзный английской требовали объяснения и погрозили; турки струсили и тотчас господарей к местам возвратили. Но между тем паши Бендерский и Хотинский, полагая начальной поступок знаком неизбежной войны, нашли у себя служащих офицеров, бывших крымскими татарами, и у коих немало родни здесь остается, отправили их богатою рукою в Крым. По причине существовавшего еще мира они приняты в Дубоссарском карантине и пропущены. Получа о том сведение, велел я рачительно примечать за поступками сих гостей и открыл многие их затеи, получа в свои руки письма, привезенные ими без карантинного очищения, в коих двусмысленным образом описываемо было благоденствие живущих в Турецкой империи; одним словом, ясно, что приехали они возмущать татар. Дождав приезда Дюка де Ришелье, объявил я ему о том и о намерении взять их под караул как виновников, обманувших карантин, провезя письма в мешке с ячменем, и отправить для следствия в Херсонскую губернию. Кажется мне, пожалел он чиновников карантинных, могущих пострадать от действия сего дела, и потому советовал мне отпустить их обратно, как они о том уже и просили, что я и исполнил.

Лихорадка от часу более расстраивала мое здоровье. Всех вокруг себя видел я в страдательном состоянии. И так, посоветовавшись только с женою, написал своею рукою просьбу к государю, вложа ее в своеручное письмо к министру, просил увольнения от службы, и если заслуживаю милость, то с жалованием.

Сие прошение в ноябре месяце 1806 года отправил я с курьером, посланным с отчетом по соляной части, который был весьма достоин милостивого воззрения как по причине знатной суммы, в доход поступившей, так и по увеличению запаса соли.

Лишь возвратился я из Перекопа, получаю известие, что военный губернатор Дюк де Ришелье со всеми войсками, в Крыму и поблизости оного расположенными, выступает в поход. Ему велено занять крепости турецкие до берега Дуная. Неизбежная открывается война с турками. В Крыму один только новосформированный мушкетерский полк, не обученный и в котором 800 человек умерло, а остальные все чуть живы от лихорадки, да егерского шесть рот в Керчи и Ениколе. 73 тысячи душ татар, на коих полагаться можно было немного более, как на самих турок; отвсюду известия о злых отзывах их, и что, по объявлению чиновников, бывших от Бендерского и Хотинского паши присланных, татары ожидают флот турецкий и готовятся начать возмущение. Соображая все, я видел еще возможность держаться не столько силою оружия, сколько силою уважения, которое ко мне лично у татар оставалось. Полагая, что турки в зимние месяцы не вышлют флот в море, оставалось еще время к принятию мер, какие только найтиться могут.

Я написал к министру, что просил я увольнения от службы тогда, когда военный губернатор и войска были в прежних местах, и, следовательно, видел я себя ненужным в службе, но теперь, когда выступил он с войском за границу, когда Крым остался пуст, нахожу я, что служба моя здесь надобна, и так готов остаться, если то угодно.

До получения сего письма написано уже мне было от министра, что докладывал он государю по моей просьбе, что его величество желает, чтобы еще продолжал я служение в Крыму; и если болезнь расстроила мое здоровье, то для поправления дозволяется мне на несколько времени отлучиться в Киев или Малороссию. В заключение требует решительного на сие ответа. Я ответствовал, как то и правда была, что здоровье мое поправляется со времени, как начались морозы, и что обстоятельства не дозволяют отлучиться. И так остаюсь я неподвижно в Крыму.

По случаю смерти муфтия, на место коего по указу покойной императрицы поступить был должен Казы-Ескер, я писал Дюку де Ришелье и просил его, взяв на себя, дать мне дозволение собрать именитых людей разного сословия Магометанского закона, предоставя им избрать кандидатов для представления государя, кому повелено будет быть муфтием. Сие нужно было потому, во-первых, чтобы внимание людей занять

домашними предметами и чтобы удалить Казы-Ескера, человека неспособного, корыстолюбивого и всем сердцем туркам преданного.

Получа удовлетворительный ответ от Дюка де Ришелье, послал я позывы всему дворянству Магометанского закона, духовенству и волостным головам, с коими вместе велел приехать исправникам. Между тем старался я разведывать о людях, спознакомился сперва по слуху, а потом и персонально с братом покойного муфтия, человеком честным, весьма недостаточное состояние имеющим. Он служил коллежским асессором и переводчиком по секретным делам при князе Потемкине. Его я наметил сделать муфтием, где жалованья 2000 рублей в год и дозволенных доходов, когда не вдвое, то столько же.

Кое с кем из мурз поговаривая о сем, видел я, что они готовы исполнить по моей воле; оставалось малое число закоренелых стариков, желавших возвести Казы-Ескера потому только, что он стар и усерден к туркам. Да духовенство, поддерживая свои права, хотело его же для того, что каждому бы был луч надежды быть муфтием. И так надобно было заблаговременно стараться о перевесе на мою сторону, чтобы не остаться в дураках.

К назначенному в декабре месяце сроку собралось дворян около пятидесяти человек, духовенства более двухсот, и 27 волостных голов, кои совершенно готовы исполнить, что велю. Я предложил Казы-Ескеру, должность первосвященника отправлявшему, что из уважения к благородному дворянству не могу я дозволить, чтобы число духовных для избрания кандидатов допущено было более, нежели собралось числом дворян. При том же и не могу я поместить столь великое множество людей, для баллотирования собравшихся; и так велел бы он им избрать депутатов столько числом, сколько есть налицо дворян, что исполнено без всякого прекословия, и цели он не понял.

Собравшемуся дворянству, духовенству и волостным головам объявя причину их собрания, изъясня, сколь нужно избрать муфтием человека честного, умного и трудолюбивого (ибо он, сверх духовных дел, имеет обязанности разделять имение наследникам), и сделав многие поучения, которые охотно они от меня слушают, велел я идти в мечеть присягать, что приступят и совершат избрание беспристрастно: потом, придя в назначенной для того дом, баллотировать кандидатов и оных представить ко мне; к надзору за порядком определил губернского предводителя и советника правления с небольшим числом прислужников.

Целой день прошел в прениях, кому сколько назначать кандидатов для баллотирования. Пришли ко мне избранные от дворянства,

духовенства и голов, прося разрешения. Я велел дворянству назначить восемь, духовенству семь и волостным головам, яко доверенным от народа, пять кандидатов. Позвав тот день к себе обедать человек тридцать наиболее противной партии сильных людей, старался я, лаская их честолюбию направлять на путь, мною желанный и действительно для службы полезной.

На другой день та же история. И, наконец, пришли депутаты просить именем всех, в собрании бывших, дозволения не баллотировать, а единогласно подписать выбор в муфтии Казы-Ескера, а на место его коллежским асессором Миртазу-Челебю. Я ответствовал, что сего принять не смею, ибо им дозволяется избирать кандидатов для утверждения муфтием того, кто угоден будет государю.

Дело кончилось по-моему. Мне представлены два кандидата: Казы-Ескер и Миртаза-Челебя. Представляя о сем министру внутренних дел с приложением избирательного листа, изъяснял я о качествах представляемых кандидатов и просил исходатайствовать звание муфтия Миртазе-Челебе, а Казы-Ескеру, дабы был спокойнее, пожаловать подарок. На сие получил именной указ об утверждении Миртазы-Челеби муфтием, а Казы-Ескеру пожалован перстень.

Во время бывшего собрания первостатейных магометан получен манифест, коим объявляется угрожаемая война от французов и призываются жители пограничных губерний к усилиям для защищения отечества. Чрез посторонние пути я внушал честолюбивым мурзам о возможности получить чины и отличия, а головам, что простые татары, служа как иррегулярное войско при армии, могут набогатиться и ввести в Крым сокровища Немецкой земли, подобно как на Дону у всякого есть вещи польские и турецкие, и что всякой татарин, служа в войске, может за отличие получить офицерский чин и вознестись в звание мурзинское.

Затеяв многие праздники для увеселения приезжавших гостей, показывая балы европейские и всякой день большие для них обеды, старался я их продержать подолее, не говоря сам никому ничего.

Наконец, один из знаменитых беев, более со мною знакомых, заводит разговоры о манифесте и, наконец, как бы опасаясь моего несогласия, предлагает, что хотят они просить службы. Я ответствовал, что намерение очень хорошо, но надобно это сделать порядком и испросить дозволения. Потом, разговаривая откровеннее и изображая, что будет он полковником, какие славные будем мы слышать о нем вести, с какими знаками отличия и выгодами он возвратиться, в каком почтении сделается у всех, какую все нужду иметь будут в его покровительстве, и тому

подобное; словом, сей молодой человек, сделавшись вне себя, лишь возвратился домой, оседлал лошадь, поскакал к уехавшему уже в деревню старику, богатейшему и почтеннейшему из крымцев.

На другой день поутру является ко мне депутация от мурз, во всю ночь советовавшихся, с предложением общего желания служить при армии. Похваляя их усердие, я дозволил сделать приговор дворянской и чрез губернского предводителя мне представить. Оный я написал сам и чрез скрытные пути им препроводил. Все написано на татарском языке; перевод списан с данного от меня. Я призываю волостных голов, сказываю им о представлении дворянском. Все единогласно, от имени всего народа объявляют желание служить. Ветреный народ, как и все в жарких климатах, такой огонь показывал, что, казалось, мог бы я вооружить всех до единого и повести на войну, куда хочу.

На другой день приказал я всем собраться ко мне; вступил в пространное поле рассуждений, сколь полезно им службою войти на ровную степень с коренными сынами нового их отечества, где правление кроткое, человеколюбивое и, в рассуждении многолюдства, обширности и силы, мало требующее пожертвований от обитателей. И так, предпринимая похвальное и выгодное для них дело, надобно обдумать, чтобы исполнено было успешно и удостоверило бы правительство, что татары верны и люди хорошие и что нынешние не похожи на тех беспорядочных людей, которые в прошедшую войну были избраны для службы в Польше, не принесли никакой пользы, много стоили денег и много беспорядков наделали. Все единогласно говорили мне, что тогда начальство допустило многие беспорядки и злоупотребления, брали взятки с богатых, дозволяя им вместо себя нанимать бродяг, цыган и пастухов, и так чему же быть доброму; что при моем правлении этого быть не может. Окончилось тем, что я представил министру внутренних дел приговор дворянской; писал, как сие дело полезно быть может как для армии, так и для спокойствия в Крыму, ибо дети именитых мурз и татар, находясь в отдалении, будут служить аманатами [129]. Отпустя всех, на собрании бывших, восвояси, рекомендовал я приготовляться к походу; ибо не мог подумать, чтобы не охотно сие было принято.

Назнача к отправлению шесть полков, избрав богатейших беев и мурз полковниками, препоручил я им собирать охотников, имея в предмете, что войны жаждущие обыватели опасны в крае, где от волнения народного находится сумнение.

Все было почти исполнено, все полки охотниками из горских татар и из горских обывателей были укомплектованы; мирные степные татары,

уклоняясь от службы, обещали дать снабжение храбрецам. Все молодые дворяне записались желающими служить. Ни одной мурзинской семьи не оставалось, из коей бы не приуготовлялся сын или племянник в службу.

Вскоре засим получается манифест, повелевающий собрать милицию 613 тысяч человек в течение двух недель. Вещь трудная, но исполненная самым действом и показавшая ясно дух русского народа и силу государства. Таврическая губерния в числе многих не введена в состав милиции, но ей дозволено добровольными пожертвованиями содействовать общему ополчению. Дворянство, купечество и народ при всем недостаточестве и малолюдстве назначили более 200 тысяч рублей. Дворянство представило мне, прося исходатайствовать дозволение вооружить милицию в Крыму и вне оного. Крестьяне по волостям, сделав приговоры, изъявляющие желание служить отечеству, все до единого стали изготовляться: косы преобразили в палаши, во всех кузницах везде ковали пики. Все сушили сухари, и в короткое время вся губерния готова была выступить в поход и драться с неприятелем. О сем также чрез нарочного от дворян избранного депутата представил я г. министру внутренних дел. Чрез два месяца получается резолюция, чтобы сформировать регулярные полки из татар, в кои офицеры и шефы будут определены русские по обыкновенному порядку; из мурз составить лейб-сотню для службы при государе. О внутренней милиции выведены справкою дела совсем посторонние, людей огорчающие и исполнению полезного препятствующие. И сие поручено Дюку де Ришелье с уполномочением сделать так ли, как я представлял, или иначе, по его благорассмотрению. Сие повеление во время болезни Дюка получил маркиз де Траверсе [130] и передал его мне к исполнению, пиша, что и Дюк оставляет сие в полную мою власть.

Разумеется, что сие было обидно для меня и унизительно и могло бы произвести вредное для службы влияние, если бы личное ко мне уважение от моих подчиненных не было, как кажется, более, нежели к самому вышнему правительству.

О татарских полках оригинальное предписание министра, волю государя объявляющее, и копию рассуждения, составленного для сего комитета, прислал мне Дюк де Ришелье при письме, изъясняя, что он болен, никаких дел производить не может и потому предоставляет мне исполнить приказанное. А с тою же почтою получаю от него другое письмо, что по высочайшей воле передал он все препорученные ему должности адмиралу маркизу де Траверсе впредь до его выздоровления.

Видя, что титулами и чинами отличенные хитрые французы, друзья между собой, чувствуют невозможность исполнить приказанное и опасаются сказать истину, могущую огорчить министров, легко о деле судивших, и коих вредное и для Крыма опасное предположение государь одобрил, нашелся я в необходимости взять также свои меры. Представя маркизу де Траверсе присланные от Дюка бумаги, отозвался я, что когда ему поручено исправлять его должность, то не осмеливаюсь я приступить к сему делу. Он требовал моего мнения и очень дружески мне писал, обещеваясь сообразоваться оному и содействовать к утверждению моих распоряжений. Я написал объяснение противу рассуждений министерских, ясно показав неудобство формировать из татар регулярные полки под начальство русских офицеров, потому паче, что редкой татарин несколько слов русских знает, следовательно, и понимать один другого не могут; притом же во время, когда войска в Крыму мало, когда беспрестанно ожидается нашествие турок и опасаются возмущения от татар, то вообразили бы, какие могут быть следствия от невольного определения татар в службу, им неизвестную, под начальство людей, коих они разуметь не могут, и в коей не будут участвовать мурзы, всегда над татарами властвовавшие. При отправлении сих бумаг отправил я к маркизу молодого мурзу, сына богатого и сильного в народе крымском помещика, коего уже несколько образовал я, часто при себя имея, и которого по моей просьбе Дюк де Ришелье взял с собою во время похода в Молдавию и Бессарабию. Я просил при представлении своем послать сего мурзу на показ, какие офицеры с татарскими полками быть могут.

Маркиз вместо ответа отправил министру внутренних дел в оригинале мое к нему писание и препроводил с своим курьером посланного от меня мурзу. По словам его и по последствиям видно, что одобрял он мое мнение, вследствие чего посланный мурза был представлен государю: он говорил с ним, и получено повеление, когда не удобно сформировать регулярные полки, то отправил бы Дюк де Ришелье на службу татар, и тем порядком, как я представлял.

В течение сего времени получается секретное уведомление, что французское правительство требует от турок продолжать оборонительную войну противу русских войск, до берега Дуная дошедших, все ж силы обратить на Крым, без войск оставленный. Вследствие чего одиннадцать линейных кораблей, медью обитых, с несколькими мелкими военными судами приуготовляются и уже находятся в канале Константинопольском. На турецком флоте много офицеров французской службы. Посланник генерал Себастиани распоряжает всем, и люди всех

наций, Франции подчинившихся, находящиеся в Константинополе, сажаются на суда со многим числом турков для высадки на берега Крыма. У нас всего шесть кораблей, из коих три никуда не годятся. Сухопутного войска, готового к обороне, нет и двух тысяч человек.

Анапской паша, получа фирман[131] султанской, объявил горцам о войне противу России; обнадеживания и пособия были причиною, что вся Кубанская граница сделалась в огне; нашествия разорили несколько селений, пленили несколько людей. Черноморские казаки начали оборонительную войну.

От евпаторийского земского исправника получил я рапорт о заговоре к бунту. Двое татар из Константинополя, в гости приехавших, будучи здешние уроженцы, предлагали, что вскоре прибудут к берегам турецкие корабли с высадным войском, коим должны магометане содействовать к истреблению в Крыме российской власти. И когда им говорено было, что разве они не знают, как прилежно на поступки всех примечается, и что народ любит губернатора, при коем нельзя сего сделать, то объявили они намерение, вначале заманя к себе волостного голову, им сумнительного, арестовать или убить; потом ехать в ближайшее к Симферополю селение, где найдут они довольно единомышленных им людей, с оными приехать в город, разделясь для всех неприметным образом, и, выманя меня под каким ни есть предлогом, отрубить голову, и оную, воткнув на копье,— ехать по всему Крыму бунтовать народ.

Тотчас велел я послать повеление волостному голове, в ведомстве коего сии гости жительствовали, чтобы явился ко мне; они не послушались, объявляя, что будут стрелять, если кто силою брать их осмелится. Голова, оставя караул из татар, сам ко мне явился с донесением. Я послал исправника с четырьмя человеками драгун штатной команды и четырьмя казаками; а между тем отправил вперед заседателя из знаменитых здешних мурз, приказав объявить жителям, что если они не возьмут их и не представят, то сочтены будут единомышленниками, и я намерен их выслать из Крыма в степные селения, и все камни, из коих избы их построены, разнести; словом, не оставить знака деревни.

Мурза, от всех уважаемый, был принят учтиво, произвел страх и сделал, что жители отыскали мать сих татар, за другим мужем находящуюся. Ее и всех их родственников собрав вместе, послали вперед просить помилования у запершихся в каменной и от селения удаленной избе воинов, уверяя, что я милостив, и если они признаются в истине доноса, то, ничего им не сделав, вышлю только за границу. Они снизошли на просьбу, и сельской начальник, взяв их, встретил едущую команду.

Когда сии герои приведены ко мне были, объявил я донос, не объявляя от кого. Они ответствовали, что ничего не знают, и будто все то ложное. Отправя их под стражу на военную гауптвахту, велел я посадить розно, сказав, что покажу им людей, кому они что говорили; и так подумали бы хорошенько и решились сказать правду; между тем приказал сыскать людей, на них донесших, которые объявили, что готовы их уличать. При сем случае видел я привязанность ко мне народа. Они говорили, что обеспамятели, услыша о намерении «тебя убить, нашего милостивого губернатора».

На другой день дал я им вопросные пункты и велел, не объявляя всех, вопрошать по порядку, одного за другим и каждого порознь. Они показали, что в прошлом еще году выехали из Константинополя с намерением волновать крымцев; знакомство и дружбу наиболее имели именно с теми людьми, которые донос на них сделали; что во время, когда весь народ собирался на службу при армии, не осмеливались они открывать намерения, ибо видели его усердным к государю русскому. Но когда пошла молва, что татарских полков не будет, а хотят какие-то на русской манер, то, приметя в народе большое неудовольствие, решились начать свое предприятие, ожидая вскоре и турецкого флота. Меня хотели убить для того, что им казалось, если народ увидит мою голову на копье, то весь поднимется бунтовать. Потом один из сих татар сказал переводчику, что имеет еще сказать важное, но никому кроме одного меня не скажет.

Приглася к себе муфтия, призвал я сего татарина. На вопрос, что такое объявить мне желает, ответствовал он, что при свидетелях мне не скажет. Но как я ему сказал, что нет пользы оставаться нам наедине, ибо я по-татарски, а он по-русски не умеем, и так не лучше ли будет объявить муфтию, который в то время стал ему что-то говорить; после сего он объявил, что, находясь в Константинополе, был он в услужении у одного из придворных, который при начале смутных в прошлом году обстоятельств представил его султану в домашних комнатах.

Султан ему сказал: «Ступай в Крым, узнай, много ли там войска, и узнай, хотят ли татары служить мне или хотят быть верны государю русскому». — «И так, — я сказал, — зачем же ты не исполнил, что было приказано?» Он ответствовал, что он духовный, служит Богу, и от Него получил бы воздаяние, превзойдя меру повеления султанского.

По окончании разговоров и допроса при бытности муфтия велел я отвести их на гауптвахту и, объявя (о чем и доныне все уверены), будто подобные дела должен я вместе с подозреваемыми представлять

военному губернатору, велел сковать их в железа и на другой день в препровождении двух драгунов и двух казаков отправил в Николаев к маркизу де Траверсе.

Таковые происшествия и сведения показывали мне надобность отправить из Крыма мою семью — единственное мое утешение. Еще при начале смутных обстоятельств, предвидя следствия, стал я располагать к тому и разглашать, что обстоятельства домашние требуют, чтобы жена моя повидалась с ее матерью. И так непременно ожидая, что после равноденствия вскоре явится турецкий флот, выдумал я надобность ехать на границу губернии, чтобы сделать распоряжение об образовании милиции за Перекопом, и сим ускорил отъезд жены моей, которую мог проводить 200 верст.

За Перекопом берег Черного моря, простираясь до Кинбурна слишком на 200 верст, имеет во многих местах хорошие пристани. Там 80 человек казаков находилось для надзора. Неудаленно от берегов имеются селения из малороссиян. Затем простирается степь, назначенная для общего пастбища. По берегу Сиваша и в глубину степи жительствуют древние крымские обыватели, киргизами называемые. Затем несколько расстояния незаселенной степи, до реки Молочной, отделяет жительство ногайцев, в прошлую войну из Бессарабии переселенных; их числом до 9000 душ. Получил я уведомление, что генерал, командующий войсками у берегов Дуная, согласил до 7000 душ татар буджакских, которые ему беспокойны были, к переселению на Молочные воды для совместного жительства с ногайцами, им единоплеменными.

В последнюю войну с турками, когда на Кинбурнской косе и противу места, где есть удобство приставать судам, находился целый корпус регулярных войск, но и тогда турки делали покушение, и несколько людей из селений в плен взяли.

Рассуждая, хотя теперь не те обстоятельства, у турок нет Очакова — близкого к Крыму пристанища, и до самых берегов Дуная все места заняты российскими войсками; но буде турецкой флот, приближась к берегам нашим, выиграет, что и не мудрено, морское сражение, тогда легко ему будет, делая везде беспокойство, воспламенять татарские умы к мятежу. Ногайцы и вновь переселяемые буджакские татары, соединясь с киргизами, подогнав лошадей к берегу моря, дадут пособие турецкому высадному войску; оно может распространить беду вовнутрь России.

К предупреждению сих происшествий решился я формировать внутреннюю милицию вне Крыма, назнача четыре пункта для содержания по сотне: два противу места, где высадка быть может, два при границе земли

ногайской и по станциям на пути от Перекопа к Бериславлю, на пути от Перекопа к Никополю и на пути от Перекопа чрез Геническ до Молочных вод. Поставленным на пути к Бериславлю приказано ничьи табуны не пропускать на земли для общего пастбища, к Черному морю простирающиеся, толкуя, что оные назначены для зимовников, следовательно, надобно поберечь траву от топтания. Таковое повеление дал я и страже по пути к Никополю; определенным по пути, к Молочным водам чрез селения татарские и киргизские лежащему, велено примечать за поведением татар, как равно и тем, кои сотнями поставлены при окончании их дачи. А сотням близ Черного моря препоручено делать разъезды, и коль скоро усмотрят приближение флота неприятельского, обвестили бы ближайших селений жителей, способствовали их удалению и отгону скота, а паче лошадей, и, уведомя начальство, примечали на действия неприятеля. Я полагал: если высаженные турки, не встречая препятствия, пойдут вовнутрь земли для отыскания людей и лошадей и отдалятся на некоторое расстояние, то при первой усталости и темноте ночной небольшое число вооруженных жителей из бывших запорожских казаков [132], сего рода военные хитрости знающих, побьют или прогонят. Если же турки, вышед на берег, станут укрепляться, тогда, приняв осторожность об удержании татар, надлежать будет регулярным войскам (отколе можно их собрать) иметь с ними дело.

Сие распоряжение, в действо произведенное, представил я маркизу; он донес комитету для внутренней милиции, в Петербурге учрежденному, и получено одобрение.

До времени равнодействия английский адмирал, воспользуясь сильным южным ветром, прошел безвредно Дарданеллы, стал на якорь между Сераля и Семибашенной, показал возможность бросать в султанской дворец бомбы и остановился для переговоров столько времени и так мирно, что турки умножили по обеим сторонам береговые батареи и сделали везде печи для каления ядер; словом, англичане сделались будто принужденными возвратиться в Мраморное море и далее. Кажется, побеждены они не калеными ядрами, а светящимся металлом. Золотой дождь и в баснословные времена много чудес делывал.

Российский флот, под начальством Сенявина [133] по водам Средиземного моря плававший, взял Тенедос, устрашил турок, и потому весь их флот с Черного моря возвращен в Дарданеллы для защищения Константинополя.

В Крыму умножено войска. Гарнизонные баталионы везлись на подводах, и к весне составилось число людей 21 800 человек, провиант

получающих; да милиции из Полтавской и Екатеринославской губерний без мала 5000 человек, кои хотя не сильно вооружены и не обучены как надобно, но все люди, могущие содержать внутреннее спокойствие, по крайней мере удобные устрашить крымцев и не дать способов затеять что-нибудь вредное.

Маркиз де Траверсе во время своего начальства принял намерение взять Анапу и разорить. Он все распоряжения к тому сделал: приказал переправиться егерскому полку из Керчи в Фанагорию, приготовил артиллерию и велел флоту (из шести кораблей и двух фрегатов состоящему) выйти в море. В сие время Дюк де Ришелье выздоровел и захотел сам действовать. Отправясь в Тамань, ожидая прибытия эскадры, прожил он две недели понапрасну: противной ветр задержал ее, потом буря сделала много повреждений в неисправных старых кораблях. Эскадра для починки возвратилась в Севастополь. Между тем маркиз, все сведая, прискакал из Николаева; починя корабли, запася все, что нужно, отправил; а сам, будто из любопытства быть поближе, поехал сухопутно в Керчь; но вместо того, взяв в Феодосии маленькую брику, явился к флоту и, приватно командуя, поступил так, что сухопутные войска, в недоумении на Болотной Косе стоящие, не поспели к делу. Он взял крепость, и морские караулы отдали прибывшему сухопутному генералу честь. Крепость разорена совершенно подкопами, все жилые дома сожжены и разрушены, и даже извреждены колодезь, дававший всему городу воду.

Все сии события успокоили Крым. Дюк, из Анапы возвратившийся, приступил к сформированию татарских полков для отправления к армии. Я был посторонним в сем деле, не мешался ни во что, кроме когда спрашивали моего совета; тогда говорил, что знаю. В две недели четыре полка сформировано и на службу отправлено; от незнания поставить преграды и от скорости допущены некоторые малозначущие беспорядки и злоупотребления, однако ж полки сии были вне Таврической губернии, когда получено известие о мире с французами, а потому Дюк приказал сим полкам возвратиться восвояси и мне писал, отдав на волю, что с ним делать. Я велел им расположиться лагерем, каждому полку особенно, смотрел их и, найдя исправными, распустил впредь до востребования в домы, приказав быть готовыми на службу тотчас, коль скоро потребуются. Во всем ясно видно желание служить, как и то, что татары действительно народ военный.

Известно, что турецкий флот разбит почти до истребления, что вице-адмирал Сенявин завладел Тенедосом и обратил на себя все внимание турецкого правительства, что недовольные янычары взбунтовались,

свергли с престола султана Селима III [134] и возвели Мустафу, что все бывшие министры турецкие лишились голов; следовательно, система правительства испровержена до основания. Все сие, постепенно успокаивая волнение, возвращало тишину Крыму.

В июле месяце является в Севастополь турецкое судно с белым флагом. Оно принесло пашу, привезшего от султана Мустафы фирман к Таяр-бею, коего полагали быть в Крыму. Датской посланник барон Гибш, в Константинополе пребывающий, по просьбе рейс-ефендия мне пишет, ходатайствуя об увольнении Таяр-бея, добровольно до войны в Крым приехавшего. Поелику письмо адресовано было начальнику крымскому без написания имени, то, не желая в сие дело мешаться, отправил я его к Дюку де Ришелье.

Надлежит знать: Таяр-бей был трехбунчужным пашою, в Анатолии начальствующим, с столь неограниченною властию, что имел право жаловать в двубунчужные паши. Последний анапский паша им возведен в сие звание из переводчиков. Когда султан Селим затеял формировать регулярное войско, Таяр-паша сначала ему содействовал; но когда требования денег стали ему делаться тягостны, а от часу умножаемое требование рекрут начало производить в народе неудовольствие, то решился мешкать исполнением таковых приказаний. Султан, ожесточась, послал лишить его жизни. Но Таяр-бей, о том сведая, подвергнул назначенной ему участи посланцев. Последовало повеление давнишнему неприятелю его Юсуф-паше, при границе Персии начальствовавшему, исполнить султанскую волю, лиша Таяра-бея жизни, и принять начальство над провинциями, ему подвластными. Таяр-бей, собрав войско, вступил с Юсуфом в войну. Долго жребий его оставался в неизвестности. Наконец, Юсуф выиграл большое сражение; Таяр с малым числом войск, уклонясь от сражения, спасался и в это время послал любимую свою жену в Константинополь ходатайствовать о прощении. Жена хорошо была принята, то есть, приняты подарки, с нею посланные; а затем послали ее в заточение в крепость на остров Родос. Известие о сем увеличило опасность и принудило его удалиться с малым числом людей в Абазию к давнишнему его другу Келеш-бею Абазинскому, в крепости Сукум жительствующему. Султан прислал чиновников к Келеш-бею с фирманом, требуя отдачи Таяр-паши или головы его. Келеш-бей отказал, говоря, что по древней дружбе предков Таяр-паши с ним и предками его не отдаст его на жертву. Надобно знать, что Келеш-бей есть владелец, под протекциею турок находящийся, а Таяр-бей четырнадцатый в своем роде паша Анатольский, с абазинцами соседствующий. Посланные от султана

сказали, что придут с войском взять Таяр-пашу; а Келеш-бей ответствовал, что на первой случай готово у него 15 тысяч человек неприятеля встретить.

Во время войны, в 1787 году начавшейся, отец Таяр-паши был трехбунчужным пашею Анатолийским. Он с целым корпусом войск отдался в плен; а Таяр-паша, бывши тогда в полковничьем чине, находился с анатольским войском в Анапе и, при взятии сей крепости штурмом, взят в плен. Оба они долго жили в Петербурге и от покойной императрицы были пожалованы землями в Крыму. И так Таяр-паша, будучи помещик Таврической и имея со многими знакомство и интересные связи, нашел случай писать и писал ко мне и к Дюку де Ришелье из Сукума, прося дозволения приехать. По тогдашним политическим обстоятельствам не должно было явным образом мешаться в сие дело, но, посоветовавшись с Дюком чрез приятелей Таяр-бея, дал я ему знать, что когда приедет в Крым, то за безопасность его я могу ответствовать. Вследствие чего во время осени 1806 года наняли в Крыму купеческое судно, которое из Сукума доставило в Керчь Таяр-пашу, так сначала себя именовавшего. Лишь получил я о сем известие, тотчас послал ему объявить, что пашей в Крыму нет и название сие не прилично; что паша есть человек турецкой, коего, коль скоро потребуют, удерживать будет невозможно. И так советую называться Таяр-беем, как прежде он именовался во время пожалования земель, и объявить себя помещиком крымским, приехавшим жить в своем имении: тогда, будучи не обязан знать, служил ли он и чем в Турции, коль скоро поиски будут, дам я ему, как дворянину моего ведомства, паспорт ехать далее, к северу или западу. Он послушался и беспрекословно сложил титул необузданного льва.

Спознакомясь с сим человеком, узнал я, что он умен и честолюбив столько, что весьма может быть России полезен. Связи его в Анатолии столь крепки, что пока он жив, никакая сила прервать не может. Он предложил мне о желании Келеш-бея быть подданным государя нашего. Крепость Сукум и владение абазинского князя граничат с Мингрелиею. Качество земель его и повиновение к нему народа открывает пространное поле к изобретениям полезного для России. Чтобы лучше сие исполнить, зная великое пред собою преимущество в кредите Дюка де Ришелье, советовал я Таяр-бею оставить предложение до приезда Дюка и подать ему, не объявляя, что мне было подаваемо.

По приезде Дюка представил я ему Таяр-бея как дворянина Таврической губернии и советовал поближе с ним познакомиться и поговорить. Таяр-бей подал ему историю своего дела, прежде мною чтенную,

где упоминается, что Келеш-бей желает вступить в подданство со всем своим народом, просит чина российского себе и старшему своему сыну. Дюк, не показывая мне бумаги, сказывал только кое-что о содержании ее. Я, притворясь, будто ничего не знал, побранивал Таяр-бея, для чего ничего мне о том не сказал; но между тем, говоря правду, сколь сие может быть полезно для России, советовал представить государю одобрительным образом. Вот состояние — надобно мошенничать; но я думаю, что не подло, когда собственной корысти притворством не доискиваешься.

Вследствие представления Дюка де Ришелье Келеш-бей пожалован генерал-лейтенантом, и назначено ему жалованье по 10 тысяч левков. Старший сын его полковником с жалованьем по штату. Министр иностранных дел * писал к Дюку, что государь поведение его и мое одобрил и препоручает мне иметь надзор за поступками Таяр-бея, способствовать сношениям его с анатольцами, но только знать, к кому он и что пишет. Ему велено было давать на содержание по пятисот рублей на месяц, не объявляя приказания о сем государева, а дать вид, будто бы Дюк де Ришелье по власти, ему данной, то дает произвольно.

Чтобы надежнее исполнить сие препоручение, дал я разуметь Таяр-бею, что полезно бы ему было основать свое пребывание в Симферополе, а чтобы действительно он сие сделал, нанял, а потом купил я в казну дом его в Бахчисарае, от отца доставшийся, и согласил дом купить в Симферополе.

Чтобы знать о всем, что происходит в его доме и с кем он знается, предложил я находящемуся при мне переводчику, давно Таяр-бею знакомому, пойти в отставку и наняться служить у него домашним переводчиком. Произведя желание в Таяр-бее иметь его, склонил обнадеживанием, что если будет мне верен, скорее доставлю я ему офицерский чин.

Чрез сего переводчика делаюсь час от часу с ним дружнее. Часто видаясь, сделались мы откровенны. Много разного вздора говоря, начал я потрагивать его амбицию, говоря: как делается теперь в свете, что государи сильные, не могши владеть отдаленными землями, сотворяют себе подобных государей, сначала на генерал-губернаторов похожих, но которые после делаться могут им равными; и что мне кажется, полезно бы для России было сделать его самовластным в Анатолии. Таковые слова, изредка и как бы не умышленно вырывавшиеся, видел я, что производят сильное в нем движение. Заключа, что эта мысль давно у него в голове вперилася, стал я почаще входить в разговоры. Отзывы его были

---

* **Барон Будберг**[135]**.— *Примеч. Бартенева.***

всегда одинаковы, что он не хочет и не может сделаться владельцем, а льзя бы было ему, имея российское войско, будучи удостоену чином российского генерала, отправиться на российском флоте к крепости Сампсон, где много имеет он людей, ему приверженных. Тамо, собрав войско, объявил бы он народу протекцию русского императора, и во имя его покоряя Анатолию, скоро бы соединился с генералом Гудовичем [136], в Персии близ Анатольских границ находящимся. Между таковыми разговорами сказывал он мне, что в Анатолии находился во время его начальства и теперь пребывает французский консул, имеющий чин генерала; что сказывал он ему о возможности доставить французское войско в Антекию, что при границе Сирии, будто для пособия туркам, содержащим немалое число военных людей в Анатолии для безопасности от нападения русских, в Персии находящихся. Хотя видел я, что сие вздор, что французы, думая заманить турков видами противу России, хотят, введя в Сирию войско, пуститься в Индию для разорения английского там богатства; однако же счел я за нужное уведомить министра внутренних дел о моих разговорах с Таяр-беем, и что полезно бы было подумать о сем, и чрез Таяр-бея дать хороший удар туркам, и для того призвать его для объяснения в Петербург.

Партикулярное мое письмо, о коем ни один человек не знал, министр представил государю. Вскоре затем получил я повеление отправить Таяр-бея в Петербург, куда и поехал он в марте 1807 года.

Таяр-бей не застал государя в Петербурге: он поехал к армии, противу французов в Пруссии находящейся. Дожидаясь долго, был он в неизвестности. По окончании войны в июле месяце государь возвратился. Таяр-бей присягнул на подданство, получил чин атамана, но потом вскоре получается известие о свержении с трона султана Селима и о возведении Мустафы, который призывает Таяр-бея обратно.

Таяр-беевы обстоятельства совершенно тогда переменились. Султан Мустафа персонально ему приятель и получал от него многие пособия денежные. Великий визирь [137] — вновь определенный — из числа людей, бывших под начальством и облагодетельствованный Таяр-беем. Все министры ему друзья, прежние его неприятели все истреблены во время бунта. Юсуф-паша, с ним враждовавший, будучи визирем при Селиме, отказав дать денег Мустафе, им ненавидим, и уже дан фирман о снятии его головы. Три посольства, одно за другим, отправлены с султанскими фирманами к Таяр-бею. Великое множество писем, от разных придворных людей и чиновников полученных, подлостию их ясно показывают его знаменитость.

Удовлетворяя желанию Таяр-бея, государь имел с ним свидание в кабинете. Один только переводчик был свидетелем их разговора. Отпущенный с награждением деньгами и подарками, получивший от российского императора жалованье по 12 тысяч рублей в год, отправился он в Турцию. Маркиз де Траверсе приготовил ему военное судно в Николаеве и, взяв туда же посланцем явившегося в Крым пашу, судно его и весь экипаж, намерен был отправить оттоле Таяр-бея. Но он сего не захотел и писал ко мне, что непременно хочет видеться со мною.

Полагая увидеть человека, сообразно обстоятельствам его переменившегося в поведении со мною, я ошибся. Тотчас явясь ко мне, показал он больше прежнего мне учтивости и говорил, что почитает меня как отца, хочет всегда следовать моим наставлениям. Он готов был сказать мне весь его разговор с императором, но я советовал тайно говоренное не сказывать никому. Между многих разговоров узнал я, что государь дал было ему письмо к султану Мустафе, но после взял обратно; что уверен он, что, изъясняя султану о состоянии политических дел, сделает их так дружными с государем, как братьев; одним словом, ясно кажется то, что мир с французами есть действие принужденное, что опасность не исчезла, но увеличилась, и что, того и гляди, опять придется приниматься за милицию и напряжение всех сил.

Соображаясь с таковым понятием о состоянии дел, дал я разуметь Таяр-бею, что Турция на востоке, то, что Дания на западе: сильные дерутся и хотят захватить во власть ворота, которых старинные привороотники укараулить не могут. Индия есть магазин с сокровищем. Обережение и разорение ее суть предмет, для коего и истощаются силы двух равносильных держав; равность их сил, может быть, долго не даст нам видеть падение того или другого. Турция, будучи морская и сухопутная держава и в обеих сих частях до истощения ослабевшая, не может противустать ни тому ни другому. Ей надобно держаться крепче к России. Пусть у Египта дерутся англичане с французами: уж ей перестало быть стыдно видеть театр войны у себя. Образ правительства таков, что сие немного значит, лишь бы Константинополь и земли со стороны России были неколебимы. В рассуждении собственно Таяр-бея, он мне объявил по секрету, что назначается ему место капитан-паши согласно давнишнему его желанию, потому что сие звание в Турции значит много, великие дает доходы, мало дела и, делая его придворным военным человеком, доставляет возможность каждодневно видеть султана. На сие я ему советовал принять предлагаемую должность, но стараться склонить султана позабыть прежнюю гордость его предместников и согласиться иметь своих министров при

дворах, наиболее влияние имеющих на дела Турции. И так, чтобы он в качестве полномочного посла приехал в Россию и старался, елико можно, сблизить интересы российского и турецкого дворов, сделав добровольной раздел земель так, чтобы и впредь не было причины к войнам; а между тем, поелику жить под законами турецкими трудно человеку, не совсем предопределению верющему и несколько на разум полагающемуся, то стараться склонить султана к согласию — дозволить ему, Таяр-бею, укоренять имение в Крыму, что может быть соглашено и с политическими видами обеих государей; а потом, покупая здесь земли, населять их из Анатолии и прочих стран людьми работящими, как то: армянами, булгарами [138] и греками. Следовательно, когда бы случилась ему надобность удалиться, имел бы безопасный угол, где спокойною жизнию может наслаждаться. Да и без того, наскуча коловратностию света, не захочется ли здравомыслящему человеку, удовлетворя горделивости своей, удовлетворя всем надобностям для житья по привычкам, собрав все свое семейство к тихому пристанищу, ожидать спокойно воли Божией, долженствующей воззвать нас к уничтожению и возрождению?

Рассуждения мои весьма нравились Таяр-бею. Он часто, с наполненными слез глазами, встав со стула, благодарил меня, повторяя, что чтит меня как отца. Путешествие и пребывание в Петербурге столько научили его говорить по-русски, что мы все сие говаривали без свидетелей.

Более недели прожил он в Симферополе, каждодневно со мною видаясь. Наконец, пред отъездом, зная, что собираюсь ехать в Петербург, что фурка у меня немудреная, время осеннее наступает, присылает он мне бывшего моего переводчика объявить, что не осмеливается прислать, а просит, чтобы согласился я принять его карету дорожную, в которой приехал из Петербурга и которая теперь ни на что ему не надобна. Осведомясь, что заплатил он за нее 1500 рублей, а столько денег у меня нет, хотя хотелось бы поберечь себя, но я отказался сколь потому, что стыдно: отроду ни у кого ничего не брал, да и по политическим видам казалось мне не должно. По природе скупой человек, но иногда только по капризам щедр бывающий, вероятно, больше почтет человека, который никогда ничем от него не корыстовался и никакой собственной пользы от него не хочет. После сего при свидании я сказал ему откровенно, что, приняв его подарок, лишился бы я приятнейшего мне чувства любить его, потому что мне было бы тогда стыдно.

Переводчику, от меня к Таяр-бею переместившемуся, сбылось мое *обещание, гораздо более ожиданного. По представлению моему к минис*тру, где, сказав всю правду, просил я ему офицерского чина, он пожалован

губернским секретарем. И Таяр-бей при отъезде подарил ему свой дом, за который заплатил 4000 рублей, со всею в нем мебелью и посудою, и еще деревню, приносящую до 500 рублей дохода; следовательно, фортуна его сделана.

В течение сего времени собственные мои обстоятельства: имения нет, жена брюхатая поехала с детьми к ее матушке. Слухи, что она на нее сердита, оказались несправедливы. Прием и вхождение в обстоятельства мои доказали чувства материнские. Сведая, что до 3000 рублей на мне долгу, она дала деньги, и я их получил из Петербурга. Жене моей также ассигновала получить в Петербурге 3000 рублей; следовательно, сберегла ее от нужды. А при том еще вздумала ей купить деревню, ценою вдвое больше, нежели дала приданого другим двум дочерям. Получа о сем сведение, я писал, прося умерить милости до степени справедливости.

В сентябре 1807 получил я повеление приехать в Петербург. Граф Кочубей партикулярным письмом меня уведомил, что предположено определит меня генерал-провиантмейстером. Чрез два дня отправясь в путь, получил на дороге сведение, что 1 октября жена моя родила дочь Екатерину.[139]

Приехав в Петербург, был я принят с великою от всех ласкою. Доброе о мне мнение государя распространяло доброе расположение всех господ, знатными называемых.

В последних числах октября 1807 последовал указ об определении меня генерал-провиантмейстером, и велено поставить в списках в том же месте, где находилось имя мое до отставки. Всякое дело судится по образу мыслей того времени, когда оно в ходу. Сия милость была великим доказательством особенного ко мне благорасположения. Государственному казначею повелено производить мне столовые деньги по 250 рублей на месяц. И чрез Василия Степановича Попова[140] пожаловал мне государь 10 000 рублей, приказав объявить, что это не награждение, ибо я стою больше, но что, зная о недостаточном моем состоянии, присылает мне на начальное заведение дома; и, приказывая жить пристойным званию моему образом, обнадеживал и впредь делать подобные пособия.

V. Служба в должности генерал-провиантмейстера

28 октября 1807 года.

Вступя в звание генерал-провиантмейстера, сделался я обязан быть государственным человеком, долженствующим знать все политические связи и дальнейшие намерения государя, соображать их со способами, зависящими от поместности обширной Российской империи, и, предупреждая начала действий, превышающих меру возможностей наших, докладывать предварительно, что и когда предпринято и совершено быть может; ибо Российская империя на все прочие в свете непохожа: обширность, разность климата, малолюдство, недостаток просвещения, вследствие коего худо еще образованная хозяйственная часть, делают невозможным без надсады всех государственных сил предпринимать и совершать скоро все то, что посредством людей последнего класса исполняется добровольно.

Происшествия в минувших временах доказывают, что сила русского оружия всегда и везде все сломляла, но недостаток продовольствия войск остановлял успех и принуждал обращаться к требованиям умеренным.

Столичной город и большая часть границ, при коих Россия должна содержать воинскую силу, окружаются местами, не изобилующими хлебом. Водяная коммуникация доставляет его из среды государства. Пространство, разность и во многих местах суровость климата и несоразмерность естественной возможности с надобностию требуют благовременных распоряжений и действий искусных.

Незадолго пред сим два раза подъемлемое оружие против французов причинило важные расстройки в государственных финансах и, что всего важнее, унизило нашу славу и показало свету побежденными; а все сие действительно от худого распоряжения провиантской части.

Во время, когда определен я был генерал-провиантмейстером, часть провиантская находилась в совершенной расстройке и доходила к конечному упадку.

В конце 1806 года все воинское ополчение обращено было к границам прусским для остановления успехов все победившего французского оружия. Не только армейские полки, но почти все гарнизоны внутренние сдвинуты с своих мест и поставлены к границам для обороны. Гвардия вся находилась за границею; в Петербурге почти совсем не оставалось войска. Начальство, подумав, будто таковое напряжение сил надолго продолжиться может, изыскивая ближайшие средства для продовольствия войск в Пруссии, отправило из Петербурга, из Риги и из всех приморских пограничных мест хлеб, который, различными способами там исчезнув, домой не возвратился. Между тем в июне 1807 года заключен в Тильзите мир с французами.[141] Войска наши все возвращаться стали чрез места, оставленные без запасов, где земли не хлебородны и неурожаи два года причинили и для жителей голод.

Разумеется, сии события были тягостны для провиантской части и послужили к совершенному истощению капиталов. Накопляющиеся долги искореняли кредит, и без того злоупотреблениями и худым распоряжением надсаженный.

Возвышение на все цен было следствие неминуемое, коего следы, продолжаясь надолго, искореняют государственное богатство и развращают земледельца, привыкающего ценить избытки свои и труд выше мер, справедливостию указанных.

Вследствие Тильзитского мирного трактата сделалась Россия неприятельницею Англии и обязанною требовать от Швеции, чтобы и она нам последовала. Во время продолжения кабинетских сношений войска наши умножались в Петербурге и составили число больше, нежели вдвое того, какое когда-нибудь бывало.

Намерение, впоследствии открывшееся, прикрываемо было желанием иметь много войска для парада в день Крещения на Иордане.

Видя настоящее положение дел, видел я опасность моего состояния. Поставленный на степень знатного чиновника, оставлен я был в ничтожестве: подчинен действительному тайному советнику В. С. Попову, который, достигнув до знаменитости, сохранил в себе качества природного его состояния. Все бояре, чрез коих бы я мог довести до сведения государя обстоятельства дел моих, мало дел понимают и ни о чем, кроме рабственного угождения, не думают. Оставалось мне подличать и, ползая в передней их, домогаться личного к себе благорасположения, принятия участия в делах моих и доставить мне возможность объясняться с государем. Но сие могло ли бы исполниться или нет, неизвестно; а на ползание тратил бы я время, для действительных дел неминуемо нужное.

Итак, положась на власть Божию, пошел я прямым путем, взяв намерение испросить увольнение от службы при первом удобном случае; и сие поистине не для того, чтобы себя я берег, но потому, что авось выбор падет на человека искусного и по связям своим могущего быть ближе к государю.

Освидетельствуя дела экспедиции и С.-Петербургского провиантского депо, выведя математическим расчетом невозможность продовольствовать наличное число войск до времени, когда водяною коммуникациею привезется свежий хлеб (а сена совершенно нельзя было достать столько, сколько нужно для лошадей, в Петербург сведенных), написав докладную записку, подал г. Попову, а вместе с тем просил исходатайствовать мне увольнение от должности, превышающей меру сил моих и способов светских. Он, прочитав записку и возвращая мне ее, с жаром говорил, что на первом шагу стараюсь я, приискивая затруднения, делать противное государю. Но я, записку положа на его стол, сказал, что если за сие предварительное о трудностях объявление государь прогневается и меня накажет, то буду я считать таким точно несчастием, как случается быть убиту громом; но буде допущу до времени совершенного расстройства, ничем поправленным быть не могущего, тогда по совести должен буду подписать сам себе смертную казнь. И так воля его — сделать из той записки какое он хочет употребление; но я уже в таковой же силе послал рапорт военному министру г. Вязмитинову (который находился тогда в совершенном упадке кредита и от дел был удаляем).

В докладной записке представлялась невозможность продовольствовать войска в столице и Финляндии. Предлагалось поместить их на зимние квартиры, по расстоянию верст до 400 от Петербурга, где хлеба и фуража достать можно: несъеденное останется в целости к весне, когда войска для обороны берегов понадобятся. В той же записке упоминалось между прочим, что, оставаясь о дальнейших намерениях в неизвестности, примечаю я движение войск к Финляндии; а потому считаю нужным побывать тамо, видеть обстоятельства, от поместности зависящие и посоветоваться с губернскими начальниками о способах составить подвижные магазины, без коих не может существовать войско, во время войны действующее. На сие получил я на другой день письмо от г. Попова, где в коротких словах объявляет, что государь по прочтении моей записки соизволяет на отъезд мой в Финляндию.

Побывая в Финляндии, удостоверился я о том, что знал предварительно. Земля испещрена озерами, лесами и скалами кремнистых утесистых гор. Жителям для собственного их пропитания недостает своего

хлеба. Народ ленив и скуден. Во всей Финляндской губернии считалось до 7000 лошадей малосильных. Неудобство дорог причиною, что повозки у них двухколесные, на коих по мере сил лошадей их не возят и двадцати пуд тяжестей.

Возвратясь из Финляндии, не видя и не слыша ничего о перемещении войск, подал я другую записку, где, повторяя о трудности продовольствия, изъяснял, что если вскоре не уменьшится число войск из Петербурга и его окрестностей, то ко времени военных действий не будет у нас ничего нигде ни за какую цену; причем просил удостоить меня знанием, какой образ войны ожидать можно; если наступательной, то объявлял, какие места для заведения запасов почитаю я удобными, а если оборонительную войну вести будем, тогда совсем другие места для усиления запасами предполагал. Такового сведения просил я скорее, ибо зима была почти уже на половине, следовательно, мало оставалось возможности действовать без чрезмерного возвышения цен и без употребления средств чрезвычайных. На сию записку словесное получил я объявление чрез г. Попова, что государь назначил главнокомандующим армиею генерала графа Буксгевдена [142], который вскоре ожидается в Петербург; с ним вместе сделается распоряжение о движениях, и чрез него мне объявится план будущих операций.

Вскоре затем последовало войскам повеление идти на зимние квартиры; даже лейб-гусар переместили из Петербурга в Ладогу; в четырех драгунских полках, из петербургских магазинов довольствованных, нашлось много лошадей прилипчиво больных; их для уменьшения расхода на фураж перестреляли, а полки переместили сходно моему представлению.

13 генваря 1808 года военный министр Вязмитинов отставлен, и на его место определен граф Аракчеев. Г. Попов остался ненадолго докладчиком и командующим провиантской и комиссариатской части. Доверенность к новому министру, сообразная властолюбивому его нраву, вскоре испровергла и поглотила все влияние на военную часть всех, государя окружающих, чиновников.

Во время, когда все сии перемены совершались, приехал в Петербург граф Буксгевден. К нему я тотчас явился, но никакого удовлетворительного ответа не получил. Отзывам его я верю, что и сам он, да и никто, не знал, какие последствия быть могут от продолжительных кабинетских переписок и объяснений с министром шведским. Между тем получил я от г. Попова письмо, где по повелению государя предписывает мне назначить провиантских комиссионеров к дивизиям, армию графа Буксгевдена составить долженствующим, определить главного при армии

комиссионера и дать главнокомандующему письмоводителя по провиантской части. Все сие исполня, представил я людей сих графу Буксгевдену, просил от него дальнейших сведений о заготовлениях для путевого войск продовольствия; но также, как и прежде, остался неудовлетворенным.

Тот же день ввечеру получаю я письмо от графа Буксгевдена, коим уведомляет, что по высочайшему повелению предписал он полкам трех дивизий выступить в поход; требует доставить им продовольствие на пути, обнадеживая, что маршруты их вслед за сим ко мне доставит.

На другой день поутру рано, приехав к графу Буксгевдену, выговаривал я о неудобности удовлетворить его требованию; но он отзывался, что маршруты сочиняет генерал-квартирмистр и представит еще к апробации государя, что и сам он знает только, что полки сии пойдут к границам шведским, но какими дорогами, не известен.

Не оставалось другого средства, как отпустить деньги для путевого войск продовольствия и истребовать, чтобы провиант, сколько в своих обозах и на солдатских плечах поместить можно, взяли полки из тех мест, отколе они выступают. Вскоре за сим уволен г. Попов от дел провиантских, и я поступил в совершенную зависимость к графу Аракчееву.

Чтобы удобнее объяснить происшествия, впоследствии времени со мною бывшие, надлежит описать происхождение графа Аракчеева, характер его и побочные обстоятельства, вредившие мне в понятии сего, многомощным бывшего, боярина.

Родился он от бедных родителей[143]. За обучение его российской грамоте и арифметике заплачено, как сам он сказывал, одна четверть ржи и две четверти овса. Потом отдан в Артиллерийский кадетский корпус, где за прилежание и отличное знание артиллерийской науки сделался известен своему начальнику, который по выпуске в офицеры оставил его при корпусе и взял напоследок к себе в адъютанты. Пред восшествием государя Павла I на престол просил он артиллерийского начальника дать ему исправного офицера освидетельствовать его артиллерию в Гатчине. Аракчеев был послан, понравился и оставлен в Гатчине. При восшествии государя Павла I на престол Аракчеев является на сцену знатным господином, произведен в генерал-майоры, назначен комендантом города Петербурга и командиром гвардии Преображенского полку, и, напоследок, главным командиром всей артиллерии. Неусыпное прилежание к должности сего человека, исправное исполнение всех приказаний, а наипаче строгих, было способом к получению всех отличий и личных милостей. Он пожалован сперва бароном, а потом графом. Дано ему две

тысячи душ по его выбору, дом, деньги, вещи, словом, скорыми шагами доведен до всего, что знатным при самодержавных государях человеком делает. Но впоследствии тот же жестокий нрав, на котором взлетел он к высоте, спустил его. Государь прогневался, его отставил, как он уже и был, генерал-лейтенантом. Граф Аракчеев поехал в пожалованную ему деревню, не в дальнем расстоянии от Петербурга состоящую [144]. Сохраня привычки бедного его состояния, мог разбогатеть доходами. Разлакомясь насыщать честолюбие, спознав нрав государей, с коими был близко, домогался он всячески вскарабкаться на высоту и ухватить вожжи правления.

Прежний командир мой Обольянинов, как полагают, был главным орудием к его ниспровержению; следовательно, мщение злого сердца распространялось на все, к тому прикосновенное.

При восшествии государя Александра I на престол Аракчеев принят в службу главным начальником артиллерии, как он и был пред его отставкою, и потом произведен наряду с прочими в полные генералы.

Судя по воспитанию и ходу фортуны графа Аракчеева, следует заключить, что имеет он ум нравиться тому, кому служит. И имел бы довольно хорошие способности к службе, даже и на вышних степенях, если бы ход его был медлительнее, следовательно, научась опытами, узнал бы он, как управлять людьми, коих палкою бить не должно и не можно, но надлежит, настраивая их понятия к лучшему, укоренять приверженность ко власти правительствующей, которая поставила его главою и остается во власти свергнуть под пяту ноги. Неумеренное честолюбие и необдуманная ложная гордость не допускали его научаться истине тогда, когда он учителем быть поставлен. Главнейшая же беда в том, что он познавал науку правительствовать от бывшего наследника, ожесточенного и всю силу свою и достоинство власти основывавшего единственно на чистом самовластии.

Первой разговор мой о делах с графом Аракчеевым был неприятный. Он говорил, не сказывая причины, что провиантской департамент неисправен. На ответы мои, основываемые на обстоятельствах прошедшего времени, по коим нельзя ему быть неисправным, он ничего не распространялся, а только твердил, что все дурно. Наконец, я ему сказал, что уже мне сие обидно: хотя я и не участвую в делах минувших, по крайней мере, желал бы знать, что дурно, дабы могло быть поправлено, сколько возможностей к тому есть. На сие ответ его был: «Вы непохожи на департамент, вам вверенный. Вы хороши, а все провиантские дурны». И тут должен был ответствовать, что невозможно 800 человекам

всем быть хорошими или дурными. Кончилось тем, что, не добившись никакого толка, мы расстались.

Зная, что все финляндские селения малолюдны и по причине бедности жителей мало у них находится посуды, для хлебопечения надобной; при том же войскам, противу неприятеля действующим, не может быть досужно останавливаться, говорил я графу Буксгевдену, что, по мнению моему, полезно бы было приуготовлять в С.-Петербурге и в финляндских городах сухари и, истолча оные, помещать в бочки для отправления к армии. Сим думал я сберечь несколько и самого хлеба, всегда при хлебопечении во время военных операций теряемого. Бочек же считал я найтить довольное количество, от привезенного из чужих краев сахара опроставшихся. Граф Буксгевден в тот же день пересказал слова мои государю. А на другой день граф Аракчеев писал г. Попову, что по высочайшему повелению приказал бы он мне к нему явиться.

Явясь к графу Аракчееву, был вопрошен: говорил ли графу Буксгевдену вышеписанные слова? Я ответствовал, что говорил и подтверждаю мнение мое о сей надобности. Тут объявил он, что государь ему препоручил мне приказать сделать опыт, но чтобы отправлять не толчею, а сухарями, ибо опасно, чтобы примеси не было в толчее. А при том, чтобы и сухари иссушенные представлены были к нему и испытаны находящимся при государе медицинским чиновником, признает ли он невредными для здравия людей. Много тут было разговоров, что опыты удостоверяют о невредности сухарей, коими всегда питались войска, противу неприятелей действующие; как и о том, что неудобно мне в такое время, когда обстоятельства требуют решительных и скорых действ, быть в таком отдалении от начальства военного и оставаться в зависимости от Попова, приводя самый сей случай в пример, что потерян целый день в сношениях о призвании меня. Граф Аракчеев объявил, что подписан уже указ, коим подчиняются ему одному все части, воинской департамент составляющие. При расстании он приказывал, чтобы велел я тотчас печь хлебы и сушить сухари. Но я ответствовал: «Кому же велю я это делать? Если нанять хлебопекарей городских, то достанет ли к тому возможности; ибо печей устроено соразмерно количеству ежедневной продажи? Следовательно, увеличится лишь издержка казенных денег, а надобности удовлетворить буду не в состоянии». И так он спросил: «Что же делать, и на что же представляли вы о сем, когда знаете невозможность исполнить?» Я ответствовал, что возможность есть, но она состоит единственно во власти государя. «Какая же то?» — он спросил. «Приказать всему С.-Петербургскому гарнизону, приняв

муку, испечь в своих печах хлебы и, пересуша в сухари, доставить туда, куда я назначу».

В сию минуту узнал я власть сего министра, на предместника его не похожую. Он, не ответствуя мне ни слова, постуча в колокольчик, призвал адъютанта и приказал написать приказ его, всем гвардейским и армейским полкам в С.-Петербурге находящимся, чтобы по назначению моему, приняв месячную их пропорцию муки, перепекли в хлебы и, пересуша в сухари, отправили при своем конвое, куда от меня будет приказано.

Хотя неприятно мне было попасть под полновластное начальство сурового и благородного обхождения с людьми не знающего человека, но, любя пользу моего отечества, я радовался, полагая, что при нем дела пойдут ходчае.

Польза от печения сухарей скоро усмотрена была. Сим способом действующее против неприятеля войско сделалось обеззабочено в продовольствии и, могши двигаться скорее, совершало победоносные дела.

Чрез несколько дней призывает меня граф Аракчееву ввечеру. Он был тогда у государя. Я дожидался его долго вместе с генералом Копьевым*. Приехав часу в десятом, позвал нас обоих в кабинет. Первое его слово было к г. Копьеву, что бумаги его желает прочитать с ним вместе при мне. Копьев, взяв претолстую тетрадь, содержащую письма к графу Аракчееву, начал читать описание, с каким беспорядком проходили чрез финляндские его деревни войска, армию графа Буксгевдена составляющие; что, не имея по пути приуготовленного продовольствия, отнимали они у жителей последний кусок, платя деньги по справочным ценам. При слушании сего Аракчеев, уже злобный вид имеющий, сказал, потупя глаза, с суровейшею запальчивостию: «Если это правда, так я генерал-провиантмейстера арестую». Видя, что сие есть приуготовленная для меня сцена, я довольно имел силы, чтобы промолчать. Скоро потом, распрощавшись без всяких рассуждений, приехав домой, написал я государю письмо, просящее увольнения от службы. Оное отправил к графу Аракчееву на другой день поутру рано при рапорте, где, прося его о скорейшем исходатайствовании мне увольнения, сказал, что услышал от него, что могу быть арестован за неисправность моих подчиненных, коих у меня 800 на пространстве 12 тысяч верст; следовательно, не могу я быть прав и не подвергаться несчастию. Заключил тем, что после всего чувствую уже я себя совершенно потерявшимся и вовсе

---

* Алексеем Даниловичем.— ***Примеч. Бартенева.***

не способным к делам, которые по состоянию того времени требуют деятельности чрезвычайной. И так весьма нужно, чтобы скорее другой на место мое был определен.

Того же утра в 8 часов получил я записку от графа Аракчеева, коею призывает меня приехать во дворец в 11-м часу.

Граф Аракчеев, вышед из кабинета государева в переднюю, где я дожидался, позвал меня в другую комнату, где подлейшим образом просил у меня прощения и бранил себя за строптивой свой нрав. Но я, продолжая уверение о неспособности моей к сей должности, не соглашался оставить намерения идти в отставку.

Чрез несколько времени позваны были в кабинет государя граф Аракчеев и я. Нашли мы его одного. Первое его слово было ко мне: «Скажите мне причину, для чего просите отставки?» Я ответствовал, что должность, на меня возложенная, не соразмерна силам моим. Он возразил: «Позвольте мне знать способности ваши. Я знаю вас по делам и от всех начальников ваших слышал похвальные о вас отзывы». Тут, оборотясь к графу Аракчееву, спросил: «Знаете ли вы кого достойнее его и способнее к сей должности?» Тот с раболепным видом ответствовал сими словами: «Я, ваше величество, никого достойнее и способнее Дмитрия Борисовича не знаю». После сего самым милостивым образом начал он мне говорить об обстоятельствах повсеместных, о надобности содержать в исправности внутреннее государственное устройство для содержания в непоколебимости всего целого, что теперь не время ссориться, что нужен я службе; что часть, мне вверенная, есть самая важнейшая и что я должен иметь в предмете, что служу для пользы отечества. Тут много сделалось разговоров, и всегда все мои возражения оговаривал он красноречиво и человеколюбиво. При сих рассуждениях граф Аракчеев, оборотясь ко мне, наирабственнейшим тоном сказал: «Рассудите, ваше превосходительство, как не служить такому государю?» Я ему ответствовал: «Ваше сиятельство! Я служу и служить буду государю по истине так, как следует дворянину». После сего государь мне говорит, указывая на Аракчеева: «Вы к нему пишете о арестовании; как могли вы принять так, в горячности, без размышления, выговоренное слово? Разве вы думаете, что он сумасшедший?» Тут граф Аракчеев, сложа руки и подняв их к лицу, сказал: «Государь! уже я просил прощения у Дмитрия Борисовича и теперь при вашем величестве еще прошу». Выговоря сие, он так мне низко поклонился, что мне с моим туловищем так бы и не согнуться. В сию минуту государь мне говорит: «Чего же вы еще хотите? — и, потрепывая меня обеими руками, продолжал: —

Полно, братец, ты осердился, и потому хочешь оставить службу, перестань, останься». Нечего мне было сказать, кроме: «Воля ваша, извольте, я остаюсь, но только позвольте доложить и согласитесь, что самой я несчастливый человек». Он спросил: «А почему?» Тут я продолжал: «Ваше величество выгодно обо мне заключать изволите и оказываете мне отличные милости доверенностию вашею. За что же вы меня определили быть начальником такого корпуса, который находится под гневом вашим?» * Он ответствовал: «О! вы себя с ними не равняйте! Вы очень хороши, а они очень дурны». На сие я сказал: «Можно ли сделать о всех заключение по тем людям, которых виноватыми видели вы в Пруссии?» Тут он тоном возвышенным возразил: «Видите ли, как вы заблуждаетесь, считая, что, видя их мерзкие дела в Пруссии, сделал я о всех генеральное заключение. Нет, сударь, общая молва от всех сторон одинакова, от Черного моря до Белого, и от Балтийского до Каспийского и Камчатского, отовсюду равно кричат о них: «Воры! воры!» Выгоните мне всех тех, кои подозрительными вам покажутся. Примите на службу других, известных вам людей; словом, прекратите сию злую о них молву: тогда увидите, что я все буду делать по вашим представлениям». После сего, продолжая еще разговор, пришло мне на мысль попробовать возможности, нельзя ли получить вход к государю с докладами о делах моих и чрез это выкарабкаться из когтей зверообразного командира. Но средство употребил я самое для меня невыгодное, сказав, что не способен я быть генерал-провиантмейстером между прочим и потому, что я сумнительного нрава. На сие государь сказал: «Это хорошо: вы во всех случаях, для вас сумнительных, спрашивайтесь его (указывая на графа Аракчеева). А он, если в чем разрешить вас не может, спросится меня. Когда же я что подпишу, то ведь уже вам сумнительно не будет». При окончании разговора, вышед из кабинета, нашли уже мы в передней двух министров, дожидающихся с докладами. Тут, на несколько времени остановясь, граф Аракчеев был позван в кабинет и, тотчас возвратясь, позвал меня ехать вместе. Заботился он, чтобы шубу мою принесли в теплой коридор. Узнав, что приехал я в санях, неотменно требовал, чтобы сел в его карету, говоря, что в комнатах было тепло, что могу я простудиться. Для разговора о делах желал, чтобы я к нему поехал. Но когда я объявил надобность быть дома и успокоить страждущую сумнением жену мою, то сам он хотел доставить меня до

---

* После Тильзитского мира последовал именной указ, коим объявлялось злоупотребление провиантских чиновников, велено рассмотреть действие каждого и очистить от чиновников, службе вредных; до того же всем им запрещено носить мундиры.— ***Примеч. Мертваго.***

дома. Но я, говоря, что время ему дорого, просил и с половины пути пересел из его кареты в сани и отправился домой.

Последний разговор о сумнительном моем нраве много мне вреда и добра сделал. Аракчеев непрестанно ставил меня на пробу. Ясно мне казалось, что хочет запутать и погубить. Способы, к осторожности употребляемые, обращал он мне во вред, представляя государю подьячим, крюками его запутывающим. Все это я видел, но, хладнокровно рассуждая, должен был переносить; ибо последняя беда горше первой. Тем паче, что оберегать себя и малое состояние мое я должен для семьи моей.

В исходе февраля месяца, когда армия графа Буксгевдена после небольших сражений заняла Гельсингфорс и все города, по пути лежащие, обложила крепости Швартгольм и Свеаборг, отправился я с графом Аракчеевым в армию. Мне наперед приказано было объехать финляндскую границу с правого фланга и, осмотря все удобства и возможности, могущие способствовать продовольствию армии, съехаться с ним в Фридрихсгаме.

В сие время первой опыт последствием своим вскоре доказал мне надобность быть осторожну с моим начальником. Пред отъездом, делая расчет о надобностях до приспеяния транспортов водою, оказалось неминуемо нужным перевозить 12 000 четвертей овса из Твери по зимнему пути. Все, что можно было нанять, нанято; следовательно, сие последнее количество должно было перевести на подводах по наряду. И сим же средством несколько овса, а более сена, перевозить предложено из Новгородской и Олонецкой губерний в Петербург и на финляндскую границу. Платеж обывателям был назначен большой. Обходилось от Твери за четверть овса 5 рублей 50 копеек, и на потерю в пути слагать по 2 гарнца. В самой тот час, когда отправлялся я в путь, приходит к жене мой купец, торгующий хлебом и имеющий интересные дела с ее матерью. Я спросил его: есть ли у него овес, зимующий в местах, где покупать для провиантского департамента по законам дозволено. Он ответствовал, что есть, и его наймом доставить он может. Сторговавшись купить 12 тысяч четвертей по 7 рублей 50 копеек, взяв от него подписку, отправился я к графу Аракчееву, написав, что гораздо для казны выгоднее купить сие количество, ибо овес наш в Твери стоит около пяти рублей, и сверх дешевизны в цене избавимся мы от ропоту народного, неминуемо быть долженствущего от наряда подвод. Не дождав ответа, я поехал. После меня он согласился купить от него 6 тысяч, которые в течение февраля поставить обязывался, и предложил экспедиции заключить контракт на законном основании, а между тем, отменя прежнее исчисление, требовал от министра

внутренних дел, чтобы вместо 12 тысяч перевезено было только 6 тысяч четвертей из Твери. Купец, сделавшись в недоумении, что делать (ибо хлеб, для вольной продажи в Петербург везомый, продавать в казну запрещено), боясь действия законов, контракт писать не соглашался. Дело продлилось до 5 марта; когда я возвратился и, согласившись отсрочить поставку до 15 марта, велел от него принимать и платить деньги. Из сего Аракчеев вывел столько мне неприятностей и обидных подозрений, что ясно я заключать был должен о надобности быть осторожным даже до трусости и надоедать ему вопросами письменными о всякой безделице. Сие прибавляло мне упражнения, давало ему повод марать меня в понятии государя, но ограждало от бед, могущих по должности моей быть продолжаемыми на несколько лет даже и по смерти моей.

Из Фридрихсгама поехали мы вместе за прежнюю нашу границу. В городе Борго узнали мы, что граф Буксгевден уже выступил из Гельсингфорса к Тавастгуту. Для сокращения пути поехали мы прямою дорогою, где нельзя было иметь экипажей, кроме обывательских того края узких саней, по одной лошади запряженных. В четырех уместились военный министр, генерал-провиантмейстер, фельдъегерь, переводчик и министров камердинер.

Потеряв дорогу, пред вечером выехали мы навстречу авангарда. Часу в десятом вечера приехали в то селение, где главнокомандующий находился. Граф Аракчеев, на улице остановясь, надел мундир и шарф, чтобы оказать все учтивство, главнокомандующему армиею принадлежащее. Но тот принял по-домашнему, в байковой шинели, на квартире умеренно выгодной: не только караулу, но и часовых у него не было. И на другой день учтивства показано не больше. Сие, кажется, было основанием ссоры, много зла Буксгевдену сделавшей.

Побывая в армии, действительно можно было видеть всю неимоверную глупость главнокомандующего. Все успехи происходили от бессилия неприятелей, и что находились в команде его несколько молодых генералов достойных. Следующий разговор послужит доказательством.

По приезде нашем несколько времени оставались графы Бкусгевден и Аракчеев одни. Потом я был к ним позван. Лишь сел я к столу, возле которого (множеством бумаг отягченного) они сидели, граф Аракчеев мне сказал: «Теперь до вас дело, мы все кончили». На вопрос мой, что угодно, граф Буксгевден говорил: «Доставьте моей армии продовольствие». Я ответствовал: «Это трудно, потому что вы, как Александр Македонский, не идете, а летите». Он засмеялся с видом удовольствия. Но я продолжал: «Дай Бог, чтобы мое предвидение не исполнилось; но

я боюсь, чтобы не плакать более того, как теперь радуетесь». Он серьезно спросил: «А почему?» Тут я вопросил: «До каких мест назначаете вы обязанностию моею доставлять вам провиант и фураж, ибо в земле новозавоевываемой все средства доставления зависеть должны от командующего войском?» Он назначил мне места вне прежних границ наших до 70 верст. Я ответствовал: «Хорошо»,— и тут же на их столе, взяв бумагу, исчислил количество до половины апреля, что и выходило, что во все продолжение марта надобно в непрерывном быть ходу 1660 подводам. Следовательно, ему, за 200 слишком верст удалившемуся, надобно подвод числом втрое; а такого количества едва ли и найти можно во всей Шведской Финляндии. Расчет сей сильно поколебал обоих графов. «Как же быть?» — спросил меня Буксгевден. Я ответствовал: «Мне кажется необходимым отпустить всю кавалерию, для коей овес и сено везется и втрое более употребляется подвод нежели под своз провианта». «Как же может быть регулярная армия без кавалерии?» — спросил Буксгевден. «На что же она,— я ответствовал,— когда нет кавалерии у неприятеля и такая земля, что летом от множества озер, лесов и кремнистых утесистых скал, а зимой по глубоким снегам действовать ей не можно?» Он остался непоколебимым, но сумнительным; а Аракчеев понял истину моих слов. На другой день поутру рано, пришед на квартиру Аракчеева, нашел я его, лежащего на постеле в сильной задумчивости. Начался разговор наш невозможностию, чтобы дело шло хорошо, тем паче, что и дежурный генерал не досужнее главнокомандующего. Он скоро встал, написал две записки и, тотчас одевшись, сказал мне: «Пойдем, сделаем визит дежурному»,— у коего я ночевал и видел, что все дела производятся в его квартире. Мы не нашли дежурного; он был у главнокомандующего. Аракчеев спросил у письменного стола стоящего офицера, кто пишет военный журнал. Он ответствовал: «Я». «Кто пишет реляции к государю, диспозиции для корпусных начальников, повеления к ним, словом, все, что составляет письменные дела у главнокомандующего армиею?» Сей офицер на каждый из сих вопросов ответствовал весьма скромным тоном: «Я». После сего граф Аракчеев, позвав фельдъегеря, за ним портфель принесшего, и вынув рапорты графа Буксгевдена к государю, прочитав записки, им писанные (в коих содержалось требование, какими сведениями впредь пополнять таковые донесения), говорил офицеру, взяв его за руку: «Пожалуй, мой друг, наблюдай сию исправность в рапортах и будь уверен, что я тебя не позабуду». После сего пошел он к Буксгевдену. Ему показал рапорты и, вруча записки, просил, чтобы по оным было испол-

няемо. Засим, позавтракав очень дурно, распростясь мирно, поехали мы в обратный путь чрез Гельсингфорс.

На первой станции объявил граф Аракчеев желание ехать со мною на одних санях, а на другие посадил обоих подводчиков. Он начал говорить тоном жалким, сими словами: «Ах, батюшки! пропадшее дело! мы, верно, также посрамимся, как предместники наши». «Отчего же?» — я спросил. «От невозможности продовольствовать армию»,— он ответствовал. На сие я спросил его, может ли он быть уверен, что государь согласится на все его представления; тогда возьму я на свой ответ, что все пойдет хорошо. Он с радостию подхватил сие слово, уверяя за государя, что все готов он сделать. «И так,— я продолжал,— нет другого средства, как действовать по примеру Наполеона, то есть обратить всех обывателей к составлению подвижного магазина. Но дабы сделать разность между государем законным и силою оружия вознесшимся до сей степени, то надлежит платить щедро, дать льготы, и, чрез то заглуша глас ропота народного, не оставить для историков ужасных следов к описанию». Сей прожект с большим удовольствием он принял и уверял меня, что все, что я сделаю для начала сей операции, государь апробует. И между прочим сказал мне такую речь, которая, показывая его чрезмерную силу, в содрогание меня привела, а именно: «Знаете ли, что я сделаю, приехав в Петербург? Скажу я государю: или отпустите меня от должности, или извольте подписывать,[145] а я буду править»*. Множество между тем посторонних было разговоров, показывающих величайшую его ко мне доверенность, которая на несколько времени ввела, было, меня в заблуждение — думать, что он великодушно перенес ту неприятную сцену, которую я ему доставил в кабинете государя.

По приезде в Фридрихсгам, где находился вице-губернатор Бухарин ** для распоряжения по случаю прохождения армии, дружеское обхождение Аракчеева со мною было способом к тому, чтобы все меня слушаться начало. Он поехал в Петербург, а я остался для соглашения о способах доставить армии провианта и фуража столько, сколько нужно было для продовольствия до 15 апреля (когда, предполагали, кончится распутица и будет можно другими способами доставить).

---

* Не были ли эти дерзкие слова гр. Аракчеева произнесены нарочно, чтобы посмотреть, как они подействуют на его собеседника, ему ненавистного, и не вызовут ли они и у него какого-либо неосторожного выражения? — *Примеч. Бартенева.*

** Иван Яковлевич (1772—1858), см. о нем статью М. Н. Лонгинова в «Московских ведомостях», 1858, № 122. Бухарин служил вице-губернатором Выборгским, а несколько позднее губернатором там же.— *Примеч. Бартенева.*

Склоняя вице-губернатора к тому, чтобы решился он сделать наряд соразмерно надобности, так, чтобы в течение целого месяца всякой день по 1660 подвод отправлялось, предложил я ему, что если удовлетворится надобность, жалобы от народа не будет и произведение сего дело в действо примет он на себя, то доставлю я ему звание губернатора. Он предложил платеж деньгами, сеном и хлебом, и сверх того продать обывателям хлеба для пропитания семейств их. Все это я удовлетворил и, сделав с вице-губернатором письменное постановление для взаимного исполнения, расстался. Постановление сие утверждено подписанием государя. Вице-губернатор по свершении дела пожалован губернатором. Одним словом, надолго оставался я в славе, что полезно содействовать делам моим и меня слушаться.

Всякой день видаясь с графом Аракчеевым, непрерывно видел я благорасположение его к себе. Однажды показывает он мне списки с писем, на почте тайно распечатанных, где в одном писал провиантской чиновник, и кому — то неизвестно. Описывая новый порядок в провиантском департаменте, изъяснял, что я, взяв Аракчеева за нос, веду, куда хочу, и впутываю его во все дела для моей обороны. Двусмысленный стиль, обидные для министра выражения, видел я, что сильно трогают любочестие человека, довольно разумеющего, что слабее он меня в знании. Сперва очень дружелюбно советовал он мне реже с ним видеться и менее спрашиваться; потом начинает критиковать дела мои и обращать мне во вред покупку овса, которую без спроса его я отсрочил, и начал обходиться со мною грубо при людях, а наедине ласково. Амбиция моя сего терпеть была не в состоянии; следовательно, вскоре испроверглось начало нашей приязни.

При разговоре государя со мною в кабинете, когда говорил он, чтобы очистить департамент от людей вредных и принять на службу в честном поведении мне известных, оборотясь к Аракчееву, он приказал дозволить вновь принимаемым носить мундиры. Во время дружелюбных еще моих с Аракчеевым сношений представил я к определению двух чиновников достойных, из коих старший был статский советник, служил вице-губернатором и обер-секретарем в Сенате и повсюду был деловым и отличным в искусстве человеком: сохранил наследственную бедность и всегда ходил пешком, следовательно, никогда не роскошествовал. Конфирмован государем доклад о его определении тогда, когда уже мы поразлаживать начали. Обоих сих чиновников назначил я: первого (г. Шишкова) управляющим, а второго членом Виленского депо, где до пяти миллионов в год расхода, следовательно, честные люди туда наиболее

нужны. Граф Аракчеев приказал им явиться к нему тогда, когда совсем готовы будут ехать.

Лишь вошли сии несчастные в кабинет его, он (как пересказывали они мне) с злобным видом начал им говорить: «Смотрите же, не воруйте, у меня много за вами будет глаз,— и, оборотясь к статскому советнику Шишкову, подтвердил: — Да поезжай же у меня скорее. За тобой полетят фельдъегери; и если ты умрешь, то тело твое примчат в Вильну».

Ужасно было видеть сумнение сих людей, когда, приехав ко мне, пересказали сии слова. Но они поехали, вступили в должность. Скоро Шишков занемог, стал репортоваться больным, прислал ко мне прошение об отставке. Полагая, что злобные речи Аракчеева происходили от неумышленной запальчивости и худого его воспитания, старался я удержать, писав много раз сему достойному чиновнику для его успокоения, но ничто не помогло. Он непременно требовал отставки, на каком бы то основании ни было.

Между тем, вопреки словам государя, которые, казалось мне, основывались на мысли человеколюбной, чтобы исподволь очистить департамент от людей вредных, я боялся, что излишнею строгостию можно привести в ужас сию службу и лишиться средств укомплектовать людьми достойными; следовательно, потребно было время и весьма осторожные действия. Но Аракчеев придумал иначе; он исходатайствовал именной указ, коим повелено не отставлять из провиантского штата никого, кроме тех, которых я признаю неспособными; оным давать отставку с прописанием вины и впредь их ни к каким делам не определять. Вторым указом повелено: служащих при канцелярских делах в экспедиции и в комиссиях не производить в офицерские чины прежде двадцати лет службы и трактовать так, как поступается в полках с рядовыми и унтер-офицерами. И напоследок объявил Аракчеев именное повеление, что мундиры дозволяется носить вновь определенным без нашивок, точно такие, какие носят писаря военной коллегии.

Во время прежних военных действий все лучшие люди, которые по провиантскому департаменту находились, были употреблены при армии. Все они удалены от дел и оставлены под начетом. Дел сих привести к концу нет возможности; потому что надобно расчет держать с полками и всякое несогласие до последней мелочи поверять чрез сношения; полки все разведены по разным местам; многие чиновники, которые объяснять должны, или отставлены, или перемещены; словом, необъятная громада дел затеянная, и навек лучшие люди погребены в согнивающих ведомостях. На места сих от службы удаленных людей хотя оставался

я во власти представлять для определения, но кто мог пойти, зная неблагорасположение ко мне начальника и гонение на часть, мне вверенную? Канцелярские дела также все в упадок приходить стали; ибо имевшие офицерские чины все пошли в отставку, вновь никто не определяется из свободных людей. После многих разговоров и представлений записками представил я графу Аракчееву рапортом из экспедиции, прося дать в писаря школьников, солдатских детей. Но он возвратил рапорт с надписью, что нет у него фабрики делать писарей.

Не могши согласить несчастного Шишкова остаться в службе и видя, что часть, ему порученная, от неприсутствия его может расстроиться, представил я присланное ко мне прошение, прося дозволения переместить его в экспедицию членом; если же сего не будет угодно, то испрашивал увольнения ему от службы. На сие последовал именной указ: Шишкова отставить и впредь по военному департаменту его не определять. А управляющему провиантским департаментом объявить удивление, что мало он содействует военному министру в избрании людей достойных. Препровождая сей указ военной коллегии, Аракчеев предложил, чтобы с прописанием оного послать мне указ за подписанием всех членов.

Несчастный Шишков, получив отставку, сдав должность старшему по себе, приехал в Петербург; но был выслан с приказанием жить в Вильне, пока рассмотрятся все дела и поверятся счеты за все время бытности его управляющим комиссиею. По предписанию графа Аракчеева тамошний комендант, не объявляя за что, держал его три дня на гауптвахте под арестом и повелел после считать себя арестованным в доме. Кончилось тем, что он, от грусти, досады, бедности и прочего, от них порождающегося, кончил там жизнь свою.

Распространяясь о происшествиях с несчастным Шишковым, отдалился я от порядка времени.

В исходе марта 1808 года, когда еще я был с графом Аракчеевым в ладах, получил я повеление ехать в армию и согласиться с главнокомандующим графом Буксгевденом о способах продовольствия войск сообразно плану предпринимаемых движений.

Приехав в Гельсингфорс, где граф Буксгевден тогда находился, объяснял я ему сперва словесно все способы, какие имею и иметь могу, спрашивая, куда, чего, сколько и в какие времена поставить надобно. Не получа никакого решительного ответа, написал я ему рапорт с прошением оного. Рапорт приняв, прочли его мы вместе. Он наговорил мне много ласкательного, что счастлив он, командуя армиею, когда

я генерал-провиантмейстер; но никакого толку не сказал. После сего поехали мы осматривать принятые на капитуляцию три укрепления около Свеаборга. На возвратном пути спросил я дежурного генерала, видел ли он рапорт, от меня графу Буксгевдену поданный. Он, показывая на боковой карман своего мундира, дал знать, что он тут. На вопрос: «Читали ль вы его?» — ответствовал: «Нет». Приехав в город и уже пообедав, спросил я дежурного, читал ли рапорт, и что при отдаче его граф приказывал? Он ответствовал, что не читал и граф ничего не приказывал. Тут я просил: «Пожалуйте ж, доставьте мне от графа разрешение скорее». Он вместо ответа отдал мой рапорт тому же офицеру, о котором выше я писал, ничего ему не приказывая.

Чрез несколько времени пошел я в канцелярию и, тамо найдя сего офицера, спросил, читал ли он рапорт. Сей объявил, что читал, и самым учтивым тоном просил меня объявить мое желание. Досужий офицер вмиг написал мне ответ и, сообразно моему желанию, назначил удобнейшие места для учреждения запасов, отколь главнокомандующий брал на свое попечение развозку к войскам; переписав ответ набело, пошел к графу, и я пошел за ним. Номер уже был выставлен на его письме прежде подписания, следовательно, я мог его получить тотчас не запечатанным; после сего вошел я к главнокомандующему откланяться и поехал в Петербург обратно.

Поелику граф Буксгевден меня уверял, и офицер, канцелярией управляющий, обнадеживал, что шведская флотилия на озере Сайме совершенно истребится, то для споспешествования продовольствию армии предположил я хлеб, в Петербург идущий, сложить в Ладоге и, перевезя на гальотах к противулежащему берегу озера Ладожского, перевозить сухопутно к берегам озера Саймы (отколе на военных судах Вильманштрадской флотилии возить, сколь возможно будет, далее по Сайме, на 700 верст простирающейся, почти параллельно Ботническому заливу). Для изведывания, где найдутся те места, кои сблизят расстояния между Ладожского и Саймского озер, послал я двух чиновников провиантских, приказав одному ехать по берегу Ладожского, а другому по берегу Саймского озер, спрашивая жителей о близости. Вследствие чего на озере Ладожском найдено селение, а на Саймском пустое место, где хорошая есть натуральная пристань. Сухопутного расстояния только 67 верст.

По приведении в ясность сих открытий план мой графом Аракчеевым апробирован. Заведено строение на берегу Саймского озера. Для сухопутной перевозки дал он в мою команду роту пионерную с 300 лошадей, повозками и людьми. Для перевозки по Сайме отданы суда, бывшие

в Вильманстранде. Произведены в гребцы милиционные ратники. Но сие дело по старанию моему препоручено финляндскому военному губернатору, который для лучших по сей части распоряжений должен был почти в продолжении всего лета находиться в Вильманстранде.

Когда уже неудовольствия у меня с графом Аракчеевым началися, требовал он от меня мнения, куда сколько провианта, по водяной коммуникации идущего, сложить предполагаю. Назначая повсеместно пропорции, назначил я в Сердоболь 5000 четвертей муки с пропорциею круп. Он призвал меня к себе, пересматривая мое назначение и почти все перемарывая, спросил, для чего назначаю в Сердоболь так много, когда там одна только рота. Я ему ответствовал, что Сердоболь лежит на высоте Ладожского озера, что он на границе, где жительствуют корельцы, люди, к военной службе принадлежащие; и так случиться может, понадобится там умножение войска. На сие он возразил: «Ведь они, сударь, смирны и находятся теперь внутри линии, нами занятой». Но я представлял, что мы занимаем линию весьма пространную, морем не владеем; следовательно, шведы могут, прорвав нашу линию, предпринять тоже, что Густав III [146] предпринимал *, разорить наши Ладожские шлюзы и чрез то оголодить Петербург. Дойдя до корельцев, они их поднимут и сделают театр войны в границах наших. Он с презрением на меня поглядел, вымарал сумму 5000 и написал 500. Нечего мне было делать, кроме молчать и сожалеть...

После сего вскоре по именному указу послан я был в Ригу для местных тамо распоряжений; и сие потому, что граф Аракчеев, вырывая у меня управление, определил по именным указам во многие комиссии управляющими артиллерийских генералов, предписав им к нему прямо относиться. В Ригу определенный всех был тупее, следовательно, ему было нужно поправить тамошние дела или неуспехи возложить на мою вину.

После указа об отставке Шишкова уже без закрышки Аракчеев сделался моим гонителем, и государь не только, чтобы по-прежнему всегда милостиво меня приметить, стал отворачиваться от меня и явно гнев показывать.

Дела мои, в Риге произведенные, приняты были с довольным уважением: все утверждено, но благотворения ко мне не прибавилось.

Предвидение мое о корельцах исполнилось в августе месяце. Корпус шведских войск туда прорвался, увеличил свою силу корельцами. От всех мест послали войски к Сердоболю. Командующий оными генерал-

---

* Во время войны с Екатериною II (1788—1790).— *Примеч. Бартенева.*

адъютант князь Долгорукий * писал государю, что шведы уже пред городом; но нашим есть нечего. Граф Аракчеев, прислав мне рапорт князя Долгорукого оригиналом, своеручно пишет сими словами: «Предоставляю вашему превосходительству принять благоразумные ваши меры. Сами ли вы поедете туда для распоряжений или пошлете кого из надежных вам людей, это от вас зависит».

Отправясь в тот же день, заехал я в Выборг. Тамо соглася по моему ходатайству определенного губернатора поехать со мною, успели наймом подвод подвезти от всех мест потребное количество, а первую нужду удовлетворить покупкою у купца, для мелочной продажи хлеб в Сердоболе имеющего. Заставили обывателей деревень, округ Сердоболя живущих, обратить муку в сухари, кои отправляя на подводах, по наряду, ежедневно транспорты, следующие вслед за корпусом, прогонявшим неприятеля до самых границ (вновь нами занятых), доставляли ему продовольствие безостановочно.

Возвратился я в Петербург 30 августа поутру. Министра не застав дома, явился я на вахтпараде. Видел я, что государь, говоря с Аракчеевым, сошли с лошадей, Аракчеев, в глазах его, подошед ко мне, спрашивает, что я сделал. И лишь только оканчивал слова, то он, обняв меня, целовал и крепко жал руку. Я пошел вслед за ним в комнаты государя: думал, что позовут меня и кончат гонения; но того не сделалось. И после того Аракчеев, выходя в переднюю, так глядел и поступал со мною, как то было прежде.

1 сентября, лишь наступило время, для отставки военнослужащим дозволенное, поутру рано послал я при рапорте графу Аракчееву прошение к государю, ничего не прося кроме увольнения.

На другой день возвратил мне граф Аракчеев рапорт мой и прошение при партикулярном письме, объявляя, что государь завтра отъезжает, то не смеет он его сим беспокоить.

Надлежит знать: государь предпринял путешествие в город Эрфурт [147] для свидания с французским императором Наполеоном. Пред сим незадолго гишпанский король, также для свидания с ним приехал чрез границу своего королевства, был взят и отвезен во Францию. Сие было поводом многих толков и сумнений у нас; следовательно, домогаться отставки и принимать для того крупные меры казалось непристойно. И так, решась молчать, продолжал я делать свое дело от всего сердца, как следует дворянину.

---

* Петр Петрович.— ***Примеч. Бартенева.***

17 октября 1808 года государь возвратился, и тот же день послав графу Аракчееву при рапорте прошение мое об отставке, сказавшись больным, остался я дома.

На третий день получаю при рескрипте, в Веймаре подписанном, бриллиантовые знаки ордена Св. Анны 1-го класса. И в тоже время множество чиновников, ко мне приезжая, уговаривали оставить намерение идти в отставку. Но я, объявив невозможность сие сделать, оставался дома неподвижным. В продолжение сего времени слышал, что какая-то размолвка у государя с Аракчеевым была, и он поехал в свою деревню, что обыкновенно делывал при всяких неприятных для него случаях.

По возвращении графа Аракчеева, как видно на мировой, присуждено и исполнено: государь возвратил мне мое к нему прошение, написав на другой стороне карандашом своею рукою следующее: «Если бы генерал-провиантмейстер, подав прошение в отставку, остался, как следует, при исполнении своей обязанности, доколе назначен будет ему преемник, исполнил бы он тем долг свой; но отзыв, им сделанной о нехотении заниматься своим поручением, нарушает оный совершенно. Делаю ему за сие строгий выговор, напоминая остаться в пределах, службою определенных. В противном случае напомню я ему со всею тою строгостию, с коею привык я поправлять нарушителей порядка».

В понедельник поутру получил я пакет, государевою печатию запечатанный. Фельдъегерь, мне его привезший, объявил, что он дежурный при государе; но после от самого графа Аракчеева (как видно, для показания его всемочия) я узнал, что отправил он ко мне пакет поутру для того, чтобы не беспокойно я провел ночь.

Получа сие писание, несколько минут в великом я был недоумении, что делать. Если бы не обязан был семейством, и жена (мне милее всего) не была бы беременна седьмой уже месяц*, решился бы я предать себя гонению. Но подумал, когда за неповиновение государю возьмут в крепость и отдадут под суд, то сколько несчастий может сделаться в моем доме, и, следовательно, потеряю я вдруг все то, чем жизнь моя мне сладостна.

Покорясь своей участи, поехал я к графу Аракчееву. Несколько времени заставил он меня дожидаться в его передней и между тем приказал изготовить карету. После чего впущен я был в кабинет, где нашел его

---

* Когда объявил я намерение моей жене, то произвело такое волнение, что открылись женские болезни. Последствия доказывают важность сего случая: родившаяся дочь Софья все время ребячества была больна и выросшая весьма слабого сложения.— *Примеч. Мертваго.*

совсем готовым ехать. На вопрос: «Что вам угодно?» — я сказал, что получил гнев государя и не знаю, за что. Он ответствовал, будто ничего о том не знает, на слова мои, что обнесен, видно, я государю как неблагодарный подданный, служить ему не желающий. «Но я бы готов был во всяком другом звании доказывать ему верность мою». Он ответствовал со злобною улыбкою: «Государь хочет, чтоб вы ему служили генерал-провиантмейстером». На сие я возразил, что я не способен к сей должности. Тут со злейшею улыбкою он продолжал: «Полноте, ваше превосходительство, коли вы не способны, то кто же есть способнее вас?» На сие я сказал: «Уже и потому я не способен, что вы меня не любите и расстраиваете важнейшую часть мне вверенных дел личным ко мне недоброжелательством». Тут начинается целая громада слов. Он спрашивает объяснения, в чем состоят его недоброжелательства, служащие к расстройству мне препорученных дел. Я их объявил по порядку. Он все оговорил, силясь везде доказать порядок службы, инде доказывал разность нашего о вещах понятия, и потому казавшееся мне дурным происходило с самым хорошим намерением; в иных случаях запирался он с божбою. Словом, видя злость и подлость достойного презрения человека, которому покоряться было надобно, не оставалось мне более ничего, как сказать ему: «Я поеду в провиантскую экспедицию и буду в службе попрежнему». При сих словах он, встав со стула, мне поклонился, сказав: «Я должен сей час ехать к государю, и у меня уже карета готова, и пересказать ему все то, что ваше превосходительство говорили». Тут я просил сими словами: «Когда ваше сиятельство должны довести разговор наш до сведения государя, пожалуйте, присовокупите к тому, что в сем несчастном для меня случае, берегши себя, считал я нужным поберечь и его; ибо самодержавному государю не пристойно наказывать подданного за то только, что он, признавая свою неспособность, просит увольнения от должности, превышающей меру сил его. Отдав меня под суд, уверяю вас, что умышленной вины не нашли бы за мною. Я подпишу сам себе смертную казнь, если найдется, что во всю мою жизнь чем бы то ни было когда я покорыстовался или во зло употребил доверенность, мне данную».

По приезде в экспедицию, лишь принялся я рассматривать бумаги, в неделю небытности моей вступившие, позвали меня в присутствие военной коллегии для слушания дел. Там все, как испуганные козы, на меня глядят, и никто спросить ни о чем не смеет. Все, однако же, поздравляют с получением бриллиантовых знаков, освещающих темноту моего грустного состояния. Целую ту неделю ни к кому я не ездил: все упражнялся в делах дома и в экспедиции.

В следующее воскресенье надлежало мне благодарить за светящие алмазы. Был представлен к государю вместе со множеством младше меня. Он, учтиво мне поклонясь, не удостоил и взглядом, а со всеми прочими, как бы нарочно мне в обиду, останавливался говорить. Лишь только отошел он от меня, граф Аракчеев с ласковым видом подступил ко мне и дружески жал мою руку в его присутствии.

Пред обеднею надлежало представляться императрице; в то время много было представляющихся ей одной и им обоим. Государь и тут, противу своего обыкновения, остановясь, со всеми говорил, кроме одного меня.

В ту осень и зиму много было балов в Эрмитаже и у вдовствующей императрицы. Меня всюду зовут наряду со знатными боярами, имею я вход за кавалергарды; но всякой раз везде чувствовать быть должен гнев государя, ибо всегда он подходил говорить с теми, кто случался быть возле меня, но меня никогда и ласковым словом не удостаивал. И когда случалось встретиться глазами нашими, он в тот миг отворачивался. Известно всем, кто двор самодержавного государя знает, как все, при дворе находящиеся и хотя несколько к оному прикосновенные, последуют воле государя. Вследствие чего, всегда в большой будучи беседе, оставался я один. Привыкнув к уничижению, уже мало оно меня трогало. Уединение среди людей давало простор мыслям к рассуждению о суете мира сего и о надобности презирать все то, за чем большая часть людей гоняется.

В продолжение сего времени, бывая у министра для изъяснений по делам, принимаем был всегда вежливо, но как человек, которого он остерегается и не любит. Однажды в кабинете его, разговаривая о разных обстоятельствах по службе при одном свидетеле из приближенных его артиллерийских генералов, что случалось весьма редко, начал он хвалить артиллерии генерал-майора Ильина,[148] определенного именным указом по представлению его управлять комиссиею С.-Петербургского депо и быть членом при экспедиции. Ему вменял он в большое достоинство необузданную его, глупую, а может быть, и на воровстве основанную смелость, и что часто он представляет ему на утверждение о том, что уже сделал (что не могло быть иначе как с уничижением моего звания). В сие время при рассуждениях возразил я ему так, как без свидетелей всегда говаривал: «Видите ли, ваше сиятельство, разность понятий наших, почему и не гожусь я быть генерал-провиантмейстером; ибо я г. Ильину всегда говорю, чтобы он учреждал дела, ему вверенные, так, как закон велит, и поступал бы поосторожнее, потому что сего рода дела

долговременно считаются и поверяются». Вмиг вид Аракчеева переменился злобным образом. Глядел долго на меня, ковыряя пальцем в носу, что была его привычка в злобные минуты. Потом, оборотясь к сидящему по другую сторону генерал-майору Ставицкому, начал рассказывать действие двух артиллерийских генералов, из коих один был смел, и дела его шли успешно, а другой был труслив, о всем спрашивался, и потому течение дел замедлялось, он его замучил вопросами и сам умер от сумнений. Объясняя характер сего последнего, он портрет мой описывал. Все мои действия представляя самыми глупыми, наполнял разговор бранными словами, приличными подлому его воспитанию. Все сие выслушивал я терпеливо; ибо бранил он человека, мне незнакомого и коего нет на свете. Наконец, когда он кончил речь, я обратился к тому же свидетелю, просил выслушать от меня защищение покойнику, делами убиенному. Речь сия смешна показалась; они оба протянули уши. Начал я приведением примеров, сколько было несчастных людей, казенные деньги расходовавших, которые чрез несколько лет должны были оправдываться и тогда, когда все обстоятельства забыты, когда судят их дела люди, минувших обстоятельств не знавшие и осуждают виноватыми в таких действиях, кои в настоящем времени должны бы были быть похваляемы. Продолжая далее, приводил я в пример самых знатных бывших людей: князя Меншикова, у коего отнятая деревня * [149] в казну досталась графу Аракчееву. И напоследок, говоря о времени князя Потемкина, спросил я Аракчеева: «Ваше сиятельство помните сие время и, несомненно, уверены, что он был сильной боярин, и в его время осмелился ли бы кто из подчиненных не исполнить его приказания? Но известны же вам и последствия. Сколько людей убито несчастием за то, что ему не противоречили. И самые его наследники, 80 тысяч душ разделившие, доведены было были до банкротства, если бы покойный государь не прекратил взыскания, по счетам на него упавшего за то единственно, что он поступал с казенными делами по домашнему». После сего тоном весьма умеренным он мне сказал: «Вы меня в сумнение приводите. Так моего Грузина (так называется пожалованное ему имение) не достанет для счетов, которые сделаны быть могут?» На сие я ответствовал: «Как Грузина! Если бы государь пожаловал вам всю Новгородскую губернию, то и ее будет мало. Ведь ваше сиятельство слишком сто миллионов рублей в год издерживаете и поступаете весьма самовластно и часто законам противно, как то требуют обстоятельства нынешнего крутого времени». Он спросил:

---

* Знаменитое Грузино. — ***Примеч. Бартенева.***

«Что же делать?» Я ответствовал: «Представлять свои действия на суд в то же самое время и, пользуясь доверенностию к вам государя, сделать славное для вас дело — сочинить закон для военного департамента, коего вовсе нет. И при всяком государе возобновляемо было намерение оный сделать; вследствие чего написать каждому чиновнику и самому министру инструкцию, где изложить ясно и во всей подробности, в чем состоит каждого обязанность, ответственность и степень власти. Когда государь утвердит таковое постановление и оно примется за закон государственный, тогда всякой будет прав, идя по черте, ему предназначенной. В особливых же случаях, докладывать государю и получать письменные его разрешения». Подумав несколько, граф Аракчеев спросил меня: «Ну, как же вы думаете приступить к совершению сего намерения? Это ведь громада необъятная бумаг, и досуг ли теперь это делать?» Я ответствовал: «Начните по частям. Прикажите мне подать вам прожект, как учредить часть провиантскую и какие кому дать инструкции, представьте оный государю. Ведь при вас он мне обещать изволил дать правила, в чем состоит моя должность и какую степень власти я имею». На сие он мне сказал: «Знаете ли, что государь сделает? Неужели вы думаете, что он имеет довольно времени, чтобы читать эту кучу бумаг? Нет, он прикажет отдать в совет или комитет на уважение. А там в спорах о каждой строке пройдет много времени, которое мне для дел нужно. И только лишь понапрасну испортится во мне несколько фунтов крови». «И так,— ответствовал я,— извольте поступить иным образом». «А как?» — он спросил.— «Представьте государю, что я сумнительный человек, как, думаю, вы и полагаете, что я надоел вам о всякой безделице спрашиваясь; потому что нет ни на что чистого закона, и ни один еще из предместников моих не отошел от должности сей спокойно; то прошу я рассмотрения мною сочиненных инструкций мне и всякого чина подчиненным моим. Скажите, что вы сего и не читали, а просите, чтобы мне приказано было, как статс-секретарю, докладывать в совете, где вместе с прочими членами и вы будете слушать и приказывать переменять то, что не совместным покажется». Сие принял он с довольным уважением, но ничего по тому не сделал.

Продолжали разговор далее о представлении отчетов в свое время и о надобности, дабы незамедлительно оные рассмотрены были сенатом и утверждены государем: разумеется, отчет начальнический о распоряжениях, а не счеты подчиненных, которые и после сочтены быть могут. Я предполагал, чтобы дал он приказание всем начальникам департаментов, ему подчиненных, подать ему таковой отчет, из коих сочиня генеральный,

представил бы он Сенату на основании манифеста, при учреждении министерств изданного. Распрощались мы друзьями, и он просил меня приступить к делу, следуя моему плану.

На другой день послал я к нему записку, содержащую расположение отчета; просил рассмотреть и поправить, если что считает нужным. Он, возвратя мне мою записку, писал своеручно, что все очень хорошо, и таковым отчетом заслужу я не его, а общее от всех уважение.

Принявшись за дело со всевозможным прилежанием, замуча всех моих подчиненных выписыванием сведений, к отчету принадлежащих, представил я его. Но оный остался без всякого действия. Мне сказывали после, будто министр недоволен, для чего действия его не были тут выхваляемы.

Комитет, при военной коллегии учрежденный для пересмотра штатов и рассуждения о способах сократить порядок в производстве дел по военному департаменту, начал требовать от меня начертания о провиантском департаменте. Члены сего комитета, в числе коих наименован был и я, таковы случились, что и уездными судьями довольно бы им было находиться. Несколько опытов удостоверило меня в сей истине. Однажды, когда они меня очень раздразнили, я сказал, что не могу ничего писать, ибо комитет учрежден для сокращения порядка в канцелярском производстве, а по провиантскому департаменту нужно дать ему совсем новое образование. Разговаривая с некоторою горячностию о многом, я говорил и то, как бы ему устроено быть надлежало. На требование написать сей прожект, я сказал, что поелику сие противно установлению покойного государя и в именном указе, по коему комитет сей учрежден, о сем не дозволяется рассуждать, то я без особливого повеления не приступлю к делу. Сие общим приговором велено было записать в журнале. Тут жар мой несколько прошел, и я, одумавшись, рассудил, чтобы журналист не наврал чего лишнего или превратным толком, просил присутствие дозволить мне самому написать тут же в присутствии все то, о чем я говорил.

Вероятно, что в волнении и при шуме двенадцати человек членов не мог я порядочно все изобразить. Журнал сей лишь дошел до министра, он, как имеющий право объявлять именные указы, написал, чтоб комитет предоставил мне написать все, что для преобразования департамента почитаю я нужным; только дал на примечание, что в объяснении моем комитету видит он, что все обязанности возлагаются на подчиненных, а генерал-провиантмейстеру и делать будет нечего. Хотя весьма он соврал, ибо начальнику всегда будет много дела, смотреть за действиями

подчиненных; но я оставил без возражения, полагая, авось из сего начинания произойдет польза.

Увидясь с графом Аракчеевым и изъяснясь касательно его замечания, просил дозволения прежде подачи в комитет представить ему мой прожект, сказав откровенно, что все комитетские члены суть господа ему послушные: если он рассмотрит и отошлет к ним мое писание с одобрением, то дело кончится скорее, а иначе много будет прения, отнимающего у меня время для других важнейших дел. Сие принял он с учтивостию и, казалось, доброхотно, и препоручил мне уведомить его, когда писание мое готово будет к слушанию.

Окончa сие дело, уведомил я графа Аракчеева, который в самый день заседания комитета и во время, когда члены собрались, прислал за некоторыми и за мною к нему приехать. Сим, наверное, считать можно, хотел он меня поссорить с прочими, к нему не приглашенными, в чем он и успел.

До двенадцатого часа вечера слушали мое начертание, прерываемое рассуждениями и прениями слегка. Все слушатели раболепно следовали мнению графа Аракчеева и каждое его слово распложали разговорами; но везде он, следовательно, и они, соглашались со мною. Выбившись из сил, не прослушая и четвертой части, отложили продолжение до другого времени.

Чрез несколько времени граф Аракчеев, отъезжая в свою деревню на короткое время, сказал мне: «Пожалуйте мне ваше начертание прочитать на досуге в деревне». Я оное ему вручил, и он после целый год не упоминал мне о нем, а несколько правил, от себя выданных и государем утвержденных, написал, точно следуя моему мнению.

В конце осени предположено министром было и государем конфирмовано сделать во многие места заготовление хлеба подрядом, производя торги (кроме Петербурга) в казенных палатах под председательством губернаторов. Для присутствия ж при торгах возложено на меня командировать в каждую из тех губерний по одному провиантскому комиссионеру, коих считаю я благонадежнейшими. Для рижских магазинов предположено купить хлеб в Смоленской губернии, куда и командировал я чиновника из Москвы. Вследствие предписаний, о том учиненных, смоленской губернатор по окончании третьего торга представил на утверждение военному министру, объявляя, что цены сходны, понизить их не находит он средства, и поставщики, им склоненные, едва согласились дожидать времени, как разрешение его получено быть может; по миновании ж того срока они отказываются от совершения обязательств, требуя

между тем прислать с тем же нарочно посланным третью часть денег и согласиться уменьшить число залогов противу того, как уже государем было на сей образ заготовления конфирмовано.

Граф Аракчеев, продержав несколько дней у себя сие представление и мне оного не объявляя, наконец, за три дни до срока, прислал все бумаги при предписании, что возлагает он на меня решиться утвердить контракт, или иным способом сделать заготовление для Риги, где хлеб весьма был надобен.

Соображая все, что есть и быть может, видел я себя на трудном пути. Решиться утвердить контракт казалось мне бессовестно, ибо цены нельзя было считать умеренными. И как можно мне было утвердить такие обязательства, где залоги уменьшены противу плана, государем конфирмованного? Разрушить сие, всеми губернскими чиновниками сделанное постановление и велеть там же моему подчиненному покупать, ожидал я, что начнут ставить во всем препятствия. Да и не мог я наверно надеяться на честность подчиненного мне комиссионера. Следовательно, неблагорасположенный ко мне начальник будет иметь все средства представить меня государю таким, каким ему захочется. Пробыв несколько часов в жестокой борьбе мыслей, наконец, помолясь усердно Богу, решился я разрушить контракт и, послав деньги тому чиновнику, который в Смоленске находился, препоручил ему покупать хлеб, написав притом партикулярное письмо, в коем, изъясняя чистую правду, советовал не пользоваться на сем пути, уверяя при том, что если совершит он дело с желаемым успехом, то буду я всемерно стараться об исходатайствовании ему милости государской, и, может быть, усердием его и искусством очистит он весь департамент от посрамления, им претерпеваемого.

Действие сие имело успех: хлеб куплен, и доставление обеззабочено залогами. Покупкою сею противу цен, по контрактам просимым, сбережено казне более 200 тысяч рублей. Все мое старание о награждении сего чиновника было без успеха. Напротив того, многим шиканам и придиркам от министра он был подвергаем. Но, наконец, по многим моим усилиям, вместо просимого ему генерал-майорского чина (ибо он уже десять лет служил военным советником) пожалован ему орден Св. Анны с бриллиантами, потому что уже имел он его без сего украшения.

В исходе декабря 1808 (в тот самый день, когда все заняты были парадом и церемониальною встречею короля и королевы Прусских, в Петербург приехавших) без всякого предварительного о том сведения получил я именной указ, коим повелевалось немедленно ехать в Эстляндию,

Лифляндию и Курляндию для местных распоряжений по продовольствию войск, учреждению запасов и развозке провианта и фуража по кордону, где в летнее время для обороны берегов войска будут находиться. В сие время жена моя на сносях была беременною и от бывших крутых со мною переворотов крайне нездоровою. Что я тогда чувствовал, это Бог только знает; однако же, поехал, и после меня чрез несколько часов жена моя родила дочь Софию 1808 года декабря 29 дня.

В именном указе дано мне было полномочие действовать, как признаю за лучшее, и повелено не тратить время в сношениях об утверждении цен и кондиций, а только для доклада государю доносить военному министру о том, что и как сделано мною. В окончании сказано: «Само собою разумеется, что по сношению с военным министром должны вы взять с собою сумму денег соразмерно надобности».

Явясь к министру для получения его приказаний, я сказал, что в указе упоминается о развозах, следовательно, понадобятся мне конвойные из полков, также нужно, может быть, будет требовать и других пособий; и так не соблаговолит ли он предписать о сем дивизионным начальникам. Вмиг сие исполнено, и в ордерах написано: удовлетворять моим требованиям, не сказав, каким. Затем, рассуждая о деньгах, спросил он меня, сколько я взять предполагаю. Я назначил сумму гораздо менее надобности. Он согласился и велел написать предложение в экспедицию.

Намерение мое состояло в том, чтобы попробовать провиантскую часть поставить на другую стезю посредством подчинения воинским начальникам, как то до царствования Павла I было; уменьшенным же числом денег оберечь себя: ибо по недостатку оных я пришлю требование и тогда напишу министру для доклада государю все, что я делаю. Следовательно, когда деньги, по повелению его мною требуемые, пришлются, то с тем вместе и действия мои утверждены будут.

Приехав в Ревель, видел я голодную сторону, где ничего нет. Обыватели, для собственного пропитания покупая в Риге хлеб, перевозят его. По причине войны с Англиею и Швециею, военный наш флот, проиграв одну баталию, не смел и показаться; следовательно, все транспорты должны были быть сухопутные, а сие возвышало цену до непомерности, и не находилось довольных способов к удовлетворению надобности.

Посоветуясь с дивизионным начальником г. Лавровым, человеком умным и прямому добру содействовать готовым, решились мы таким образом: по силе именного указа я потребую, а он на основании ордера (от министра с изображением воли государя полученного) исполнит: 1-е, соглашать полковых шефов, чтобы приняли они в Риге двухмесячную

пропорцию провианта, перевезли его на подъемных лошадях, употребя к сему полковых воинских служителей. Для покупки сбруй и одежды зимней людям, также и для приумножения порции лошадям, дам я за провоз такую цену, какая вольнонаемным платится. Сим средством, кроме скорости в деле и чистоты в расчетах, и ту еще полагали мы пользу, что лошади во время пути будут питаться чужим кормом; следовательно, не съеденное ими количество остается для удовлетворения надобности весною, когда военные движения потребуют содержать лошадей в сытости; **2-е**, на том же указе и ордере основываясь, подчиню я дивизионному командиру г. Лаврову всех в Эстляндии провиантских комиссионеров, а он велит им покупать, что купить можно, и будет надзирать за их действиями; **3-е**, чтобы продолжительною покупкою сена в местах будущего кордонного войск расположения не возвысилась цена (а паче когда то делать будут провиантские комиссионеры), г. Лавров пошлет полковых офицеров столько, чтобы повсеместно вдруг все количество было куплено; и, наконец, **4-е**, из суммы, налично со мною имевшейся, дам я г. Лаврову 500 тысяч рублей, в коих он представит отчет.

Чтобы сие распоряжение еще тяжеловеснее сделалось и содействуемо бы было от гражданского начальства, пригласили мы губернатора к рассуждению о способах, и тут же при нем я написал, и мы все трое подписали постановление, и, каждому дав по экземпляру для взаимного руководства и исполнения, послал я оригинальное к графу Аракчееву и получил благодарственный отзыв.

Приехав в Ригу, увидел я совсем другие обстоятельства: город торговый, где находятся конторы, для Англии торг производящие. Множество хлеба, по запрещению выпуска лежащего в бунтах; но все зерном, ибо готовился для отправления в Англию. Чтобы не делать покупки лично самому, я требовал произвесть торги в губернском правлении, следовательно, при губернаторе; и коль скоро доведено будет до умеренности, спрося губернатора, сходною ли считает он цену, объявлял я, что покупаю. С продавца бралась подписка в губернском правлении, а я посылал за деньгами; отсчитав всю сумму, продавцу следующую, тут же запечатывал ее моею и покупщиковую печатью. Пакет отдавался губернскому казначею для хранения до тех пор, когда продавец предъявит губернатору квитанцию об отдаче всего проданного им количества в провиантские магазины. Сие также с похвалою мне было утверждено.

Приехав в Курляндию, нашел я совсем другие обстоятельства. Там все имения принадлежат дворянам. В Курляндию ни отколе хлеба не привозится, цена за провоз из Риги чрезвычайно высокая. Для нагрузки

на американские корабли, в Либау приставшие, платили купцы от Риги по рублю за пуд железа. Вероятно, что за хлеб, который тратится в пути, надлежало бы заплатить дороже. Справочные в Курляндии цены показывались на хлеб столь дороги, что по рассуждению комитета министров отпущено провиантскому департаменту было по 24 рубля на четверть муки, а соразмерно тому круп и овса.

Адресуясь к губернскому предводителю тайному советнику барону Корфу, говорил я ему: «Справедливо ли, что в Курляндию никогда ни отколе хлеба привозимо не было, а оная всегда отпускала избытки свои в чужие края?» Он истину сию подтвердил. «И так,— я продолжал,— когда все имения принадлежат дворянам, зачем же вижу я, по счетам прежних времен, поставщиками купцов и жидов?» Он, не обинуясь, ответствовал: «Потому что чиновники провиантские с ними торговаться любят, из нас же, дворян здешних, редкие хотят входить в дела с казною». Тут тоном, на древних немецких рыцарей похожим, спросил я его: «Полагаете ли вы меня дворянином и по-дворянски поступающим в делах, мне препорученных?» Он, похваляя начальный мой с ним поступок, сказал, что доверенность ко мне имеет. «И так,— говорил я ему,— сделайте постановление: я куплю у дворянства хлеб, а вы, именем дворянства, совершите обязательство без всякого приказного порядка». «Как же сие дело кончится, ведь вы не останетесь?» — он спросил. На сие я объявил, что всю сумму, за хлеб доводящуюся, вручу губернатору, который будет выдавать по квитанциям. Сим он сделался доволен и, прося отсрочки, чтобы имел он время снестись со знаменитейшими той губернии помещиками, требовал, чтобы чрез восемь дней приехал я опять в Митаву.

В течение сего времени провиантские мои чиновники, желая расстроить делаемую связь с дворянством, употребляли все возможные средства к показанию, что могут купить умеренными ценами; и донесли мне, что, по мелочи покупая у крестьян, можно иметь по 13 рублей за четверть; но льзя ли купить все надобное количество, не удостоверяли.

Полагая, что если бы и дороже заплатить я был должен дворянству, но дело сие будет чище, облагораживать станет действия провиантские, на предыдущее время послужит немалою для казны пользою, а притом сблизит новоприсоединенных подданных с интересами государевыми, написал я о сем министру партикулярно своею рукою и поехал к назначенному сроку в Митаву.

В доме губернского предводителя увидел я немалое число дворян, знаменитейших по имению и титулам. Все они тотчас со мною познакомились

и чрезвычайно похваляли мой поступок, говоря, что такого тона не слыхали еще никогда от начальника провиантского. Одним словом, изъяснялись мы языком рыцарским. Рассуждали о способах, как бы написать постановление и оговорить все случаи, могущие родить сумнение и дать повод к мошенничествам; согласясь на все пункты, попросил я бумаги и чернил. Написав постановление, не был уже я в состоянии прочитать оное, переводя по-французски. И так позвали переводчика-немца ко мне в помощь. По окончании чтения все, в восхищении от моего писания, единогласно решились иметь со мною дело.

Но тут представилось главное. Мы согласились, что дворянство по регистру, от меня предложенному, поставит во все места Курляндии назначенное количество, ценою для лучшего расчета равною. Хотя сие казалось им сперва неудобным, ибо цены по пространству Курляндии были не одинаковы, но, наконец, согласились. Об общей же цене они меня спросили, какую я за справедливую почитаю. Ответ мой был, на основании донесений провиантских, по 13 рублей за четверть муки. Все вдруг заговорили, что сие невозможно. По утишении речей немецких, которых я не разумею, сказал я им, что, желая облагородить провиантскую часть и приучить чиновников, мне подчиненных, иметь дело с людьми, от коих взяток брать не можно, готов я решиться и на такую цену, которую они назначут, какие бы последствия от того ни произошли. Они спросили объяснения сим словам, и я ответствовал, что писал военному министру, предполагая возможным купить по 13 рублей, и по неблагорасположению его ко мне, о коем не только они, но и все знали, мог я ожидать неприятностей. Тут рыцари мои взволновались и, несколько поговоря между собою по-немецки, объявили мне, что когда так, то они готовы поставлять за цену, мною назначенную.

Кончилось дело наше в тот же день. Постановление о согласии дворянства со мною, при посредстве губернатора написанное и нами тремя подписанное, втройне мы каждый взяли для взаимного руководства и исполнения. Денег без мала половину я мог тогда же дать губернатору, обещавшись полную сумму доставить немедленно; ибо не мог почитать, чтобы действие сие не одобрено было, после чего с наполненным приятностию воображением, отужинав у предводителя, поехал я в Ригу обратно.

Написав министру все сие происшествие, подробно представя о тех полезных для казны видах, которые для предыдущего времени усматриваю, уведомя, до какого количества какого хлеба и по каким ценам в Риге для запасов купить еще можно, представил я исчисление, сколько

суммы денег прислать мне нужно. Представление сие послал я с адъютантом моим, взятым из артиллерии и имеющим знакомство со всеми артиллерийскими офицерами, при министре служившими.

Возвратившийся мой посланный привез мне всю сумму денег. Все распоряжения мои утверждаются, но холодным тоном. На постановление ж, с курляндским дворянством сделанное, написал граф Аракчеев замечание, показывающее малую доверенность и неуважение к дворянству, и между прочего, что не назначено именно сроков, когда сколько, куда поставлять; а только написано, что для безостановочного продовольствия, поставляя по временам, как дворянству будет удобнее, станут они наблюдать, чтобы двухмесячная пропорция всегда, везде находилась наличною в магазинах провиантских. При таковом замечании предписывал он мне согласить дворянство, чтобы к апрелю месяцу была везде поставлена хотя третья часть. Получа сие, будучи болен так, что не мог вставать с постели, послал я с адъютантом моим все деньги к губернатору и выписку из предписания министрова касательно замечания на постановление с курляндским дворянством, прося его показать предводителю сию бумагу и попросить его, не рассудит ли вывести меня из неприятного положения.

Предводитель, посоветуясь с наличными в Митаве дворянами, на той же выписке написал, что все то, что министр замечает, будет исполнено; касательно ж сроков сделано будет более, ибо приняты уже меры о поставке всего количества до апреля месяца.

В сие же самое время получил я именной указ государя; пишет, что видел из донесений моих к министру, с каким успехом идет дело, мне препорученное; объявляя о недостатках в новоприсоединенной Финляндии, приказывает постараться, нельзя ли из Риги отправить в Свеаборг до 10 тысяч четвертей на купеческих судах, которые бы вместе со льдом выйти могли.

Все исполня, совершa покупки запасов, нанял я также с публичного торга отвозчиков по местам. Лишь получил малую свободу от болезни, поехал я чрез Белоруссию обратно; а прямо из Риги послал в Петербург адъютанта с отчетом и подробным обо всем донесением.

В Петербург приехал я в тот день, когда министр собирался ехать в Або для предприятия перейти чрез Аландские острова и из других еще двух пунктов в Швецию. Я, не могши ходить (ибо распухшая нога ступать не позволяла), послал адъютанта словесно объявить министру о моем возвращении и невозможности к нему явиться. Ввечеру того же дня получил от него письмо, коим очень ласково извиняется, что, долго

пробыв у государя, не мог меня видеть; оканчивает тем, что просит иметь к нему доверенность и чаще писать к нему в Або.

Чрез несколько дней, сделавшись в состоянии одеться, поехал я в воскресенье во дворец и просил быть представленным государю наравне с прочими военными чиновниками, после вахт-парада представляющимися. Помещенные к государю креатуры графа Аракчеева, которые во время его отсутствия докладывали по делам, уверительно объявили, будто мне представляться не нужно, и что в тот день представления не будет. Но я сказав, что мне кажется неприлично не представиться тогда, когда я был в отпуске по его указам, требовал от коменданта и дежурного генерал-адъютанта доложить по крайней мере о том, что я приехал и представиться желаю. Все были еще в заблуждении и думали, не буду ли позван в кабинет, где без бытности Аракчеева могу объясниться и поправить мои тяжкие обстоятельства. Скоро начинается беготня в передней пред кабинетом, где я и множество людей находилось. Стали искать, кто еще будет представляем. Мне объявлено, что государь пойдет смотреть рекрут; и я на пути его вместе с прочими буду ему представлен.

Государь, подошед ко мне, ласковым видом спросил, давно ли я приехал; потом тоном, секрет показывающим, спросил: «Кончили все?» Я ответствовал: «Кончил». Тут, поклонясь, пошел он прочь.

Успешное исполнение прожекта аракчеевского о переходе войск чрез Ботнический залив на шведские берега, сделавшее от того в Стокгольме волнение, по коему король арестован, возведен другой,[150] и начавшиеся переговоры о мире, все претензии наши удовлетворяющем, сделали Аракчеева сильнее прежнего, и он со славою чрез месяц возвратился.

При свидании со мною обошелся он очень ласково и учтиво. Но поелику прошло уже время и даже надобность преодолевать те трудности, которые мог преодолеть, то и речей было мало. Все занимались награждением военных, чрез Ботнический залив переходивших, и политическими делами касательно скорейшего заключения мира.

Мир заключен в Фридрихсгаме, где находился министр иностранных дел *. Сделано большое военное празднество в Петербурге. Множество вышло награждений чиновникам, в войне бывшим. Управляющему комиссиею С.-Петербургского депо дан орден Св. Анны 1-го класса; а обо мне нигде ни словом не упоминалось, как бы вовсе был посторонний в деле военном человек.

---

* Граф Н. П. Румянцев[151].— ***Примеч. Бартенева.***

Начавшаяся война французов с австрийцами [152] вмешала нас в дело. Составлена армия в Литве, поручена в команду генерала князя Голицына. Он долженствовал занять Галицию и сделать диверсию австрийцам.

В апреле месяце, так же ничего о том не ведая, получил я именной указ, коим повелевалось отправиться на границу и учинить распоряжение о продовольствии армии, поступая по наставлениям военного министра; а с тем вместе получил и от него предписание на нескольких листах: в оном, упоминая об указе, при поездке в Ригу мне данном, приказывал оным руководствоваться; но тут же ему противоречил, ибо велел обо всем его спрашиваться. Двусмысленность сия произвела мне много сумнений.

Повидаясь с главнокомандующим князем Голицыным, в то время в Петербурге находящимся, отправился я два дни после него прямою дорогою и в Вильне с ним съехался. Осмотря все, видел довольно трудностей, но удобно могущих быть преодоленными.

Упадок кредита и малая сумма наличных денег, со мною бывшая, много останавливала действий, и много неприятных речей выслушивать заставляла *. Но вскоре присланные ко мне от государственного казначея червонцы и ассигнование получить из казенных палат прекратили сие неудобство.

Следуя прежде с успехом употребленному способу, я договаривался с дивизионными командирами и писал акты при посредстве губернаторов тех губерний, где войска находились. Главнокомандующий всегда одобривал дела мои и всеми силами старался содействовать. Достоинство сего человека облегчало все трудности и устыжало всякого, излишние требования изъявлять готового.

Чтобы продовольствие немалого числа войск, в резерве по разным местам Литвы оставшихся, обеззаботить и на предыдущее время устроить порядок, с пользою государя и, можно сказать, государства сообразный, разговаривая с помещиками Гродненской губернии, склонил было я их на таковые ж условия, как сделано в Курляндии: принять продовольствие войск на их попечение в продолжение трех лет по установленным единожды ценам, взятым из сложности пяти лет, из коих дворянство уступало, если три дивизии в губернии будут, по рублю; если две, по рублю с четвертью; а буде одна, то по полтора рубля серебром от каждой

---

* Граф Аракчеев при вступлении в министры исходатайствовал именной указ не платить долгов, до 1808 года накопившихся. Многие люди от того разорились, подрыв кредита столько возвысил цену и затруднил действия, что в один год переплатили денег в излишестве более, нежели бы стоил весь платеж долгов.— ***Примеч. Мертваго.***

четверти муки и круп; и с таким при том условием, чтобы платить им серебром третью часть, а остальные две ассигнациями по курсу.

Зная, что расход серебряных денег в Литве истощевал финансы государственные и неисчислимое множество причинял зла, думал я сие дело весьма полезным, и тем паче, что курс можно поддерживать, если государственный казначей не сделается обязанным много выменивать серебра. При том же часть сия, от разделенной Польши присоединенная, непрестанно готова от нас оторваться; следовательно, на всякой случай лучше обогащать тамошних дворян ассигнациями, нежели рублями, удобно в талеры переделываемыми.

Сделав с дворянством Гродненской губернии при присутствии губернатора предварительное условие, где вначале написано, что оное может иметь свою силу тогда, когда утверждено будет от вышнего начальства, послал я оное к графу Аракчееву с курьером. Подписавшиеся под предварительным договором помещики, друг по друге ручающиеся, имели более 50 тысяч душ в их собственном владении. Виленские и белостокские помещики на таковое же от меня предложение чрез губернских предводителей письменно отозвались, что когда последует утверждение, с гродненскими дворянами сделанное, то и они оному последуют на таком же точно основании.

Недели через две после отправления курьера, оконча все, что по наставлению к исполнению моему предлежало, возвратился я в Петербург. Явился к министру, довольно холодно меня принявшему. На вопрос, что угодно ему было сделать по представлению моему о договоре с дворянством, он ответствовал: «Ваше превосходительство, это дело требует много рассуждения и без воли государя совершено быть не может. И так, чтобы дворянство не подумало, что условием с вами дело кончено, и не вывело бы после каких претензий, то писал я губернаторам объявить дворянству, что вы не имели власти на учинение таких договоров; следовательно, сделанное не имеет никакой силы». Тут я ему сказал: «За что же, ваше сиятельство, посрамили вы не меня, но звание мое, ибо кто теперь генерал-провиантмейстеру поверит? И тем паче напрасно вы таковой отзыв сделали, что в самом условии сказано, что оно есть предварительное и могущее иметь силу тогда, когда вышнее начальство его утвердит». После сего он сказал: «Виноват, я этого не приметил». И, поговоря мало, с хладнокровностию мы распрощались.

При начале еще неприятностей моих с министром, однажды, имея надобность его спроситься, приехал я к нему и должен был, сидя в передней, дожидаться по меньшей мере часа четыре. Быв позван в кабинет.

окончил свою надобность минут в пять. Откланяясь, сказал я ему, что дожидался долго и много потратил времени, для дел нужного. Он, оправдываясь недосугами, дозволил впредь записками его спрашиваться, а он на тех же записках будет писать резолюции. Сей образ сношений сделался мне полезным; ибо записки оставались приобщенными к делам или хранились у меня; следовательно, делался я беззаботнее с человеком, на честность и благородство души коего полагаться не можно. Пользуясь сим порядком, прекратил я свидания с министром так, что более месяца по возвращении из Литвы с ним не видался.

Однажды, получа вопрос от комиссии провиантского депо, должен был спроситься министра, каким образом расположить представление к нему для доклада государю, ибо дело такого существа было. Необходимость заставила меня поехать. В передней его нашел я двух приближенных ему генералов и одного купца, поставляющего в петербургские магазины хлеб, также лично ему знакомого. Дежурный адъютант, обо мне ему докладывавший, вышел с ответом, что торопится оканчивать дела, будучи должен тотчас ехать к государю, приказал извиниться, что принять меня не может. И тут же возле меня стоящему купцу объявил, что вас приказал к себе позвать. Мне сие так досадно стало, что приближенным его генералам я сказал: «Хорошо ли это министр делает? Ему нет времени говорить с генерал-провиантмейстером, неужели может быть более дела говорить с поставщиком?» Они промолчали, показывая вид удивления, но, вероятно, слова мои пересказали.

В комитет, при военной коллегии учрежденный, подан был доклад от счетной экспедиции, где, прожектируя новые формы, как вести шнуровые книги и писать документы, приобщено объяснение, содержащее порядок течения дел провиантских, и такие вмещены правила, которые никаким образом исполняемы быть не могли; следовательно, надобно бы было непрестанно прощать неисправности или сделать виноватым всякого, кого будет угодно. Опорачивая сие представление и говоря, как бы что сделать было надобно, вопрошен я был: для чего же не подаю начертание того порядка, который считаю полезным. Объявя, что оное уже почти год находится в рассмотрении министра, написал я к нему записку, прося о возвращении для представления в комитет и соображения мнения моего с прожектом, от счетной экспедиции поданным. Он бумаги мои мне прислал, и я их представил комитету.

Несколько заседаний прошло в бесплодных спорах. Никто не хотел и посмотреть на бумаги, от меня представленные, а от счетной экспедиции поданные без моего согласия утверждать также раздумывали.

Наконец, поутру, во время обыкновенного присутствия является министр. Злобно на меня смотря, объявляет всем на общее лицо: «Вот, господа, я, оставя важнейшие дела, хочу присутствовать с вами и разрешить споры, которые останавливают устроение порядка». Лишь сели все на свои места, генерал-контролер начал читать свое сочинение. Я молчал, не возражая на те места, которые были малозначущи. Но когда уже довольно накопилось резонов, просил остановиться и стал оговаривать, изъясняя, какие обстоятельства случаются и какие случиться могут. Тут министр начал брать мою сторону. Генерал-контролер и ему сопутствующие сделались долголицы. Два часа пробило, и министр объявил, что пора ему ехать, что он просит нас подумать о сем и решиться постановить правила, сообразные возможностям исполнить, и что, буде нужно, он готов и опять удостоить нас своим присутствием.

Чрез несколько дней призывал к себе управляющего бухгалтериею провиантской экспедиции, от коего я узнал, что генерал-контролер и присутствующий со мной артиллерийский генерал-майор Ильин рассматривают в министровом кабинете формы. Они дело сие кончили. Многое из прежнего убавили, но все далеко до настоящего пункта. Министр прислал в военную коллегию утвержденные его подписанием бумаги, приказывая напечатать для рассылки к исполнению. Начальнику типографии приказано от министра печатать имена скрепивших формы, где между прочими помещено было и мое имя.

В первых числах сентября, когда министр должен принимать просителей, поехал я к нему. Он, кажется, знал чрез первого его вестовщика генерал-майора Ильина, коему с намерением часто говаривал я о желании проситься в отставку. Знал я и то, что Ильин, моего места домогаясь, меня с министром ссорит, да и тот желает поместить его на мое место. Граф Аракчеев тотчас велел меня позвать в кабинет и принял чрезвычайно учтиво и с приятною миною. На вопрос, что угодно, я просил исходатайствовать мне увольнение. «Если уже непременно вам угодно, — он продолжал, — то буде подадите вы прошение, я доложу государю». В ту минуту, вынув из кармана прошение, я ему вручил. Приняв с большим удовольствием, говорил он мне, будто очень ему жаль, что такое сильное отвращение имею я от должности, славно мною исправляемой. И напоследок разговаривая, кто бы мог заступить мое место, требовал моего мнения. Я назвал генерал-майора Ильина. Но он говорил, что сего не сделает, сказав: «Потому что он мой».

При расставании он объявил, что, имея много дела, не знает он, когда может по моей просьбе доложить; а между тем требовал, чтобы я окончил

отчеты за минувший год и представил ведомость о потребностях на следующий.

Вскоре после сего государь, а с ним и министр, поехали в Тверь и оттоле в Москву, и до половины декабря не возвращались (1809).

Во время небытности министра в Петербурге приезжает ко мне генерал-контролер. Куча бумаг, за кафтаном положенных, казали вдвое растолстевшим. Начал он тем, что министр из Твери ему пишет, препоручая мне сказать, чтобы формы, для провиантских комиссий и комиссионеров сочиненные, отправил я с нарочным для того, дабы с нового года начался порядок, в них написанный. Я советовал ему представить их в военную коллегию, по определению коей и будет исполнено; но он ответствовал, что это будет медлительно и к назначенному времени не поспеет во все места. Но я утверждал, что без документа нельзя мне послать курьеров и отправить формы для руководства и исполнения. Тут он сказал: «Да вам еще нужно подписать сии бумаги»,— указывая на толстый свой бок. Будучи не в силах более притворяться, объявил я ему, что формы я не подпишу потому, что считаю их не полезными и даже вредными; да хотя бы они и хороши были, не могу подписать и потому, что подпись моя уже напечатана прежде моего согласия. Он утверждал, что министр властен дать от себя формы, а я говорил, что коль он это сделал, то пусть от имени своего их и посылает. Напоследок сей подлый человек осмелился мне образом совета сказать: «Знаете ли, что за сию безделицу приуготовляете вы себе много неприятного?» На сие я ему ответствовал: «Уже много мне господин Аракчеев неприятного сделал, и из всех неприятностей самое большое то, что вы мне можете сие говорить». После сего мы расстались.

В течение сего времени окончен был отчет за минувший год и исчисление о потребностях к наступающему. По возвращении графа Аракчеева в Петербург, несколько раз к нему приезжая, не мог его видеть. Наконец, увидал при многих в его передней, и объявя, что приказание его исполнено, отчет и исчисление поданы, и потому осмеливаюсь напомянуть о прошении, от меня поданном. На сие отвечал: «Ах, я позабыл вам сказать: коли уже вы непременно того желаете, то извольте подать прошение по форме, на гербовой бумаге, и при оном, коли вам угодно, приложите запечатанное к государю письмо».

На другой же день, исполня по его слову, приехал к нему, и, не требуя, чтобы обо мне доложили, стал я дожидаться в передней его выходу. Увидя меня, он с злобным видом сказал: «Вы, видно, с бумагой, пожалуйте, чтобы вас не задержать». Я, подав бумагу и поклонясь, пошел вон.

7 Зак. 3729

Пред отъездом министра в Тверь призывал он меня к себе. Целой вечер пересматривая ведомости о надобностях и спрашивая мнение мое о средствах заготовления, напоследок спросил, какое количество хлеба и каким образом считаю я полезным заготовить для С.-Петербурга. Ответ мой был, что ничего не надобно; ибо у нас на пути идущего есть слишком на два года, по числу войск после Шведской войны оставшихся повсеместно к северу. «Но как же ничего не покупать? — он спросил. — Стало, подумают, что прежде напрасно мы много заготовляли?» На сие я ответствовал, что прежде была война и много находилось войска; но теперь, когда запасы повсеместно наполняются, еще и с излишеством, и когда чрезмерная дороговизна, то полезно не покупать в казну и объявить, что надобности ей нет, чрез что, вероятно, понизятся цены для вольной продажи; небольшое же количество недостающего в запас овса можно купить чрез комиссионеров, без большой огласки. Он остался непреклонным, полагая нужным покупать, а я остался резонами его не убежденным.

Будучи в Твери, исходатайствовал он от государя указы губернаторам купить 400 т. муки с пропорциею круп, и 250 т. четвертей овса для Петербурга. И повелено им, купя, непременно никого о том не спрашиваться, а только уведомить военного министра о присылке им денег соразмерно надобности, означенной в контрактах, которые они заключат. Получа сие сведение, говорил я в военной коллегии и всем, кто ему пересказать мог, что сия мера расстроит капитал провиантского департамента и приведет в невозможность изворотиться суммами, на первую треть ассигнованными.

Во время отсутствия государя обработалось его распоряжение об образовании Совета, где, разделяя дела на четыре части, назначались председательствующие в каждом департаменте, и предположено открыть первое заседание совета 1 генваря. Аракчеев возвратился после прибытия государя, взбесился, известясь о сей перемене. Ему подумалось, что председательствующие будут командирами тех министров, дела коих подлежат рассмотрению департаментов. Сказывают, много было размолвки и кончилось тем, что Аракчеев захотел быть и назначен председательствующим военного департамента. После сего явилось толкование, с какими делами ходить министрам прямо к государю и с какими чрез Совет. По оному открылось, что министры остались в прежней силе, а Аракчеев почти без дела и без власти.

На место графа Аракчеева определен военным министром Барклай-де-Толли [153], человек умный, доброго нрава; но что-то похож более на министрову вдову, нежели на самого министра.

Зная о сей перемене, изготовил я все сведения для подачи новому министру. Явясь к нему, был принят с большою учтивостию. Начал он разговор тем, что, признавая себя не в силах отправлять должность министра так, как отправлял его предместник, и почитая то неследующим, предоставляет мне руководствоваться порядком, в законе изображенным, и действовать так, как действовали мои предместники. На сие я ответствовал, что известно ли ему, что подал я прошение в отставку и нахожусь в необходимости просить его о том предстательства. Много говорил он мне, что при нем не будет для меня тех неприятностей, которые я претерпевал, что будет он стараться, чтобы государь отличил меня милостями и награждениями. Но поелику я видел себя слишком униженна, быть работником за плату не хотел и настоятельно просил исходатайствовать мне увольнение, то и кончил новой министр разговор тем, чтобы остался я на несколько времени, пока известными ему сделаются дела по провиантской части; до того же продолжал бы порядок, при графе Аракчееве существовавший.

Не имея никаких средств обороняться от гонящей меня судьбы, должен был ей покоряться и, желая быть непохожу на современников моих, продолжал всегда быть верным в службе и прилежным к делам.

В поданном от меня Барклай-де-Толлию сведении было означено о покупках, вновь назначенных, и я ему сказал, чтобы не оставил доложить государю, не согласится ли он отменить повеления, губернаторам данные, ибо время к тому еще оставалось; по крайней мере льзя ли бы было уменьшить большую половину? Резоны мои: что более миллиона четвертей ожидаемого в Петербург хлеба поместить будет негде; а до десяти миллионов рублей, употребиться долженствуемых на ту ненужную покупку, заменить будет нечем. Издержка сия сделает остановку при заготовлении в тех местах, куда по перемене политических дел войска наши перемещаются. Все сие довольно важным показалось Барклаю-де-Толлию, и он мне приказал остановить отправление денег к губернаторам, которые граф Аракчеев назначил, прислав задним числом предписание в тот день, когда он перестал быть министром. Но после Барклай-де-Толлий велел мне отправить сии деньги.

На третий день после сего разговора прислал Барклай-де-Толлий звать меня к себе. Лишь вошел я к нему, он очень печальным тоном объявил, что государь приказал меня спросить, для чего я опорочиваю дела Аракчеева и злословлю его в публике; что непристойно мне в моем звании критиковать чиновника, бывшего моим начальником и имевшего доверенность государскую; и наконец, что сие весьма государя прогневляет.

Слушая сие, я молчал, что ответствовать, не зная. Тут он меня спросил: «Скажите ж, ваше превосходительство, кому вы его бранили?» Я отвечал, что не бранил его никогда и критиковать в публике не соответствовало бы ни летам моим, ни званию, ни знанию жить на свете; но что самому графу Аракчееву в глаза в военной коллегии и ему, новому министру, объявлял я, что распоряжения его весьма не полезны. И наконец объявил, что незадолго пред тем показывал вчерне писанную ведомость и рассказывал о делах графа Аракчеева определенному председательствующим Совета по хозяйственному департаменту г. Мордвинову [154]. Полагая, что сей чиновник может быть в секрете, я ему, ко мне приехавшему, не смел не сказать истины, когда он требовал сведения, не можно ли уменьшить на наступивший год расходов по части провиантской. При расставании Барклай-де-Толли просил меня убедительно не говорить ничего о графе Аракчееве, дабы не прогневать более государя. На сие обещал я ему стараться забыть, что остается он на свете.

Неизвестно, как Барклай-де-Толлий донес государю о разговоре моем, только приметен мне был гнев его. И брат жены моей Семеновского полка полковник*, в милости у него находящийся, будучи с ним в разговорах, обо мне слышал его отзывы, что сердит на меня за то, что, пороча Аракчеева, не поберег я его.

Продолжая пачкаться в делах провиантских, видел я, что новый министр хотя лучшего воспитания и ума, нежели Аракчеев, но не имеет довольно смелости и силы. Мягкость нрава дозволяет ему гнуться во все стороны. Разговаривая со мною о формах, неудобным и обидным для меня образом сделанных, в коих однако же по приказанию Аракчеева перепечатали те листы, где подпись означалась, и имя мое от товарищества избавлено (однако же, зачем путать часть важную, и без того чрезмерно запутанную), Барклай соглашался на пересмотрение и перемену сих форм; но после он же дал предписание заплатить деньги за напечатание и поспешить окончанием недопечатанных. Однажды получил я предписание послать деньги к губернатору, ненужный хлеб заготовившему, и такую сумму, что надлежало остановить издержки, неминуемо нужные. Я поехал к нему, изъяснился, и он, обратно взяв свое предписание, отменил отправление; но тот же день письмоводитель его, от Аракчеева доставшийся, опять привез ко мне то предписание, объявляя, что он велел просить меня непременно того же вечера исполнить. Одним словом, видел я слабого на знатной степени человека, интригующего

* Константин Маркович Полторацкий.— ***Примеч. Бартенева.***

себя укоренить угождением всем слабостям государя, следовательно, старающегося, чтобы все, его окружающие, хорошо о нем говорили.

Прошло два месяца от времени вступления Барклай-де-Толли в министры. Написал я к нему письмо, где, напоминая первоначальное его требование, чтобы остался я при исправлении моей должности, доколе сделаются ему известными дела по провиантской части, изъяснял, что, исполняя его волю, оставался я безмолвно; но теперь два месяца уже миновало, а сего времени почитаю слишком довольным для познания его, просил убедительно исходатайствовать мне увольнение.

В исходе марта месяца 1810 года получил я отставку с мундиром и половинным жалованьем.*

---

* Его место занял Николай Осипович Лаба.— ***Примеч. Бартенева.***

VI. Жизнь в отставке и сенаторство в Москве

Теперь надобно описать домашние мои обстоятельства.

При женитьбе моей жена моя никакого имения не получила, кроме дома в Петербурге [155] на имя ее, давно уже состроенного и приносящего нам дохода до 4000 рублей. Теща моя, не сделав никакой со мною рядной записи, объявила словесно, что намерена купить жене моей деревню в собственность указной ее части, устроить оную и, словом, сделать нам порядочное состояние; между тем, полагая, что пользовалась доходами дома и не употребила столько денег на приданное, сколько другим своим дочерям сделала, дала при отъезде моем в Крым заемное письмо на 30 тысяч рублей. Отговорки мои не могли иметь успеха. И чтобы не раздразнить, принужден я был принять, но оставил, не записав нигде; следовательно, по миновании законами предписанных сроков произвел те, на гербовой бумаге написанные письма, простою черною бумагою.

По истечении года отправленные к ней обратно те заемные письма ясно ей доказали доверенность и бескорыстие мое, что, как кажется, было ей весьма приятно и умножило желание пещись об устроении нашего состояния.

Прожив с небольшим три года в Крыму, продал я пожалованную мне аренду за 16 тысяч рублей и деньги издержал.

По приезде в Петербург несколько времени пожалованные мне от государя 10 тысяч рублей оберегали от нужды. Но дороговизна и излишние издержки, кои по частым моим разъездам неминуемо я употреблять был должен при всевозможной умеренности в житье, заводить начали в долги. Предупреждая дальнейшее расстройство и опасаясь занимать у таких людей, коим по званию моему была во мне надобность, решились продать дом и продали за 35 тысяч рублей, что всем казалось дешево, и теща моя изъявлять начала за сие неудовольствие.

Прежде еще приезда моего в Петербург теща моя начала торговать имение близ Москвы, чтобы оным наградить мою жену. Сие казалось мне несоразмерно с справедливостию: введет ее в беспокойные долги и произведет в семействе зависть. Много раз писал и при проезде в Петербург, будучи у нее, отсоветовал и просил отставить принятое намерение. Но ничто не подействовало. Она купила село Демьяново с деревнями 295 душ за 135 тысяч рублей на свое имя. И во время, когда я был в Риге, послала жене моей, чтобы к ней для свидания приехала. Лишь она к ней явилась, то, взяв ее с собою в Тверь, крепостным порядком отделяя ее, взяла обязательство, что, получа Демьяново, отказывается она от наследства имения отцовского и ее (коего повсеместно состоит около 4000 душ), из оного же отделяемого имения взяла на вырубку 1000 десятин строевого леса в течение 10 лет.

Укрепя законным порядком имение дочери, поехала она с нею видеть его и ввести ее во владение. Тут, увидя огромный каменный дом, большой сад, оранжереи и прочее великолепие, соблазнилась, изъявила она раскаяние и желание возвратить себе обратно.[156] Жена моя охотно на то согласилась и вследствие ее воли обещалась из Петербурга прислать верющее ей письмо: управлять сим имением, продать его, заложить, отдать кому угодно будет и раздроблять. Возвратясь ко мне, лишь она о том сказала, то в точности, по данному ей вчерне написанному верющему письму, написано таковое было на гербовой бумаге, засвидетельствовано в Петербургской гражданской палате и с первою почтою к ней отправлено; чем сделалась она спокойна, и умолкли даже возникшие толкования завистливых.

Получа увольнение от службы, должен я был оставаться в Петербурге до весны; ибо жена моя на последних днях беременности находилась. В исходе марта поехал к теще моей, чтобы узнать, куда направлять путь свой. При разговорах с нею сказал я откровенно свое намерение: что буде угодно ей, умеря награждение жене моей до степени, справедливостию указуемой, отдать Демьяново, то поселюсь я в оном; когда же нет, то, не разглашая ни о каких семейных неудовольствиях, отправлю весною излишних людей и тяжеловесные вещи прямо из Петербурга водою в Казань; а сам с женою и детьми, сколь можно будет налегке, поеду сухопутно, чтобы жить у моей матушки в бугульминской деревне. Она, изъявляя большое желание, чтобы я жил к ней поближе, объявила, что Демьяново мое; но что намерена она была, отдавая его жене моей, взять обратно себе дом, который мы продали и за который покупщик, по ее же приказанию вопрошенный, просил 40 тысяч рублей. Вследствие сих

рассуждений согласились мы, что отдадим ей 11 тысяч рублей, кои от проданного дома у нас остались, и примем на себя долг ее, по сему же имению не заплаченный, 29 тысяч рублей.

28 апреля 1810 года жена моя родила дочь Надежду; и лишь возможно стало ехать, отправились мы из Петербурга. В исходе мая приехали к теще моей в деревню, близ города Торжка состоящую.

Приняла она нас хорошо, но властолюбивый нрав ее скоро стал налагать тяжести на мою чувствительность.

Чрез несколько после сего дней государь приехал в Тверь для свидания с великою княгинею или для каких-то распоряжений по водяной коммуникации, новое образование тогда приемлющей.[157] Теща моя предположила в то же время ехать в Тверь для заложения церкви по обещанию ее в Тверском монастыре и объявила мне желание, чтобы и я с нею же отправился. Хотя старался я объяснить ей, что мне тяжело и даже неблагопристойно в маленьком городке являться на глаза государя тотчас по получении отставки, которая ему была не угодна, что из сего могут быть различные толки, мне не полезные; но ничто не успело. Она, отзываясь слишком смело, требовала моего послушания, которое я должен был сделать.

Будучи в Твери, испытал я многие неприятности, и набралось много свидетелей тому, что на меня прогневан государь, и что желает меня иметь в службе. В сие время главнокомандующий в Москве генерал-фельдмаршал граф Гудович [158] с большим убеждением уговаривал меня принять должность московского гражданского губернатора, и казалось мне, что это не без воли государя. Но я, по соображении всех и политических и собственных моих обстоятельств, на сие предложение не согласился.

Теща моя из Твери приехала к нам в гости в село Демьяново; захотела руководствовать жену мою, чтобы учреждалось хозяйство по правилам ее; занемогла, кажется, притворно и прожила почти с месяц. Тут видел я себя в тяжких обстоятельствах. Боязнь, что жена моя сделается похожа на мать ее, приводила все чувства мои в содрогание. От многих размышлений, не имея никого, кому открыть свое мучение, чувствительность увеличивалась и однажды прорвалась за пределы, благоразумием определяемые. При жарком разговоре с женою при сестре ее я много наговорил и сказал, что действительно много раз на сердце бывало, что брошу всех и уеду к матушке моей или попрошу себе службы комендантской в какой-нибудь сибирской крепости. Сия сцена, вероятно, доведена до сведения моей тещи. Она, уважение ко мне еще сохраняя, поусмирилась;

предприняла ехать по монастырям до Ростова. Я, отгадывая ее желание, вызвался быть ее провожатым, и мы отправились, хотя жаль мне было оставить мою жену, которая, предприняв вскоре после родин путь из Петербурга в весеннее, еще холодное время и насидевшись от крутых поворотов чувствительных, была очень нездорова. Из положенного на меня за Демьяново долга 15 000 рублей надлежало заплатить того года в декабре месяце. Оные теща моя потребовала в Петербурге, для чего продал я бриллиантовые знаки ордена за 7500 рублей, а остальные 7500 рублей дал мне без процентов взаймы Николай Иванович Штиглиц*, объявляющий желание заслуживать за бескорыстное мое с ним поведение в Крыму.

В том же декабре 1810 поехал я в бугульминскую деревню к моей матушке. Радость при свидании нашем и всей моей родни описывать нечего. Но тут, как нарочно, сделанное мне сильное неудовольствие явилось возмутить покой души моей. Без всякого предварительного мне извещения прислано Бугульминскому нижнему земскому суду предписание взыскать с меня 4807 рублей; а если не заплачу, то описать имение, по наследству от отца мне принадлежащее. Тут же упоминается, что о повсеместности запрещения писано во все гражданские палаты; а о сыске и описи, где находится имение, мне принадлежащее, сообщено во все губернские правления; что сие взыскание производится военною коллегиею по делу, в генерал-аудиториате решенному и государем конфирмованному, за покупку комиссиею Рижского провиантского депо излишнего и ненужного хлеба дорогими ценами.

Вероятно, сколь чувствительна мне была сия новость, совсем неожиданная, и сколь ясно мне доказывалось неблагорасположение государя и знатных особ, его окружающих, а также и подлая угодливость меньших чиновников, по сему приговору действовавших. Дал я нижнему земскому суду объяснение, что денег наличных для пополнения сего взыскания представить не имею, что имение мое, от отца моего доставшееся 50 душ, состоит в общем владении у матери моей, и оные по давнишним долгам моим, нажитым в службе, состоят в залоге Оренбургского приказа общественного призрения за занятые в оном деньги, и что имею я пансион, мне при отставке пожалованный, из коего можно вычитать.

Чрез несколько дней, отдохнув от досады, все чувства мои взволновавшей, не имея с собою бумаг, с коими справившись, мог бы написать порядочное объяснение, написал я партикулярное письмо военному

---

* Дядя бывшего недавно управляющего государственным банком, барона Александра Любимовича Штиглица.— *Примеч. Бартенева.*

министру Баклаю-де-Толли, что, служа 28 лет в штаб-офицерских чинах, приехав в родительской дом беднее, нежели из оного вышел, посрамлен сим взысканием; и прося сведения, за что оное последовало, испрашивал, если оно неизбежно, то приказал бы остановить пожалованный мне пансион, а не отнимать имение у 75-летней матери моей, около 60-ти лет сим имением владеющей.

Возвратясь в Демьяново, где все мои бумаги оставались, и получа партикулярно извещения от приятелей моих, о сем деле осведомившихся, написал я к государю прошение и в марте месяце оное послал, адресуя к военному министру; но никакого удовлетворения не имею кроме того, что замолчано взыскание с имения. Запрещение не разрешено, а пансион мой не остановлен. Дело сие таково, что достойно описания.

В исходе 1807 года, когда определен я был генерал-провиантмейстером, в то ж время определен в провиантской штат из полковых шефов генерал-майор Лешерн, к коему государь был милостив. И сие перемещение сделано для того, что Лешерн получил болезнь в ногах столь сильную, что ходить был не в состоянии; следовательно, во фрунтовой службе быть не мог. Познакомясь с ним, назнача его сперва членом провиантской экспедиции, видел я, что человек он умной, хорошо воспитанный, имеющий весьма хорошее понятие об общей связи дел.

В сие самое время делалось приуготовление к войне с англичанами и шведами. Две дивизии назначены были для обороны берегов Балтийского моря и Финского залива в губернии Курляндскую, Лифляндскую и Эстляндскую. Справясь по ведомостям о хлебе, видел я, что оного мало и для продовольствия гарнизонов, тамо находящихся. Недород хлеба и проходившая армия в Пруссию и обратно довели тот край до такого истощения, что правительство заботилось оберечь жителей от голода. Комиссия Рижского депо, в ведомстве коей состояли магазины сего края, совершенно в делах своих была запутана; ибо управлявший ею и все лучшие чиновники находились при армии в Пруссии, подверглись подозрению, удалены от дел и оставлены под счетом комиссии, особо учрежденной в Мемеле.

Полагая, что господин Лешерн, будучи родом из лифляндцев, знает обстоятельства края, недавно и во время войны служивший шефом кавалерийского полка, и потому лично знакомый со всеми начальниками того войска, которое комиссия Рижская кормить должна,— назначил я его управляющим оною и, оставя на несколько дней в Петербурге, делая вместе с ним расчеты и распоряжения по вверяемой ему части, предписал, чтобы он, во-первых, объехал все места его ведомства,

освидетельствовал, все ли то в наличности, что по ведомостям показывается, старался бы повсеместно купить неминуемое по расчету надобное количество до нового урожая; в Ригу же и в места, куда может быть доставляем хлеб (по Двине из Белоруссии ожидаемый), купил бы столько, сколько нужно до прибытия транспортов.

Поелику известно уже было, что война с англичанами и шведами неизбежна, хотя еще не объявлена, и министры сих держав не отъехали из Петербурга; следовательно, нельзя было о том говорить открыто: то при отправлении г. Лешерна приказывал я ему словесно, чтобы имел в предмете местное положение Курляндии, где много есть мест, удобных к высадке. Берег моря имеет вид треугольника, войска предполагается там содержать немало; следовательно, если неприятель, нас сильнейший на море, предпримет где делать высадку войск, и потому с разных пунктов сухопутные наши войска станут соединяться для отражения его, то надобно, заблаговременно о сем подумав, учредить хотя небольшой запас хлеба в таких местах, отколь бы в разные стороны с одинаковою удобностию он мог быть обращаем для продовольствия.

Г. Лешерн, поступая по данному ему наставлению, объезжая места Эстляндии и Лифляндии, помощию полковых шефов успел обеззаботить продовольствие; по приезде же в Курляндию встретил затруднений более. Недостаток хлеба и чрезмерная цена, ежедневно возвышающаяся, показывала чрезмерную трудность. В сие время объявили ему в Митаве два богатых помещика, что для винокурен их имеют готового хлеба зерном до 10 тысяч четвертей. Цена, ими просимая, по соображении местных цен, в то время существовавших, казалась сходна. Но они требовали решимости тотчас, и чтобы выдана им была половина суммы за хлеб, доводящийся вперед. Г. Лешерн, снесясь с губернатором и получа его утверждение о недороговизне цен, заключил в комиссии Рижского депо контракты, обязав их ставить по временам, как то нужно было на настоящее продовольствие войск, так и для запаса, предполагая оный содержать в двух местах Курляндии, действительно для предосторожности способных. Выдав им половинную часть денег вперед, донес экспедиции провиантской с приложением копии контрактов; и в то же время особенным ко мне рапортом изъясняя все его действия, писал, что сего запаса, по предположению его, признает он недостаточно; и хотя мало в народе хлеба и цена оному ежедневно увеличивается, но все можно бы, скупая мелкими частями, приумножить, если бы были у него наличные деньги.

Сей рапорт получен был во время, как был я вместе с военным министром графом Аракчеевым за границею при финляндской армии.

Возвратясь, лишь прочитал я его, тотчас поехал к графу Аракчееву и, ему оный представляя, просил наставления. По прочтении рапорта и по многих рассуждениях об обстоятельствах, в нем содержащихся, он на белых полях того же рапорта писал своею рукою его мнение. И противу того пункта, где г. Лешерн, изъясняя недостаток купленного хлеба и предполагая купить более, хотя и дороже на наличные деньги, написал: «Тотчас послать 200 тысяч рублей, чтобы купили, сколько купить можно»,— рассуждая, лучше купить дорого, нежели быть в опасности от недоставления войскам продовольствия во время войны. Сие приказание исполнено было, но уже нельзя было ничего купить для приумножения запаса, и деньги остались не употребленными на сей предмет. По прибытии моем в присутствии провиантской экспедиции представляется мне соображение, сделанное о лешерновой покупке. Признается цена дорогою, и что не исполнен закон: то есть, не публиковано о вызвании к торгам желающих и не произведены троекратные торги. Видя ясно, что это подьяческие крючки, содержащие воровство членов и секретарей экспедиции, долго я доказывал им, сколько не удобно таковой порядок сохранять в военное время; но, наконец, склонился на истребование ответа для приведения недоразумений в лучшую ясность. Советник, со мною соприсутствующий и всегда ревновавший тому преимуществу, которое по обхождению я оказывал г. Лешерну, объявил, что готова резолюция, вчерне им написанная. Прослушая оную, я видел всю злость сего человека и малость его души и знания. Он, опорочивая действия Лешерна самыми колкими словами, представлял его и вором и дураком; и, наконец, предписывал стараться разрушить сделанные им не полезные контракты. Возражая на сие, я доказывал невозможность дела и полезность сего предписания, ибо получившие половину всей суммы вперед не согласятся разрушить контракта, если он им выгоден. Когда же по недостатку в том крае хлеба и по возвышающимся ценам найдут они возможным продать дороже, то, согласясь, используются выгодою; а мы, оставшись без хлеба, что делать будем, когда не будем иметь, чем кормить войска, для обороны берегов пришедшие, пеняя при том советнику за его дерзкие слова насчет чиновника, службою и чином его старее. Кончилось тем, что я, взяв все бумаги, дело содержащие, положил на столе пред собою, объявя, что я сам напишу резолюцию.

Ежедневные тогда бывшие хлопоты при отправлении из Петербурга транспортов к финляндской армии, непрерывное перемещение войск по всему пространству Российской империи, распоряжения для заготовления для армий, в Молдавии и Персии находившихся, и прочие заботы

были причиною, что, накопя много подобных сему бумаг перед собою, слишком месяц не сделал я по ней ничего. Между тем советник, уже злобящийся на меня, рассевал повсюду толки о воровстве Лешерна, и что я его прикрываю. К несчастию нашему, в сие время распространилась мода обо всех худо думать и охотно принимать всякие мысли, худое впечатление о людях делающие. При том же милостивое ко мне расположение государя и особенное уважение, которое на то время министр ко мне оказывал, возрождали во многих зависть и негодование; а сие и должно было иметь неприятные последствия.

Начали доходить ко мне слухи о падающем на меня подозрении, и что в присутствии военной коллегии призываем был мой советник, рассказывал о сем деле и читал резолюцию, им вчерне писанную. Тут я, отрыв в куче бумаг сие дело, написал резолюцию, прописав комиссии Рижского депо все соображения, в экспедиции сделанные, о неполезности заключенных контрактов и несоблюдении порядка, законами предписанного, потребовать от нее ответа; а военной коллегии, препроводя копии контрактов, изъяснить, что по получении ответа и соображении оного с существом дела и законами особо ей донесено будет.

Военная коллегия, получа сие сведение, не приглася меня в присутствие, яко члена ее, определила чрез военного министра подать государю доклад, где описывая поступки Лешерна во вред казны, кладя подозрение на губернаторов Курляндского и Лифляндского и опорочивая медленность провиантской экспедиции, более месяца сии контракты продержавшей без оставления в коллегию, просила составить особую комиссию в Риге для исследования действий г. Лешерна, коего до решения дела удалить от должности.

Совершенно удостоверен я в том, что сие действие военной коллегии было по начертанию графа Аракчеева, которому хотелось отмстить мне за неприятность, от меня сделанную, и доказать государю, что не столько я ему полезен, сколько он воображал. Доклад сей конфирмован. При встречах от меня стал государь отворачиваться; а граф Аракчеев начал переменять свое со мною обхождение. Сие происшествие было началом, а история несчастного, о коей я прежде описал, была окончанием падения моего кредита.

Посланная в Ригу комиссия, из чиновников военных и штатских составленная, много писала, но ничего того не сделала, что сделать ей было должно. Представленное ею производство военною коллегиею не одобрено. Но как раздувалось подозрение на Лешерна, то написала она государю доклад, чтобы учредить над ним военный суд, коему препроводя

все бумаги, в комиссии произведенные, предоставить решить дело законным порядком, что также было конфирмовано.

По порядку, в законах изображенному, военные суды по произведении дела, заключа сентенцию, представлять должны все дело к дивизионному командиру, который, приобща к оному свое мнение, препровождает в генерал-аудиториат, а сей со своим заключением представляет на конфирмацию государю. Права генерал-провиантмейстера сравнены с дивизионными командирами; следовательно, я получил от комиссии военного суда, над Лешерном учрежденного, дело и с сентенциею.

Рассматривая все производства, видел я, что ни следственная, в Ригу посыланная комиссия, ни таковая ж военного суда, над Лешерном учрежденная, не делали того, что делать долженствовали. Они изыскивали, дешевле ли бы было из других мест доставлять хлеб; а им должно было, объясняя подозрение, на него возведенное, открыть, в точности ли исполнял он по наставлению, из экспедиции данному: если в чем отступил, то исследовать о причинах, им показанными быть долженствующих, и потому заключить, виноват ли он и какому по законам наказанию подлежит. Когда ж поступал по предписанию начальства, от коего произошли следствия не полезные, то надлежало представить вышнему начальству и, оправдывая подсудимого, представить его благоизволению поступить с предписывавшими подчиненному. Но они, найдя, что из купленного Лешерном хлеба тысячи две четвертей осталось неизрасходованными до времени нового урожая, когда цены понизились, исчислили, сколько взыскать следует денег, в излишестве употребленных, на покупку сего хлеба, который делался ненужным.

Представляя генерал-аудиториату сие дело, в приобщенном к оному мнении написал я, что комиссия долженствовала бы, исследуя действия г. Лешерна, удостовериться в том, покупкою ли наличного хлеба или подрядом сделал он то заготовление, которое чрезмеру увеличенным от начальства не почиталось, судя по обстоятельствам военного времени; и вследствие того, если, личным обозрением или посылкою освидетельствовав наличность продаваемого ему хлеба, сделал он покупку, а контракт заключен токмо для поставок и перемолота, исполнил он все то, что ему было предписано от начальства. Если же он хлеба не видал и никого свидетельствовать наличность не посылал, следовательно, обнадеживаясь на обязательстве продающих, сделал подряд, для произведения коего учреждены правила; в таком случае преступил он право, ему данное, и не исполнил предписания начальства. Причем, изъясняя аудиториату о обстоятельствах того времени и о надобности содержать запасы, которые не понадобились (потому что

англичане и шведы нигде в Курляндии не атаковывали наши берега), склонял я к тому, что все это дело не стоит важности, и убыток, в 15 тысяч состоящий, должно причесть к прочим необыкновенным издержкам.

Генерал-аудиториат решил дело тем, что надобно взыскать сей убыток с членов комиссии Рижского депо, не полезный контракт заключившей, и с провиантской экспедиции, для чего слабо за подчиненными смотрит. Государь сие решение конфирмовал, и вследствие того по расчету жалованья причлось с меня 4807 рублей, которые исполнителями сего дела так бессовестно с меня взыскать определено, что публикован я во всей Российской империи виновным и повсеместное сделано мне запрещение в письме купчих и закладных.

***

Начав жить в деревне, сначала нуждался я чрезвычайно. Дохода столь мало, что недоставало на неминуемые издержки, при бережливости до такой степени, что, привыкнув во все время моей жизни пить виноградное вино, должен я был оставить его и не иметь в доме. Теща моя, дав мне доверенность продавать на вырубку лес, при отдаче имения выговоренный, наложила обязанность нисколько не продавать в свою пользу из остающегося количества. Чтобы, елико можно, скорее по назначенной ею цене выпродать ее тысячу десятин, объявил я продажу повсеместно на всем пространстве дачи, содержащей три тысячи десятин; следовательно, испестрил ее всю и надолго вселил беспорядки, для хозяйства вредные. За продаваемый лес собирая деньги, долженствуя хранить в своем бюро до времени, как поеду к ней, я не мог воздерживаться, чтобы не занимать на случавшиеся нужды. А чтобы не сделаться виновным пред нею, то пред отъездом к ней, что раза четыре в год случалось, надобно было поехать в Москву занимать, употребляя поклоны, и платить по 10 процентов. И таким образом в течение четырех лет задержал я 6 тысяч рублей, что весьма тягостно мне было.

По миновании сего времени теща моя, выруча продажею леса, доходами во время ее управления и взятием от меня более ста тысяч рублей, отказалась от права своего на продажу леса. И мы, начав продолжать беспорядок, продавая в свою пользу, почувствовали себя богатее; но долгов не убавили. А заняв из воспитательного дома [159] 21 тысяч рублей, купили дешево попавшийся обгорелый в Москве [160] дом за 12 тысяч*;

---

* Это тот самый дом у Красных Ворот, о котором говорит С. Т. Аксаков в своем «Воспоминании о Д. Б. Мертваго» и который ныне принадлежит наследникам И. В. Киреевского.— ***Примеч. Бартенева.***

зачали подумывать жить поближе к людям и доставлять возрастающим детям познания, принялись устраивать его и стали накоплять долги.

Живучи в деревне, много испытывал я неприятности. Близость тещи, коей образ мыслей и нрав совершенно мне противной, обязанность бывать у нее часто, а паче всего внушения, кои она делает жене моей об усилении хозяйства, часто волновали мои чувства. Чтобы отстраниться от участия в действиях, мне противных, и исподволь умерять стремление без ссор, не стал я мешаться в дела хозяйственные; определился в охотники садоводства и принялся работать в саду своими руками.

Никогда не лишался я надежды вступить в службу государственную, и потому всякие попадающиеся случаи настраивал к сей цели. Все мои знакомые, из Петербурга в Москву или обратно проезжавшие, заезжали ко мне, на пути живущему. Видя меня с заступом в руках спокойным, ничего не желающим и откровенно с ними о государственных делах без зависти рассуждающим, изъявляли желание сделать из меня употребление; но я, ни от чего не отказываясь, всегда не соглашался к тому вызваться.

Между тем семейство мое умножилось: 10 февраля 1812 года родилась у меня дочь Варвара, 23 марта 1813 сын Петр; а 2 февраля 1815 сын Дмитрий.

Происшествия в 1812 году, потрясшие основания России и к славе ее обратившиеся, и без меня известны на свете; описывать их мне не нужно, а надлежит сказать только то, что собственно до меня касается.

Когда Наполеон со всеми военными силами всей Европы насильственно вступил в пределы России, император Александр, оставя ретирующуюся его армию, приехал в Москву; созванному дворянству объявя истинные обстоятельства, приказал собрать ополчение. Тут я видел единодушное желание жертвовать всем для защиты отечества. Во дворце, где собрание было, увиделся я со многими мне знакомыми боярами, с государем приехавшими. Многие из них говорили мне: «Неужели и в нынешних обстоятельствах откажетесь вы от службы?» Каждому я ответствовал, что теперь всякой служить должен, и я готов быть везде, где могу службою быть полезен. Министр полиции А. Д. Балашов[161] пригласил меня к нему приехать. На другой день поутру я то исполнил. Он жительствовал во дворце близ комнат государевых. У него нашел я множество людей. Первой его вопрос: «Неужели продолжается отвращение от службы?» Я ответствовал: «Нет, я в теперешнее время готов служить подпоручиком в ополчении». «Не то есть у нас предположение»,— он сказал. «Чье это предположение? — я спросил.— Неужели

государева есть на то воля?» «Конечно,— он ответствовал.— И не далее, как сего дня был о том разговор». Пригласил он меня приехать вечером часу в 9-м, обещаясь все рассказать подробно, и что будем мы одни без свидетелей.

Явясь в назначенный час, нашел я его одного, меня ожидающего. Затворя двери, приказав никого к нему не пускать, начал он объяснение предшествовавших обстоятельств, и не войдя до разговора обо мне, прервалась речь приходом московского военного губернатора Ростопчина, который начал разговаривать с ним тихо. Увидя себя лишним, пошел я из комнаты. Балашов меня остановил, прося подождать, что имеет он нужду переговорить со мною. Ответствую, что подожду в его передней; но в ту же минуту посланной от государя объявил ему и графу Ростопчину[162], что их государь к себе спрашивает. Поспешили они оба. Отходя, сказал Балашов мне: «Пожалуйте завтра, мне надобно поговорить с вами».

Полагая, что должно мне также явиться к нему вечером, потому что поутру бывает у него много всякого звания людей, я ошибся в расчете. Государь и он с ним в тот вечер уехали в Петербург, и хотя я приезжал к нему, но его не застал. Он отлучился прощаться со своими ближними. Проезжая Клин, увидел он моего человека и приказал ему сказать мне, что надеется скоро быть обратно. А если сие не случится, то напишет мне о том, что сказать хотел.

Возвратясь в деревню, сколько ни ломал свою голову соображением обстоятельств, чтобы заключить, какое употребление из меня сделать предполагают, отгадать не мог. Все с великою боязнию мечталась мне прежняя моя должность, которая сколь по состоянию времени не могла быть исправляема с надлежащею исправностию, столь же для меня опасна казалась и потому, что граф Аракчеев, по удалении от министерства Барклая-де-Толли, коего место заступил человек совершенно неспособный *, очутился опять производителем дел, неразлучный от государя и в полной доверенности.

Вследствие манифеста, призывающего всех россиян к ополчению[163] противу врага, быстро вовнутрь России вступающего, Оренбургской губернии дворяне на собрании своем положили составить ополчение из 6 тысяч человек; назначали меня избрать начальником и послать ко мне приглашение чрез моего племянника, тамо живущего. Получа о сем известие, я весьма был доволен.

---

* Князь Алексей Иванович Горчаков.[164] — ***Примеч. Бартенева.***

В начале августа делается известным, что неприятель, непрерывно побеждая ретирующуюся нашу армию, взял Смоленск, и войски его потянулись к Гжати. Я заключал, что имеет он намерение идти на Тверь, завладеть хлебными запасами, по реке Волге идущими к Петербургу, и большою дорогою между столиц разделить наши силы незнанием, где более понадобится оборона, произвести от страха желание просить мир и принять такой, какой он пожелает. Словом, я воображал, что может последовать с Россиею такое же несчастие, какому недавно подверглась Пруссия. И так моя деревня, находясь на пути, будет раздавлена тяжестию войны.

Матушка моя и сестра находились тогда у меня в гостях. Первее всего представилось мне надобным их выпроводить в Нижний Новгород, куда ближний наш родственник, из Москвы отправляющийся, взялся ее препроводить. Он писал, что будет ее ожидать в Богородске, 50 верст от Москвы, по пути к Нижнему.

В сие время невидимая Божия милость облегчила тяжкие мои обстоятельства. У всей моей семьи не было и пятидесяти рублей денег. Во время всеобщего волнения занять было не у кого. Но что ж случилось? Брат мой, вздумая купить 11 душ, находящихся в его деревне, заняв 5500 рублей, присылает мне, прося, чтобы отыскал я продавицу в Москве и купил сих людей с частию земли, ей принадлежащей. Исполняя порученное, продавицу я нашел; она охотно продать хотела. Но встретилось затруднение для совершения купчей, которое преодолевать было некогда; ибо продавица, последуя всем московским жителям, собралась и уехала из Москвы. И таким образом оставшаяся у меня сумма денег сделалась мне и всему семейству моему спасением от приближающейся беды.

Проводя матушку чрез Москву 50 верст далее, видел я в Москве сильное волнение. Народ, обороняться готовящийся, с дерзостию роптал на дворян, Москву оставляющих. Граф Ростопчин, как человек умный, поступал весьма искусно. Он, разными выдумками угождая народу,[165] приспосабливал его ко вражде противу неприятеля. Посмеиваясь над трусостию дворян, содействовал их удалению.

Возвратясь опять в свою клинскую деревню, стал собираться уезжать, не решаясь еще, куда; ибо, видя число едущих в Нижний Новгород, полагая, какая будет дороговизна, могущая скоро поглотить братнюю сумму, мною присвоенную, не смел на то решиться. А между тем у меня только и есть экипажей одна четвероместная карета и один дормез[166], весьма ненадежные. А семья: жена беременная за половину, пять детей и племянник, студент Московского университета, коего я взял из Москвы. Но и сие затруднение преодолелось. Соседка наша и ближняя приятельница

М. П. Блохина[167] решилась ехать с нами, куда бы мы ни отправились. Она одна, а у нее исправная четвероместная карета и большая коляска; следовательно, все мы разместились хорошо. Но она требовала, чтобы поехать прежде в Николин* монастырь,[168] где муж ее погребен.

23 августа мы отправились из дома, взяв несколько лошадей мужичьих. Помолясь Богу в Никольском монастыре, приехали ночевать в Дмитров. Тут на досуге рассуждали, куда ехать. Рассматривая дорожную карту, приговорили, чтобы миновать Москву, ехать чрез Троице-Сергиеву Лавру проселочными дорогами во Владимир и оттоль в Тамбов.

Главная причина сему назначению была дешевизна в содержании. А потом, если Москвою завладеет неприятель, следовательно, армия наша потянется к той стороне, где снабжать ее и укомплектовывать удобнее; следовательно, буде судьба определяет мне служить отечеству, то буду я ближе к местам назначения, оренбургским ли начальником ополчения или в какую ни есть должность при армии. А сверх того еще и то было у меня в предмете: когда Божия есть воля поработить мое отечество, и мы все сделаемся ничто и без имения, то из Тамбова ближе пробраться мне в Сарепту, где жители ласковы ко мне бывали и даже мне службу у себя и гражданство предлагали во время, как сущим бедняком я жил два месяца у колодца. Вследствие чего я предполагал остаться в колонии, и детей моих, еще в малолетстве сущих, поместя на воспитание, принять их правила, кои всегда признавал и признаю я в совершенстве христианскими.

Прожив в Тамбове до ноября,[169] узнав, что неприятель, истоща много сил в пустой Москве, начал ретироваться и, ежедневно побиваемый, гибнет, пустились и мы в обратный путь. Близ Рязани, в имении брата жены моей Д. М. Полторацкого**, где он со своим семейством находился, оставил я беременную жену и детей до зимнего пути, а сам поехал посмотреть свою деревню. Нашел все в целости. Легкие наши войски, на сем пути противу неприятеля поставленные, многих разорили, а у меня ничего не взяли. Шеф драгунского полка, коего и не помню я, чтобы видел, приехав в дом, объявил людям моим, что имел от меня одолжение во время моего генерал-провиантмейстерства, приказал все запереть

*** Никола на Песноше, недалеко от Клина, под которым находится Демьяново, поместье Мертваго.— *Примеч. Бартенева.***

**** Имение это, Пронского уезда, село Истье (железоделательный завод) в 40 верстах от Рязани, принадлежало тогда жене статского советника Дмитрия Марковича Полторацкого, Анне Петровне, урожденной Хлебниковой.— *Примеч. Бартенева.***

и запечатать; оставил на залоге двух казаков и одного драгуна, дабы никто из воинских людей ни до чего не коснулся. У других же сей мой защитник грабил все, что ни попадалось.

Скоро наступившая зима собрала в деревню всю мою семью, и я начал жить, как и прежде, не попав никуда на службу, ибо милицию составлять в Оренбургской губернии было не приказано. О бывших предположениях, что министр мне объявлял, ничего я не ведал. Переменившиеся обстоятельства, возрождая гордость, изгоняли желание искать людей не столь вкусных, сколь полезных; следовательно, и должен был заключать, что определение Божеское о мне — сидеть дома и быть токмо готову идти по Его воззванию.

В следующее лето заезжает ко мне в Киев едущий Гаврило Романович Державин,[170] правительством недовольный. Сей представляет все в худшем виде, нежели есть на самом деле. Затем вскоре Родион Александрович Кошелев *, ласкаемый государем, изображает все на пути к лучшему. Оба они и многие другие отзывались, что служить мне должно неминуемо, и я должен быть готовым на службу.

Осенью того же года приехал из армии в Москву при государе находившийся и разные посольства исправлявший министр полиции Александр Дмитриевич Балашов. Он рассказал мне бывшее о мне предположение. Во время, как армия наша, при коей государь находился, ретировалась от неприятеля, рассуждая с государем, что, судя по силе неприятеля, вероятно, войдет он вовнутрь империи и пресечься могут сношения с провинциями, то Балашов предлагал за полезное определить чиновников для начальства над двумя или тремя губерниями, дав им власть превыше обыкновенной. О надобности государь соглашался, но затруднялся, где найти людей, на коих бы возложить такую доверенность было можно. Балашов удостоверял, что люди есть, и получил дозволение представить имена им предполагаемых, и какую кому инструкцию дать следует. Балашов, у коего уже изготовлено было, представляет ему список чиновников, при армии не находящихся, и прожект инструкции. В числе сих чиновников я был помещен. Государь, рассуждая о многих и некоторых имена вымарывая, о мне не останавливался, следовательно, несумненно соглашался. По приезде в Москву в самое то утро, когда разговор со мною Балашова начался, спросил он у него, готовы ли указы об определении начальников губерний. Но поелику предположено было уже ехать в Петербург, то Балашов ответствовал,

---

*** Известный масон, живший во дворце. Он был родной дядя издателю «Русской беседы» А. И. Кошелеву.— *Примеч. Бартенева.***

что «бумаги все готовы; но не покажется ли легкомысленно таковое важное распоряжение сделать накануне приезда в Петербург, когда самые ничтожные дела изволите препровождать на рассуждение Совету? И не подумают ли, что я уловил вашу доверенность?» Сие мнение государь апробовал и приказал ему доложить тотчас по приезде в Петербург.

Балашов, сие предположение объявя князю Салтыкову и графу Аракчееву, показав им список назначаемым чиновникам и написанные инструкции, получа их согласие, прожект одобряющее, доложил государю. Он приказал внесть в Совет на рассуждение. А в тот же день граф Кочубей представил государю свой прожект — составить подвижной Сенат, коему быть при армии для управления всеми губерниями, к театру войны ближайшими. Оный также препровожден в Совет на рассуждение, что полезнее признано быть может. Противуречия завели споры и, следовательно, медлительность. Между тем понадобилось государю поехать в Або, видеться с наследным принцем Шведским, всю власть королевскую имеющим. По возвращении его получено известие, что Москва в руках неприятеля. Сие столь всех поразило, что все прожекты остались без исполнения.

Все сие и последующие от разных людей известия удостоверяли меня, что государь, хотя персонально недоволен мною, но полагает, что я могу быть полезен службе. Продолжая скрывать собственное мое желание, старался я не пропускать удобства к тому.

В исходе 1816 года поехал я в Петербург для избрания училища, куда бы поместить старшего моего сына Николая, коему протекал двенадцатой год от рождения; а между тем имел я в мыслях никому не объявляемое желание поступить на службу.

Министерством полиции управляющий С. К. Вязмитинов предлагал мне должность директора его департамента. Хотя совершенно я того не желал, но чтобы его не обидеть решительным отказом, представлял невозможность переместиться в Петербург. А. Д. Балашов объявил мне желание его, если возвратится ему должность, коей титул еще носил, то намерен просить, чтобы определен ему был помощник, долженствующий отлучаться в губернии для обревизования дел его ведомства; а когда сам министр поедет, то бы помощник заступал его место во всех отношениях. Сие предложение весьма мне было по вкусу, и я совершенное изъявил согласие.

Р. А. Кошелев меня спросил, какую бы должность принять согласился? Я ответствовал, что по оклеветанию графа Аракчеева не думаю, чтобы государю было угодно определить меня на службу. Он возразил: «О нет!

государю, верно, угодно иметь вас в службе». И так объявил я, что, имея многочисленное семейство, деревню близ Москвы и дом в городе, находясь в обязанности доставить детям приличное воспитание, согласно бы с обстоятельствами моими было быть на службе в Москве. «Но ведь вы в губернаторы не пойдете?» — он спросил. «Конечно, нет,— я ответствовал,— и уже я стар, чтобы исполнять обязанность хорошего губернатора, а дурным быть не захочу. Но буде угоден я на службу, и когда не почтется дерзостию мое желание, то хотел бы быть сенатором в Москве, и поелику не богат, то прошу, чтобы даны мне были столовые деньги те, кои я имел по прежней службе». При сих словах с доброю миною он мне сказал: «Как вы меня облегчили! Я был уверен услышать более сих требований. Сие, верно, сделается; пожалуйте, останьтесь, не уезжая из Петербурга».

Хотя довольно удостоверился я, что Р. А. Кошелев не прожектер сего разговора, а комиссионер, но, притворясь обманутым, благодарил его за доброхотство, рассуждая, не напрасно ли он берется за сие дело: ведь ему известно неблагорасположение ко мне графа Аракчеева, имеющего толикую доверенность государя. Но он, споря, мне сказал, что государь довольно о сем известен, и вследствие того Аракчеев не может ничего о мне говорить. «И так, пусть будет как Богу угодно,— я сказал.— Только не прогневайтесь, не буду я дожидаться в Петербурге, а поеду домой: ведь не мне служба надобна, а я только готов приносить себя на жертву службе». При расставании он мне сказал, что о желании моем донесет государю и скажет, что из сенаторов может он меня употреблять сообразно его воле.

Представляюсь государю и всей его фамилии. Государь и императрица Елизавета Алексеевна не говорили мне ни слова, но Мария Феодоровна очень милостиво разговаривала, расспрашивая о Москве и где я живу. Великий князь Михаил Павлович, лишь я представился, спросил, с тем ли я приехал, чтобы остаться в Петербурге? Ответ мой был: «Нет, я обратно поеду в деревню». Приближенные графа Аракчеева очень прилежно советовали мне сделать ему визит, уверяя, что он меня примет. Но я сего не сделал, хотя многие из моих родственников мне то советовали. Мне кажется, нужно человеку утвердительно и постоянно показывать себя имеющим характер.

Поместя сына в пансион Царскосельского Лицея, возвратился я домой и стал жить прежним манером. Матушка моя скончалась. Сделался я немножко богатее присылаемыми от имения доходами. Но устроение в Москве дома и житье в Москве умножать стали на мне долги.

В сентябре 1817 года путешествие двора в Москву стало переменять вид моей фортуны. Предположение (для уменьшения числа лошадей) ехать порознь и всем дождаться в Клину, близ коего моя деревня,[171] учинило меня жителем резиденции и ко двору приближенным. По неимению в городе хороших домов московский военный губернатор Тормасов поручил начальнику почт узнать, не будет ли мне противно, если в доме моем назначится квартира. С первою почтою написал я графу Тормасову, что сие предположение сочтя за милость, готов я очистить весь дом. На сие он мне ответствовал, что предписал губернатору поехать в Клин для назначения квартир, где за полезное найдется, в городе или у меня в деревне.

Губернатор, побывая в городе, ко мне не заезжая, назначил квартиры. Тормасов мне писал: «Хотя дом ваш удобен для жительства императриц, но нет помещения для свиты их; а потому предпочтено назначить квартиры в городе». Хотя дом мой деревянный в трехстах саженях от города, где свиты могли бы быть помещены; но причина неудобства состояла в том, чтобы не прогневать графа Аракчеева приближением меня к членам императорской фамилии. Получа сие известие, я замолчал, но не прерывал сохранением чистоты в доме быть готовым к принятию.

За несколько дней пред прибытием является ко мне камер-фурьер, отправленный для осмотра путевых дворцов и принятия московского. Он, объявляя, что императрица Елизавета Алексеевна по учиненному расписанию должна прожить три дня в Клину, Мария Феодоровна один день, и не могут поместиться в том доме, который для них в Клину назначен, просит у меня дозволения назначить для их пребывания мой дом. Соглашаясь на сие, показал я г. Бабкину полученное письмо, и что я писал графу Тормасову. Он уверял, что того же дня, приехав в Москву, скажет графу Тормасову; а между тем, осматривая все комнаты моего дома, назначил, где кому поместиться; и что, может быть, государь соединится с фамилиею в моем доме; следовательно, и ему назначил особливую комнату, рассказав, что по его обыкновению нужно приготовить.

В продолжение осматривания комнат он мне сказал, что когда получил приказание ехать и распорядить изготовление квартир, спросил он: «Ведь в Клину деревянный дворец сломан, то где же поместятся?» На сие возле государя стоящий князь Волконский [172] ему сказал: «В Клину у генерала Мертваго». Сей же камер-фурьер мне сказал, что сам он слышал разговор императриц, что будут вместе жить в моем доме. Сие происходило поутру, а к вечеру командующий гвардиею, в Москву шедшею, генерал-адъютант Храповицкий [173] мне сказал, что при нем с кем-то государь говорил, что он увидит меня у меня в доме.

Ничто однако ж не сделалось. Все поместились на квартирах в городе. Все оказывали неудовольствие, и мне вместо худа сделалось лучше. Сперва приехал великий князь Николай Павлович, по расписанию долженствующий прожить пять дней в Клину с беременною его супругою. Встретя у крыльца его квартиры вместе со всеми клинскими дворянами, был я отлично обласкан, приглашен к столу. Сам великий князь представлял меня своей супруге. Она явственно отзывалась недовольною квартирой, и для чего не поместили их в том доме, где за год до женитьбы * великий князь квартировал и который тогда для императрицы был назначен. Я рассказал о моих сношениях. Оба они недовольны были сделанным распоряжением. На другой день поутру приехал я, но не застал дома. Они пошли за город прогуливаться, в ту сторону, где мой дом находится. Я из города с горы видел всю их свиту резвящихся. Дождал их в доме и также ласково был принят. Великая княгиня, сказывая о своем гулянье, хвалила местоположение. На сие я сказал: «Если бы вместо левой стороны случилось вам пойти в правую, то были бы близ моего дома, и тогда я вышел со всей моей семьею вам навстречу, просил бы удостоить меня посещением и позавтракать». Она ответствовала: «Если вам это угодно, то завтра мы это сделаем». Великий князь повторил то же.

По расписанию следовало на другой после сего день к вечеру приехать Елизавете Алексеевне, а потом чрез два дня Марии Феодоровне. Но вместо того, того же дня к вечеру приехала Мария Феодоровна. Видно, они ей рассказали мой разговор. Только на другой день поутру получает жена моя от статс-дамы княгини Волконской [174] записку, что великая княгиня быть к нам не может, ибо кончилась их воля с приездом матушки; причем объявляет, что должно всем представляться императрице. Приехав в город, нашел я множество людей, на площади толпящихся пред домами, где высокие особы находятся. В дом войти нельзя: по тесноте его даже придворные знатные господа принуждены были толпиться на площади, как вдруг неожидаемо императрица вздумала посетить великую княгиню. Никто о том не воображал; увидели уже ее, по площади идущую. Тут, подойдя ко мне, сказала: «Как рада, что вас вижу». Низкой поклон был моим ответом. Но она продолжала: «Я очень сожалею, что я не у вас; право, я боялась вас обеспокоить» **. «Как

---

* Это было во время первого путешествия по России покойного государя.— ***Примеч. Бартенева.***

** Вот тонкость дворских сплетен, о коих после я узнал. Государыне сказали, что я по недостаточному состоянию учредил фабрику ткацкую, занял ею

могли вы подумать, государыня? Вы бы великую мне милость оказали». «И так, вы мне позволите в обратной путь у вас остановиться? А между тем желала бы я поехать к вам погулять в саду.— И тут же спросила обер-шталмейстера: — Могу ли я иметь карету?» — «Тотчас, государыня»,— он ответствовал. В сию самую минуту великий князь выбежал ей навстречу. Она, его поцелуя, сказала: «Тебя нельзя ехать к нему. Поезжай скорее на станцию, где есть хороший на пути дворец».

Целая площадь народа, слыша, один другому пересказывали мой разговор. Не только жена моя, дети, но все люди и даже все женщины, оставя дом, на площади толпились, но все поспешнейше собрались домой, и много прибежало постороннего народа так, что я успел распорядиться к принятию знаменитой гостьи и велел приготовить получше завтрак. Императрица с маленькою свитою приехала к саду. Приняв ее из кареты, представил я ей жену, детей и гостей. Она мне приказала повести ее по саду, сказав: «Ведь вы охотник; покажите, отколь есть лучшие виды». Я спросил, могу ли я просить позавтракать у меня в доме. Она согласилась. И так, сказал я жене моей, чтобы пошла приготовить завтрак, а я пойду с государынею по саду. Графиня Ливен [175] и Екатерина Ивановна Нелидова [176] отправились с моей женою и присоветовали послать детей ходить при государыне. Она их всех приласкала. По причине тогда бывшего холодного ветра послала принести им платки на шею и сама их надела. По окончании гулянья, придя в дом, все хвалила, детей ласкала: всех вокруг себя посадила, поила их из своей чашки кофеем, говоря, «чтобы вы меня помнили», а что всего приятнее, это тон обхождения, точно партикулярная женщина приехала к приятелю в гости. Отъезжая, позвала меня и жену мою к себе обедать. За столом сидел я противу ее, со мною больше всех разговаривала. И когда стали подавать десерт, то спросила лист бумаги и, наполня конфектами, послала жене моей, чтобы отвезла детям. Того же дня к вечеру приехали в Клин императрица Елизавета Алексеевна и при ней провожатым министр просвещения князь Голицын [177]. Он отдал мне письмо от Род.<ион> Алек.<сандрович> Кошелева, где изъясняет, что пишет с другом своим, с коим просит меня быть чистосердечным; и он будет руководствовать к тому, что говорил я с ним.

По обыкновениям дворским надлежало бы жене моей, бывшей приглашенною к обеду императрицы, тотчас отправиться в Москву

весь дом и сам живу в углу; что буде назначится для них квартира, то, выбрасывая станы, потерпел бы большой убыток. Ложь открылась: они видели до 20-ти хороших комнат для жилья. А фабрика в особых комнатах оставалась.— *Примеч. Мертваго.*

благодарить за честь, нам сделанную, тем паче, что обе императрицы в Клину ей говорили, что увидимся в Москве. И она каждой из них сказала, что не в состоянии столько издерживать на гардероб, чтобы могла ездить ко двору. Но они обе ей дозволили являться к ним без нарядов, приватно, что также значит большая честь. Но жена моя, придворной жизни не любящая, осталась в деревне, чтобы кончить уборку хлеба. И так поехал я в Москву один.

Наряду с дворянством представлялся я государю и государыням. Все они отлично со мною поступили. Государь после представления говорил с немногими и больше всех со мной. Первое слово: «Ваше превосходительство сделались жителем Клинского уезда?» «Так, государь, жена моя имеет тут деревню». Разговаривая о местоположениях края, сказывал мне, что знает сие имение при прежнем его владельце и что был в оном в ребячестве своем, еще при покойной императрице Екатерине Алексеевне.

Но государыня Мария Феодоровна уже гораздо больше отличия мне сделала. Благодаря меня за угощение, поворотясь к графу Тормасову, сказала: «Я очень сожалею, что жила не у него. Нельзя лучше быть порядка, как я у него в доме видела. Какая везде опрятность, чистота, все домашнее не богатое, но все со вкусом и прекрасно». Тормасов почувствовал свою подлую глупость и покраснел. По сем спрашивала меня о жене, здесь ли она? Я ответствовал, что осталась дома, потому что одна из дочерей моих занемогла. Вот тут-то насилу я отговорился, чтобы не послала она доктора, сказав, что у нас есть лекарь, к коему жена моя большую доверенность имеет.

Увидясь с князем Голицыным, спросил он меня, привез ли я бумагу. Не ведая, какую от меня требует, удивился я! Но он объяснил, что надобно мне написать государю, что прошу я службы. И мне, то сделать отговаривающемуся, советовал показать покорность, говоря: «Коли неприятные обстоятельства причинили между вами расстройство, то ведь пристойнее же уступить вам». По нескольких свиданиях, по многих рассуждениях, решился я и написал государю: «Верноподданническое усердие причиною смелости, с коею дерзаю я просить службы вашего императорского величества». В том состояло все мое письмо.

По дозволению князя Голицына написал я ему, что, получа от него объявление воли государя чрез него подать прошение мое о желании вступить в службу, прошу, представя при оном прилагаемое, доложить о желании моем быть сенатором в Московских департаментах и что прошу я о пожаловании мне столовых денег: ибо я не богат, и без того жить в Москве неотлучно было бы трудно.

Чрез несколько дней князь Голицын объявил, что письмо представил, что государь читал к нему писанное и обнадежил исполнить, только не при определении, а скоро, дабы избавиться подобных требований от других.

Хотя не очень я верил обещанию, но что делать? Противу силы, противно моей пользе действующей, спорить нельзя. Но я уверен, что служба моя, доставляя более значительности в свете, может быть полезна моим детям.

Декабря 11 числа 1817 года подписан указ о пожаловании меня за прежнюю службу тайным советником и сенатором. 12 декабря, в день рождения императора, получил я поздравление от многих дворских людей, государя окружающих. Но поелику объявлено мне не было, то и не принимал поздравления.

13 декабря граф Аракчеев, собственною государя канцеляриею управлявший, как видно было, должен меня уведомить о пожаловании меня. Но в записке, за номером присланной, не поместил, какой имею чин.

Поелику бывали примеры, что военный генеральский мундир носящие из генерал-майоров, быв названными 3 класса, производились в сенаторы, и, следовательно, в тех же мундирах оставались, то на другой день поехал я к графу Аракчееву спросить; но мне объявлено, что дома его нет.

На другой после сего день (что была суббота), приехав ранее, был я встречен адъютантом, объявляющим, что граф никого не принимает. Я просил доложить ему, что имею надобность видеть на минуту. Он ответствовал, что и докладывать не смеет. После чего спросил я, известно ли графу, что я вчера приезжал, и получил ответ, что графу о том докладывано. Сие довольным было доказательством, что произведение меня последовало противу воли великомощного боярина, и он явно то показывать имеет смелость.

Отправясь к обер-гофмаршалу[178], просил записать меня желающим представиться благодарить государя и императрицу. Он спросил, какой имею чин. Я ответствовал: «Не знаю»,— показывая ему записку графа Аракчеева. Он советовал его спросить. На сие я ответствовал, рассказав происшествие. Все то выслушав, трусливый обер-гофмаршал решительно отозвался, что не может внести имя мое в записку о представляющихся в следующее воскресенье.

Написав письмо статс-секретарю *, при государе находящемуся под ведомством графа Аракчеева, просил уведомления, в каком костюме мне

*** Николаю Назаровичу Муравьеву?** [179] **— *Примеч. Бартенева.***

должно представляться. Он прислал копию указа. И тогда я стал знать, что мундир военный променял я на сенаторский.

Чрез неделю представляясь, государь мне сказал с холодною учтивостию: «Я надеюсь, что ваше превосходительство оправдаете мою к вам доверенность». Императрица Мария Феодоровна, пожав руку, мне сказала с добродушием: «Вы мне можете поверить, что я этому рада».

Приглашен будучи к обеду у двора, в числе прочих ожидая выходу, в тронной зале я сидел. Граф Аракчеев проходил из внутренних комнат; я встал ему поклониться, но он, будто не видя, стал говорить со стоящим в противной стороне. По возвращении его опять я тоже, и он тоже сделал. Тут соседствующим многим господам я заявил: «Видите ли, что он от меня отворачивается? И так будьте свидетели, что я не виноват, если кланяться ему не буду». И с тех пор, встречаясь, не нагибал головы.

Вскоре затем многие мне сказали, что императрица Мария Феодоровна изъявила желание и два раза просила определить меня почетным опекуном Московского опекунского совета; но государь, предоставляя ей выбрать кого угодно, объявлял, что я ему надобен.

Проезжая в обратный путь, императрицы были в моей деревне. Мне дозволено было отлучиться для принятия их. Мария Феодоровна оказывала мне отлично милостивое расположение, но ни слова не говорила о слухах, до меня доходивших.

В июне 1818 года получил я повеление ехать во Владимирскую губернию для исследования по доносу, к государю присланному.

Во время, как следствие я производил, получил государь донесение главнокомандующего в Грузии и губерниях Кавказской и Астраханской, где, описывая беспорядки и злоупотребления, отзываясь весьма дурно о чиновниках губернских, просил повеления обревизовать Кавказскую и Астраханскую губернии чрез строгого и беспристрастного сенатора. Сие донесение препровождено в комитет министров с повелением назначить двух сенаторов для обревизования.

Комитет министров назначил сенаторов Саблина[180] и Гермеса[181]. Но государь, помарав имя Саблина, написал мое имя. Докладчик ему припомнил, что нахожусь я во Владимире; но он ответствовал, что, окончив следствие, отправлюсь я на Кавказ и в Астрахань.

Соображая обстоятельства светские с обязанностями чести и совести, тогда же я видел всю трудность сего дела. Ядовито-злобное представление господина Ермолова[182], человека умного, хитрого и, как слышно, безбожного, нельзя иначе удовлетворить как сопутствием его расположения. И так решился я действовать по инструкции литтерально[183],

К счастию, товарищ мой г. Гермес, человек безграмотной и от природы весьма добрый, совершенно положился на меня. Чтобы оберечь его от соблазна, предохранился тем, что согласил его не брать с собою секретаря, что исправление сей должности приму я на себя. И так мы общее изъявили требование командировать при нас четырех писцов, по выбору моему мальчиков, ничего выдумать не умеющих.

По приезде в Кавказскую губернию увидел я не губернию, а хутор, для России весьма полезный, где выращивается скотина, для продовольствия внутри государства надобная. Дела производятся не столько злонамеренно, сколько глупо. Люди все дрянь, и те томятся бедностию и болезнями. Город губернской, как нарочно, учрежден в таком месте, коего хуже на всем пространстве губернии найти нельзя. Тут полуденная сторона заслоняется хребтом гор, вечно снегом покрытых.

Донося по содержанию инструкции противу каждого пункта в самой точности, как что найдено было, не выискивая преступлений, обратил на себя негодование злобного и в великом уважении находящегося г. Ермолова.

Разные впоследствии неприятности испытывать я сделался принужден. Ермолов жаловался, и столько его уважали, что приказал государь генерал-прокурору выписку из ревизии нашей ему послать для отметки, что, по мнению его, не так сделано. Но он ничего найти не мог, кроме ябеднических примечаний, что столь мало времени в губерниях, ему вверенных мы были, что некогда было все видеть, что осмотреть было надобно.

Хотя ревизия утверждена, все примечания в действо произвести приказано, но не показано нам ни малейшего уважения, даже не произведены в чины бывшие с нами мальчики, о коих как о деловых людях было представлено: свою работу я им присваивал.

Сколько ни досадна мне таковая несправедливость, однако же переношу ее без роптания, покорясь власти Божией, во уповании от Него получить возмездие за то, что для временной пользы не променял спокойствие совести. А к тому добрая обо мне слава в понятии благонамеренных людей сим укореняется.

***

Этим оканчивается подлинная рукопись «Записок» Д. Б. Мертваго. К сожалению, рукопись эта отыскана была, когда началось уже печатание, так что первые четыре листа «Записок» отпечатаны по списку, в котором сделаны некоторые поновления в слоге. Впрочем, существенной разницы между подлинною рукописью и списком мы не нашли; только на обороте первого, заглавного листа читаем следующие слова: «По убеждению людей мною почитаемых, принимаюсь я писать о суровых, крутые повороты счастия являющих приключениях своих. Д. М.». Слова эти написаны, как надо полагать, еще в прошлом столетии; ибо (читатели, конечно, заметили), Д. Б. Мертваго писал свои «Записки» исподволь, в течение многих лет, так что они представляют собою нечто среднее между Дневником и Воспоминаниями. О значении «Записок» Мертваго говорить много нечего: это, без сомнения, одно из важных исторических повествований, изображающих такие стороны недавно прошедшего времени, которые доселе были весьма мало известны. По неисповедимым путям Промысла самые бедствия нередко сопровождаются благими последствиями: характер Д. Б. Мертваго, без сомнения, образовался под влиянием тех ужасов, которые суждено ему было испытать 14-ти лет от роду. Но в тоже время честь веку, когда могли действовать такие непоколебимые, ничем неподкупные люди; честь императору Александру Павловичу, который нашел и оценил подобного человека, и потом, вопреки гонению графа Аракчеева, вывел его снова на поприще государственной службы. «Записки» написаны по дружескому совету Г. Р. Державина: сходство в характерах и в направлении обоих этих людей очевидно. — ***Примеч. Бартенева.***

***

Читатели, познакомившиеся в «Русском архиве» 1867 года с «Записками» Дмитрия Борисовича Мертваго, со вниманием и удовольствием прочтут нижеследующие дополнения к ним. Дополнения эти, равно как и завещание, сохранились в подлинных рукописях на отдельных листках, между бумагами Д. Б. Мертваго, обязательно доставленными в Чертковскую библиотеку академиком В. П. Безобразовым. В этих же бумагах находится и большое собрание писем от разных лиц к Д. Б. Мертваго и к его семейству. Извлекаем оттуда на первый раз четыре письма покойного митрополита Московского Филарета, из коих последнее письмо писано в самый день кончины Дмитрия Борисовича к его супруге. — ***Примеч. Бартенева.***

Дополнения к «Запискам» Д. Б. Мертваго.*

I. <In memoriam>

Доселе имел я одолжения, кои чувствуя признаю истинными, единственно от чувств происходящими:

От Дмитрия Ивановича Фирсова, который, будучи подьячим в Алатыре, принял матушку мою со всею семьею в свой дом и, претерпевая многие гонения и побои от воеводы Б...*, не только что не выгнал из дома, но разделял с нами бедный свой кусок хлеба.

От Ивана Алферьевича Пиля **, который, будучи бригадиром, пришед для укрощения Пугачевского бунта в Алатырь, не только что покровительствовал нас, в совершенном несчастии бывших, но он и жена его Елизавета Ивановна столь были великодушны, что как бы ближние родственники старались умерить чрезмерное огорчение матушки моей, до исступления доходившей.

От Николая Александровича Чиркова, который, по родству и дружбе матери его с моею, взяв меня на свое попечение, искуснейшим образом путеводительствовал в молодости моей, воздержал от подлых пороков, к коим живость чувств делала меня всегда готовым. Наконец, движимый великодушием, предлагал мне (чтоб ехать лечиться к водам) свои все деньги в такое время, когда отдачею оных мог лишиться не только всего своего имения, но, может быть, потерять и доброе имя: ибо в молодости, быв ветрен, при займе денег, закладывая имение, поступал неосмотрительно, число его умножая. Когда я отказался от такового благодеяния, сказав, что лучше умереть хочу, нежели сделаюсь причиною его несчастия, то он с наполненными слез глазами мне пенял, для чего

---

* Белокопытова, см. «Записки», стр. 32—33.— ***Примеч. Бартенева.***

** См. «Записки», стр. 36—37. Этот Пиль, внучатный дядя М. А. Дмитриева, был впоследствии Иркутским генерал-губернатором, см. Соч. Державина, изд. Я. К. Грота, I, 801.— ***Примеч. Бартенева.***

я думаю, будто имение его дороже моей дружбы. Дружба сего человека и совесть его, на истинной честности основанные, возжгли в сердце моем желание быть добрым судьею и бескорыстным человеком.

От Сергея Васильевича Беклемишева, который, по приязни с батюшкой моим и родству жены его, дозволив мне вход в дом его, сделался милостив ко мне и наконец, отзываясь, будто гожусь я восходить на степени большие, взял большое обо мне участие; не имея успеха в скорейшем доставлении мне офицерского чина в гвардии, приказал пойти в отставку и определил прокурором в самых молодых моих летах. Следовательно, он поставил меня на добрый путь по службе, а что главное — первоначальное положил основание к полезной амбиции, говоря: «Даром, что я, будучи порукою, ничего о должности своей не знаю и так молод, что и уса не брею, но уверен, что оправдаю его обо мне мнение; чем вознося душу мою, сильно поощрял быть не пресмыкающимся в свете».

От Гаврилы Романовича Державина, который, будучи в знатности и силе, принял меня, малочиновного, ничего не значащего и от начальников своих гонимого, в содружество себе [184]; удостаивал доверенности без всякого испытания, положась на единую лишь склонность души его, вступался за меня всею силою, снисходил для меня до унижения, искав угодить людям, ему противным и большой вред ему делавшим, для того только, чтобы, умягча их покорностию своею, расположить в мою пользу. И все, что ни делал, делал как будто друг, обязанный брать участие в обстоятельствах ему равного; кажется, даже и поныне не знает он цены благотворения, мне оказанного.* Благородная душа его умеет сочувствовать всему и делаться равною всему. Примечая в разных обстоятельствах в продолжение многого времени, видел я и знаю действительно, что трудно и даже невозможно унизить его и возгордить. Покойная жена его, Екатерина Яковлевна, во всем ему подобная, показала мне удивительный пример великодушия: будучи больна при смерти, без малодушия зная приближение своей кончины, начиная уже слепнуть, не только что не удержала своего супруга, коего любила страстно, но присоветовала ему поехать в Царское Село, чтобы проведать, какое генерал-прокурор получил донесение обо мне по случаю замужества сестры моей с человеком, в большом несчастии бывшим, и предупредить важные последствия, могущие к несчастию моему случиться. Она так ему сказала: «Ты хотя не случаен, но к тебе имеют уважение, ты можешь сведать и вступиться за него — поезжай, мой друг! Бог милостив!

---

* Державин скончался в июле 1816 года.— ***Примеч. Бартенева.***

может, проживу я столько, чтобы еще тебя увидеть». Великодушие по истине, какому примера я не знаю!

От Василия Алексеевича Злобина, который, будучи откупщиком в Уфе, узнав, что, уступая притеснениям начальника и злости чиновников, великие мне оскорбления делавших, испрося отпуск, отправляюсь я из Уфы с тем, чтоб не возвращаться к прежней моей должности, по которой я был ему не нужен, сведая, что начальники мои, желая преградить мне все пути в Петербург, согласили подлых людей, которым я был должен, подать векселя мои ко взысканию, дабы за оные посадить меня в петербургскую тюрьму,— великодушнейшим образом предложил мне свои услуги несмотря на то, что сим вооружает противу себя людей, на меня злобствующих, и в которых ему есть нужда. К довершению благодеяния, чтобы не унизить меня отдачею денег в руки, отъезжая из города, ничего мне при прощании не сказав, прислал с почтою десять тысяч рублей, быв известен, что все имение мое состоит под запрещением по делу, меня притеснявшему, да хотя бы и свободно было, не стоило той суммы. Наконец, когда по первому векселю в срок деньги ему заплачены не были, а я, будучи уже в отставке, отправляяся из Петербурга в деревню, имел нужду в деньгах, то, сведав о том, прислал мне надобные 500 рублей, приказывая, что последние посылает, желая, чтобы не нуждался я и не имел крайности занимать у других. Когда же приехал я его благодарить за сие одолжение, то при многих тут случившихся ответствовал, что рад всегда все со мною разделять, поставляя причиною, что не брал я с него взяток. Но я от роду и ни с кого не брал и, имея случай, действительно многим делал угодное и полезное гораздо больше, нежели ему, поставляя к тому себя обязанным по должности; но, однако ж, никто никогда не поступал со мной ему подобно.

II. <О калмыках>

1802 года 29 августа был я в Калмыцкой Орде.* Главный пристав, коллежский советник Николай Иванович Страхов, показался мне человек умный, с просвещением; часа в четыре хлопотливого времени много насказал, какие полезные намерения имеет, что учится по-калмыцки, желая сочинить историю о калмыках, что нашел уже он достоверные следы к показанию происхождения их от индийцев, причины, для коих и когда

---

* См. «Записки», стр. 113.— ***Примеч. Бартенева.***

пришли они в сии степи, между Каспийского и Черного морей простирающиеся, вверх по рекам Волге и Дону; о законе их, о суевериях, о науках, художествах, об обычаях и прочем; что намерен, войдя более в доверенность сего простодушного и по натуральной склонности доброго народа, вводить к ним истинную науку медицины и тем, сберегая многих от преждевременной смерти, искоренять суеверие, духовными их (кои суть и лекари) распространяемое; хочет начать прививание коровьей оспы, назвав ее предохранительным лекарством, для чего и приучил уже к себе одну сироту, малолетнюю калмычку, которая находится безотлучно при жене его. (Ее зовут Варвара Даниловна; кажется, не была ли она актрисою Столыпина). Над нею вскоре сделан будет опыт чрез сарептского доктора. Объявя желание видеть все, что есть любопытного в Орде, по предварительном сношении был я приглашен к владельцу калмыцкому, именуемому наместником. Сей, по имени Чучей, в народном платье, украся шею пожалованною ему от государя Александра Павловича медалью, бриллиантами осыпанною, на голубой ленте, принял меня, встав со своего дивана. Вид его показывает человека добродушного и неглупого; разговор так же. Убранство в кабинете порядочное. Жена его сидела возле него на постеле, которую и за диван почесть можно. Нас, гостей, посадил на мягкую лавку. На коврах, землю покрывающих, сидело несколько калмык почетных; столик, шелковою материею покрытый, уставлен божками; множество чашечек серебряных с разными яствами из зерен пред них поставлены; шитый образ, как знамя, стоит на древке, изображает владеющее миром божество. Подчивал меня чаем. Ему и жене его подали по трубке табаку; он, раза два курнув, поподчивал меня, и как я, следуя их обыкновению, возвратил ему трубку, то, так же курнув несколько раз, поподчивал он г-на Страхова. Лишь встал я от него идти, то объявил он, что, узнав о намерении моем видеть их богослужение, приказал собраться духовным монастыря, при нем находящегося, в главную церковь. В одной из кибиток, которая несколько других побольше, поставлены литые из серебра и позолоченные божки. Один из них, кажется, золотой, имеет перевязь чрез плечо, осыпанную алмазами мелкими; перед ними много серебряных чашечек с зернами для кушанья им поставлены. Несколько образов шитых и тканых. Моление их состоит в том, что загремит беспутная музыка — две длинные трубы, из дерева составленные, поддерживаемые на снурках особыми для того стоящими людьми; две серебряные трубы, похожие на кавалерийские; один бубен, похожий на барабан: в него бьют кривою палочкою с шишкою на конце, и тарелки медные. Дурацкие лица, благоговение изъявляющие, такой подняли гром, что

насилу их уняли. После того бывает чтение из духовных книг. Возле сей главной церкви есть маленькая, где образа и утварь помельче и похуже. Из церкви повели меня к ламе, то есть первосвященнику. Он сидит на подушках под наметом [185] с офицерской палатки, где длинная сторона открыта. К нему подходят калмыки с великим почтением; он почитается ученейшим и святым; человек толстый, хочет казаться европейцем, беспрестанно поплевывает; что ни говорит — все вздор; посадил нас на подушки, подле него на земле положенные. Монастырь состоит числом около 400 человек; они имеют во владении своем несколько кибиток калмык, дань им платящих, а сверх того за лечение, ворожбу, жертвоприношения и прочие нелепости собирают много с суеверных калмыков. Духовные живут изобильно, все нарядны и, сказывают, часто напиваются допьяна; жен не имеют, но, пользуясь доверенностию калмыков, не доверяющих жен своих никому кроме духовных, кое-как довольствуются. Чучей имеет дохода деньгами более 200 000 рублей; не только, чтобы деньги у него оставались, не может он выбиться из долгов. Саркинцы [186] и придворные его калмыки умеют содержать экономию его в порядке, чему также вспомоществуют и приставы, при нем находящиеся.

Удивительное дело — и в степи у калмыков, где бедность во всей суровости представляется, где люди питаются падалью, малолетние дети ходят совсем нагие, жилища их — войлочные кибитки, по большей части худые; все, что делается хорошего, продается, и все идет на подати владельцу и на дары божествам с причетниками. Где по знойным степям нет убежища, где нет почти воды, чтоб утолить жажду,— солончаки и соленоватые мочажины [187] суть источники, калмык прохлаждающие, но и тут есть двор. Владелец на кого прогневается, на кого посмотрит или побранит, то все отворачиваются от него: никто с ним ни в какое обязательство не входит, и он, доколе возвратит к себе милость его, остается изгнанником среди людей.*

Калмыков, действительно, почитать можно пастухами, российские стада стерегущими. Все избытки урождающегося у них скота они продают. Куря много табаку, несколько попивая вина, не имеют нисколько денег: все идет на подати владельцу, на дары причетникам божества, от коих также все деньги выманиваются. Умные гернгутеры [188] за тем-то, видно, и избрали себе для колоний место к ним поближе, чтобы воображать и не понапрасну, что переселились они в Индию; все богатство их имеет

*** Как отзывается в этих словах тогдашнее личное положение автора! — *Примеч. Бартенева.***

корень в торговле с калмыками. Калмыки, слепо порабощенные суеверию, полагая в каждой скотине быть душе какого ни есть из родственников их, боятся резать для своего прокормления, разве для принесения на жертву, но и то бывает не часто, следовательно, весь скот их им не принадлежит. Занимаемая ими земля ни на что кроме скотоводства не годится. Удивительное дело, что стеснили их поселениями русских и татар, кои нищенствуют на безводных здешних солончаках.

Сколько приметить и слышать мог — калмыки дерзки своровать то, что могут съесть, трусливы, где хоть малое сопротивление встретить дают, раболепны и потому верны; легко перенимают, но ничего выдумать не умеют; слепо верят всем нелепостям их духовных, кои так же глупы, как и они, но думают о себе, будто много знают и сделать могут; словом, если качество калмыка счислять весом, то три пуда скотства, тридцать фунтов зверства и десять человечества найдется. Г-н Страхов, надуваяся деньгами, от глупости их получаемыми, хочет распыжить достоинства их, но, кажется, лишь вздуется карман его, а они всегда останутся так, как есть доныне и как полезны они в общем составе общества.

III. <Завещание>

На случай нечаянной смерти завещание мое.

Божуся пред всеми Богом, Коего чаю увидеть, что во всю мою жизнь не присваивал я себе никогда ничего, ни казенного, ни партикулярных людей не только делом, ниже помышлением.

Желание, возвышаяся по службе, искать доброй славы и любострастие совращали часто добрую мою волю с пути, совестию указуемого. Винюсь в том и страшусь за сие гнева Божия.

Жену мою Варвару Марковну благодарю за любовь ее ко мне и уважение. Прошу ее и заклинаю именем любви, чтобы умеряла чувства огорчения. Я надеюсь, что поведение ее удобрит корень моей славы, а попечение о добром воспитании детей оставит имя мое надолго в памяти у людей. Чтобы хорошо воспитывать дочерей, надлежит матери так учреждать свой поступок, чтобы всякое ее действие служило им уроком.

Не учения наук, коими украшаются, или, лучше назвать, блестят люди, желаю я детям моим, но чтобы воспитывались они в страхе Божии, любви отечества и усердной привязанности к ближним. Сие сделает их честными и, следовательно, полезными людьми. Нужно научаться тому, что способствует быть годным к делу, каждому по состоянию своему.

Детей моих благословляю и умоляю не потемнить доброй славы имени моего, для коей во всю мою жизнь переносил я все, что человечество сносить может.

Сыновей прошу быть прилежными, учиться полезным наукам и отнюдь не принадлежать к тем, которые служат в забаве только и праздности, ибо они равновременно человека делают надобным в обществе бесполезных людей и отвратят от доброго пути, который при начале всегда жесток и неприятен телесным чувствам кажется, но впоследствии, услаждая душу, возвышает ее и дает великие преимущества человеку, почувствующему истинное свое достоинство, никакою силою униженным быть не могущее.

Возмужая, когда вступите в службу отечеству, советую быть прилежными и в точности исполнять начальнические приказания, разумеется, те, кои относятся к должности.

Нужно непременно стараться удаляться от персонального знакомства с начальниками, а наипаче фамильярства, потому что сие наконец бывает для доброй славы подчиненного вредно. Хорошо достигать до того, чтобы начальники считали нужными их делами по службе. Если случится быть в команде начальника умного и честного, то надлежит беречь его как луч, посланный от Бога. Когда же обстоятельства приведут быть в команде начальника злого, вероломного, а паче всего корыстолюбивого, то старайтесь, хотя бы с потерею выгод, удалиться: ибо злу содействовать грешно и опасно, противустоять подчиненный не может иметь силы, а доносить на кого бы то ни было — посрамительно для честного человека.

Когда угодно будет Богу и властям, от Него установленным, возвести на степень вышнюю, старайся быть хорошим столько, сколько придумать можешь, и делай точно так, как думаешь и говоришь. Знай наверно, что всякое притворство рано или поздно откроется и посрамит лжеца более, нежели бы посрамлен он быть мог, являясь в пороках, им владеющих. Людская зависть и любопытство откроет непременно истину и покажет прикрываемые пороки в увеличенном виде. Когда хочешь наслаждаться доверенностию и добрым мнением людей, будь таков, каким казаться хочешь.

Отличие женщин состоит в Евангельских добродетелях. Кротость, снисхождение не только к слабостям, но даже и к порокам людей, скромность и строгое поведение сначала скучны и горьковаты, но после совершения полезны и сладостны для самих тех, кои практикуют сии добродетели. Искренно советую дочерям моим быть таковыми.

Когда выйдете замуж, то должны будете войти во все обстоятельства и состояние вашего мужа и так учредить чувства свои и поступки,

чтобы быть его помощницею в трудах и утешительницею во время скорби. Почитайте мужей ваших, ибо почтение ваше и прославление его служат великими способами к его чести и доброй славе. Внушайте мужу любовь к добродетели и для того ищите, а найдя, берегите ему друзей, избирая, сколь возможно, из людей честнейших и пользующихся уважением в обществе. Одним словом, доставляйте мужу покой и счастие, имея в предмете сию истину: муж всегда украшается и славится доброю женою; и жена, почитающая мужа, непременно в почтении у всех будет.

Сыновей и дочерей моих прошу стараться всевозможно быть в дружестве с детьми брата моего, отнюдь не полагать в цену имение, коего у меня мало, но хотя бы и велико было, не стоило бы дружества.

Оставляю я много написанного о происшествиях со мною и рассуждений, какие в праздные времена мне в мыслях приходили. Лесть и самохвальство не могли тут иметь места, ибо оное никому не показываю. Сии бумаги познакомят меня с милыми мне детьми моими, если случится мне оставить их в младенчестве.

Молю Всевышнего Бога, да благословит детей моих быть добрыми людьми, и честь да одушевляет мое семейство.

В заключение советую сохранять спокойствие совести. Уверяю, что сие единое есть средство быть счастливым в сем мире. Никогда не радеть о приумножении богатства: оно скоро приучает человеческие чувства к признанию его ничтожества, ведет к развращению, притупляет стремление к доброй славе и человеколюбию и потому распространяет место раскаянию, досаде на людей завидующих и боязни потерять. Я всегда был беден, много нуждался, но всегда строго наблюдал за чистотою моего поведения. Много насмотрелся на несчастия разбогатевших бесчестными прибытками людей, видел их страдания, видел многих кланяющихся мне, бедному. Что в том, что претерпевал много недостатков! Но зато спал спокойно и в самые дурные времена не страшился злобы сильных людей, порочных, вредить мне старавшихся.

Прощайте, милые друзья мои — остаток тела моего и души в сем мире! Да благословит Бог и соизволит, чтоб с радостию встретились мы в будущей жизни и чтобы не мог я попенять вам за неисполнение моего завещания.

Дмитрий Мертваго. *12 апреля 1813 года*

Писано в селе Демьянове, в день Страстныя Субботы.

Тоже подтверждаю 25 марта 1820, приобщась Св. Тайн в Четверг Страстной Недели.

Письма Высокопреосвященнейшего Филарета, Митрополита Московского

1. К А. А. Полторацкой, теще Д. Б. Мертваго *

Ваше превосходительство!

Милостивая государыня!

Для меня не трудное было дело освящение Старицкого собора: трудное было дело для вашего превосходительства созидание сего храма и многие долговременные заботы, случайно с сим делом соединившиеся. И потому вам принадлежит благодарность за сие дело; о вас будут молитвы Церкви в сем храме. Вы радуетесь совершению сего дела и имеете право радоваться: я, по служению моему, имею долг благодарить за сие; и то, что вы называете посещением болящей, было одно из выражений сей благодарности; почему и в сем случае я исполнил долг, а нимало не одолжил, и еще обязан благодарностию за добрый прием.

Что сказать о приятных надеждах, которые ваше превосходительство подаете благодетельными расположениями вашими к церкви села Коледина и к Новоторжскому духовному училищу? Я сказал уже вашему превосходительству, что после того, как Господь благословил вас совершением многих богоугодных и благодетельных дел, не нужно связывать себя строгостию обета, но лучше просто помышлять о исполнении доброго желания в уповании на помощь и в преданности воле Вышняго. С моей стороны, елико могу, молю Его благодарить, чтобы Он благодетельные расположения ваши вел в пути святого Своего Промысла. О священнике вашем раннею благодарностию не извольте приводить меня в замешательство: я обещал изъявить ему внимание начальства, но в порядке, и так, чтобы то было справедливое отличие, а не случайное или пристрастное действие. До сего времени обстоятельства не позволили мне сего таким образом сделать; на весах у меня лежит много, многое складывается и накладывается вновь, не всегда скоро открывается, что более тянет.

Записка, приложенная при почтеннейшем письме вашего превосходительства, будет меня руководствовать, когда я буду в монастыре;

*** Об Агафоклее Александровне Полторацкой см. IV главу «Записок» Мертваго, стр. 118—121, и в особенности 154. Она, между прочим, построила церковь в одном из Тверских монастырей, стр. 200.— *Примеч. Бартенева.***

не знаю, скоро ли быть успею. Из Торжка опоздал, спешу в Лавру; здесь задавлен делами; время, которое употребляю для сего письма, есть род кражи, которую стараюсь оправдывать только справедливостию побуждения.

От всея крепости желания желаю вашему превосходительству мирных дней и преспеяния во всем богоугодном; не столько славы человеческой, которая, если обманывает надежду, огорчает, а если и исполняет надежду, только обольщает, а не насыщает: но более, более, более чаяния славы Божией, которая одна достойна чистого стремления высокого духа человеческого; менее изысканных предприятий, более благословения в их исполнении.

Благословение Божие да будет на вас, да исходит из сердца вашего, да действует чрез вас, да распространяется окрест вас, да будет твердо в крепких, да процветает в юнейших потомства вашего. Слава Божия в храмах, вами воздвигнутых; мир в хижинах, вами покрываемых! * С сими искренними чувствованиями есмь и долгом поставляю пребыть с глубоким почтением, милостивая государыня, вашего превосходительства покорнейший слуга и богомолец

Филарет А. Тверский. Тверь. Июля 15. 1820

*2. К ней же***

Ваше превосходительство,
милостивая государыня!

Начатое в доме вашем, а по случаю пребывания моего в Москве возобновленное знакомство с некоторыми родными вашего превосходительства дало мне случай узнать об увеличившейся слабости вашего здравия, и я узнал сие с искренним участием. Ныне, узнав по тому же случаю, что и вы, милостивая государыня, имели некоторое обо мне воспоминание, поспешаю просить вас, чтобы из сего воспоминания не извлекали вы для себя никакого беспокойства. Если некогда нечто писал я вашему превосходительству по понятию и чувству, какое имел в известных обстоятельствах; то писал из желания способствовать некоторому благу, а не для того, чтобы после мыслить о ком-либо зло. Если слова

---

* Выражение знаменательное! — ***Примеч. Бартенева.***

** Содержание этого письма нам непонятно. Оно сохранилось не в подлиннике, а в современном списке.— ***Примеч. Бартенева.***

мои вместо того, чтобы представить вам некоторую полезную мысль, принесли вам огорчение, искренно прошу простить меня в нанесении вам беспокойства. Если же вы вините себя в том, что огорчились моими словами, искренно прощаю сие и молю всем сердцем Господа и Спасителя нашего, чтобы Он простил вам всякую мысль или слово, или действие, которых воспоминание может нарушить мир души вашей, и не оставил подкреплять веру вашу к совершенному принятию от Него сего прощения. Поручайте Ему себя и все, что вас может озабочивать. Принимайте с терпением и, если можно, и с благодарностию в болезни тела врачевство души, как поступал некий, который написал: Скорбь и болезнь обретох, и имя Господне призвах. Смирихся, и спасе мя. Псал. CXIV. Имя Господне да принесет вам утешение и силу, и жизнь.

С сими чувствованиями и желанием, при истинном почтении, есмь покорнейший слуга и богомолец Филарет Архиепископ Московский.

Москва. Апреля 23. 1822

3. К Д. Б. Мертваго

Ваше превосходительство,
милостивый государь!

С сим представится вашему превосходительству новокрещенный, о котором я представлял вам словесно. Дело благотворителя сотворите, если дадите ему наставление, куда и как ему себя пристроить. А меня простите, что, не умея сам, думаю дело делать чужими руками.

С истинным почтением и совершенною преданностию быть долг имею вашего превосходительства милостивого государя покорнейший слуга и богомолец Филарет А. Московский.

Апреля 28. 1822

4. К Варваре Марковне Мертваго по кончине ее супруга

Искренним сердцем разделяю потерю вашего превосходительства и детей ваших[189] и, сверх того, потерю многих добрых, и потерю отечества. Жалею, что небольшая немощь держит, однако, меня связанным. Не скажу: не скорбите; сие требование было бы слишком велико на сие время. По крайней мере, не предавайтесь скорби; приносите ее пред Бога Отца сирых и Судию вдовиц; отдайте Ему в послушании то, что Он

благоволит взять; берегите то, что Он оставляет вам беречь, то есть детей и себя для них.

Покойный много служил правде и добру для других: Бог праведный и благий не оставит сущих его. Он уповал на Бога и повиновался Его провидению: подражайте ему в сем и споспешествуйте миру души его молитвою мирною души вашей. Бог щедрот и Отец всякого утешения да будет первым утешением вашим и ваших. Как могу, призываю милость Его на вас.

Вашего превосходительства усердный богомолец Филарет А. Московский.

Июня 23. 1824

ПРИЛОЖЕНИЯ

Г. Г. Мартынов *

Об истории публикации «Записок» Д. Б. Мертваго

Приблизительное время работы Д. Б. Мертваго над «Записками» из своей жизни можно определить из их контекста: от Пугачевщины (1774) до конца царствования Павла I — это связный рассказ о прошедшем в форме «воспоминаний»; описание событий 1801 года и далее носит характер, скорее, дневника, заполнявшегося с большими перерывами. Последние события у Мертваго относятся к 1818 году. Впрочем, М. П. Ватаци (см. о ней ниже) свидетельствует: «Записки моего деда прерываются на ревизии Кавказа, и дальнейшая рукопись их, к сожалению, затеряна» (*Ист. вестник.* 1913. Т. 132. № 4. С. 33).

Согласно завещанию Д. Б. Мертваго (12 апреля 1813), подлинная рукопись должна была сохраняться в его семье: «Оставляю я много написанного о происшествиях со мною и рассуждений, какие в праздные времена мне в мысль приходили. Лесть и самохвальство не могли тут иметь места, ибо оное никому не показываю. Сии бумаги познакомят меня с милыми мне детьми моими, если случится мне оставить их в младенчестве» (см. с. 230 настоящего изд.).

Д. Б. Мертваго имел три сына и пять дочерей, для которых, очевидно, было сделано несколько копий. Подлинная рукопись «Записок» находилась у Дмитрия Дмитриевича Мертваго (1815—1864) и была передана им известному ученому, публицисту, экономисту, академику Петербургской Академии наук (1867) Владимиру Павловичу Безобразову (1828—1889).

В. П. Безобразов — близкий родственник Д. Б. Мертваго по двум линиям. 5 сентября 1852 года он женился на писательнице Елизавете Дмитриевне, урожд. Масловой (1836, по другим данным 1834—1881) —

---

* Мартынов Геннадий Георгиевич — научный сотрудник Библиотеки Российской академии наук, библиограф, историк литературы. Автор около 40 научных работ и публикаций, посвященных Г. Р. Державину, А. С. Пушкину, А. А. Аракчееву и др.

дочери Дмитрия Николаевича Маслова (1756—1856) и его жены Марьи Дмитриевны (1806—1865), дочери Д. Б. Мертваго (*Рус. биогр. словарь*. Т. 2. Алексинский — Бестужев-Рюмин. СПб., 1900. С. 645—646). По другой линии, В. П. Безобразов — внучатый племянник Д. Б. Мертваго: отец Безобразова Павел Николаевич (1786—1852), управляющий удельною конторою в Москве, был женат на Елизавете Павловне Полторацкой, дочери Павла Марковича Полторацкого (ок. 1768—1827). Жена Д. Б. Мертваго Варвара Марковна, урожд. Полторацкая (1772—1845) — сестра П. М. Полторацкого.

В 1856 году В. П. Безобразов передал подлинник «Записок» для помещения в журнал «Русский вестник», издававшийся Михаилом Никифоровичем Катковым (1818—1887). Публикацию открывает письмо Безобразова «Несколько предварительных слов»: «Настоящий отрывок из воспоминаний о пугачевщине составляет начало записок Дмитрия Борисовича Мертваго о его жизни. Записки все вполне будут доставлены мною в редакцию "Русского вестника"; они отданы в мое распоряжение сыном автора, Дмитрием Дмитриевичем Мертваго, родным дядей моей жены, для напечатания из них всего того, что по семейным отношениям и другим соображениям может быть сообщено публике. Записки Д. Б. Мертваго, как и он сам и его семейство, находятся в некоторой связи с "Семейной хроникой и Воспоминаниями" * С. Т. Аксакова, возбудившими такое всеобщее сочувствие и любопытство в нашем обществе.

Д. Б. Мертваго был крестным отцом С. Т. Аксакова, который об этом упоминает в своей книге. Екатерина Борисовна Чичагова была родная сестра Д. Б. Мертваго; о ней часто говорится в "Хронике" как о самой близкой знакомой молодых Багровых. Мертовщина, в которую ездили Багровы, и есть то самое имение, из которого бежало семейство Мертваго во время пугачевщины, как описывается в настоящем отрывке. Д. Б. Мертваго не раз называется в "Хронике" одним из образованнейших людей уфимского общества.

Записки свои составил Д. Б. Мертваго по убеждению Державина, с которым он также находился в близких отношениях. *В. Безобразов*. 27 декабря 1856 года.» (*Рус. вестник*. 1857. Т. 7. Янв. Кн. 1. С. 54—55).

Далее в журнале напечатаны краткое «биографическое сведение» о Д. Б. Мертваго, составленное его братом Степаном Борисовичем (р. 1764), и первая глава — «Пугачевщина» (*Там же*. С. 54—80).

*** Название книги С. Т. Аксакова, только что вышедшей двумя изданиями (М., 1856).— *Г. М.***

Вероятно, уже на этапе выхода публикации первой главы В. П. Безобразов обратился к С. Т. Аксакову (1791—1859) с просьбой написать небольшой очерк о своем крестном отце, что и было исполнено. В редакционном примечании к «Воспоминаниям о Дмитрии Борисовиче Мертваго» Аксакова (*Рус. вестник*. 1857. Т. 8. Март. Кн. 1. С. 125—133) воспроизведено сопроводительное письмо Безобразова: «Препровождая к вам для помещения в “Русском вестнике” письмо ко мне Сергея Тимофеевича Аксакова по поводу записок моего деда, Дмитрия Борисовича Мертваго, я уверен, что оно будет встречено с благодарностию читателями “Русского вестника”; в этих строках истинно честный гражданин-современник воскрешает с силою нравственных убеждений память о другом честном гражданине прошедшего времени. Подобные воспоминания никогда не проходят без пользы, особенно в настоящую эпоху пробуждения общественного сознания. Но кроме того, это письмо возвращает нас, хотя на несколько мгновений, к очарованию “Семейной хроники и Воспоминаний”, к тому наслаждению, с которым они были прочтены всеми. Наконец, я позволю себе выразить глубокую благодарность всего семейства Д. Б. Мертваго за это живое слово, которым почтил его память автор “Семейной хроники”. С.-Петербург. 19 января, 1857 года» (*Там же*. С. 125—126).

При переиздании в книге «Разные сочинения» (М., 1858. С. 363—376) Аксаков внес в текст очерка стилистические исправления:

С. 7. ...*мое собственное желание. Едва ли кто-нибудь*... // ...мое собственное желание, потому что едва ли кто-нибудь...

...*совершенною неожиданностию. Мне и в голову не входило, что он оставил после себя «Записки». Прибавить какую-нибудь черту к этим «Запискам» я считаю за счастие. Многоуважаемая память моего покойного крестного отца, в обширном и строгом смысле честнейшего человека, которого вся жизнь была борьба правды и чести с ложью и подлою корыстью, постоянно жила и живет в моей душе. Его «Записки», без сомнения*... // ...совершенною неожиданностью. Многоуважаемая память моего покойного крестного отца, в обширном и строгом смысле честнейшего человека, которого вся жизнь была борьба правды и чести с ложью и подлою корыстью, постоянно жила и живет в моей душе. Но мне в голову не входило, что он оставил после себя записки. Они, без сомнения...

С. 8. ...*и я уже забыл моего крестного отца*... // ...и я уже забывал моего крестного отца...

...довольно образованного для своих лет... // ...довольно образованного для моих лет...

...не обращал на меня ни малейшего внимания. // ...не обращал на меня никакого внимания.

...декламатор сумароковских трагедий, а подчас говорун, не умеет... // ...декламатор Сумароковских трагедий, не умеет...

...и через несколько время... // ...и через несколько времени...

С. 9. *...третьему брату, Ивану...* // третьему брату своему, Ивану...

...несмотря на свою детскость, бессознательно почувствовал глубокое уважение к высоким качествам его ума и сердца. // ...несмотря на свою детскость, понял высокие качества его ума и сердца.

...до 1808 года его не видал. // ...до 1808 года его не видел.

В 1808 году я нашел в Петербурге... // Я нашел в Петербурге...

...так невыносимо горестною. // ...так невыносимо тягостною.

С. 10 *...намеревался поступить,— но я никак...* // ...намеревался поступить,— и я никак...

Первые мои посещения после отъезда из Петербурга моего семейства ничего хорошего не предвещали. // Первые мои посещения ничего хорошего не предвещали.

...теперь же, от нечего делать, я начал все рассматривать... // ...теперь же, от скуки, я начал все рассматривать...

...небольшая картинка, висевшая над письменным столом... // небольшая картинка над письменным столом...

Картина была нарисована водяными красками... // Картина была нарисована красками...

С. 11. *...рассказал мне про свое знакомство с Державиным...* // рассказал про свое знакомство с Державиным...

...стал искать его расположения... // ...стал снискивать его расположение...

...иногда долго говорил со мной... // ...иногда подолгу говорил со мной...

...принадлежавшего его жене (урожденной Полторацкой) и сестрам ее, Сухаревой и Олениной. // ...принадлежавшего его жене, Сухареву и Оленину.

...разностью красок. Часть Мертваго была палевого цвета. Из залы был балкон... // ...разностью красок. Из залы был балкон...

Это адмирал С........н! // Это адмирал С........!

...то Дмитрий Борисович назвал его по имени... // ...то Д. Б. назвал его по имени...

С........н пробыл с час... // С..... пробыл с час...

Рассказ адмирала произвел на меня... // Появление адмирала произвело на меня...

Крестный отец досказал мне всю историю... // Крестный отец рассказал мне всю историю...

С........н,— прибавил он в заключение... // С....,— сказал он в заключение...

...если б не занимал денег, покуда без отдачи, у всякого... // ...если б не занимал денег, без отдачи, у всякого...

С. 12. *...начальник мой, граф А.....в...* // начальник мой, граф А. ...

Гр. А.....в всегда не любил меня... // Граф А. всегда не любил меня...

Как нарочно так случилось, что сидел я на известном тебе балконе... // Как нарочно, через несколько дней сидел я на известном тебе балконе...

...громко сказал ему, так, что приехавшая гостья все до слова слышала... // ...громко сказал ему, так, что г-жа П. все до слова слышала...

...началось злобное преследование меня. // ...началось злобное преследование.

С. 13 *...своего фаворита, генерала К.....ча.* // ...своего фаворита, генерала К.

...вековые, достопамятные события 1812 года... // ...вековые события 1812 года...

...сенатором, но говорил мне... // ...сенатором, но сказал мне...

...эту должность. Всем известно, что впоследствии он занимал ее. Я уехал... // ...эту должность.— Я уехал...

Вот все, что сохранила моя память об одном из достойнейших людей прошедшего времени. // Вот все, что сохранила моя память об одном из достойнейших людей прошедшего времени. Хотя я не участвую ни в каких журналах, кроме «Русской беседы», но охотно предоставляю вам полное право напечатать мое письмо в «Русском вестнике». С истинным почтением честь имею быть и пр.

Появление «Пугачевщины» Д. Б. Мертваго в журнале Каткова вызвало недовольство министра народного просвещения Авраама Сергеевича Норова (1795—1869), поэтому публикация последующих глав «Записок» была остановлена.

Издатель «Русского архива» Петр Иванович Бартенев (1829—1912) подлинник «Записок» получил также от В. П. Безобразова, но не сразу, о чем свидетельствует примечание в конце полной публикации:

«К сожалению, рукопись эта отыскана была, когда началось уже печатание, так что первые четыре листа “Записок” отпечатаны по списку, в котором сделаны некоторые поновления в слоге. Впрочем, существенной разницы между подлинною рукописью и списком мы не нашли...» (см. с. 222 настоящего изд.).

Сличение текстов главы «Пугачевщина», напечатанных в «Русском архиве» и «Русском вестнике» дало следующий результат:

С. 19. *Зная только по слухам...* // Зная, впрочем, только по слухам...

С. 21. *...для покупки припасов и для разведывания...* // ... для покупки припасов и для разведания...

...не покупал, а все брал даром... // ...не покупал, а всякий все брал даром...

С. 22. *Он выстрелил из пистолета...* // Он выстрелил в них из пистолета...

...послышал я шорох в стороне и спросил. // ...послышал я шорох в стороне; я опросил.

С. 23. *...предлагал меня убить...* // ...предлагал, как меня убить...

С. 26. *...но тяжесть на плечах...* // ...но тяжесть ноши на плечах...

С. 28. *...для подаяния милостыни...* // ...для подания милостыни...

С. 31. *...дворянин его провинции, и просил позволить...* // ...дворянин его провинции, чудом спасшийся от смерти, и просил позволить...

...вся семья его встретила нас в чистой комнате. // ...вся семья его встретила нас со слезами, и после ужина уложила нас в чистой комнате.

С. 32. *...всех нас выгнать из дома.* // ...всех нас выгнал из дома.

С. 33. *...и сделал в доме строжайший обыск...* // ...и сделать в доме строжайший обыск.

Бóльшая часть текста первой главы воспроизведена в публикациях: 1) *Островская Н.* Д. Б. Мертваго // *Дет. отдых*. 1887. № 11/12. С. 241—281; 2) *Мертваго Д.* Пугачевский бунт // *Русский быт по воспоминаниям современников*: Сб. отрывков из записок, воспоминаний и писем / Сост. П. Е. Мельгуновой, К. В. Сивкова, Н. П. Сидорова. Ч. 2. Вып. 2. М., 1922. С. 189—205; 3) *Автобиографические записки Д. Б. Мертваго* / Публ. Т. А. Алпатовой // *Рус. словесность*. 1994. № 1. С. 66—73.

Подлинник «Записок» Д. Б. Мертваго (или список с него) в настоящее время должен храниться в Отделе письменный источников Государственного Исторического музея (Москва). Другие биографические

материалы, документы, письма рода Мертваго хранятся также в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея, Научно-исследовательском Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Москва), Российском государственном архиве литературы и искусства (Москва), Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), Архиве Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук, Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга.

В целом, «Записки» Мертваго с необыкновенной живостью рисуют русское общество последней четверти XVIII — начала XIX века и те служебные сферы, в которых волею судеб пришлось вращаться их автору. Интерес «Записок» «заключается именно в том, что они представляют картину порядков и условий нашей администрации конца прошлого и начала нынешнего столетия, начерченную человеком ученым и свидетелем честным <...>. Мрачная картина злоупотреблений и произвола в царствование императора Павла Петровича и в начале царствования Александра Павловича в ярких красках восстает под пером неподкупного автора» ([*Б. п.*] Автобиографические записки Дмитрия Борисовича Мертваго... // *Вестн. Европы*. 1868. Т. 2. № 3. С. 478).

«Мертваго является честным борцом за правду и справедливость,— отметил другой рецензент,— строгие моралисты найдут, пожалуй, что он был слишком осторожен, что он щадил себя, что он торопился подавать в отставку, как скоро видел, что борьба становилась не по силам; что он, наконец, не чуждался покровительства. Все это справедливо, но справедливо также и то, что даже и таких скромных героев в то время было мало, что тогдашняя обстановка была крайне неблагоприятна для деятельности честных людей, что сохранить настолько чистоту сердца, насколько сохранил ее Мертваго — заслуга большой важности, при тех постоянных интригах, которые ему встречались на пути. Жизнь и карьера постоянно зависели не от степени таланта, не от честности и законности действий, а от расположения начальства; сохранить большую независимость характера, заслужить уважение людей, с которыми приходилось сталкиваться, заслужить любовь народа, о котором в то время меньше всего думали — на это далеко не всякий способен» (*А. И-н*. Записки Дмитрия Борисовича Мертваго... // *Рус. инвалид*. 1867. № 263. 23 сент. С. 3).

Еще один рецензент назвал мемуары Мертваго «любопытнейшими», однако ограничился в своем обзоре «лишь столкновениями его в качестве генерал-провиантмейстера с всесильным Аракчеевым, так как

эти столкновения отчасти обрисовывают личность временщика александрова времени. Д. Б. Мертваго писал свои записки не для печати, и потому не стеснялся в эпитетах для своего личного врага, которого он не раз величает “зверообразным”, действия которого называет подлыми, низкими и т. п. Несмотря, однако, на это преувеличение в выражениях, приведенные в “Записках” факты свидетельствуют, что властолюбие Аракчеева действительно не знало границ. Он всячески старался оттереть от императора Александра всякого, кто только мало-мальски мог обратить на себя благосклонное внимание монарха, и действовал в этом случае, смотря по обстоятельствам, то хитростью, то дерзостью. Заметив, как милостив был вначале государь к Мертваго, Аракчеев расточался перед ним в любезностях, стараясь вкрасться к нему в доверенность; но с того же часа стал систематически губить его в глазах императора, частью наговорами, частью же поручением ему дел компрометирующего или неудобоисполнимого свойства, так что сделал-таки, наконец, для Мертваго невозможным продолжение его службы. <...> Но и у Мертваго не объяснены причины такого громадного и даже непонятного влияния, какое Аракчеев, человек сравнительно грубый и невежественный, имел на императора Александра, точно также как неизвестны причины и минутной опалы этого временщика.

В самом начале главы, где Д. Б. Мертваго повествует о своей службе в должности генерал-провиантмейстера, находим замечание, не утратившее свое значение даже и для настоящего времени: “Происшествия в минувших временах доказывают, — говорит Мертваго, — что сила русского оружия всегда и везде сломляла, но недостаток продовольствия войск остановлял успех и принуждал обращаться к требованиям умеренным”» ([*Б. п.*] Библиография и журналистика // *Голос*. 1867. № 241. 1 сент. С. 2).

«Дополнения к “Запискам” Д. Б. Мертваго», в которых он еще раз отдал долг памяти наиболее близким для него людям, «сохранились в подлинных рукописях, на отдельных листках» так же, как завещание Мертваго и письма митрополита Филарета (Дроздова), и были доставлены П. И. Бартеневу тем же В. П. Безобразовым (*Рус. архив*. 1868. № 1. Стлб. 123).

Комментарии

к «Воспоминаниям Сергея Тимофеевича Аксакова о Дмитрии Борисовиче Мертваго»

[1] *..муж ее, П. И. Чичагов, любил все наше семейство...*— о Д. Б. Мертваго и его ближайшем родственном окружении Аксаков впервые написал в автобиографической книге «Семейная хроника» (1856), где прежде всего говорится о ссылке и женитьбе Чичагова (у Д. Б. Мертваго этот эпизод см. на с. 62—63, 66 настоящего изд.): молодожены Софья Николаевна и Алексей Степанович Багровы в небольшой размолвке приехали «в Старую Мертовщину, где жила в то время замечательно умная старуха Марья Михайловна Мертвая *, дочь которой, Катерина Борисовна (большая приятельница Софьи Николаевны), недавно вышедшая замуж за сосланного в Уфу правительством и овдовевшего там П. И. Чичагова <...>.

История и вторичная женитьба Чичагова — целый роман, и я расскажу его как можно короче; расскажу потому, что мы впоследствии будем встречаться с этим семейством и особенно потому, что оно имело некоторое влияние на жизнь молодых Багровых. П. И. Чичагов был необыкновенно умный, или, справедливее сказать, необыкновенно остроумный человек; он получил по-тогдашнему блестящее и многостороннее образование, знал несколько языков, рисовал, чертил (т. е. знал архитектуру), писал и прозой и стихами. В поре пылкой молодости влюбился он в Москве в девицу Римско-Корсакову и для получения ее руки решился на какой-то непростительный обман, который открылся уже после брака, за что и был Чичагов сослан на жительство в Уфу. Жена его скоро умерла; он через год утешился, влюбился в Катерину Борисовну и увлек ее своей любезностью, веселостью, образованностью и умом; наружность же его была очень некрасива, влюбиться в нее было невозможно.

*** Впоследствии правительство позволило изменить это страшное слово, и сыновья ее стали называться Мертваго.— *Примеч. Аксакова.***

Катерина Борисовна была девушка взрослая и с твердым характером; мать и братья не могли с ней сладить и выдали за Чичагова, который впоследствии был прощен, но не имел права выезжать из Уфимской губернии» (*Аксаков С. Т.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М., 1966. С. 198—199).

[2] *...чтец и декламатор сумароковских трагедий...*— Александр Петрович Сумароков (1717—1777) — один из виднейших представителей русского классицизма. Писал оды, эпистолы, эклоги, идиллии, элегии, сатиры, притчи (басни), эпиграммы, песни и проч. В трагедиях, из которых наиболее известны «Хорев» (1747) и «Синав и Трувор» (1750), ставил проблемы гражданского долга. В «Воспоминаниях» Аксакова (глава «Гимназия. Период первый») упомянуто о декламации в детстве «стихов из трагедии Сумарокова, в которых я особенно любил представлять вестников, для чего подпоясывался широким кушаком и втыкал под него, вместо меча, подоконную подставку» (*Аксаков С. Т.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. М., 1966. С. 9). Находясь в университете, Аксаков имел «первый публичный театральный успех» в домашнем представлении комедии Михаила Ивановича Веревкина (1732—1795) «Так и должно» и пьесы Сумарокова «Приданое обманом» (*Там же.* С. 127—128).

[3] *...расспрашивал меня о Казани, об университете...*— «Поступив первоначально в гимназию в 1799 году, С. Т. Аксаков вскоре был взят матерью обратно, так как в ребенке, вообще очень нервном и впечатлительном, стало развиваться, от тоски и одиночества, нечто вроде падучей болезни, по собственному утверждению С. Т. Аксакова. Год он прожил в деревне, но в 1801 году уже окончательно поступил в гимназию. <...> В гимназии С. Т. Аксаков переходил в некоторые классы с наградами и похвальными листами, и 14 лет от роду, в 1805 году, поступил уже в число студентов только что основанного Казанского университета. <...> Слушая университетские лекции, С. Т. Аксаков в то же время продолжал по некоторым предметам учиться в гимназии. Разделения на факультеты в первые года существования Казанского университета не было, и все 35 первых студентов слушали безразлично самые разнообразные науки — высшую математику и логику, химию и классическую литературу, анатомию и историю. В марте 1807 года С. Т. Аксаков оставил Казанский университет, получив аттестат с прописанием таких наук, какие он знал только понаслышке и каких в университете не преподавали» (*Рус. биогр. словарь.* Т. 1. Аарон — Император Александр I. СПб., 1896. С. 103—104).

[4] *Средь сих лесов, болот и ржавин <...> Картина была нарисована водяными красками...*— автор надписи — преосв. Евгений,

в миру Евфимий Алексеевич Болховитинов (1767—1837) — митрополит Киевский и Галицкий (с 1822); историк, археограф, библиограф, писатель; член Российской Академии (с 1806). Его знакомство с Державиным состоялось в августе 1805 года, когда Евгений, тогда епископ Старорусский и Новгородский викарий, занимался составлением «Словаря русских светских писателей». Вскоре он первым сообщил в печати достоверные биографические сведения о Державине (*Новый опыт исторического словаря о российских писателях*. Державин, Гавриил Романович // *Друг просвещения*. 1806. Ч. 1. № 3. Март. С. 274—288). 22 июля 1807 года Евгений находился в гостях у Державина на Званке. Хозяин сообщил, что посвятил ему оду, которая скоро будет напечатана (*Евгению. Жизнь Званская, 1807 г. в мае* // *Вестн. Европы*. 1807. Ч. 34. № 16. Авг. С. 268—282). Гость просил снять копию с акварельного вида усадьбы, сделанного секретарем Державина Евстафием Михайловичем Абрамовым. Державин выполнил просьбу: в августе 1807 года Евгений получил копию акварели с четверостишием:

На память твоего, Евгений, посещенья
Усадьбы маленькой изображен здесь вид.
Гораций как бывал Меценом в восхищеньи
Так был обрадован тобой Мурза-пиит*.

Вскоре с акварели была сделана неизвестным мастером резцовая гравюра «Вид Званки, усадьбы Державина вниз по Волхову от стороны Нова-города», напечатанная с надписью преосв. Евгения (анонимно), расположенной внизу листа слева и справа от картуша с изображением герба Державина (*Вестн. Европы*. 1810. Ч. 49. № 2. Янв. Особое прил.). Лист бóльших размеров был выпущен также отдельно. Воспроизведен во многих изданиях, посвященных Державину (например: *Державин Г. Р.* Стихотворения. Л.: Изд-во писателей в Л-де, 1933. С. 274; *История русской литературы*: [В 10 т.]. Т. 4. Ч. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 389).

Копия, подаренная преосв. Евгению, сохранялась в библиотеке Киевской Духовной семинарии ([*Б. п.*] Вид Званки // *Маяк*. 1843. Т. 8.

---

* См.: *Выдержки из дружеских писем Евгения (впоследствии митрополита Киевского) к воронежскому приятелю его Василию Игнатьевичу Македонцу* / [Послесл. Н. Северного] // Рус. архив. 1870. № 4/5. Стлб. 858—859, 868; Письма к Державину преосв. Евгения от 24 августа и 2 ноября 1807 г. (*Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота*. Т. 6. СПб., 1871. С. 186—187, 394—395).

Кн. 15. [Март]. С. 40—41 [паг. отд. «Смесь»]). Черно-белое воспроизведение этой акварели, факсимиле четверостишия Державина (рукой Е. М. Абрамова, подпись — автограф) и ответа преосв. Евгения см.: *Derjavine, un poète russe dans l'Europe des Lumières* / Publié sous la direction d'A. Davidenkoff. Paris: Institut d'Études Slaves, 1994 (Bibliothèque russe de l'Institut d'Études Slaves; T. XCVIII). Вкл. между с. 64—65. Цветное воспроизведение портрета Болховитинова работы Александра Михайловича Калашникова (1837) и акварели Абрамова: *Derzhavin G. R.* Poetic Works: A Bilingual Album / Ed., with Introd. and Comment. by A. Levitsky; Transl. by A. Levitsky and M. T. Kitchen and with A Note on the Transl. by L. G. Leighton. Providence: Departament of Slavic Languages Brown Univ., 2001. (Brown Slavic Contributions; Vol. XII). P. 251, 252.

5 *...все, что чувствовал и думал о Державине...* — в 1852 году Аксаков написал очерк «Знакомство с Державиным» (*Аксаков С. Т.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. М., 1966. С. 304—325). Их личное общение было непродолжительным: с половины декабря 1815 года по середину марта 1816 года, но осталось одним из самых ярких событий жизни Аксакова. Почти сорок лет спустя он написал в «Воспоминании об Александре Семеновиче Шишкове»: «В 1816 году я приезжал из Москвы, где тогда жило все наше семейство, на три месяца в Петербург собственно затем, чтоб взглянуть на брата <...>. Эти три месяца я был совершенно поглощен неожиданным знакомством с Державиным, знакомством, в несколько дней сделавшимся близким и задушевным, навсегда сохранившим для меня великое значение» (*Там же.* С. 298).

6 *...и сестрам ее, Сухаревой и Олениной.* — Упомянуты две другие дочери Марка Федоровича Полторацкого (1729—1795), директора придворной Певческой капеллы: Агафоклея (1776—1840) — жена Александра Дмитриевича Сухарева (1770—1853), тайного советника, сенатора (с 1832); Елизавета (1768—1838) — жена Алексея Николаевича Оленина (1764—1843), директора Императорской Публичной библиотеки (с 1811), президента Академии художеств (с 1817). См. также коммент. 155 к с. 198 настоящего изд.

7 *Сенявин* Дмитрий Николаевич (1763—1831) — известный русский флотоводец, адмирал (с 1826), почетный член Петербургской Академии наук (также с 1826). В русско-турецкую войну 1806—1812 годов командовал в чине контр-адмирала эскадрой в Адриатическом и Эгейском морях (1806—1807). Нанес поражение турецкому флоту в Дарданельском и Афонском сражениях (1807). Однако чрезмерная самостоятельность

его действий, приведшая к международным осложнениям (он не допустил захвата Ионических островов французами и вел переговоры с англичанами, после которых русская эскадра была интернирована), вызвала неудовольствие Александра I. В 1809 году Сенявин вернулся в Петербург и полтора года оставался без места. В 1811 году его назначили на второстепенную должность командира Ревельского порта, а в 1813 году он был вообще уволен в отставку, в которой находился до 1825 года.

По словам Д. Н. Бантыша-Каменского: «Дмитрий Николаевич Сенявин был росту высокого и стройного; имел прекрасные черты и много приятности в лице, на котором изображалась доброта души и всегда играл свежий румянец. Наружность его вселяла любовь и почтение. Будучи крепкого сложения, он никогда не жаловался на болезни, и лечение его состояло в домашних простых средствах.

Он отличался веселым, скромным и кротким нравом; был незлопамятен и чрезвычайно терпелив; умел управлять собой; не предавался ни радости, ни печали, хотя сердце имел чувствительное; любил помогать всякому; со строгостью по службе соединял справедливость; подчиненными был любим не как начальник, но как друг, как отец: они страшились более всех наказаний — утраты улыбки, которою он сопровождал все приказания свои и с которою принимал их донесения. Кроме того, он был исполнен преданности к престолу и дорожил всем отечественным. В обществе Сенявин был любезен и приветлив. С основательным умом он соединял острый, непринужденный разговор» (цит. по: *Российские адмиралы*: Биогр. словарь / Авт.-сост. С. В. Чертопруд. М., 2004. С. 269).

[8] *Синенькая* — ассигнация пятирублевого достоинства.

[9] *...с г-жею П. ...* — Пукалова Варвара Петровна, урожд. Мордвинова (р. 1784) — известная в то время великосветская красавица, жена обер-секретаря Синода Ивана Антоновича Пукалова.

[10] *Канцевич* — правильно: Капцевич Петр Михайлович (1772—1840) — в 1808—1810 годах в чине генерал-лейтенанта состоял дежурным генералом при графе А. А. Аракчееве (*Рус. биогр. словарь.* Т. [8]. Ибак — Ключарев. СПб., 1897. С. 482—483).

[11] *Он не был тогда еще сенатором...* — Д. Б. Мертваго был назначен сенатором московских департаментов 11 декабря 1817 года (см. с. 219 настоящего изд.).

[12] *Этот дом стоит самым оригинальным образом...* — Хоромный тупик (бывш. Трехсвятительский тупик), № 4. В XVIII веке «здесь находились каменные палаты "волочильной и плющильной золотой и серебряной фабрики компанейщика" И. И. Тележникова. В конце века

палаты переходят к известному в Москве медику, “одному из знаменитейших московских практиков”, профессору Московского университета Ф. Г. Политковскому. После 1812 года дом был во владении тайной советницы В. М. Мертваго, у которой в 1824—1826 годах его снимал М. М. Сонцов, родственник А. С. Пушкина, женатый на его тетке Елизавете Львовне. В конце 1820-х годов дом <...> покупает штабс-капитан А. А. Елагин...» (*Романюк С. К.* Из истории московских переулков. М., 1988. С. 245—246).

[13] *Елагина* Авдотья Петровна, урожд. Юшкова, по первому браку Киреевская (1789—1877) — племянница В. А. Жуковского, мать известных славянофилов Ивана Васильевича (1806—1856) и Петра Васильевича (1808—1856) Киреевских. Хозяйка одного из лучших литературных салонов Москвы в 1820—1840-е годы, который «сделался средоточием московской умственной и художественной жизни» (*П. Б.*[артенев]. Авдотья Петровна Елагина // *Рус. архив.* 1877. № 8. С. 493). Бартенев так же писал о ее доме: «Прекрасный и обширный, с большим тенистым садом, находится в так называемом “тупике”, то есть в переулке, в который можно въехать только с одного конца, а другой упирается в строения. Это целая усадьба, каких в старину было в Москве много» (цит. по: *Стародуб К. В., Емельянова В. В., Краусова И. В.* Я люблю этот город вязевый...: Путеводитель по лит. местам Москвы. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1990. С. 73).

Известно, что Пушкин бывал в доме Елагиной зимой 1828—1829 года, весной 1830 года, в августе 1833 года.

[14] *Языков* Николай Михайлович (1803—1846) — поэт, друг А. С. Пушкина. В 1830-е года сближается с славянофилами. Посвятил А. П. Елагиной, в доме которой он жил, несколько произведений и свой третий (последний прижизненный) сборник «Новые стихотворения» (М., 1845):

Я знаю, в дни мои былые,
В дни жизни радостной и песен удалых,
Вам нравились мои восторги молодые
И мой разгульный звонкий стих;
И знаю я, что вы и ныне,
Когда та жизнь моя давно уже прошла —
О ней же у меня осталось лишь в помине,
Как хороша она была
И, приголубленная вами

И принятая в ваш благословенный круг,
Полна залетными, веселыми мечтами,
Любя студенческий досуг, —
И ныне вы, как той порою,
Добры, приветливы и ласковы ко мне,
Так я и думаю, надеюсь всей душою,
Так и уверен я вполне,
Что вы и ныне доброхотно
Принос мой примете, и сердцу моему
То будет сладостно, отрадно и вольготно.
И потому, и потому
Вам подношу и посвящаю
Я новую свою поэзию, цветы
Суровой, сумрачной годины; в них, я знаю,
Нет достодолжной красоты:
Ни бодрой юношеской силы,
Ни блеска свежести пленительной, — но мне
Они и дороги и несказанно милы;
Но в чужедальной стороне
Волшебно ими оживлялось
Мне одиночество туманное мое;
Но, ими скрашено, сноснее мне казалось
Мое печальное житье.

***

Помимо «Воспоминаний о Дмитрии Борисовиче Мертваго» С. Т. Аксакова, известны еще мемуары Марьи Петровны Ватаци, урожд. Мертваго (1860—1936) «Быль минувшего», из которых приводим здесь небольшой фрагмент о Мертваго и Аксаковых: «Дед мой Дмитрий Борисович Мертваго родился 5 августа 1760 года. 14-ти лет от роду, а именно в 1774 году он спасал семью свою от Пугачева. В 1775 году он был записан унтер-офицером в лейб-гвардии Преображенский полк и 19-ти лет вступил в службу сержантом. В те времена все это казалось естественным для дворян, и дед мой, как самородок чутья нравственного и природного ума, с некоторым юмором передает о целом ряде ничуть не заслуженных им милостей и льгот. По совету покровителей своих он оставляет военную службу и переходит в гражданскую. Его назначают, 22-х лет, прокурором в оренбургскую верховную расправу, с чином, этому званию присвоенным. Это не мешало ему все свое время проводить праздно.

и, как он сам говорит в своих записках, он ничему не научился, ничего не знал, что касалось этой должности. Находясь постоянно в обществе своих начальников, был любим ими и не только терпим на службе, но даже и уважаем, что впоследствии, когда он сделался с годами здравым критиком своих действий, возмущало его до глубины души.

В 1787 году он переводится в Уфу советником наместнического управления. В то время товарищем наместника был Николай Федорович Зубов, отец Марии Николаевны Аксаковой, или, как называет ее сын в "Семейной хронике", Софии Николаевны Багровой. Дед мой был другом и постоянным посетителем семьи Зубовых и Аксаковых, а впоследствии крестил их сына, Сергея Тимофеевича Аксакова, автора "Семейной хроники", этого художественного произведения, которое по изложению и яркости образов будет, несомненно, представлять собою вечный интерес в истории русской жизни.

Казалось, мало было образованных дворян, живущих в глухих углах России, между тем, сколько было среди них людей, выдающихся природным умом, непоколебимой верой, стойкостью характеров. Люди эти не носили в себе европейской культуры, а вместе с тем они-то и были созидателями русской земли. Возьмем как пример Сергея Михайловича Аксакова, "дедушку Багрова". Рядом с дикой вспыльчивостью сколько было здравого смысла у этого человека. Чутьем понимал он, что дочь товарища наместника, ученая, бойкая горожанка, "вчерашняя дворянка", как он ее называл, не пара сыну его Тимофею, "надо рубить дерево по себе",— говорит Сергей Михайлович,— "мы поищем тебе какую-нибудь смирненькую, тихонькую, деревенскую, родовую дворяночку". И рядом с этим, когда свадьба уже состоялась и он узнал близко Марию Николаевну, с какой быстротой и тонкостью она сумела ее понять и примениться к ней. Как этот нетронутый материал его души сразу откликнулся на зов воспитанной в других понятиях и среде женщины!

Среди ярких описаний "Семейной хроники" Аксакова часто появляется семья Мертваго. Сергей Михайлович очень уважал прабабушку мою Марию Михайловну. Она вообще пользовалась необыкновенным уважением от всех своих соседей и всех знакомых, считалась женщиной великого и политичного ума.

Впоследствии, когда семья Мертваго проводила зиму в Уфе, дочь Марии Михайловны Екатерина Борисовна сблизилась с Марией Николаевной Зубовой. В "Семейной хронике" Сергея Тимофеевича Аксакова мы часто встречаем их вместе, обеих замужем. Екатерина Борисовна выходит за Петра Ивановича Чичагова, а Мария Николаевна — за Аксакова.

Автор “Семейной хроники” рисует нам отношения семей Мертваго и Аксаковых в главе под названием “Приезд на постоянное житье в Багрово”. <...> *

Читая записки Д. Б. Мертваго, мы видим перед собой человека, жизнь которого прошла в непрестанной борьбе со злом. Трагедия его детства — пугачевщина — выдвинула этого 14-летнего ребенка из ряда обыкновенных детей и научила его прямо и бодро смотреть в глаза смерти. Слушая наставления отца, он ясно представлял себе смысл существования в будущем только в борьбе со злом и в надежде, что когда-нибудь правда восторжествует» (*Ист. вестник.* 1913. Т. 131. № 2. С. 354—355, 358).

---

* Обширная цитата из этой главы.— ***Г. М.***

Комментарии

к «Запискам» Д. Б. Мертваго

[15] *...назвавшегося царским именем.*— Емельян Иванович Пугачев (1740 или 1742 — 1775) принял имя императора Петра III, убитого после дворцового переворота 1762 года.

[16] *...но многим оставило в памяти неизгладимые черты ужаса и скорби.*— Так, у А. П. Сумарокова (1717—1777) есть «Стихи на Пугачева» (*Сумароков А. П.* Полн. собр. всех соч., в стихах и прозе...: [В 10 ч]. Ч. 9. М., 1781. С. 179):

Ты, подлый, дерзкий человек,
Незапно коего природа
Извергла на блаженный век
Ко бедству многого народа,
Забыв и правду и себя,
И только сатану любя,
О Боге мыслил без боязни
И шел противу естества,
Отечества и Божества,
Не помня неизбежной казни:
Не знал ни малой ты приязни,
В разбой стремясь людей привлечь;
Но днесь отбросил ты свой меч
И в наши предан ныне руки.
То мало, чтоб тебя сожечь
К отмщению невинных муки.
Но можно ль то вообразить,
Какою мукою разить
Достойного мученья вечна!
Твоей подобья злобе нет:

И не видал доныне свет
Злодея, столь бесчеловечна.

[17] *Михельсон* Иван Иванович (1740—1807) — в конце 1773 года в чине премьер-майора был назначен в войска, отправленные против Пугачева. «Вскоре после его прибытия дела на восточной окраине, охваченной мятежом, приняли другой оборот, благодаря выдающейся отваге М.<ихельсона>, особенной неутомимости его в преследовании мятежных шаек, которые он разбивал при каждой встрече. Победою над полчищами Пугачева, стоявшего под казанским кремлем, куда укрылись остатки жителей разоренного города, М.<ихельсон> нанес решительный удар самозванцу, а затем, переправившись вслед за ним на правый берег Волги, продолжал преследование мятежников, и в 25 верстах от Черного Яра нанес им окончательное поражение» (*Энциклопед. словарь* / Изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 38. СПб., 1896. С. 501). После казни Пугачева Михельсон получил собственноручный рескрипт Екатерины II, чин полковника и другие награды. В конце 1774 или начале 1775 года Г. Р. Державин, также принимавший деятельное участие в подавлении Пугачевского восстания, написал «Эпистолу к генералу Михельсону на защищение Казани» (*Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота.* Т. 3. СПб., 1866. С. 311—324).

[18] *22 июля, праздновали мы ее именины.*— Память мироносицы равноапостольной Марии Магдалины (I в.). Д. Б. Мертваго каким-то образом ошибается — 1 июля 1774 года родился его брат Борис, судьба которого неизвестна (см. с. 318 настоящего издания).

[19] *...Пугачев вступает в Алатырь, и народ <...> пошел ему навстречу.*— Войско Пугачева вступило в город 23 июля 1774 года: «...пошел он с толпою своею прямо на Алатырь, где его встретили жители того города почти все за городом с хлебом и солью, а попы — с крестами. При входе в город приставлен был от него караул, чтоб городских жителей толпа его не разоряла, а сам пошел в церковь. И пели попы молебен, поминая государя Петра Федоровича...» (*Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената.* 4—14 ноября 1774 г. // *Емельян Пугачев на следствии*: Сб. документов и материалов / Сост.: Р. В. Овчинников, А. С. Светенко. М., 1997. С. 201). Находясь в Алатыре до 25 июля, Пугачев сделал здесь первый после отхода из Казани отдых (см. также: *Арнольдов М.* Действия самозванца Пугачева и его шаек в пределах нынешней Симбирской губернии // *Сборник исторических и статистических материалов*

о Симбирской губернии: Прил. к Памятной книжке на 1868 г. Симбирск, 1868. С. 270—276).

[20] *Пошевни* — широкие сани, розвальни.

[21] *Яр* — крутой, обрывистый берег реки, обрыв.

[22] *Такова была кончина человека, которого, по всей справедливости, можно было назвать честнейшим.* — В примечаниях к Главе осьмой «Истории Пугачева» А. С. Пушкин поместил изданный «в то время список <...> еще не весьма полный) жертвам Пугачева и его товарищей» — «Описание, собранное поныне из ведомостей разных городов, сколько самозванцем и бунтовщиком Емелькою Пугачевым и его злодейскими сообщниками осквернено и разграблено Божиих храмов, также побито дворянства, духовенства, мещанства и прочих званий людей, с показанием, кто именно и в которых местах». Среди погибших дворян Алаторского уезда отмечены «Маиор Борис Мертваго» и «Прапорщик Василий Мертваго, с женою Пелагеею Ивановною» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 9 [1]. М., 1938. С. 130).

[23] *...он узнал о приближении самозванца <...> ушел ночью <...> и унес с собою все деньги, кроме медных.* — Матвей Белокопытов и чиновники Алаторской провинциальной канцелярии бежали из города 22 июля 1774 года. По показанию Е. З. Сулдешева (см. о нем ниже) пугачевцы захватили в Алатыре 10 или 11 пудов пороха, а найденную денежную казну, в том числе 50 бочек с медной монетой, бросали «собравшемуся около церкви народу» (*Емельян Пугачев на следствии...* С. 407).

[24] *...подьячий <...> предложил нам квартиру...* — Дмитрий Иванович Фирсов (см. с. 223 настоящего изд.).

[25] *Сердешев* — правильно: Сулдешев Елизар Захарович — старший из находившихся в Алатыре офицеров в день вступления туда восставших. Вынужденно «перешел» на сторону Пугачева, который присвоил ему чин полковника и назначил градоначальником, снабдив соответствующем указом: «...А как в случае нашего прибытия с армией в город Алатырь находящиеся во оном священного и протчаго звания жители, кои по должности своей присяги, признавая своего монарха, учинили с пристойною церемониею всретение, а особливо и в склонность пришли порядочным образом. Наипаче ж из усмотренной нами оказанной верности господина прапорщика Елизара Сулдешева, коей, не хотя учинить нашему величеству противности, склонил и весь находящийся в городе Алатыре народ в подданство нашей короне, за что награждается рангом полковника, и препоручается ему, как верноподданному рабу, содержать оной город Алаторь под своим ведением и почитаться главным командиром...»

(*Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений.* 1773—1774 гг. / Сост.: А. И. Аксенов, Р. В. Овчинников, М. Ф. Прохоров. М., 1975. С. 45—46). Сулдешев исполнял обязанности пугачевского воеводы в течение недели. 31 июля 1774 года он был арестован командиром вступившего в город карательного отряда секунд-майора (а не ротмистра, как пишет Д. Б. Мертваго) графом Каспаром Меллиным, и содержался под следствием в Казанской секретной комиссии. По приговору 10 марта 1775 г. был освобожден из заключения, исключен из службы и определен на жительство в Таганрог (*Там же.* С. 388).

[26] *Сердешев объявил в народе, что не позволяет убивать дворян в уезде...* — «Воспользовавшись своей властью, Сулдешев для спасения многих дворян объявил крестьянам, что дворян нельзя убивать в уезде, а надо везти их в город, и платил за каждого мужчину 10, а за женщину 5 рублей. В ожидании правительственных войск он держал дворян под стражей. Так ему удалось спасти 20 человек» (*Крестьянская война в России в 1773—1775 годах.* Восстание Пугачева: В 3 т. Т. 3 / Отв. ред. В. В. Мавродин. Л., 1970. С. 190).

[27] *Монастырь...* — Алаторский Киево-Николаевский женский монастырь; основан в 1639 году.

[28] *...гарнизонный солдат, шедший по пустырю, увидев наши проделки...* — среди рабочих материалов А. С. Пушкина к «Истории Пугачева», не вошедших в основной текст книги, есть запись «Показания Крылова (поэта)»: «...После бунта, Ив. Крылов возвратился в Яицк.<ий> г.<ородок> (sic! — Г. М.), где завелася игра в пугачовщину. Дети разделялись на две стороны, городовую и бунтовскую, и драки были значительные. Кр.<ылов>, как сын капитанский, был предводителем одной стороны. Они выдумали, разменивая пленных, лишних сечь, отчего произошло в ребятах, между коими были и взрослые, такое остервенение, что принуждены были игру запретить. Жертвой оной чуть было не сделался некто Анчапов (живой доныне). Мертваго, поймав его, в одной экспедиции, повесил его кушаком на дереве. Его отцепил прохожий солдат. *11 апр.<еля> 1833*» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 9 [2]. М., 1940. С. 492).

«В настоящее время не выработано единой точки зрения на то, был ли Пушкину — автору “Истории Пугачева” и “Капитанской дочки” — известен текст “Записок” Д. Б. Мертваго,— пишет Т. А. Алпатова. Положительный ответ на этот вопрос дает, в частности, О. Чайковская в своей статье “Гринев” *, проводя развернутые сопоставления мемуаров

---

* *Чайковская О.* Гринев // Пушкинист: Сб. Пушкинской комиссии Ин-та мировой лит. им. А. М. Горького. Вып. 1. М., 1989. С. 314—317. «Мы обратимся

и итогового пушкинского романа. Хотя единственное упоминание имени Мертваго относится к пушкинской записи "Показаний Крылова (поэта)", внутреннее тяготение поэта-историка к первой главе "Записок", повествующей о пугачевщине, велико. Зачастую сходные трактовки событий и манера исторического повествования и у реального человека екатерининского времени и у пушкинского Гринева объединены общим ощущением, что, несмотря на трагедию эпохи, Провидение все же не уходит до конца из истории и человеческой судьбы» (*Рус. словесность.* 1994. № 1. С. 66—67).

Хорошо известно, насколько ответственно подошел Пушкин к собиранию материалов о Пугачевском восстании (см., например: *Овчинников Р. В.* Над «пугачевскими» страницами Пушкина. 2-е изд., испр. и доп. М., 1985), в т. ч. и неизданных мемуаров современников. Так, он через Леонида Николаевича Львова (1784—1849), племянника Д. А. Державиной, обращался среди прочих и к Дарье Алексеевне Державиной (1767—1842) за материалами о восстании, принадлежавшими ее мужу. Предварительный ответ Д. А. Державина передала через своего зятя К. М. Бороздина (1781—1848): «Благодарю тебя, душа моя Константин Матвеевич, за уведомление в рассуждение моей бумаги, и я твоих ж мыслей оставить оное до моего возвращения, тем более, что оная бумага и переписана в скорости быть не может. Итак, скажи, душа моя, об этом Леониду, дабы он извинился перед Пушкиным и сказал бы ему, <что> прежде моего приезду удовлетворить его нельзя по причине той, что оная бумага не одно Пугачевское дело в себе заключает, следственно, посему надо прежде оную рассмотреть, а без себя оное мне сделать невозможно...» (*ОР РНБ.* Ф. 247. Г. Р. Державин. Т. 20. № 2. Л. 444—445; *Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота.* Т. 9. СПб., 1883. С. 57). Это письмо от 28 июля 1834 года из Званки написано рукой секретаря. Согласно почтовому штемпелю, в Петербурге его получили утром 31 июля. Просьба Пушкина не была исполнена: родственники сочли неудобным передавать материалы в посторонние руки. Участие Державина в подавлении Пугачевского восстания Пушкин проследил, хотя и неточно, по другим источникам, в т. ч. изданным Федором Петровичем Львовым (1766—1836) «Объяснениям на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице, Елизавете Николаевне Львовой, в 1809 году.» (СПб, 1834). В примечаниях к Главе пятой «Истории Пугачева» Пушкин отметил: «Державин написал свои Записки, к сожалению,

---

к мемуарам Дмитрия Мертваго, мальчишкой пережившего пугачевщину (его историю знал Пушкин)» (с. 314).

еще не изданные» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 9 [1]. М., 1938. С. 110).

Вопрос о возможности знакомства Пушкина с первой главой «Записок» Д. Б. Мертваго решается уже положительно, (хотя и при отсутствии документальных материалов), если помнить, что его дочь Марья Дмитриевна была замужем за лицейским товарищем Пушкина Д. Н. Масловым. Посещая московский салон А. П. Елагиной, Пушкин не мог не знать, что бывает в доме, незадолго до того принадлежавшем В. М. Мертваго (см. коммент. 13 к с.13 настоящего изд.). Кроме того, известно, что в 1832 году Пушкин побывал в усадьбе Демьяново, где ознакомился с «Записками» Д. Б. Мертваго.

[29] *Пиль* Иван Алферович (ум. 1801) — см. с. 223 настоящего изд.

[30] *Не дед ли это М. А. Дмитриева...* — П. И. Бартенев подразумевает Александра Алферовича, брата И. А. Пиля. Его дочь Марья Александровна в 1794 году вышла замуж за полковника Александра Ивановича Дмитриева (1759—1798), брата Ивана Ивановича Дмитриева (1760—1837) — известного поэта, баснописца, министра юстиции Российской империи в 1810—1814 годах. Поэт Михаил Александрович Дмитриев (1796—1866) — действительно сын А. И.и М. А. Дмитриевых. Осиротев девяти лет, М. А. Дмитриев постоянно жил в московском доме И. И. Дмитриева.

[31] *Панин* Петр Иванович (1721—1789) — генерал-аншеф (1762), брат Никиты Ивановича Панина (1718—1783), одного из организаторов дворцового переворота 1762 года, воспитателя цесаревича Павла Петровича. В июле 1774 — августе 1775 года П. И. Панин командовал правительственными войсками, действовавшими против Пугачева.

[32] *...жена бригадира...* — Пиль Елизавета Ивановна (см. с. 223 настоящего изд.).

[33] *...поехала к своему отцу. У него прожили мы почти всю зиму.* — Из воспоминаний «Быль минувшего» М. П. Ватаци: «Несколько месяцев спустя после усмирения Пугачевского бунта мать дедушки, прабабка моя Мария Михайловна Мертваго, стала приходить в себя, поехала с семьей своей к отцу своему, Михаилу Ильичу Мартынову, жившему в то время в родовом своем поместье, селе Липягах Пензенского уезда. Не для успокоения ехала несчастная дочь к своему отцу, горе царило повсюду, и среди многих благочестивых дворянских семей нашествие этого изверга рода человеческого было воспринято как воля Божия, как стихийное бедствие, которому люди ни в чем не повинные должны подчиниться» (*Ист. вестник.* 1913. Т. 131. № 2. С. 352).

Подробные сведения о М. И. Мартынове и членах его семьи имеются у Алексея Николаевича Нарцова (Норцова) (1859 — ок. 1922): «Михаил Ильич Мартынов. Родился 28 октября 1719 года в с.<еле> Липягах Пензенского уезда. 28 сентября 1736 года брак его с девицей Марией Алексеевной Гурьевой. 3 февраля 1737 года определен в лейб-гвардии Измайловский полк. 28 октября 1740 года капрал; 30 апреля 1742 года фурьер; 8 июня 1746 года скончалась и погребена в селе Липягах Мария Алексеевна, жена Михаила Ильича; 3 февраля 1747 года Михаил Ильич произведен в подпоручики, а 25 февраля того же года — в поручики и определен в Алексеевский пехотный полк Оренбургской экспедиции. 1 ноября 1749 года брак его с девицей Анной Григорьевной Кривской <...>.

(В 1774 году Василий N. Кривский, прокурор, был убит Пугачевым в Алатырском уезде, Симбирской губ.<ернии> <...>).

25 апреля 1751 года М.<ихаил> И.<льич> капитан и определен в Билярский драгунский полк; 23 декабря 1757 года вышел в отставку секунд-майором; 12 января 1770 года скончалась его жена Анна Григорьевна и погребена в с.<еле> Липягах, а 3 мая того же года М.<ихаил> И.<льич> женился третьим браком на девице Екатерине Ивановне Нелюбовой, дочери полковника (?) Ивана Федоровича Нелюбова.

После отставки, с 1758 года, М.<ихаил> И.<льич> жил преимущественно или в селе Липягах, Пензенского уезда или в самой Пензе. В то время Пенза, по словам <Ф. Ф.> Вигеля “состояла из десятка не весьма больших деревянных господских хором и нескольких сотен обывательских домиков, из коих многие были крыты соломою и имели плетеные заборы”. Соборная каменная церковь, которая величиною едва ли превосходила многие сельские храмы, с тех пор построенные, и несколько каменных и деревянных небольших приходских церквей служили единственным ее украшением. Чтобы судить о неприхотливости тогдашнего обихода жизни пензенских дворян, надобно знать, что ни у одного из них не было фаянсовой посуды, а у всех подавали глиняную, муравленую; зато человек хотя несколько достаточный не садился за стол без двадцати четырех блюд похлебок, студней, взваров, пирожных. У одного только Михаила Ильича Мартынова, владельца тысячи душ, более других гостеприимного и роскошного, было с полдюжины серебряных ложек,— их клали перед почетными гостями, а другие должны были довольствоваться оловянными. Многочисленная дворня, псарня и конюшня поглощали иногда все доходы с господских имений <...>.

В Пугачевщину Михаил Ильич испытал большое горе: бунтовщиками были убиты сыновья его — Николай и Савва, племянник Сергей

Егорович и племянница Александра Егоровна Витилева; из дочерей его Дария Михайловна (впоследствии известная игумения <нижегородского Крестовоздвиженского монастыря> Дорофея) была в плену у Пугачева, а Мария Михайловна Мертваго испытала с своей семьей ужасные бедствия. В 1785 году Михаил Ильич, переправляясь через реку Суру со всем семейством, едва не утонул. <...>

31 марта 1788 года Михаил Ильич скончался, оставив после себя интересную рукопись “Родословие с приключениями фамилии Мартыновых”, собственноручно до 1785 года им самим написанное. <...>

Третья жена Михаила Ильича, Екатерина Ивановна, скончалась 22 февраля 1796 года и погребена в с.<еле> Липягах» (*Нарцов А. Н.* Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых, с их ветвями. Тамбов, 1904. С. 14—17).

[34] *«Учреждение о губерниях»* — закон по местному управлению «Учреждения для управления губерний Всероссийская империи. Часть первая», подписанный Екатериной II 7 ноября 1775 года (*Полн. собр. законов Российской империи с 1649 года.* Т. 20. СПб., 1830. С. 229—304 [№ 14 392]). Вторая его часть была обнародована в 1780 году.

[35] *...с дарованною 13 лет тому назад свободою дворянам служить или оставаться дома...* — манифест «О даровании вольности и свободы всему Российскому дворянству», подписанный Петром III 18 февраля 1762 г. (*Полн. собр. законов Российской империи с 1649 года.* Т. 15. СПб., 1830. С. 912—915 [№ 11 444]).

[36] *Вяземский* Александр Алексеевич (1727—1793) — князь, генерал-прокурор Правительствующего Сената с 1764 года, почетный член Петербургской Академии наук (1776).

[37] *...по случаю начавшейся в 1787 году войны с турками...* — третья русско-турецкая война (1787—1791), начатая Турцией с целью возвращения Крыма и других причерноморских территорий.

[38] *«Дружеское ученое общество»* — благотворительно-просветительное общество, возникшее при Московском университете по инициативе профессоров университета Николая Ивановича Новикова (1744—1818) и Ивана Григорьевича (Егоровича) Шварца (1751—1784). Открытие общества состоялось 6 ноября 1779 года в доме Петра Алексеевича Татищева (1730—1810) — известного масона, в 1782 году главного мастера ложи «Гармония», а с 1783 года главы всех русских масонов. Целью общества, в котором в разное время состояло до 50 членов, являлось распространение в России истинного просвещения следующими путями: 1) делать общеизвестными правила хорошего воспитания;

2) издавать полезные книги; 3) выписывать из-за границы способных учителей или воспитывать русских преподавателей. В 1784 году общество переименовано в «Типографическую компанию», существовавшую до 1791 года.

[39] *...командовать армиею против шведов.*— Четвертая русско-шведская война (1788—1790), начатая Швецией с целью возвращения бывших владений в Прибалтике. О. А. Игельстром «в начале 1790 года в чине генерал-поручика был назначен в Финляндскую армию, а с открытием мирных переговоров, приведших к заключению Верельского мира (3 августа 1790 года), принимал в них главнейшее участие, за что и получил орден св. Андрея, а затем еще чин генерала-аншефа, похвальную грамоту и шпагу. Предполагалось отправить его в Швецию послом, но назначение это не состоялось, потому что взаимно назначены были министры низшего ранга» (*Рус. биогр. словарь.* Т. [8]. Ибак — Ключарев. СПб., 1897. С. 43).

[40] *...не подражая примеру Пенелопы...*— в греческой мифологии прекрасная верная супруга Одиссея, которая ожидала его возвращения 20 лет, отклоняя предложения многочисленных добивавшихся ее женихов. Образ Пенелопы — символ супружеской верности.

[41] *Улус* — здесь: в прошлом у некоторых народов Сибири и юго-востока европейской части России — род, родовая община и территория, ей принадлежащая.

[42] *...одно название крепости <...> гарнизон ее состоял из 20 дряхлых солдат.*— Ничего не изменилось в Киргиз-кайсацкой степи со времени Пугачевщины; ср. в «Капитанской дочке» Пушкина, повествование в которой ведется от лица Гринева: «Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни и вал; но ничего не видал, кроме деревушки, окруженной бревенчатым забором. С одной стороны стояли три или четыре скирда сена, полузанесенные снегом; с другой — скривившаяся мельница с лубочными крыльями, лениво опущенными. “Где же крепость?” — спросил я с удивлением. “Да вот она”,— отвечал ямщик, указывая на деревушку, и с этим словом мы в нее въехали. У ворот увидел я старую чугунную пушку; улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частию покрыты соломою». И ниже: «Подходя <со Швабриным> к комендантскому дому, мы увидели на площадке человек двадцать стареньких инвалидов с длинными косами и в треугольных шляпах. Они выстроены были во фрунт. Впереди стоял комендант, старик бодрый и высокого росту, в колпаке и в китайчатом халате» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 8 [1]. М., 1938. С. 294, 297).

[43] *...устраиваются на зиму...* — немецкий ученый на русской службе Иоганн-Готлиб (Иван Иванович) Георги (1729 или 1738, по некоторым данным 1742 — 1802), впервые систематизировавший сведения о различных сторонах культуры и быта народов России, писал в своей книге, изданной в 1799 году: «Башкирцы до самого времени, как россиянами покорены, да и после того еще долго, вели жизнь кочевую; но мало-помалу соединили они странственную пастушью жизнь с сопряженным со всегдашними жилищами землепашеством. Ныне все они имеют одноместные зимние хижины и подвижные летние юрты.

При постройке *зимних деревень (аулов)* уважают они больше плодородие мест, нежели приволье к воде, потому что они довольствуются зимой снегом. В деревне *(аул)* бывает дворов от 10 до 50. Они срублены из бревен худо и непрочно и состоят по большей части в одной избе с плоской крышкой. Внутри расположено все по татарскому вкусу, но худо. Полати служат часто и клевами [хлевами] для молодой скотины. Очаг огорожен вокруг шестиками, которые перевязаны и глиной обметаны. Возле оного закладен кирпичами чугунный котел. Многие двери так малы, что надобно в них пролезать; световые же в стенах окна обтянуты по большей части вместо стекол пузырями, рыбьими кожами или окунутыми в масло тряпицами. При всяком жилье есть небольшая четвероугольная кладовая *(кюзю)*. И сами молебные храмины не лучше построены. Ежели им какое-нибудь место в их стране покажется лучше прежнего, то покидают они свою деревню и строят новую; и для того по прошествии нескольких лет тем труднее доискиваться, в рассуждении названия их деревень, толку, чем больше перебывало у них между тем старейшин, ибо они по ним дают и деревням своим название, как, например, Султанова, Ахметова и так далее» (*Георги И.-Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 2005. С. 208).

[44] *...для назначения нового хана...* — для прекращения волнений по случаю смерти хана Эрсилли и организации выборов нового хана в Киргиз-кайсацкую орду в 1793 году был послан Сергей Кузьмич Вязмитинов (1744—1819). Его миссия увенчалась успехом: к сентябрю 1795 года новым ханом был избран расположенный к России султан Ишим.

[45] *...состоявшим при императрице для принятия прошений...* — Державин служил в должности статс-секретаря Екатерины II с 12 декабря 1791 по 2 сентября 1793 года (см.: *Левенштейн О. Г.* Статс-секретарская служба при императрице Екатерине II (1791—1793 гг.) //

Левенштейн О. Г. Г. Р. Державин: Гос. деятельность. 1784—1796 гг. / Отв. ред. А. Г. Иванов. Йошкар-Ола, 1997. С. 107—116; *Перышкин М. Ю.* Служба Г. Р. Державина в должности статс-секретаря Екатерины II (по документам РГАДА) // *Г. Р. Державин и его время*: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. П. Морозова. Вып. 2. СПб., 2005. С. 18—29).

[46] *...показал мне свои объяснения суду...* — подразумевается столкновение Державина, занимавшего должность тамбовского губернатора (с марта 1786 по декабрь 1788 года), с его непосредственным начальником рязанским и тамбовским наместником Иваном Васильевичем Гудовичем (1741—1821). В результате Державин был отрешен от должности, предан суду Московского Сената и оправдан. Подробно эти события изложены в Отделениях V и VI «Записок...» самого Державина. Документ, показанный Державиным Д. Б. Мертваго, напечатан: *Объяснения бывшего тамбовского губернатора Державина* о делах по губернии и истинных причинах, от чего проистекли на него неудовольствия правящего генерал-губернаторскую должность, генерал-поручика и кавалера Гудовича, и потом тяжкие ему обиды и несправедливые на него Сенату доносы. Июля 27 дня 1789 года // *Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота*. Т. 7. СПб., 1872. С. 137—186.

Впоследствии И. В. Гудович — граф (1797), генерал-фельдмаршал (1807). В русско-турецкую войну 1787—1791 годов командовал корпусом. В русско-турецкую войну 1806—1812 годов главнокомандующий войсками на Кавказе. В 1809 году был назначен военным генерал-губернатором Москвы. С 1810 года. член Государственного Совета.

[47] *Польские области, присоединенные к России...* — по второму разделу Речи Посполитой в 1793 году.

[48] *...Державин пожалован был сенатором...* — 2 сентября 1793 года, одновременно с пожалованием чина тайного советника Г. Р. Державин был назначен сенатором по Межевому департаменту, а 1 января 1794 года — президентом Коммерц-коллегии.

[49] *Богатый купец* — Василий Алексеевич Злобин (см. сс. 112, 225 настоящего изд.).

[50] *...через несколько дней при мне скончалась...* — Е. Я. Державина (урожд. Бастидон) умерла 15 июля 1794 года. Похоронена на Лазаревском кладбище Александро-Невского монастыря (с 1797 года лавра). На пилоне с урной и рельефом выбита эпитафия, сочиненная Г. Р. Державиным:

Где добродетель? Где краса?
Кто мне следы ее приметит?

Увы! здесь дверь на небеса...
Сокрылась в ней — да солнце встретит!

Ср. три редакции эпитафии Н. А. Львова (*ОР РНБ*. Ф. 247. Г. Р. Державин. Т. 20. № 2. Л. 277—277об.; рукой писаря, с правкой):

(1) Любовью, дружеством краса оживлена,
Жива в сердцах друзей осталась
И с ними лишь умрет она.—

(2) Хотя судьбой (или: Отсель краса) похищена
[Краса] что (нежным) дружеством, любовью оживлялась.
Жива в сердцах друзей осталась
И с ними лишь умрет она.—

(3) Краса, что дружбою, любовью оживлялась,
К Любови вечной призвана.
Средь [лета] юных дней своих скончалась;
Жива — в сердцах друзей осталась,
И с ними лишь умрет она.

Известны также: «Ода на смерть Пленира» и «Годовое воспоминовение Плениприной кончины» («Ода на воспоминание Плениприной кончины») Василия Васильевича Капниста (1758—1823); стихотворение И. И. Дмитриева «К Г. Р. Державину, по случаю кончины первой супруги его».

[51] *...поехал на праздник в Царское Село...* — по-видимому, подразумевается «торжество восшествия на престол» Екатерины II — очередная годовщина переворота 28 июня 1762 года.

[52] *Чичагов* Василий Яковлевич (1726—1809) — в 1764—1766 годах начальник российской экспедиции для отыскания морского пути из Архангельска через Северный Ледовитый океан к берегам Северной Америки и Камчатке. Адмирал (1782). В русско-шведскую войну 1788—1790 годах командующий Балтийским флотом, одержал победы при острове Эланд, Ревеле и Выборге. У Державина есть надпись «К бюсту адмирала Василья Яковлевича Чичагова. 1790 года» (*Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота*. Т. 3. СПб., 1866. С. 351):

Трикрат на нас сильней флот шведов тек;
Бесстрашный Чичагов Екатерине рек:

«Коль нам помощник Бог, нас тьмой не сглотят сил!»
Отбил, облег, разбил, пленил.

[53] *...указ о прощении состоялся в день памяти Св. Димитрия чудотворца...* — это было 21 сентября 1794 года; в этот день церковь празднует обретение мощей святителя (1752). День памяти Димитрия Ростовского, в миру Даниила Савича Туптало (1651—1709), митрополита Ростовского и Ярославского, приходится на 28 октября. Популярность его во многом объяснялась тем, что он считался защитником всех слабых и угнетенных.

Вообще, хлопоты о прощении начались еще в 1793 году 29 июля Державин из Царского Села писал управляющему своего оренбургского имения Онисиму Михайловичу Перфильеву: «Г. Чичагову скажите, что доложить об нем я готов, и не разрешит ли его несчастную судьбу приближающееся мирное торжество» (*Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота*. Т. 5. СПб., 1869. С. 818). При торжестве мира со Швециею, 2 сентября 1793 года, Чичагов прощен не был; облегчение его участи произошло только в следующем году через П. А. Зубова, о чем и рассказано Д. Б. Мертваго.

18 января 1795 года П. И. Чичагов и его жена Екатерина Борисовна отправили Державину благодарственное письмо, о котором 3 февраля Державин отозвался Д. Б. Мертваго: «На это скажу в ответ только ту пословицу, что вдвое тому спасибо, кто хлеб-соль помнит» (*Там же*. Т. 6. СПб., 1871. С. 27).

П. И. Чичагов наблюдал за строительством и отделкой церкви в оренбургском имении Державина, а в 1796 году вообще стал управляющим этим «заглазным» имением, сменив нерадивого племянника Державина Александра Васильевича Страхова. «Прошу вступиться в мое сиротство вашего Петра Ивановича,— писал Державин к Д. Б. Мертваго 5 мая 1796 года,— я охотно готов принять его дружеские советы, им последовать и поручить все в его волю. Что мне делать? Ей-богу, со дня на день разоряюсь <...>. Итак, прошу его покорнейше принять на себя труд и войти в главный присмотр за моими деревнями, чем он меня Бог знает, как обяжет. <...> Я нетерпеливо буду ожидать его на сие мое убедительное прошение согласия» (*Там же*. Т. 6. СПб., 1871. С. 35—36). «У меня в деревне принял уже по приязни своей управительство П. И. Чичагов. Не знаю, что будет: человек по письмам очень умный и знающий; а от Страхова не мог в год писем пяти добиться»,— сообщил Державин Петру Алексеевичу Гасвицкому 3 июля 1796 года. (*Там же*. Т. 6. СПб., 1871. С. 49).

Чичагов долго оставался управляющим оренбургском имением, но его «усердие» в конце концов так и сошло на нет. Во всяком случае, 3 ноября 1802 года министр юстиции Державин сообщил Д. Б. Мертваго: «Петр Иванович редко и почти совсем ко мне не пишет; а денег или доходов с моей деревни ничего уже не высылает. Я полагаю этому не другую какую причину: как сам он занят государевою должностью и откупом, то и не имеет время помыслить о моей экономии; однако, как бы то ни было, нужно бы кажется уведомить, а особливо, для чего не высылает денег. <...> Пожалуйте, попросите его, чтоб не оставлял меня в безвестии; ибо новый пост прибыли мне еще никакой не принес, а расходы, по необходимости содержания большого дома, умножились» (*Там же.* Т. 6. СПб., 1871. С. 140).

Следующее известное письмо Державина к управляющему оренбургским имением — Василию Петровичу N., написано 18 января 1809 года и начинается словами: «Я весьма удивляюсь молчанию вашему...» (*Там же.* Т. 6. СПб., 1871. С. 193—194).

54 *...нашего откупщика...* — купца В. А. Злобина.

55 *...С. К. Вязмитинов, который был сенатором в одном департаменте с Державиным...* — Вязмитинов был назначен сенатором 4 марта 1794 года, а 28 сентября — генерал-губернатором Симбирского и Уфимского наместничеств и управляющим пограничными делами.

56 *...известие о кончине императрицы, и Вязмитинову повелено было немедленно ехать в Малороссию...* — Екатерина II умерла 6 ноября 1796 года; малороссийским генерал-губернатором С. К. Вязмитинов был назначен 3 декабря.

57 *Васильев* Алексей Иванович (1742—1807) — сенатор (со 2 сентября 1793 года). Государственный казначей с 4 ноября 1796 по 22 ноября 1800 и с 12 марта 1801 года Граф (1801), почетный член Российской Академии (1801). Первый министр финансов Российской империи с 8 сентября 1802 по 15 августа 1807 года. (день смерти).

58 *...Вязмитинову повелено было управлять комиссариатским департаментом...* — это назначение С. К. Вязмитинов получил 24 апреля 1797 года.

59 *...генерал-провиантмейстер Обольянинов, бывший за два года пред тем в одном со мною чине...* — Петр Хрисанфович Обольянинов (1753—1841) был назначен генерал-провиантмейстером в 1796 году в чине генерал-майора.

60 *Салтыков* Николай Иванович (1736—1816) — генерал-фельдмаршал (1796), последний президент Военной коллегии с 8 ноября

1796 года по 8 сентября 1802 года, когда она была заменена Военным министерством во главе с С. К. Вязмитиновым. В 1812 году Александр I назначил Салтыкова председателем Государственного Совета и Комитета министров, а в 1813—1814 годах, во время Заграничных походов русской армии, поставил его в положение регента государства. Светлейший князь (1814).

[61] *...генерал-прокурор князь Л.*— Лопухин Петр Васильевич (1753, по другим данным 1844 — 1827) — генерал-прокурор с 8 августа 1798 года; по прошению уволен от службы 7 июля 1799 года. Второй по счету (после Г. Р. Державина) министр юстиции Российской империи с 8 октября 1803 по 1 января 1810 года.

[62] *Жена Вязмитинова...* — с 1786 года, Александра Николаевна, урожд. Энгельгардт (не позже 1773 — 1848), дочь Николая Богдановича Энгельгардта (1737—1816), могилевского губернатора в 1780—1790 годах, и его жены Натальи Петровны, урожд. Бутурлиной (ум. 1785).

[63] *...открылась вакансия губернатора в Петербурге...* — по-видимому, подразумевается эпизод с Дмитрием Федоровичем Глинкой (1749—1808), с декабря 1798 по март 1800 года петербургским гражданским губернатором в чине действительного статского советника. 2 марта 1799 года по указу Павла I он был отстранен: «Губернатора Глинку за найденные в здешних присутственных местах разные упущения в делах, медленность в решении оных и собственную его непопечительность и нерадение к должности повелеваем выключить из службы». Однако через две недели выяснилось, что упущения в делах допустил его предшественник Иван Ильич Гревенс (1752 — после 1803). Павел I тут же возвратил Глинку на прежнее место и пожаловал ему 5000 десятин земли (*Длуголенский Я.* Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга. СПб., 2001. С. 177—178).

[64] *Кутайсов* Иван Павлович (1759—1834) — «научившись в Париже и Берлине парикмахерскому искусству, он исполнял у великого князя обязанности камердинера; изучив характер Павла, ловкий и способный, он умел применяться к своеобразным его проявлениям, благодаря чему не только избегал продолжительного охлаждения, но скоро сделался необходим великому князю и сам приобрел на него влияние. По вступлении Павла I на престол Кутайсов сделан был гардеробмейстером с чином V класса, затем, 6 декабря 1798 года, пожалован в егермейстеры и украшен звездой Анны 1-й ст., в течение 1799 года пожалован в бароны (22 февраля), в графы (5 мая) и получил <орден> Александра Невского; 1 января 1800 года пожалован в обер-шталмейстеры,

а 19 декабря получил орден св. Андрея и сделан Мальтийским кавалером ордена Большого креста. Этим успехам служебной карьеры и потоку почетных наград соответствовали щедрые пожалования землями и крестьянами, так что он сделался одним из самых богатых людей в России, но корыстолюбие его не знало границ <...>. 16 марта 1801 года Кутайсов был уволен от службы...» (*Знаменитые россияне XVIII—XIX веков*: Биографии и портреты / Сост. Е. Ф. Петиновой. Л., 1996. С. 359—360).

Кутайсов был одним из самых бездарных, а потому особенно ненавистных всем фаворитов, что, впрочем, вовсе не мешало тогдашним поэтам прославлять его в своих произведениях, например, «Стихи его сиятельству милостивому государю графу Ивану Павловичу Кутайсову» князя Прокопия Васильевича Мещерского (1736—1818) (*ОР РНБ*. Ф. 247. Г. Р. Державин. Т. 25. Л. 47—48):

Питомец Павлов быв, пример в монархе зря,
Как верный подданный усердием горя
Неутомим в трудах. Монаршу волю тщишься
Все ревностно свершать, и сим лишь ты гордишься;
Щедроты на тебя монарх наш пролиял,
А ты щедроты те заслугой оправдал.
Твой нежный нрав, твое открыто обхожденье,
Влекут к тебе от всех душевное почтенье.
Близ царска трона кто возможет быть таков,
Тот кормчий счастливый, достигший берегов.
Прийми ж, почтенный муж, сие ты приношенье,
За кое чрез тебя приял благоволенье
От Павла Первого, источника щедрот,
Российских чад отца, зерцала всех доброт;
Он наших благ вина и наша он отрада,
Он страх преступникам, заслугам он награда.
Он россам бог земный, щит веры, миру свет,
Он бог и твой и мой. У нас другого нет.

[65] *...и пожаловал его сенатором.*— П. Х. Обольянинов был назначен сенатором 1-го департамента 22 ноября 1799 года.

[66] *...пожаловал моему начальнику Мальтийский крест...*— 12 февраля 1800 года Обольянинов был пожалован кавалером Большого креста с повелением «присутствовать в Священном Совете сего Ордена

в качестве Великого Командора» (*Дзюбанов С. Д.* Копии грамот на кавалерское и командорское достоинства ордена Св. Иоанна Иерусалимского в собрании РНБ // *Рыцари Мальтийского креста*: Материалы науч. конф. [Гатчина, 15—16 мая 2006]. СПб., 2006. С. 142).

[67] *...он был определен генерал-прокурором...*— Обольянинов состоял в этой должности (с оставлением за ним должности генерал-провиантмейстера) со 2 февраля 1800 года до конца царствования Павла I.

[68] *...пожалован почетным командором ордена Св. Иоанна Иерусалимского.*— 26 октября 1800 года, вместе с генерал-майорами Петром Алексеевичем Яковлевым и Евгением Федоровичем Арбузовым (*Дзюбанов С. Д.* Копии грамот... С. 159).

[69] *Нелединский-Мелецкой* Юрий Александрович (1752—1829) — князь. «При воцарении Павла I <...> был пожалован в статские советники и определен к принятию прошений, подаваемых на высочайшее имя; во время коронации получил 800 душ и сопровождал затем императора в его путешествии по России; в 1798 году произведен в действительные статские советники и получил Анну I-й ст., но уже 22 июля был отставлен и уехал в Москву. За время службы при дворе приобрел особенное расположение императрицы Марии Феодоровны, а также Е. И. Нелидовой. В декабре 1800 года опала сменилась новой милостью: Нелединскому дан был чин тайного советника и звание сенатора» (*Знаменитые россияне XVIII—XIX веков...* С. 406).

Нелединский-Мелецкой — известный в свое время поэт, знакомый с В. А. Жуковским, И. И. Дмитриевым, К. Н. Батюшковым, А. С. Пушкиным.

[70] *...государь скоропостижно скончался. Событие это и без меня известно.*— «Охотно и подробно рассказывая о царствовании императора Павла, мемуаристы мало и скупо писали о цареубийстве. <...> Среди большого по тем временам количества участников дворцового переворота записки об этом событии оставили только двое — Л. Л. Беннигсен и К. М. Полторацкий. Все остальное, составившее том “Цареубийство 11 марта 1801 года” (СПб., 1907 и 1909) и оставшееся за его пределами, написано по рассказам очевидцев, слухам и т. п. <...>

Участники переворота вспоминали и рассказывали о нем втихомолку. Члены же семьи Павла I, начиная с его вдовы, Марии Фе<о>доровны, бдительно и зорко следили за тем, чтобы информация не просочилась. По заданию правительства действовали люди опытные и искушенные: они вымогали, похищали и покупали документы об убийстве Павла у живых участников заговора и изымали их у тех, кто умер. “Наше

правительство следит за всеми, кто пишет записки. <...> Мне известно, что все бумаги после смерти князя Платона Александровича Зубова были по поручению императора Александра взяты посланными для этого генерал-адъютантом Николаем Михайловичем Бороздиным и Павлом Петровичем Сухтеленом..." *» (*Подольская И. И.* Заметки о русских мемуарах 1800—1825 годов // *Русские мемуары:* Избр. страницы. 1800—1825 гг. М., 1989. С. 7).

[71] *Безродный* Василий Кириллович (1768—1847) — «13 сентября 1790 года определился в главную провиантскую комиссию соединенной армии на юге и продолжал состоять по провиантской части до 1816 года, причем был обер-провиантмейстером и правителем канцелярии при генерал-провиантмейстере Обольянинове (с 1797), управляющим киевскою провиантскою комиссиею (с 1801), устроителем виленского провиантского комиссариатства (1802) и заведующим всей продовольственною частью наших войск во время войн в 1805—1814 годах.» (*Рус. биогр. словарь.* Т. 2. Алексинский — Бестужев-Рюмин. СПб., 1900. С. 655). Генерал-майор (1803). Сенатор 3-го отделения 3-го департамента (с 25 июля 1825).

О Безродных вообще см.: *Дзюбанов С. Д.* О родственном окружении Львовых // *Львова А. П., Бочкарева И. А.* Род Львовых. Торжок, 2003. С. 227—229.

[72] *Ордонанс-гаус* — канцелярия коменданта.

[73] *Ханыков* Василий Васильевич (1759—1829) — «поступив в 1773 году на службу в л.-гв. Преображенский полк, он в 1796 году был переведен в Провиантский департамент, в 1798 году, в чине генерал-лейтенанта, отправлен в Москву для учреждения провиантского депо, а в 1799 году командирован в Литовскую губернию по затруднениям, оказавшимся в продовольствии корпусов, собранных на границе, и выполнил с успехом это поручение. Исполнив еще одно поручение по командировке в Москву для распоряжений к продовольствию войск, собиравшихся там по случаю торжеств коронации, Х.<аныков> в 1802 году был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром к Саксонскому двору» (*Рус. биогр. словарь.* Т. [21]. Фабер — Цявловский. СПб., 1901. С. 276).

[74] *Я <...> поехал к Обольянинову.*— Дом П. Х. Обольянинова в Петербурге находился на углу Мошкова пер. и Дворцовой наб. (совр. Дворцовая наб., 22).

---

* *Волконский С. Г.* Записки. СПб., 1901. С. 142.— ***Примеч. Подольской.***

[75] *Ламб* Иван Варфоломеевич (ум. 1801) — в службе с 1749 года; генерал-поручик с 14 июля 1788 года; впоследствии правитель Костромского наместничества.

[76] *Канапе* — диван с приподнятым изголовьем.

[77] *...съездить во дворец, отыскать там одного из Зубовых...* — князь Платон Зубов и два его брата, Николай и Валериан, были активными участниками заговора против Павла I.

[78] *Александр Виртембергский* (Вюртембергский) (1771—1833) — сын владетельного герцога Виртембергского Фридриха Евгения и Софии Доротеи, урожд. принцессы Прусской, родной брат принцессы Софии Доротеи Августы — императрицы Марии Феодоровны. На русской службе с 7 мая 1800 года. (вступил в чине генерал-лейтенанта; по рекомендации А. В. Суворова). Генерал-от-кавалерии (с 14 августа 1800 года), белорусский военный губернатор; со 2 августа 1822 года главноуправляющий путями сообщения, а затем и публичными зданиями, с 5 декабря 1826 года член Государственного Совета, шеф драгунского полка своего имени (*Рус. биогр. словарь.* Т. 1. Аарон — Император Александр II. СПб., 1896. С. 137).

[79] *Пален* Петр Алексеевич фон дер (1745—1826) — «по воцарении Павла I Пален был в числе первых, подвергшихся гневу императора. Уволенный в январе 1797 года от должности <курляндского генерал-> губернатора, 26 февраля он был выключен из службы <...>. Скоро, однако, Пален был вновь принят на службу. Павел I, оценивший его исполнительность, назначил его командиром лейб-гвардии Конного полка и инспектором по кавалерии. <...> В 1798 году он был произведен в генералы от кавалерии, получил Андреевскую ленту и назначен петербургским военным губернатором, а 22 февраля 1799 года возведен в графское достоинство. В августе 1800 года Пален был уволен от должности губернатора, так как Павел I ввиду предполагаемой войны с Англией предназначил ему командование одной из армий. На предварительных маневрах государь остался им так доволен, что <8 сентября> возложил на него большой крест Мальтийского ордена. 21 октября Пален опять назначен петербургским губернатором, и тут он сделался одним из первых по значению лиц, но не мог считать своего положения верным при постоянных непосредственных сношениях с государем, при изменчивом его настроении. Поэтому Панину легко удалось привлечь Палена к участию в заговоре. Превосходя других заговорщиков умом и энергией, Пален захватил в свои руки все дело. <...> Заметив, что Павлу I известно о заговоре, Пален сумел убедить государя, что он сам

состоит во главе заговора, чтобы наблюдать за действиями заговорщиков, добился письменного повеления арестовать наследника и это повеление показал Александру Павловичу, чтобы побороть его колебания. Не будучи, однако, уверен в успехе дела, он устроил так, что в случае неудачи мог поспешить на помощь Павлу I и арестовать заговорщиков. Пален надеялся, что и при Александре I будет играть первенствующую роль, но <...> 1 апреля 1801 года он был уволен от службы с приказанием немедленно выехать в курляндское имение; он скончался в Москве 13 февраля 1826 года; умер, как и жил, без раскаяния, убежденный, что совершил “величайший подвиг”» (*Знаменитые россияне XVIII—XIX веков*... С. 424—425).

[80] *...объявила войну против Персии.*— Поход русских войск под командованием генерал-поручика Валериана Александровича Зубова (1771—1804), брата П. А. Зубова, в азербайджанские провинции Персии, начавшийся в апреле 1796 года в ответ на вторжение в 1795 году персидских войск в Грузию. 10 мая 1796 года был штурмом взят Дербент, 15 июня без боя заняты Баку и Куба. В декабре 1796 года русские войска, достигшие слияния рек Куры и Аракса, получили приказ возвращаться назад. У Г. Р. Державина есть оды «На покорение Дербента» и «На возвращение графа Зубова из Персии».

[81] *Александра Павловна* (1783—1801) — старшая дочь Павла I. «В 1799 года <...> сделалась, по справедливому выражению своего отца, жертвою политики. В это время заключен был для борьбы с революционной Францией союз между Россией и Австрией; для укрепления этого союза венский двор предложил великой княжне руку эрцгерцога Иосифа, бывшего палатином венгерским. Обручение эрцгерцога с Александрой Павловной произошло 20 февраля в Петербурге, а венчание — после блестящих побед Суворова, 19 октября, в Гатчине; 2 ноября Александра Павловна выехала уже с мужем в Австрию. Но и там тяжкая судьба ожидала шестнадцатилетнюю великую княгиню. Венский двор, находившийся на пути к разрыву с Россией и приверженный к католицизму, встретил православную эрцгерцогиню очень холодно и подверг ее разным стеснениям. Ожидая в начале 1801 года разрешения своего от бремени, великая княгиня переехала из Вены в Пешт, но расстроенное здоровье, вследствие слез и огорчений, подточило ее силы: роды были трудные, и младенец жил только несколько часов. На девятый день после родов эрцгерцогиня впала в горячечный бред, повторяла в жару, что ей тесно и душно жить, и рвалась в Россию. 4 марта (н. ст.) Александры Павловны не стало» (*Знаменитые россияне XVIII—XIX веков*... С. 306).

[82] *...вызвал из деревни знаменитого <...> Суворова...* — в апреле 1797 года А. В. Суворов был подвергнут опале и ссылке в принадлежавшее ему село Кончанское Боровичского уезда Новгородской губернии. 6 февраля 1799 года в Кончанское прискакал флигель-адъютант С. И. Толбухин с рескриптом Павла I от 4 февраля. «Сейчас получил я, граф Александр Васильевич,— писал император,— известие о настоятельном желании венского двора, чтобы Вы предводительствовали армиями его в Италии, куда и мои корпуса <...> идут. И так по сему и при теперешних европейских обстоятельствах долгом почитаю не от своего только лица, но от лица и других предложить Вам взять дело и команду на себя и прибыть сюда для отъезда в Вену» (*Суворов А. В.* Письма / Изд. подг. В. С. Лопатин. М., 1986. С. 703).

[83] *...принять под покровительство России остров Мальту...* — титул великого магистра Мальтийского ордена Павел I принял 29 ноября 1798 года.

[84] *Типо Саиб* — Типу Султан (1750—1799) — правитель княжества Майсур, национальный герой Индии. Вел длительную борьбу с англичанами. В ходе 4-й англо-майсурской войны погиб 23 апреля (4 мая) 1799 года, защищая столицу княжества Серингапатам. Город был взят штурмом и подвергнут разгрому.

[85] *Свечин* Николай Сергеевич (1759—1850) — генерал-от-инфантерии; петербургский военный губернатор при Павле I. О его жене (с 1800) Софье Петровне (1782—1857) см.: *Рус. биогр. словарь*. Т. [18]. Сабанеев — Смыслов. СПб., 1904. С. 234—235; *Знаменитые россияне XVIII—XIX веков...* С. 599—601).

[86] *...Курляндия и Литва только что были присоединены к России...* — по третьему разделу Речи Посполитой в 1795 г.

[87] *...по случаю несостоявшейся свадьбы...* — речь идет о проекте супружества великой княжны Александры Павловны (см. о ней выше) и Густава IV Адольфа (1778—1837) — короля Швеции в 1792—1809 годах из династии Готторпов. «Императрица Екатерина рано задумала о браке Александры Павловны, и уже в октябре 1793 года начались переговоры о сватовстве ее с юным шведским королем Густавом IV; тогда же великую княжну начали учить шведскому языку. Интриги дяди короля, герцога Зюдерманландского (sic!) Карла, долго препятствовали успеху переговоров, но наконец 13 августа 1796 года Густав IV под именем графа Рага прибыл в Петербург, чтобы просить руки великой княжны; короля сопровождал и герцог Зюдерманландский. При свидании молодые люди понравились друг другу, согласие на брак их уже было дано императрицей

и родителями невесты, назначен был день обручения, но король отказался подписать договор и явиться на обручение, ссылаясь на то, что в договоре были статьи, на которые он не давал предварительного согласия, а именно относительно права будущей шведской королевы иметь православную церковь. Когда об этом доложили императрице, ее поразил легкий апоплексический удар; отчаянию и слезам великой княжны не было пределов. Дальнейшие переговоры с Густавом не кончились благополучно вследствие его упорства. По восшествии на престол Павла I переговоры возобновились, но и на этот раз ни к чему не привели. Впрочем, взбалмошный характер шведского короля не мог обещать ей счастья в будущем» (*Знаменитые россияне XVIII—XIX веков...* С. 305—306).

[88] *Давно уже мне известно было о канале...* — Огинский (Днепровско-Неманский) канал соединяет реку Ясельда (левый приток Припяти) с рекой Шарой — Щарой (приток Немана). Построен в 1770—1783 годах по инициативе и на средства великого гетмана Литовского Михаила Казимира Огинского (1729—1800). Длина канала с озерами 52 версты (около 55,5 км).

[89] *...зачем же тот меня старее?* — То есть выше по старшинству при одинаковом чине.

[90] *...графа Т-ова...* — Александра Петровича Тормасова (1752—1819), генерал-майора с 1794 года, впоследствии видного участника войны 1812 года, генерал-губернатора Москвы (с 1814), графа (1816), члена Государственного Совета.

[91] *Злобин* Василий Алексеевич (ок. 1755/1757—1814) — «Вольский именитый гражданин, откупщик, известный своей предприимчивостью, благотворительностью и богатством, по словам Н. И. Костомарова, человек гениальный на поприще торговых спекуляций» (*Рус. биогр. словарь.* Т. [7]. Жабокритский — Зяловский. Пг., 1916. С. 411—414). Упоминается в «Истории Пугачева» А. С. Пушкина.

[92] *Чван* — тщеславный человек.

[93] *Беклешов* Александр Андреевич (1743—1808) — генерал-от-инфантерии (1797), генерал-прокурор (1799—1800, 1801—1802). В 1804—1806 годах военный губернатор и главноначальствующий по гражданской части в Москве и «ее губернии».

[94] *См. «Записки» Державина, стр. 445 и далее.* — Указание на первую публикацию: *Записки Гавриила Романовича Державина.* 1743—1812 / С лит. и ист. примеч. П. И. Бартенева. М., 1860. Переизд. с доп.: *Державин Г. Р.* Записки. 1743—1812: Полный текст / Подг. Ю. В. Сокоротовой. М., 2000.

[95] *Сарпа* (Сарепта) — «знатное немецкое селение, Саратовской губернии в Царицынском уезде находящееся. Оно основано в 1765 году, от известной секты, под именем Братского общества, или Моравских братьев <...>. От сего селения к северо-западу на 9, а от Царицына на 18 верст находятся славные целебные Екатерининские воды. Кряж небольших гор при Волжском береге состоит из глины, песчаного камня, извести, а по некоторым местам и из скудной железной руды. Поблизости оных проистекают ключи минеральных вод, из коих один, вышеупомянутый, у самой реки Волги, содержит в себе сущую целительную воду и приходит от времени до времени в большое употребление. <...> Целительные силы помянутого ключа стали известны быть с 1773 года <...>. В час выходит из ключа около 36 000 аптекарских фунтов воды, которая, разливаясь по степи, оставляет слабительную соль и несколько мелкой железнистой охры. Свежая вода так же холодна, как и обыкновенная, но нескоро замерзает, вкусом кисловата, а напоследок кажется несколько горька, и притом имеет некоторую проницательную силу, которую по запаху, а еще более посредством химических опытов, узнавать можно. <...> Сей ключ имеет самое большое сходство с Пирмонтским и содержит в себе те ж самые стихии, но скуднее проницательною силою, или эфиром, и железнистыми частицами, а напротив того, изобильнее действительною слабительною солью. <...> С того времени, как найден сей целительный ключ, приезжают туда каждый год многие больные, и между прочими были некоторые и из знатных наших российских господ. С 1778 году употребляется в Москве вода сего ключа у знатных господ за столом вместо иностранных минеральных вод, почему и привозят ее каждой год в сей город до несколько тысяч бутылок. В аптеке Сарептинского селения приготовляется также из сей воды слабительная соль и соляная магнезия» (*Географический словарь Российского государства...* / Собр. А. Щекатовым. Ч. 5. М., 1807. Стлб. 754, 762—763). См. также коммент. 188 к с. 227 настоящего изд.

[96] *...я получил от <...> Державина письмо...* — от 4 июня 1802 года из Петербурга: «М. г. мой, Дмитрий Борисович. <...> Я вас очень не позабываю и желаю, чтоб вы употреблены были к лучшему делу <...>. В доказательство того, что при случае выбора кандидатов в губернаторы я вас предлагал; но моего предложения потому не приняли, что вы в отставке и нет вашего желания вступить паки в службу. Правду сказать, я и не усиливался <...>; вы мне, на случай востребования еще кандидатов губернаторских, ежели хотите, пришлите некоторого рода официальное письмо, которое бы я мог всюду показать, что вы желаете

принять губернаторское место; а когда последует о вояже вашем какое-либо благоволение, то само по себе пойдет своим чередом. Пребываю и проч.» (*Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота.* Т. 5. СПб., 1869. С. 136).

[97] *Я ответствовал...* — подлинник ответа Мертваго неизвестен.

[98] *...Державин <...> назначен был министром юстиции...* — 8 сентября 1802 года.

[99] *...надлежит крымскую соль не отдавать на откуп...* — см. записки Г. Р. Державина (1802) «Проект постановления о содержании в казенном ведомстве крымских соляных озер» и «Объяснение на опровержение плана о содержании крымских соляных озер в казенном управлении» (*Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота.* Т. 7. СПб., 1872. С. 420—438).

[100] *...партикулярное от Державина письмо...* — от 3 ноября 1802 года из Петербурга: «М. г. мой, Дмитрий Борисович. Так обстоятельные люди не делают, что обещав ждать в Сарепте и без сношения со мною, Бог знает куды заскакали. По крайней бы мере дали знать, куды. А потому эстафета, к вам нарочно посланная, должна была придти сюды обратно. Я чрез Василья Алексеевича <Злобина> отправил ее теперь к вам в Бугульму. Бога ради, поспешите к вашему месту и приготовьтесь заблаговременно зимнею порою к возможной деятельности по соляной части, в Крыму вам вверенной. Вы там найдете хотя надежного человека г. Сафонова, своего предтечу, приуготовляющего пути ваши; но все бы лучше, когда вы сами поспешили и приняли приуготовительные меры к управлению вашему. <...> Впрочем пребываю и т. д. Гавриил Державин» (*Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота.* Т. 6. СПб., 1871. С. 139—140).

[101] *...место 4-го или 5-го класса.* — Чин IV класса по Табели о рангах: генерал-майор (действительный статский советник), т. е. в котором Мертваго тогда и находился; армейский чин V класса: бригадир — отменен в 1799 году, гражданский чин — статский советник. Возвращаясь на службу, Д. Б. Мертваго рассчитывал на повышение в чине.

[102] *Кочубей* Виктор Павлович (1768—1834) — граф (1799). Занимал должность министра внутренних дел с 8 сентября 1802 года по 24 ноября 1807 года; вторично — с 30 августа 1821 по 25 февраля 1825 года. Затем, 19 апреля 1827 года, назначен председателем Государственного Совета, 6 декабря 1831 года возведен в княжеское достоинство и, наконец, в 1834 году пожалован в звание канцлера по внутренним делам.

[103] *...отставлен от службы.*— 7 октября 1803 года Державин был уволен от всех занимаемых должностей. «...выпросил он многим подкомандующим своим чины и другие милости <...>; а между тем поколь он не подавал просьбы, то доводили до него чрез его ближних внушения, что ежели он пришлет уничижительное прошение о увольнении его от должности юстиц-министра по ее трудности и останется в Сенате и Совете, то оставлено будет ему все министерское жалованье — 16 000 рублей и в вознаграждение за труды дастся Андреевская лента. Но как он ценил истинные достоинства не по деньгам, не по лентам, а по доверенности государской и совестному разбирательству своих поступков, <...> то и не хотел принять предлагаемых выгод и награждений, а написал просто по форме просьбу, в которой весьма кратко сказал, чтоб государь его от службы своей уволил» (*Державин Г. Р.* Записки. 1743—1812: Полный текст. М.: Мысль, 2000. С. 264).

[104] *...знаменитая своим скопидомством.*— Агафоклея Александровна Полторацкая (ум. 1822) прославилась огромным богатством (по некоторым данным, к концу жизни она владела 13 тысячами душ) и чрезвычайным деспотизмом в обращении как со своими крепостными, так и с детьми, которых у нее было более 20 человек.

[105] *...от г. Бакунина, тут же живущего...*— возможно, Александра Михайловича Бакунина (1765 или 1768—1854) — члена львовско-державинского кружка, владельца имения Прямухино близ Торжка (см.: *Сысоев В. И.* Бакунины. Тверь, 2002. С. 57—62).

[106] *Принимает меня с распростертыми руками...*— другая яркая характеристика А. А. Полторацкой дана ее внучкой, дочерью Петра Марковича Полторацкого (1775 — после 1851), Анной Петровной Керн (Марковой-Виноградской) (1800—1879): «Это была замечательная женщина. <...> Вышла замуж очень рано, когда еще играла в куклы, за Марка Федоровича Полторацкого. <...> Она имела с ним 22 человека детей. <...>

Отец мой был одним из младших и менее других любимым своею матерью.

Она была красавица, и хотя не умела ни читать, ни писать, но была так умна и распорядительна, что, владея 4000 душ, многими заводами, фабриками и откупами, вела все хозяйственные дела сама без управляющего через старост. Этих старост она назначала из одной деревни в другую, отдаленную, где не было у них родни. Она была очень строга и часто даже жестока. Жила она в Тверской губернии, в селе Грузинах, в великолепном замке, построенном Растрелли. <...> Она всякую зиму лежала в постели и из подушек ее управляла всеми огромными делами,

все же лето она была в поле и присматривала за работами. Она из алькова своей прекрасной спальни, с молельною, обитою зеленым сукном, перенесла свое ложе в большую гостиную, отделанную под розовый мрамор, и в этой ее резиденции я впервые увидела ее. <...>

При ней жило много приживалок, и она любила забавляться их болтовнею, ссорами, сплетнями. Это все заменяло ей чтение. У нее бывали по преимуществу только те, которые имели с нею дела или надеялись получить от нее какие-либо выгоды, бывали соседи — общество весьма неинтересное, по большей части невежественное, ничего не читавшее, праздное, далекое еще от сознания, что труд обусловливает жизнь <...>. Посетители бабушки скучны были, скука была неотъемлемою их принадлежностью, и они возили ее всюду с собою. Кормила их бабушка дурно. Обеды у нее были преневкусные. Сама же ела сластно за особым столом, сидя на постели. Редкости разные подавались ей в особых сосудах, из них и мне удавалось иногда лизнуть. С батюшкой она была очень холодна, с матерью моею * ласкова, а со мною нежна до того, что беспрестанно давала мне горстями скомканные ассигнации. Я этими подарками несколько возмущалась и все относила маменьке. <...>

Когда бывала она недовольна кем-нибудь из детей, то проклинала виновного и называла Пугачевым. Батюшка мой чаще всех подвергался ругательствам и проклятиям за свои промахи в делах...» (*Керн* [*Маркова-Виноградская*] *А. П.* Воспоминания. Дневники. Переписка / Сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина. М., 1989. С. 114—117).

[107] *Обер-гофмаршал* — один из первых чинов двора, приравненный по Табели о рангах к гражданским чинам II класса. Ему были подчинены два гофмаршала и конторы Гофинтендантская, Придворная и Камер-Цалмейстерская.

[108] *Строганов* Павел Александрович (1774—1817) — «...в момент воцарения императора Александра I графу П. А. Строганову суждено было “быть первым из друзей Александра, который удостоился слышать мысли его о предстоящих преобразованиях”» (*Знаменитые россияне XVIII—XIX веков*... С. 465). Товарищ министра внутренних дел с учреждения министерств в 1802 году по март 1807 года.

[109] *Габлиц* Карл Иванович (1752—1821) — 18 июля 1803 года был назначен управляющим преобразованной экспедиции государственного хозяйства. «30 октября 1808 года Г.<аблиц> был назначен председательствующим, учрежденный для рассмотрения дел комиссии, которой

---

* **Екатерина Ивановна, урожд. Вульф (1781—1832).— *Г. М.***

поручены были разбор и решение на месте споров по землям Крымского полуострова. Поручение это окончено было им в 1810 году» (*Рус. биогр. словарь*. Т. [4]. Гааг — Гербель. М., 1914. С. 14). Сенатор 1-го департамента Правительствующего Сената с 19 декабря 1808 года.

110 *Толстой* Николай Александрович (1761—1816) — граф, действительный камергер.

111 *Страбон* (64/63 до н. э. 23/24 н. э.) — древнегреч. географ и историк, автор «Географии» (17 книг) — свода географических знаний античности.

112 *Румянцев* Петр Александрович (1725—1796) — граф, генерал-фельдмаршал (1770). «В первую турецкую войну он был сначала помощником главнокомандующего, а с августа 1769 года главнокомандующим. Две победы, при Ларге и Кагуле, прославили графа П. А. Румянцева, и по заключении мира, в 1774 году, он был щедро награжден титулом Задунайского, фельдмаршальским жезлом, драгоценными вещами, деньгами и крестьянскими душами. В последующие войны графу Румянцеву номинально поручали командование армиями, но Потемкин и другие временщики оттесняли его на задний план» (*Знаменитые россияне XVIII—XIX веков*... С. 133).

113 *...командовавшим в Крыму <...> Игельстромом...* — в 1784 году он взял в плен последнего крымского хана Шагин-Гирея.

114 *...осматривая его красы в самое лучшее время года, описывали нагорные места...* — «В мае 1787 года прибыла в Крым императрица Екатерина. По желанию Потемкина Г.<аблиц> изготовил к приезду ее историческое описание края, а также сочинение под заглавием: “Географические известия, объясняющие прежнее состояние Таврической области” с тремя картами <...> Историческое описание Крыма не было выпущено в свет, а “Географические известия” изданы Г.<аблицем> в Петербурге в 1803 году.» (*Рус. биогр. словарь*. Т. [4]. Гааг — Гербель. М., 1914. С. 13). Подробнее см.: *Taurica*: Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще / Сост. А. Маркевич. Симферополь, 1894.

115 *Греческая империя* — Византийская империя, государство IV—XV веков; образовалось при распаде Римской империи в ее восточной части (Балканский полуостров, Малая Азия, юго-восточное Средиземноморье). Столица — Константинополь, взятие которого турецкими войсками в 1453 году положило конец Византии.

116 *Это обратная сторона картины, начертанной...* — указание на публикацию «Жизнь и деяния князя Г. А. Потемкина-Таврического.

Сочинение гр. А. Н. Самойлова» (*Рус. архив.* 1867. № 10). Столбцы 1220—1225 (глава VI): «В 1782 году Порта не могла без смущения взирать на Херсон, на флот, строящийся близ Очакова, на корабли купеческие, беспрепятственно мимо его плывущие с богатствами к сей новоустроенной гавани. В оном году дух беспокойства возбужден был между родственниками хана Шагина-Гирея, и Батырь-Гирей, 60-летний старик, старший брат хана, начальствуя в Тамани между Ногайскими султанами и мурзами, внушил неудовольствия на вводимые новизны и регулярство войск и явно восставал на хана. Его подкреплял Алим-Гирей, племянник его. Они писали в Крым, а особливо в Кефу, где хан имел тогда свое пребывание; настроили муфтия обличать хана правилами Алькорана, в подражании его христианам, что он не имеет более 4-х жен вопреки закону, не желая поддержать поколение Чингис-хана, что он стыдится бороды своей, скрывая оную под галстук. Словом, муфтий доходил до дерзости; но на другой день после сей сцены увидели на лобном месте три виселицы, из коих на одной повешен был муфтий, а на других два знатных мурзы, замеченных по их мятежному духу; а провозглашатели возвестили с минаретов, что так будет наказан каждый, восстающий на своего законного государя. Но сие вяще ожесточило умы, и хан должен был окружить себя верными его бешлеями (так назывались образованные им войска). В сем положении Шагин-Гирей ускорил известить об опасности, ему угрожающей, князя Григория Александровича, а между тем писал к генералам, командующим в Херсоне и в Таганроге, чтобы они прислали к нему военные суда для отплытия из Крыма, на случай предвидимой им опасности. Князь Григорий Александрович, пользуясь обстоятельствами, отправил генерал-майора Самойлова к хану с полным наставлением, как спасти хана, и не допуская кровопролития ускорить сие, чтобы турки не имели ни причин, ни времени в сие дело вмешаться. Генерал-майор Самойлов прибыл в Керчь, где уже хан для уклонения от опасности находился. Он хану представил, что по малочисленности Керчь-Еникольского гарнизона защитить его невозможно и лучше ускорить отбытием в Петровскую крепость, откуда он может российским оружием возвращен быть в свое владение; почему хан согласился и тогда же отправился с ним чрез Азовское море в реченную крепость, причем взял с собою нескольких верных чиновников и российских офицеров, при нем бывших, и принадлежащие ему драгоценности. Вскоре генерал-майор Самойлов, как бы изъясняя свои мысли, подал хану мнение о уступлении Крыма России, что великодушная монархиня чрез такой от его светлости отзыв подвигнется для возведения хана в Персидские

шахи, яко такого государя, который от старшей Чингис-хановой линии имеет блистательное происхождение. Шагин-Гирей, зная могущество императрицы, пленен был сею мыслию и написал к государыне о сем предмете письмо, которое генерал-майор Самойлов отправил к князю Григорию Александровичу чрез бывшего при нем бригадира Горича Большого. Тогда князь представил государыне о возможности приобретения Крыма без пролития крови. Государыня уверена была, что князь Потемкин не сделает в предположениях своих ошибки и возложила на него сие великое дело. Вследствие чего князь наскоро отправился сам в Петровскую крепость для свидания с ханом, испытания его мыслей и учреждения сего предприятия. Генерал-поручику графу Де-Бальмену дано было повеление принять в начальство корпус из 3 полков гренадер, 4 мушкетер, 2 батальонов егерей, 1 гренадерского сводного батальона, 2 полков гусарских и 4 пикинерных, да 6 полков войска Донского, коим сборное место назначено было в Никополе, что на Днепре, а общее собрание войск, — в 25 верстах от Перекопа, в коем бунтующие ввели несколько своего войска и заперли ворота чрез линию Перекопскую.

Князь Григорий Александрович, распорядя сию экспедицию, отправился сам обратно в Петербург. Генерал-майор Самойлов в препровождении хана отправился в Никополь, где и нашли они графа Де-Бальмена в сентябре месяце 1782 года. Возмущение же, принудившее хана Шагин-Гирея на оставление Крыма, возымело успех. Батырь-Гирей из Суджук-Кале переправился морем на судах в Кефу и, подкрепляемый Алим-Гиреем, был провозглашен ханом всех татарских орд, и послал отзыв к генералу Ганнибалу в Херсон, что он по праву первородства призван народом на свой наследный престол, что не намерен чинить с Россиею разрыва и чрез посредство его желает отправить послов к государыне. На такой отзыв не мог хан, самоназвавшийся, получить ни решительного, ни скорого ответа. Посему, будучи в опасении, приуготовлялся к защищению, собирая сколь можно войска. Граф Де-Бальмен с корпусом переправился чрез Днепр в Кизикирмен, откуда генерал-майор Самойлов откомандирован был с отрядом для занятия Перекопа и линии. Два батальона егерей и 3-й гренадерский полк взяли сию крепость, и ворота Перекопские отворились для хана и для войск, его сопровождающих. Продолжали движение к Карасу-Базару; на пути встретили Алим-Гирея с несколькими тысячами татар, на коих правой фланг, составляющий конные полки, ударил и рассеял толпу в мгновение, после чего уже они не собирались в больших силах и удалились в горы, к речке Индалю; а Батырь-Гирей хотел уйти на Кубанскую сторону, но преследующим его

гренадерским сводным батальоном настигнут с малым остатком приверженных и с последовавшими за ним арестован и привезен в Катаршах-Серай, в 7-ми верстах от Карасу, где граф Де-Бальмен с ханом остановился главною квартирою до совершенного успокоения оного мятежа и где чрез три месяца последовало отречение хана от всех его владений. Вскоре захвачен был и Алим-Гирей, и к концу того года все было успокоено. Шагин-Гирей был восстановлен во всех своих правах в Катаршах-Сарае *, и тогда при собрании народа он совершил суд над возмутительными, которых общим голосом народа приговорил к смерти; но он брату своему Батырь-Гирею даровал жизнь и свободу, а прочие казнены по закону татарскому, быв изрублены на месте; но за сим хан провозгласил к народу отречение от полуострова Крыма и от ханства. Все было распоряжено к учреждению тишины, и оружие у всех татар было отобрано; позволено было нежелающим оставаться перейти за Кубань в Анапу и чрез Перекоп за Днепр на Очаковскую степь, а желающие остаться должны были присягнуть в верности России. Сие разбирательство продолжилось до мая месяца, и во все то время хан Шагин-Гирей оставался в Крыму. Он начал колебаться в рассуждении Ногайских орд, кои его к себе призвали опять, и лезгинцы приглашали его к себе. Князь Григорий Александрович препоручил генерал-майору Самойлову кончить с ханом переговоры и убедить ехать в Россию, а сам отправился для обозрения Херсона и Крыма и для учреждения в нем всего к новому там устроению, потому что генерал Ганнибал был сменен оттуда, и определены были два начальника: один от флота адмирал Клокачев, а другой от армии генерал-поручик Гейнинг, а на место Германа для строения крепости определен был полковник Гакс.

Князь Григорий Александрович прибыл в Херсон, как хан отправился в Тамань, чтобы оттуда же ехать сухим путем в крепость Святого Димитрия, но там мысли его опять переменились. Лезгинцы весьма желали его иметь, и, наконец, он повиновался судьбе своей, отправился в путь в сопровождении отряда войск **.

Князь Григорий Александрович по приезде в Херсон заметил, что укрепления, там строимые, неудобны к защите как по ситуации места, так и по узости рвов и по мелкости контрескарпа, почему и повелел полковнику

*** Загородный весьма изрядный дом одного мурзы, бывшего в числе возмутителей.— *Примеч. Самойлова.***

**** Впоследствии он жил на пенсии в Воронеже и в Калуге, но потом, по желанию в Адрианополе, откуда Порта заслала его на Родос, потом в Каир, где по повелению султана умерщвлен.— *Примеч. Самойлова.***

Корсакову строить по вновь апробованному плану. Между тем, узнав о злоупотреблениях некоторых полковников, произвел инспекторский смотр полкам и до 6 человек полковников отрешил от команды и исключил из службы. Потом отправился в Крым, дабы при бытности его совершилась присяга в подданстве России татар оставшихся. Таким образом совершилось приобретение Крыма без кровопролитной брани. Сия древняя, населяемая разными народами страна, в коей Владимир святый просвещался верою Христовою, подошла под скипетр Российской чрез 900 лет после той эпохи, будучи покорена проницательностью и предприимчивостью князя Григория Александровича и названа областью Таврическою, или Тавридою; а князь Григорий Александрович за сие покорение пожалован фельдмаршалом и поименован Таврическим. Государыня успехом сего дела торжествовала пред всеми европейскими монархами. Порта Оттоманская, потеряв с сим могущество на Черном море, чувствовала унижение свое и не смела вдруг ристать, как между тем и Россия имела довольное время приготовиться к обороне и к самому нападению. Князь Григорий Александрович знал это и изыскивал средства, чтоб, умножа армию, не обременить государственных финансов, а облегчить, доставя выгоду и способность заниматься более службою и исправлением военного дела».

117 *Раина* — пирамидальный тополь.

118 *Боярин, кроме забав и честолюбия, ничем не занимавшийся <...>. Мы уже знаем, что это отзыв пристрастный.*— Ср. о Потемкине у Державина в «Описании празднества, бывшего по случаю взятия Измаила, у его светлости господина генерал-фельдмаршала и великого гетмана князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, в присутствии ее императорского величества и их императорских высочеств, в Петербурге, в доме его близ Конной гвардии, 1791 года апреля 28 дня» (*Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота.* Т. 1. СПб., 1864. С. 414—415):

Он мещет молнию и громы
И рушит грады и берет,
Волшебны созидает домы
И дивны праздники дает.
Там под его рукой гиганты,
Трепещут земли и моря;
Другою чистит бриллианты
И тешится, на них смотря.

Сегодня бурю представляет,
Летает завтра, как зефир,
И лавр и мирты собирает,
И в бой ведет и строит мир;
То крылья вдруг берет орлины,
Парит к Луне и смотрит вдаль;
То рядит щеголей в ботины,
Любезных дам в прелестну шаль.
И если б он имел злодеев,
Согласны б были все они,
Что видят образ в нем Протеев,
Который жил в златые дни.

119 *Война, в 1787 году наченшаяся...* — см. коммент. 37 к с. 44 настоящего изд.

120 *Новосильцев* Николай Николаевич (1762—1838) — в первые годы царствования Александра I «вместе с графом П. А. Строгановым, Кочубеем и князем Адамом Чарторижским он входил в состав негласного комитета, который под председательством государя был занят реформами и направлял всю внутреннюю политику» (*Знаменитые россияне XVIII—XIX веков...* С. 459). В 1803—1810 годах президент Петербургской Академии наук. С 1832 года председатель Государственного Совета и Комитета министров России. Граф (1833).

121 *Некер* (Неккер) Жак (1732—1804) — французский министр финансов в 1777—1781 и 1788—1790 годах Сыграл значительную роль в подготовке Генеральных штатов (1789). Частичными реформами пытался спасти государство от финансового краха.

122 *Для рассмотрения на месте о землях...* — подробно об этой проблеме см.: *Возгрин В. Е.* «Комиссия для разбора споров...»; Поземельный вопрос в первой половине XIX века. // *Возгрин В. Е.* Исторические судьбы крымских татар. М., 1992. С. 299—303.

123 *Лопухин* Иван Владимирович (1756—1816) — сенатор московских департаментов с января 1797 года.

124 *...напечатавший в 1803—1805 годах...* — Павел Иванович Сумароков — автор двух интересных описаний Крыма и его населения: «Путешествие по всему Крыму и Бесарабии в 1779 году.» (М., 1800); «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду», книги 1—2 (СПб., 1805).

125 *Дюк де Ришелье* — Арман Эммануэль (на российской службе Эммануил Осипович) дю Плесси Ришелье (1766—1822) — герцог,

эмигрировал в Россию во время Французской революции. В 1805—1814 годах генерал-губернатор Новороссии.

[126] *...переселенные из Бессарабии ногайцы...*— «Джисанская и Джамбулайская орды <...>.— В 1770 году обе сии орды возвратились паки под Российскую державу; примеру их последовали также и другие ногайские орды, едишкульская, акерменская, или белогородская. Для кочевания их отведены Ногайские, или Крымские степи по берегу Черного моря. Число их простиралось до 70 000 душ; вступая в российское подданство, обязывались они платить подать; однако ж от оной всемилостивейше освобождены. Сии западные орды можно назвать бессарабскими, или бугджакскими» (*Георги И.-Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 2005. С. 155).

[127] *Розенберг* Андрей Григорьевич (1739—1813) — в 1793 году генерал-поручик, командующий войсками, расположенными в Крыму. Впоследствии генерал-от-инфантерии, видный участник Итальянского и Швейцарского походов А. В. Суворова.

[128] *После Аустерлицкого сражения возгордившиеся французы...*— 20 ноября (2 декабря) 1805 года около города Аустерлиц произошло решающее сражение между русско-австрийскими и французскими войсками во время русско-австро-французской войны. Армия Наполеона разбила русско-австрийские войска под командованием М. И. Кутузова, вынужденного действовать по одобренному Александром I плану австрийского полковника Ф. Вейротера.

[129] *Аманаты* — заложники (фр.).

[130] *Траверсе* Жан Франсуа де (Иван Иванович) (1750—1831) — маркиз. С 1791 года на российской службе, адмирал (1801). В 1802—1809 годах главный командир Черноморского флота, военный губернатор Николаева и Севастополя. В 1809—1828 годах управляющий Морским министерством (морской министр).

[131] *Фирман* — указ султана за его подписью.

[132] *...бывших запорожских казаков...*— Запорожская Сечь (организация украинских казаков в XVI—XVIII веках за Днепровскими порогами) была ликвидирована Екатериной II в 1775 году.

[133] *Российский флот, под начальством Сенявина...*— см. коммент. к с. 11 настоящего изд.

[134] *Селим III* (1761—1808) — турецкий султан в 1789—1807 годах. Проводя реформы в армии, в области финансов, административного

управления, земледелия и др., пытался укрепить центральную власть и предотвратить распад Османской империи. В результате мятежа янычар был убит.

[135] *Будберг* Андрей (Gotthhard) Яковлевич (1750—1812) — тайный советник, член Государственного Совета (1804), министр иностранных дел Российской Империи с 17 июня 1806 по 30 августа 1807 года.

[136] *Гудович* Иван Васильевич — см. коммент. 46 к с. 58 настоящего издания.

[137] *Великий* (верховный) *визирь* — государственный канцлер в Османской империи.

[138] *Булгары* — здесь: болгары.

[139] *...родила дочь Екатерину...* — см. в «Были минувшего» М. П. Ватаци: «Дочери Дмитрия Борисовича представляли собой культурных и образованных девушек московского дворянского круга того времени. Они воспитывались эмигрантами и, как рассказывала мне моя тетка Екатерина Дмитриевна Загоскина, француженка, их воспитательница, сама из дворянской семьи, имела свои приемные дни, на которых собирался кружок образованных людей французов. И когда она приглашала своих воспитанниц на прием, разговоры велись подходящие для их возраста и понимания. Все мои тетки прекрасно владели французским языком, старшая из них, Екатерина Дмитриевна Загоскина, была совершенно выдающаяся женщина умом, энергией, образованием; она до глубокой старости сохранила отпечаток старой культуры, которая редко встречается среди старух нашего времени. Память до старости не изменяла ей, и она за несколько дней до кончины наизусть цитировала Вольтера с полузакрытыми глазами, лежа уже на смертном одре. Серьезное образование сослужило ей службу; нося в себе наследственные, вероятно, от Полторацких, энергию и предприимчивость, Екатерина Дмитриевна увлеклась устройством фабрики и прогорела на ней, так же, как ее мать, Варвара Марковна, и брат. Николай Дмитриевич. Потеряв все состояние, Екатерина Дмитриевна поехала в Петербург, и друзья поддержали ее. Разорение ее стало известно государыне Александре Феодоровне, которая из собственных средств выдала ей на уплату экстренных долгов и тотчас же назначила начальницей казанского Родионовского института, который еще в то время строился.

Бабушка моя, Варвара Марковна Мертваго, переехала вместе с дочерью в Казань. Екатерина Дмитриевна была начальницей около двадцати пяти лет, и в истории казанского института сыграла крупную роль.

Память о ней до сих пор еще живет среди старого поколения ее воспитанниц. <...>

Екатерина Дмитриевна <...> умела приноровить весь состав института к своей жизни. Гостиная ее привлекала к себе все, что было выдающегося в Казани, и среди посетителей хозяйка выдвигалась умом, образованием и светским лоском. Старшие девочки дежурили и занимали гостей, что давало им уменье себя держать и уничтожало застенчивость. Летом институт не распускали, и дети пользовались чудным воздухом огромного парка, который его окружал. Вставая в шесть утра, Екатерина Дмитриевна шла на прогулку, и девочки при желании могли сопровождать ее, при условии, конечно, говорить по-французски. Старший класс делился на группы, и каждая группа работала, обшивая весь институт, причем одна девица читала вслух. Вообще Екатерина Дмитриевна пользовалась вакатом, устраивая поездки, пикники, и время проходило незаметно. После двадцатипятилетнего управления институтом Екатерины Дмитриевны он переходит в руки Сусанны Александровны Мертваго, жены брата ее Николая Дмитриевича. Сусанна Александровна отличалась необыкновенной мягкостью и добротою, что после строгого режима ее belle soeur многими было оценено. С нею вместе жила ее сестра Екатерина Александровна Сойминова (sic!), и гостиная их, хотя уже не представляла собою места веселых собраний, носила колорит старого московского дворянского круга, к которому Сойминовы принадлежали по рождению» (*Ист. вестник.* 1913. Т. 132. № 4. С. 39—40; № 6. С. 783—784).

[140] *Попов* Василий Степанович (1745, по другим данным 1740 и 1743—1822) — сенатор с 23 ноября 1798 года. С осени 1799 года в отставке. В 1806 году с обнаружением крайне неудовлетворительного положения интендантских дел в заграничной армии Александр I вспомнил о Попове и, вызвав его в начале 1807 года из деревни, отправил к генералу Л. Л. Беннигсену для приведения в порядок хозяйственных дел армии. После Тильзитского свидания Александра I и Наполеона, Попов получил 22 июля 1807 года чин действительного тайного советника и назначение управляющим сначала Комиссариатским, а потом и Провиантским департаментами. 1 января 1810 года был сделан членом Государственного Совета.

[141] *...заключен в Тильзите мир с французами.* — 25 июня (7 июля 1807 года в Тильзите в результате личных переговоров Александра I и Наполеона был заключен мир, по которому Россия в т. ч. присоединялась к континентальной блокаде Англии. Отдельный акт оформил наступательный и оборонительный русско-французский союз.

[142] *Буксгевден* Федор Федорович (1750—1811) — соратник А. В. Суворова, в 1795 году генерал-поручик. Впоследствии граф, генерал-от-инфантерии.

[143] *Родился он от бедных родителей. За обучение его российской грамоте и арифметике заплачено...* — быт семьи Аракчеевых подробно описан в книге В. А. Томсинова «Временщик» (М., 1996): «Двадцать душ крепостных крестьян... обеспечивали при надлежащей бережливости вполне сносное существование семье... Хозяйство Аракчеевых, как и других мелкопоместных дворян, являлось всецело натуральным...

Дабы научить Алексея чтению, письму и элементарным правилам арифметики, (отец) нанял за натуральную плату рожью и овсом деревенского дьячка. Мальчик с охотой принялся за учебу. Особенно понравилась ему арифметика. Занятия ею стали любимым его развлечением. За короткое время ученик овладел навыками сложения, вычитания, умножения и деления в такой степени, что превзошел своего учителя. Однако... умение красиво писать не давалось Алексею» (цит. по: *Подушков Д. Л.* Малая родина графа А. А. Аракчеева // Вышневолоцкий ист.-краевед. альм. № 6. Первые краевед. чтения (24 нояб. 2001). Вышний Волочек, 2002. С. 86).

В мемуарах Егора Федоровича фон Брадке (1796—1861), в 1817 году откомандированного в распоряжение графа Аракчеева по военным поселениям, сказано, что «Аракчеев происходил от древней, но весьма недостаточной фамилии Тверской губернии; как он мне сам рассказывал, все его воспитание обошлось в 50 рублей ассигнациями, выплаченных медными пятаками» (*Брадке Е. Ф. фон.* Автобиографические записки // *Русские мемуары*: Избр. страницы. 1800—1825 гг. М., 1989. С. 200).

[144] *...не в дальнем расстоянии от Петербурга состоящую* — см. коммент. 149 к с. 178 настоящего изд.

[145] *...или отпустите меня от должности или извольте подписывать...* — ср.: «Его отношения к императору Александру отличались ловкостью и тонким расчетом, но их нельзя было назвать честными. Под личиною строгой любви к правде и попечения о государственном благосостоянии он часто весьма грубо и непочтительно возражал ему; но как только он замечал, что государь не желает отступаться от задуманного им намерения, то он тотчас убеждался его доводами и покорялся его верховным соображениям. При этом, подделываясь под чувствительное настроение монарха, он часто предавался нежностям и выказывал, подчас

как бы невольно, сентиментальную преданность к государю, в виде неудержимого порыва, чем успевал действительно внушить доверчивому монарху дружеское к себе расположение, которое иначе могло бы казаться непонятным. За решительным отклонением всякой награды и всякого официального повышения скрывалось, под видом смирения, неограниченное высокомерие человека, который и без того почитался бесспорно первым лицом в государстве после его императорского величества» (*Брадке Е. Ф. фон.* Автобиографические записки... С. 203—204).

[146] *Густав III* (1746—1792) — король Швеции с 1771 года, из династии Готторпов. В 1772 году произвел государственный переворот, восстановив сильную королевскую власть.

[147] *...государь предпринял путешествие в город Эрфурт...* — 30 сентября (12 октября) 1808 года в Эрфурте была подписана союзная конвенция между Россией и Францией, подтвердившая Тильзитский мир 1807 года Наполеон признавал права России на Финляндию, Молдавию и Валахию. «Пышные дни Эрфуртского свидания показали Наполеона во всем блеске его славы и его влияния. <...> там его величие произвело на меня менее сильное впечатление, нежели приниженность Александра. Под влиянием, быть может, не вполне благоразумного чувства, мне казалось, что моя родина унижена в лице ее императора. Действительно, не нужно было знать все происходящее в недрах правительственных кабинетов, чтобы определить в согласии со всем миром, который из двух государей властвовал тогда в Эрфурте и в Европе» (*Тургенев Н. И.* Россия и русские // *Русские мемуары*: Избр. страницы. 1800—1825 гг. М., 1989. С. 261).

[148] *...начал он хвалить артиллерии генерал-майора Ильина...* — из воспоминаний Елизаветы Петровны Яньковой, урожд. Римской-Корсаковой (1768—1861): «Этот Аракчеев имел приятеля или, лучше сказать, друга, Василия Васильевича Ильина, который тоже был генералом. <...> Был он женат на дочери одного боровского очень значительного и богатого старовера; ее звали Прасковья Ивановна. Сказывают, она была в молодости отменно хороша собой; надобно думать, что и сам Ильин был видный из себя мужчина и молодец, потому что обе его дочери были писаные красавицы. <...>

Аракчеев так любил Ильина, что, не имея детей, хотел сделать его своим наследником, но это не состоялось, и он завещал свое новгородское имение, село Грузино, на военную богадельню, кажется, и, кроме того, был устроен где-то кадетский корпус на его иждивение. Должно быть, оттого, что Ильин умер прежде, Аракчеев и переменил свои намерения

10 Зак. 3729

и не заблагорассудил оставить детям Ильина того, что думал передать ему самому как самому близкому своему приятелю» (*Рассказы бабушки*: Из воспоминаний пяти поколений... / Изд. подг. Т. И. Орнатская. Л., 1989. С. 210—211).

[149] *...князя Меншикова, у коего отнята деревня...* — имение Грузино на Волхове было пожаловано А. А. Аракчееву в 1797 году. Он обустроил ее как «идеальную» усадьбу (см., например: *Кириченко Е. И.* Грузино А. А. Аракчеева: Усадьба как социальная утопия. Столица и усадьба. Мемориальная функция усадьбы // *Русское искусство нового времени*: Исследования и материалы: Сб. ст. Вып. 8. М., 2004). Его соседом по имению был Г. Р. Державин (купленное его женой в 1796 году имение Званка находилось в 18 верстах выше по Волхову). Отношения между соседями при жизни Державина не поддерживались. Впрочем, действительный тайный советник Державин, находясь уже в отставке в период наибольшей «силы» Аракчеева, мог не только держать себя в отношении к нему независимо, но и позволять определенные стихотворные намеки. Так, после посещения имения Аракчеева в его отсутствие (в 1807 году), появилась надпись «Прогулка в Грузинском саду»:

О как пленительно, умно там, мило все,
Где естества красы художеством сугубы,
И сеннолистны где Ижорска князя дубы
В ветр шепчут, преклоняясь, про счастья колесо!

«...в 1705 году Грузино было подарено Петром I Меншикову, который, по преданию, насадил в нем дубовую аллею, сохранившуюся и в аракчеевские времена. Напоминая в конце “надписи” о падении Меншикова (кн. Ижорского), умершего в ссылке, в Сибири, Державин намекает на возможность потери власти для Аракчеева; его «надпись» становится эпиграммой» (*Гуковский Г.* Примечания // *Державин Г. Р.* Стихотворения. Л., [1933]. С. 535). Впрочем, со средины 1820-х годов Аракчеев поддерживал с Д. А. Державиной самые тесные соседские отношения (см.: *Мартынов Г. Г.* Переписка двух помещиков: Д. А. Державина и А. А. Аракчеев // Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. тр. Вып. 2. СПб., 2005. С. 150—198).

[150] *...король арестован, возведен другой...* — «В 1808 году началась последняя в истории русско-шведская война, в результате которой Швеция потеряла Финляндию; страна испытывала жесточайший экономический и финансовый кризис, и в марте 1809 года армия свергла

Густава IV Адольфа. Он был изгнан из страны и закончил свои дни в Швейцарии. Новым шведским королем риксдаг избрал брата Густава III, герцога Седерманландского (sic!), бездетного и в довольно преклонных годах. Карлу XIII (1748—1818), так звали нового короля, нужен был наследник. Несколько позже риксдаг избрал таковым принца Кристиана Августа Августенбургского (1768—1810), главнокомандующего датско-норвежскими войсками в Норвегии. Дания в тот момент была союзницей России и вела войну против Швеции. Шведы таким образом надеялись, что новый кронпринц принесет как бы в приданое Норвегию, но этого не произошло. Более того, в мае 1810 года на маневрах принц Карл Август (так он стал именоваться в Швеции) внезапно скончался» (*Рогинский В. В.* Швеция // *Монархи Европы*: Судьбы династий. М., 1996. С. 243). Новым наследным принцем 21 августа 1810 года риксдаг избрал наполеоновского маршала Жана Батиста Жюля Бернадотта (1763—1844) — с 1818 года короля Карла XIV Юхана, основателя новой династии Бернадотов.

[151] *Румянцев* Николай Петрович (1751—1826) — второй сын графа П. А. Румянцева-Задунайского. Министр иностранных дел с 1807 года, через два года пожалован в канцлеры и 1 января 1810 года назначен председателем Государственного Совета. Полностью оставил службу 14 августа 1814 года. Собрал уникальную коллекцию книг и рукописей, на основе которой был создан Румянцевский музей.

[152] *Начавшаяся война французов с австрийцами...* — австро-французская война 1809 года, в результате которой Австрия стала зависимым от Франции государством.

[153] *Барклай-де-Толли* Михаил Богданович (1761—1818) — военный министр с 20 января 1810 по 24 августа 1812 года.

[154] *Мордвинов* Николай Семенович (1754—1845) — председатель Департамента экономии Государственного Совета в 1810—1821 годах. Граф (1834).

[155] *...кроме дома в Петербурге...* — «За Елизаветой Марковной <Олениной> был дан трехэтажный дом, расположенный на Фонтанке в 3-м квартале 3-й Адмиралтейской части, между Семеновским и Обуховским мостами (под № 125, ныне № 101). <...> Дом был построен на большом участке, принадлежавшем Агафоклее Александровне. Владения Полторацкой занимали пространство между Фонтанкой и Сенной площадью с одной стороны, и Обуховским проспектом и проходным переулком (позже Полторацкий переулок, ныне ул. Ефимова) от Фонтанки к Сенной площади — с другой. Рядом с домом Елизаветы Марковны

Агафоклея Александровна поставила еще два жилых дома, за которыми был разбит большой сад, стояли многочисленные хозяйственные постройки, водочный завод, трехэтажный и одноэтажный жилые флигеля по переулку. На Сенной площади расположились общественные бани, тоже принадлежавшие Полторацкой, и четвертый каменный дом со службами; пятый дом выходил своим фасадом на Обуховский проспект.

В этих домах разместились многочисленные дети Полторацких. Один из домов (ныне № 99), что стоял рядом с оленинским, Агафоклея Александровна отдала в приданое за дочерью Варварой Марковной, вышедшей замуж за <...> Д. Б. Мертваго. Чуть поодаль, на Обуховском проспекте (ныне Московский пр., 8), поселилась Агафоклея Марковна <...>, вышедшая замуж за <...> А. Д. Сухарева» (*Тимофеев Л. В.* В кругу друзей и муз: Дом А. Н. Оленина. Л., 1983. С. 10—11).

[156] *...изъявила она раскаяние и желание возвратить себе обратно.*— Ср.: «Раз она спросила у меня, что я хочу: куклу или деревню? Из гордости я попросила куклу и отказалась от деревни. Она, разумеется, дала бы мне деревню; но едва ли бы эта деревня осталась у меня, ее точно так же бы взяли у меня, как и все, что я когда-нибудь имела» (*Керн* [*Маркова-Виноградская*] *А. П.* Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989. С. 116).

[157] *...по водяной коммуникации, новое образование тогда приемлющей.*— Подразумевается Тихвинская система, открытая в 1811 году и призванная заменить Вышневолоцкий водный путь, возможности для развития которого к началу XIX века были практически исчерпаны.

[158] *...главнокомандующий в Москве <...> Гудович...*— см. коммент. 46 к с. 58 настоящего изд.

[159] *Воспитательный дом* — учреждение для призрения незаконнорожденных детей, подкидышей и беспризорных детей. Московский воспитательный дом открыт в 1764 году на месте разобранных в 1760 году стен Белого города (совр. Москворецкая наб., 7). «Много было разных суждений насчет Воспитательного дома: кто осуждал, а кто и одобрял, и последних было более. Одни говорили, что не следует делать приюта для незаконных детей, что это значит покрывать беззаконие и покровительствовать разврату, а другие смотрели на это иначе и превозносили милосердие императрицы, что она давала приют для воспитания несчастных младенцев, невиновных в грехе родителей...» (*Рассказы бабушки*: Из воспоминаний пяти поколений... Л., 1989. С. 149—150). У А. П. Сумарокова есть восторженные «Стихи к Воспитательному дому» (*Сумароков А. П.* Полн. собр. всех соч., в стихах и прозе...: [В 10 ч]. Ч. 9. М., 1781. С. 219):

К бессмертной памяти Второй Екатерины
Цветут ее дела и здесь, как райски крины:
Владычествует здесь надежда и покой.
Спасенны сирые божественной Рукой,
Препровождающи во удовольстве годы,
И не заимствуя участья от природы,
Потребна возраста ко общей пользе ждут,
Когда божественный Императрицы суд
Извергов из людей в число людей вселяет,
Им жизнь и здравие, и ум определяет:
И может быть, когда приспеют оных дни,
Что многих превзойдут избраннейших они,
Подобно как Гомер ко удивленью света,
И славу получат на бесконечны лета,
Гласящую везде Екатеринин век.
Велика слава кем спасется человек:
Екатериной здесь премножество спасется,
И милосердие до солнца вознесется.

В 1772 году при Воспитательном доме были учреждены кредитно-ссудные учреждения: Сохранная и Ссудная казны.

160 *...купили дешево попавшийся обгорелый в Москве дом...* — см. коммент. 13 к с. 13 настоящего изд.

161 *Балашов* Александр Дмитриевич (1770—1837) — министр полиции с 25 июля 1810 по 28 марта 1812 и с 15 октября 1819 по 4 ноября 1819 года В промежутке с 28 марта 1812 по 15 октября 1819 года Министерство полиции возглавлял С. К. Вязмитинов.

162 *Ростопчин* Федор Васильевич (1763—1826) — граф (1799). Перед Отечественной войной был назначен московским генерал-губернатором и главнокомандующим в Москве с переименованием из обер-камергеров в генералы-от-инфантерии. Уволен от этой должности 30 августа 1814 года с назначением членом Государственного Совета. «Это был один из тех умных людей, которые умеют сказать что-нибудь интересное даже и о погоде. Об остроумии его и говорить нечего...» (*Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти // *Дмитриев М. А.* Московские элегии. М., 1985. С. 285).

163 *...манифеста, призывающего всех россиян к ополчению...* — «Неприятель вступил в пределы Наши и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясть спокойствие

Великой сей Державы. Он положил в уме своем злобное намерение разрушить славу ее и благоденствие. С лукавством в сердце и лестью в устах несет он вечные для ней цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставляем в преграду ему войски Наши, кипящие мужеством попрать, опрокинуть его, и то, что останется не истребленного, согнать с лица земли Нашей. Мы полагаем на силу и крепость их твердую надежду; но не можем и не должны скрывать от верных наших подданных, что собранные им разнодержавные силы велики и что отважность его требует неусыпного против нее бодрствования. Сего ради при всей твердой надежде на храброе Наше воинство полагаем Мы за необходимо нужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой, и в защиту домов, жен и детей каждого и всех.

Мы уже воззвали к первопрестольному граду нашему Москве*, а ныне взываем ко всем Нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским, приглашая их вместе с Нами единодушным и общим восстанием содействовать противу вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, <...> в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества; Святейший Синод и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали Благодать на главу России; народ рус<с>кой! Храброе потомство храбрых славян! ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках, никакие силы человеческие вас не одолеют.

Для первоначального составления предназначаемых сил предоставляется во всех губерниях дворянству сводить поставляемых ими для защиты отечества людей, избирая из среди самих себя начальника над оными, и давая о числе их знать в Москву, где избран будет главный над всеми предводитель.

В лагере близ Полоцка, 1812 года Июля 6 дня. Александр» (*СПб. сенатские ведомости*. 1812. № 28. 13 июля. С. 542—543).

Начальником московского ополчения был избран Михаил Илларионович Кутузов, его помощником — граф Ираклий Иванович Морков.

---

* Обращение о сборе земского ополчения, сочиненное А. С. Шишковым, Александр I подписал в этот же день.— ***Г. М.***

[164] *Горчаков* Алексей Иванович (1769—1817) — князь. Военный министр после М. Б. Барклая-де-Толли — с 24 августа 1812 по 12 декабря 1815 года.

[165] *...разными выдумками угождая народу...* — подразумеваются антифранцузские листовки (так называемые ростопчинские «афишки»). По словам М. А. Дмитриева,— это «мастерская, неподражаемая вещь в своем роде! Никогда еще лицо правительственное не говорило таким языком к народу! Притом афишки были вполне ко времени. Они производили на народ московский огненное, непреоборимое действие! А что за язык! Один граф Ростопчин умел говорить им!» (*Дмитриев М. А.* Московские элегии... С. 296).

«Афишки» появились в Москве в начале июля, в качества образца приводим одну из первых: «Дружеское послание от главнокомандующего в Москве к жителям ее. Слава Богу! все у нас в Москве хорошо и спокойно. Хлеб не дорожает и мясо дешевеет. Одного всем хочется, что б злодея побить, и то будет. Станем Богу молиться, да воинов снаряжать, да в армию их отправлять. А за нас пред Богом заступники: Божия Матерь и Московские Чудотворцы. Пред светом милосердый Государь нам Александр Павлович, а пред супостаты Христолюбивое воинство; а чтоб скорее дело решить: Государю угодить, Россию одолжить и Наполеону насолить; то должно иметь послушание, усердие и веру к словам Начальников, и они ради с вами и жить и умереть. <...> Не бойтесь ничего, нашла туча, да мы ее отдуем, все перемелется, мука будет; а берегитесь одного: пьяниц, да дураков, они распустя уши шатаются, да и другим в уши врасплох надувают. Иной вздумает, что Наполеон за добром идет, а его дело кожу драть, обещает все, а не выйдет ничего. Солдатам сулит Фельдмаршальство, нищим золотые горы, народу свободу, а всех ловит за виски да и в тиски и пошлет на смерть: убьют либо там, либо тут. И для сего и прошу, есть ли кто из наших или из чужих станет его выхвалять и сулить и то и другое, то какой бы он ни был, за хохол, да на съезжую, тот кто возьмет, тому честь, слава и награда; а кого возьмут, с тем я разделаюсь, хоть пяти пядей будь во лбу; мне на то и власть дана, и Государь изволил приказать: беречь матушку Москву; а кому ж беречь мать, как не деткам! Подписано: Граф Растопчин» (*Борсук Н. В.* Растопчинские афиши. СПб., б. г. С. 76—77).

[166] *Дормез* (фр. dormeuse, буквально — соня) — старинная большая карета, приспособленная для сна в пути.

[167] *...ближняя приятельница М. П. Блохина* — вероятно, описка в рукописи, либо ошибка набора: в 1815 году восприемницей сына

Д. Б. Мертваго Дмитрия была вдова подполковника Мария Дмитриевна Блохина (см. с. 322 настоящего изд.).

[168] *Николин монастырь* — Николаевский Песношский мужской монастырь в Дмитровском уезде Московской губернии, в 65 верстах от Троице-Сергиевой лавры. Основан в 1361 году учеником преподобного Сергия Мефодием.

[169] *...Прожив в Тамбове до ноября...* — см. письмо Марии Аполлоновны Волковой к Варваре Ивановне Ланской, урожд. Одоевской (1794—1845) от 7 октября 1812 года из Тамбова: «Пребывание мое в Тамбове при теперешних обстоятельствах открыло мне глаза насчет очень многого. Находись я здесь в другом положении, думай лишь об удовольствиях и приятностях жизни, мне здешние добрые люди непременно показались бы глупыми и очень смешными. Но, прибыв сюда с разбитым сердцем и с душевным горем, не могу тебе объяснить, как благодарны были мы им за ласковые к нам поступки. Все наперерыв стараются оказать нам услуги, и нам остается лишь благодарить этих добрых соотечественников, которых мы мало знаем. Правда, здесь не встретишь молодых людей, которых все достоинство заключается в изящной осанке, которые украшают своим присутствием гостиные, занимают общество остроумным разговором, но послушав их, через пять минут забудешь об их существовании. Вместо них сталкиваешься с людьми, быть может, неуклюжими, речи коих не цветисты и не игривы, но которые умеют управлять своим долгом и состоянием, здраво судят о делах и лучше знают свое Отечество, нежели многие министры. Сначала, привыкшие к светской болтовне, мы их не могли понять, но мало-помалу мы свыклись с их разговором, и теперь я с удовольствием слушаю их рассуждения о самых серьезных предметах. Здесь есть один дорогой в этом отношении человек; как и мы, он несчастный эмигрант. Это г. Мертваго, некогда занимавший довольно значительные посты и вынужденный оставить службу. Я редко встречала такой возвышенный ум и светлый разум; беседа его приятна и занимательна. Он часто нас посещает и вполне очаровал меня» (*Рус. архив*. 1872. Кн. 2. Вып. 12. Стлб. 2402—2403).

[170] *...в Киев едущий <...> Державин...* — поездку в Киев и Малороссию Державины в сопровождении П. Н. Львовой совершили в 1813 году, в т. ч. с целью посещения имения Капнистов Обуховки (жена Г. Р. Державина Дарья Алексеевна, урожд. Дьякова — родная сестра Александры Алексеевны, жены В. В. Капниста). 70-летний Державин проехал тогда:

«От Петербурга до Москвы — 727 верст.

От Москвы до Киева чрез Обуховку, заезжая в Белую Церковь, и из оной обратно в Киев проехали — 1319. Итого — 2046.

В обратной путь от Киева до Петербурга чрез Москву — 1615.

А всего верст — 3661.

Лишнего сделано по тракту от Москвы до Киева чрез Тулу — 483» (исчисление маршрута с подсчетом верст по станциям: *ОР РНБ.* Ф. 247. Г. Р. Державин. Т. 20. № 2. Л. 270—274).

[171] *...в Клину, близ коего моя деревня...* — между 16 и 20 июля 1811 года в Демьяново останавливались знакомые Д. Б. Мертваго Василий Львович Пушкин (1766—1830) с гражданской женой московской купчихой Анной Николаевной Ворожейкиной, которые везли в Петербург для определения в Царскосельский лицей Александра Пушкина, племянника В. Л. Пушкина.

Летом 1830 года усадьбу впервые посетила Татьяна Петровна Пассек урожд. Кучина (1810—1889), гостившая у княжны Варвары Александровны Волконской (1785—1878) в сельце Нагорном Клинского уезда Московской губернии: «Недели через две княжна собралась ехать в Демьяново и меня брала с собою.

День был праздничный и приемный.

Сердце у меня сильно билось, когда мы подъехали к крыльцу большого каменного дома, стоявшего во дворе; за домом виднелся парк, вдали фабрика.

Из залы мы вошли в широкий коридор, в конце его тремя широкими ступенями спустились в летнюю гостиную. В раскрытые окна этой комнаты виднелись деревья парка, в растворенные стеклянные двери, в уровень с паркетом, пестрел цветник, затопленный цветами, наполнявшими своим ароматным запахом всю комнату.

В гостиной было много посетителей. На двух ломберных столах играли в карты и слышались разговоры, большею частию на французском языке.

Когда мы вошли в гостиную, из-за одного зеленого стола приподнялась с дивана небольшого роста полная старушка в распашном капоте из английской холстинки, без чепчика, с коротко остриженными волосами, уже поседевшими.

Это была Варвара Марковна Мертваго.

Веселый, проницательный взор ее показывал доброту, просветленную умом, выходящим из ряда умов обыкновенных, и самостоятельный характер.

Положивши на стол карты, которые держала в руках, она пошла к нам навстречу так просто, так приятельски, что с первого взгляда на нее я почувствовала к ней уважение и душевную близость»,— далее следует подробное описание приема (*Пассек Т. П.* Из дальних лет. Т. 1. М., 1963. С. 341—342).

Имение сохранилось. «От Дома-музея П. И. Чайковского можно направиться в Демьяново, бывшую усадьбу, вошедшую ныне в городскую черту. <...> В настоящее время в Демьянове располагается больница.

На окраине парка сохранилось здание Успенской церкви XVIII века. В начале XIX столетия усадьба принадлежала <...> Д. Б. Мертваго <...>.

В 1883 году усадьбу приобрел В. И. Танеев, брат композитора С. И. Танеева. Владимир Иванович собрал в Демьянове богатейшую библиотеку, насчитывавшую около 20 тысяч томов. <...>

В Демьянове в эти годы часто бывали П. И. Чайковский, К. А. Тимирязев, А. М. Васнецов, С. И. Танеев, А. Н. Скрябин. В 1946 году, в день 25-летия со дня смерти В. И. Танеева на усадебном флигеле установлена мемориальная доска» (*Попадейкин В. И., Струков В. В., Тарунов А. М.* Тропами Подмосковья. 4-е изд., доп. и перераб. М., 1989. С. 36—37).

См. также: *Пэнэжко О.* Город Клин и храмы Клинского района. Владимир, 2003. С. 41—56.

[172] *Волконский* Петр Михайлович (1776—1852) — князь. Принимал деятельное участие в заговоре против Павла I, однако с юных лет *был самым близким человеком к Александру I*, в день коронации которого сделан генерал-адъютантом. В 1815—1823 годах начальник Главного штаба русской армии. С 1826 года министр Императорского двора и уделов. 30 августа 1834 года, в день открытия Александровской колонны, получил титул «светлости». Был женат на Софье Григорьевне, урожд. Волконской (1786—1869).

[173] *Храповицкий* Матвей Евграфович (1784—1847) — в 19 лет «был уже полковником (с 11 декабря 1803 года) и, командуя батальоном лейб-гвардии Измайловского полка, участвовал в 1805 года в войне против австрийцев. В день Аустерлицкого сражения, 20 ноября того же года <...> в самый разгар сражения Х.<раповицкий> по личному приказанию императора Александра повел свой батальон к центру позиции на Праценские высоты, куда Наполеон направлял свой главный удар. Блестящая атака, произведенная Храповицким, доставила ему орден св. Георгия 4 ст.» (*Рус. биогр. словарь.* Т. [21]. Фабер — Цявловский. СПб., 1901. С. 421).

[174] *Волконская* (урожд. княжна Репнина) Александра Николаевна (1756—1834) — статс-дама, обер-гофмейстерина. Жена князя Григория Семеновича Волконского (1742—1824), генерала-от-кавалерии, члена Государственного Совета.

[175] *Ливен* (урожд. баронесса фон Поссе, по другим сведениям фон Гаугребен) Шарлотта Карловна (1743—1828) — статс-дама (1794), воспитательница всех дочерей Павла I. Графиня (1799). В коронацию Николая I (1826) была возведена с ее потомством в княжеское достоинство, а в декабре того же года получила титул «светлости».

[176] *Нелидова* Екатерина Ивановна (1758—1839) — камер-фрейлина императрицы Марии Феодоровны, знаменитая своей многолетней близостью с Павлом I.

[177] *Голицын* Александр Николаевич (1773—1844) — князь. Министр народного просвещения и духовных дел с 10 августа 1816 по 15 мая 1824 года.

[178] *Обер-гофмаршал* — см. коммент. 107 к с. 121 настоящего изд.

[179] *Муравьев* Николай Назарьевич (1775—1845) — в 1815—1818 годах новгородский гражданский губернатор; 26 августа 1818 года Муравьев был назначен статс-секретарем, с поручением находиться «при особо возложенных на него поручениях по Собственной Е. И. В. канцелярии в ведении графа А. А. Аракчеева».

[180] *Саблин* Алексей Николаевич (1756—1834) — вице-адмирал (1809), главный командир Свеаборгского порта. Сенатор с 26 мая 1817 года. Одновременно состоял почетным опекуном Московского опекунского совета.

[181] *Гермес* Богдан Андреевич (1758—1839) — сенатор с 26 мая 1817 года.

[182] *Ермолов* Алексей Петрович (1772—1861) — генерал-от-артиллерии, начал служить еще при А. В. Суворове, прославился выдающимся мужеством и военным талантом в наполеоновских войнах 1805—1807 годов, в Бородинском сражении заменил раненого Багратиона, одержал победу под Кульмом, командовал гвардейским корпусом при взятии Парижа. С 1817 года главнокомандующий в Грузии и командир Кавказского корпуса. Действуя жестко и решительно, заслужил славу покорителя Кавказа. Был популярен среди оппозиционного офицерства и в кругах, близких к тайным обществам. Николай I, недовольный независимостью и вольномыслием Ермолова, сместил его, заменив Паскевичем в 1827 году.

[183] *Литтерально* — буквально, дословно.

184 *От <...> Державина, который <...> принял меня <...> в содружество себе...* — Д. Б. Мертваго принадлежал портрет Г. Р. Державина работы Владимира Лукича Боровиковского (1757—1825), доставшийся по наследству В. П. Безобразову. На обороте портрета имелась следующая надпись без заглавия (*Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота*. Т. 9. СПб., 1883. С. 506):

Певца Фелицы здесь нам кисть изображает:
Мое усердие сей стих к нему слагает.
Державин именем дотоле не умрет,
Доколе знать дела Фелицы будет свет;
Но чтоб познать его горяче вображенье,
Витийство, разум, слог
И купно с тем души и сердца просвещенье, —
Да чтем мы оду Бог.
Гремит словами кто, гремит делами,
Разумен, честен, тверд и добр,
Достоин управлять тот всех сердцами.

Д. М.

185 *Намет* — крытый навес, шатер, балдахин (ср. *польск.* namiot).

186 *Саркинец* — глава, начальник, предводитель.

187 *Мочажина* — здесь: влажное, топкое место.

188 *Гернгутеры* — протестантская секта последователей Чешских братьев (религиозной секты в Чехии, разгромленной после поражения Чешского восстания 1618—1620 годов). Из саксонского города Гернгут (Herrnhut) в XVIII—XIX веках распространилась в Германии, Европе. Северной Америке. Отрицали государство, сословное и имущественное неравенство, проповедовали отказ от насильственной борьбы. Основали колонию Сарепта (см. коммент. 95 к с. 114 настоящего изд.).

Из воспоминаний Е. П. Яньковой: «Я чуть-чуть помню, как стали селиться немцы (из Моравии) в Саренте (sic!); это было при императрице Екатерине. Сначала их было, говорят, пять-шесть семейств, которые первые приехали и выбрали место за Саратовом, поблизости от Царицына <...>. Они какой-то особенной лютеранской ереси, но очень строгой и хорошей жизни. Эти немцы, говорят, выстроили себе прекрасную молельню и завели школу для мальчиков и для девочек.

Стали сеять горчицу, которая и теперь считается у нее самою лучшею, и занялись разведением табака особых сортов, и сарептский табак

был одно время в большом ходу; кто там бывал, говорит, что Сарепта стала потом как большой город, очень красивый и совершенно отличный ото всех русских городов» (*Рассказы бабушки*: Из воспоминаний пяти поколений... Л., 1989. С. 150—151).

[189] *Искренним сердцем разделяю потерю вашего превосходительства и детей ваших...* — из воспоминаний «Быль минувшего» М. П. Ватаци: «Кончина дедушки Дмитрия Борисовича не менее знаменательна тем, что лечил его последние годы также человек, по нравственным качествам много общего с ним имеющий. Он скончался на руках известного доктора Федора Петровича Гааза, который в письме излагает все, что происходило в последние минуты его жизни.

Вот этот старый документ, оставшийся в бумагах нашей семьи: <...>*

«Моя последняя беседа с г. сенатором Дмитрием Борисовичем Мертваго сего 23 июня, 1824 года.

Все это утро больной находился в очень удрученном состоянии, он несколько раз повторил, что чувствует, что минуты его жизни сочтены. Это было ощущение невыразимой слабости, наступившей две недели тому назад сейчас же после первого приступа грудной жабы, причиной которой явились подагра и водянка в груди. Часто больной старался сосредоточиться и молился Богу. Около двух часов пополудни больной попросил свою старшую дочь оставить нас вдвоем. Он тогда сказал мне слабым голосом: "Скажите мне, пожалуйста, не находите ли вы мое состояние опасным?" — и, видя, что я медлю ответом, прибавил: "Я вас об этом спрашиваю, как христианин, я не боюсь, я готов!" Тогда я сказал: "Мы всегда находимся в руках Божиих, а во время болезни Бог еще усиленнее напоминает нам, что Он наш Властелин. Надежды у меня много, но я не могу не сознаться, что болезнь ваша опасна". "Хорошо, что вы мне это сказали, благодарю вас, теперь я позову детей. Боюсь их напугать, в особенности младшую, Софию, которая еще не совсем здорова". Через несколько минут больной сказал: "Мне не надо делать никаких распоряжений, жена моя все знает — все принадлежит ей. Но я должен подать им пример христианской кончины". Я возразил: "Нет, ваше превосходительство, не кончины, время которой известно одному Богу, но пример полной и постоянной покорности воле Божией". Больной сказал: "Да, так — это основа всего!" Несколько минут спустя больной сказал: "Слово Отца укажет им путь к добродетели". Я сказал: "И Его благословение будет с ними!" Больной сказал: "Да". Это было

*** Оригинал по-французски.— *Г. М.***

последнее слово, произнесенное уважаемым больным при переходе его из этой жизни в вечность. Голос его был уже так слаб, что ему пришлось сделать усилие, чтобы сказать: “Слово Отца укажет им путь к добродетели”, — и я не могу выразить чувство умиления, произведенное на меня этими словами. Час спустя, напутствуемая молитвами священника, душа его отлетела к своему Создателю; умирающий оставался в положении человека, отходящего ко сну. Конец его жизни был до того спокоен, что нельзя было подумать, что последняя минута наступила”.

Дмитрий Борисович Мертваго похоронен в Москве, в Симоновом монастыре.

На столетнем листе бумаги, обрамленном черной каемочкой, на его завещании неизвестной мне рукой надписано: “Мы имели несчастье потерять его 23 июня 1824 года, в три часа пополудни”» (*Ист. вестник.* 1913. Т. 132. № 4. С. 33—35).

***

Дело о внесении рода Мертваго в дворянскую книгу первоначально возбуждено было в Уфимском наместничестве по прошению надв.<орного> сов.<етника> Дмитрия Борисовича Мертваго от 30/XII.1790. Затем после продолжительной переписки в Оренбургском двор.<янском> деп.<утатском> собрании по прошению брата его кол.<лежского> сов.<етника> Степана Борисовича Мертваго дело передано было (14.V.1851, № 473) в Самарское двор.<янское> деп.<утатское> собрание, которым (опр.<еделение> 28/I. 1859) род Мертваго признан в древнем дворянстве и внесен в VI часть дворянской родословной книги по Самарской губ.<ернии> (дела № 113 и № 226). Определение это утверждено указом Правит.<ельствующего> Сената от 6/VI.1860, № 5176.

***

Фамилии Мертваго, как показано по справке Разрядного Архива, многие Российскому престолу служили дворянские службы в разных чинах и жалованы были от государей в 7088 (1580) и других годах поместьями. А по преданиям известно, что род Мертваго происходит от царевича Золотой Орды, именовавшегося Благоден и выехавшего в XIV столетии к великому князю Олегу Рязанскому. Потомки сего царевича именовались титулом предка своего до времени царствования царя и великого князя Иоанна Васильевича, а тогда по велению царскому, каждый потомок получил особое название, и от них пошли разные фамилии. Родоначальник же фамилии Мертваго, будучи в отлучке умер, то малолетних детей его царь Иоанн Васильевич назвал: дети Мертваго, и от того сия фамилия и начало свое имеет.

***

Герб рода:* в красном поле золотой лев, на трех лапах стоящий, а в четвертой держит золотой крест. В черном поле серебряная луна рогами вверх, вокруг нее семь шестиугольных серебряных звезд. Над короной три страусовых пера. Намет красного и черного цвета подложен золотом. Щит держат с правой стороны лошадь, а с левой — единорог барсового цвета.

Общий гербовник дворянских родов Российской империи, начатый в 1797 году. Т. V. С. 51.

---

* См. иллюстрацию на стр. 6 настоящего издания.

С. Д. Дзюбанов *

Поколенная роспись рода Мертваго **

1-е колено

1.1 *Дмитрий Яковлевич Мертваго* (XVI в.).

2-е колено

2.1 (1).*** *Булгак-Савва Дмитриевич.*

Сын боярский. В службу вступил из Мурома. В 1571 г. поручитель по боярам. В 1576 г. у наряда и у обоза с боярином и воеводой князем Василием Андреевичем Сицким. Был испомещен в 1580 г. вместе с племянниками в Мещере, всего 200 чети.

2.2 (1). *Третьяк Дмитриевич* (?).

В 1565 г. стрелецкий атаман Третьяк Мертваго проживал в Казани «на посаде, в остроге, в слободе стрелецкой». В 1566 г. он со всеми стрельцами из Казани послан на государеву службу и житье в Астрахань.

2.3 (1). *Семен Дмитриевич* (?).

3-е колено

3.1 (1). *Василий Савич, Булгаков сын* (ум. [1593]).

Мещерянин. Станичник с окладом 150 чети и 7 рублей. В 1587—1588 гг. вотчинные сельца Верхозерье, Косиково, деревня Кононово были разделены между Степаном Невежиным Копниным, Иваном Третьяковичем, Михаилом и Ильей Семеновичами, Василием, Ильей, Иваном, Никифором Булгаковичами Мертваго.

---

* Дзюбанов Сергей Дмитриевич — исследователь истории русских дворянских родов, член Совета Русского генеалогического общества. Автор научных работ и публикаций, посвященных генеалогии Львовых, Державиных, Соймоновых и др. Автор выражает благодарность Э. А. Смирновой за помощь в редактировании настоящей публикации.

** Список источников см. с. 337—340 настоящего изд.

*** Цифры означают: номер колена. номер в поколении (номер отца).

3.2 (1). *Никифор Савич.*

В 1605 г. был взят из Самары из детей боярских по грамоте в Москву в сотники стрелецкие. В указной грамоте 15 декабря 1606 г. ему выражается благоволение, в этой же грамоте некий Иван Гаврилович Мертваго назван вором и изменником.

3.3 (1). *Илья Савич.*

В 1590 г. служил в дворовых по Мурому с окладом 250 чети. В Муромской десятне 1597 г. оклад указан 250 чети и 7 рублей, а поручителями в службе и в деньгах названы Сума Васильевич Кровков и Григорий Григорьевич Чертков. В Муромской десятне 1605 г. назван в сотниках на Москве и в Иван-городе. В июне 1613 г. мордвин Ермоза Кузуватов бил челом на Илью Мертваго «с товарищи о сыску про грабежной живот», а алаторец Семен Колычев на его крестьян об управе. В 1618/19 г. озера Спасское и Ильинское Арзамасского уезда, бывшие на оброке у И. С. Мертваго, отданы в поместье Якову Микулину.

3.4 (1). *Иван Савич.*

В Муромской десятне 1597 г. оклад указан 250 чети и 7 рублей, а поручители в службе и в деньгах: Илья Савич Мертваго и Иван Игнатьевич Юматов. В десятне 1605 г. указан тот же оклад. В июне 1613 г. бил челом в Муроме на Петра Ушакова «об управе в грабежи».

3.5 (2). *Иван Третьякович.*

В 1597 г. в Муроме жалованье 400 чети и 8 рублей. Поручители: Иван Игнатьевич Юматов, Петр Семенович Дурасов, Григорий Григорьевич Чертков.

3.6 (3). *Михаил Семенович.*

В 1597 г. новик в Муроме, с отцовского поместья 250 чети и 5 рублей, поручители: Иван Третьякович Мертваго, Григорий Григорьевич Чертков, Яков Бессонович Лукин. В 1605 г. городовой дворянин в Муроме.

3.7 (3). *Илья Семенович.*

4-е колено

4.1 (1). *Степан Васильевич.*

В Муромской десятне 1597 г. назван новиком неслужилым, верстан поместным окладом 250 чети и денег 6 рублей. Поручители: Петр Семенович Дурасов, Иван Третьяков Мертваго, Григорий Григорьевич Чертков. В десятне 1605 г. в городовых дворянах, сотник казачий Шацкого города. Был на службе в Болхове с князем Дмитрием Ивановичем Шуйским и в Карачевском походе, за что по возвращении в Москву 15 мая

1608 г. к его окладу (350 чети и 9 рублей) дано ему придачи 50 чети и 3 рубля. В марте 1613 г. бил челом на Марфу Иванову жену Мертваго в поместном владении. В ноябре 1635 г. был приставом у посла к государю сибирскому Алтыну. В 1636 г. за ним и его племянниками дворовое место в Муроме. В 1640 г. дворянин московский с окладом с придачами за Смоленскую службу (1633—1634) 800 чети и 34 рубля. В 1647 г. за старостью и увечьем от службы отставлен, и вместо него велено служить сыну его Федору. В 1659 г. алаторской его вотчиной названа деревня Новосилок (близ села Мишукова-Никольского).

4.2 (1). *Иван Васильевич.*

В 1613 г. служил в дворовых по Мурому с окладом 450 чети.

4.3 (1). *Семен Васильевич.*

4.4 (2). *Михаил Никифорович.*

В 1622 г. неслужилый новик 1-й статьи по Мурому с окладом 300 чети и 10 рублей, поместье за ним отцовское в Арзамасе 80 чети, крестьян 6 душ, вотчины 50 чети. За ним же в Залесном стане за Шатковскими воротами в деревне Адашеве 113 чети с полуосьминою.

4.5 (3). *Семен Ильич* (ум. 1633/34, под Смоленском).

В 1620/21 г. за московское осадное сидение с поместного оклада 750 чети пожаловано в вотчину 121 чети в деревне Мурзицах Алаторского уезда. В 1623—1625 гг. имел в вотчине в названной деревне на реке Суре 147 чети с полутретником.

Жена: Анна N.

4.6 (3). *Григорий Ильич.*

В 1631 г. стольник патриарха Филарета. В 1635/36 г. стряпчий. В 1659 г. был послан в приказ Новгородской Чети «для сыска корчемной и табачной выемки». В 1662 г. из арзамасцев пожалован по московскому списку.

Жена: Ксения N.

4.7 (3). *Петр Ильич.*

В 1605 г. пожалован в Самару в дети боярские на место дяди Никифора Савича, убывшего в Москву.

5-е колено

5.1 (1). *Федор Степанович.*

В 1643 г. московский дворянин. В 1648 г. велено ему быть «на государевой службе на Волуйке» с окольничьим князем Дмитрием Петровичем Львовым. В 1650 г. в числе прочих сопровождал царицу Марью Ильиничну в село Коломенское. В 1655 г. оклад 500 чети и 15 рублей.

В 1659 г. писец и дозорщик в Орле. В 1668 г. оклад 920 чети и 54 рубля, а за объявление царевича Федора Алексеевича 1 сентября 1674 г. прибавка 80 чети и 13 рублей. В 1675 г. служил в житном дворе с боярином Богданом Матвеевичем Хитрово.

По дачам 1673/74 и 1675/76 гг. алаторские поместья за Малым Барышком и рекою Яклою 500 чети, на которых построено село Троицкое. По даче мая 1686 г. за ним вотчина, что ему продал Василий Васильевич Апраксин в Алаторском уезде в Пьянском стане в деревне Назимове и деревне Замятнине, а «по другую сторону, что дано отцу его за четвертную пашню 125 чети». По книгам сентября 1686 г. за ним вотчина, что ему продал Алексей Васильевич Плещеев, а также треть села Красного на Сурском поле в Верховском стане Алаторского уезда, данная ему за литовские службы. По даче 1686/87 г. за ним же вотчина, проданная ему Иваном Федоровичем Башевым, в Пьянском стане Алаторского уезда жеребий деревни Марославки, да в деревне Чуркине, деревне Назимове, деревне Замятнине, пустошь Неноща Молохова, купленная у Прокофия Федоровича Бакеева вотчина на Сурском поле, деревня Каплина Пьянского стана, пустошь Рытвина, пустошь Воронинская, деревня Барышка Верхнеалаторского стана. В 1687 г. эти вотчины были по «его поступке» справлены за сыном Дмитрием.

Жена: Аксинья Алексеевна N. В 1675 г. дворовая боярыня у царицы Натальи Кирилловны. Числилась в боярынях и в 1691 г.

5.2 (1). *Михаил Степанович* (ум. 1683).

В 1676 г. дворянин московский. В 1677—1686 гг. третий судья дворцового судного приказа. В 1680 г. пожалован был в думные дворяне.

5.3 (2). *Матвей Иванович* (ум. до 1683).

В 1631 г. стольник патриарха Филарета.

Жена: Авдотья Гавриловна Черткова. В 1682/83 г. прожиточное свое поместье в Алаторском уезде Пьянском стане в селе Богородицком, Нуя тож, отдала родному брату, стряпчему Якову Гавриловичу Черткову, и на постригание и на платье взяла у него 200 рублей.

5.4 (2). *Петр Иванович.*

5.5 (2). *Василий Иванович.*

В 1670—1676 гг. дворянин московский. В 1678 г. в челобитной на имя царя Федора Алексеевича просил дать выпись из отказных книг на дачу в Алаторском уезде в Низсурском стане в половине деревни Кулдоминой, принадлежавшей Федору Давыдовичу Бегичеву. По отказным книгам упомянутое поместье было отказано к старому его поместью

(Алаторскому, Нижегородскому, Муромскому) в его оклад 740 чети. В 1680 г. из городовых дворян пожалован по московскому списку, а велено в полку служить по-прежнему. В 1686 г. числился в отставленных от полковой службы по старости.

5.6 (3). *Леонтий Семенович.*

Жена: Марья Наумовна Мещеренинова. В 1650 г. 8 июля отказано Леонтию Семеновичу прожиточное поместье ее матери Натальи, жены Наума Ивановича Мещеренинова.

5.7 (4). *Андрей Михайлович.*

В 1638 г. за недорослями Андреем и Осипом Михайловичами поместья в Арзамасе 150 чети, крестьянских и бобыльских 9 дворов, людей в них 13 человек. В 1647 г. новик по Мурому с окладом 150 чети. В 1649 г. служил по Арзамасу. В 1653 г. купил в московском Приказе книжного печатного дела книгу «Год Миней» месячных тетрадей 12 штук за 12 рублей.

5.8 (4). *Осип Михайлович.*

В 1647 г. новик по Мурому с окладом 150 чети. В 1649 г. служил по Арзамасу. В 1660 г. жилец с окладом 600 чети и 27 рублей. В 1663 г. из жильцов пожалован в стряпчие. В 1664 г. за службу и за рану в походе «на взморье, как был бой с крымскими и турецкими людьми и темрюки» придача 100 чети и 5 рублей. В 1671 г. на приеме польских послов был в числе стряпчих, которых «перед послов петь ставили». Придачи к окладу получены за объявление царевича Федора Алексеевича 1 сентября 1674 г. и за Чигиринскую службу (1678—1679) гг. В 1690 г. его поместная земля в Саранске на Вядинской поляне. В 1691 г. стольник, писец и межевщик в Саранске.

5.9 (5). *Осип Семенович.*

15 января 1635 г. по записи вотчинного стола приказа казанского дворца дана Осипу и Прокофию Мертваго выслуженная отца их вотчина, а порознь за ними та вотчина не расписана; на Осипову половину приходилось 74 чети.

В 1660—1677 гг. дворянин московский. В 1660 г. пожалован по московскому списку. Оклад с придачей за литовскую и конотопскую службу 650 чети и 32 рубля, за службу 1664—1665 гг. придача 130 чети и 9 рублей. В 1668 г. оклад его 960 чети и 60 рублей. За объявление царевича Федора Алексеевича 1 сентября 1674 г. придача 40 чети и 15 рублей. В 1674 г. отделено ему в Алаторском уезде из сенных покосов, что были за Федором Лаврентьевичем Пасмуровым, в поместье 20 чети к прежнему его алаторскому поместью 100 чети в его оклад 960 чети.

В 1682 г. стольник Степан Афанасьевич Собакин бил челом на Осипа Семеновича в нанесении им, якобы, бесчестья. В 1686 г. 30 января отделил он сыну своему Ивану в селе Мурзицах 74 чети и рыбные ловли за рекой Сурой озера Никольское и Тростяное «с истки и протоки». В 1700 г. был учинен сыск по уклонению от службы Осипа Семеновича по извету Леонтия Большого Ермолова, который бил челом, что Мертваго «деревнишки его разорил и пусты учинил».

По приговору боярина князя Бориса Алексеевича Голицына по делу с крестьянами о владении озерами Никольское и Тростяное и рыбными ловлями велено владеть озерами крестьянам, так как «оные исстари Чебоксарского, а не Алаторского уезда». В 1686 г. незаконно захваченные Осипом Семеновичем земли, принадлежавшие Агею Алексеевичу и сыну его Илье Шепелевым, на которых Мертваго поселил деревни Едомовку и Волчицу, были возвращены владельцам, а он «за воровство и ябеду вместо смертной казни был послан в ссылку дважды и челобитные от него принимать не велено».

Жена с 1650 г.: Прасковья Яковлевна Растригина, дочь Якова Васильевича Растригина.

5.10 (5). *Прокофий Семенович.*

В 1667 г. пожалован по московскому списку (дворянин московский). Оклад его 780 чети и 41 рубль. В 1668 г. дворянин московский с окладом 880 чети и 53 рубля. В 1669 г. воевода в Юрьевце-Поволжском. За объявление царевича Федора Алексеевича 1 сентября 1674 г. прибавки 100 чети и 12 рублей. За то, что «будучи в Юрьевских селах Польского поселил многих крестьян и на пашню леса вычистил и мельницы переоброчил» придачи 20 чети и 12 рублей, за Чигиринскую службу (1678—1679) 15 рублей, а за Киевскую службу (1679—1680) 7,5 рублей.

В 1672 г. за ним поместье, данное ему в 1666/67 г. после тетки его вдовы Ирины Семеновской жены Засецкой в деревне Зименках, и в 1668/69 г. после тещи его вдовы Марьи Ивановской жены Нестеровой. В 1680/81 г. после смерти Прокофия Семеновича между женой его и братом были спор и ссора за имение, заключавшееся в половине села Кочетовки.

Жена: N. Ивановна Нестерова. Во втором браке за Чевкиным.

5.11 (5). *Анна Семеновна.*

В 1635/36 г. в девках. Позднее, предположительно, стала женой Григория Васильевича Аксакова (у Осипа Семеновича Мертваго был племянник — Гавриил Григорьевич Аксаков).

5.12 (6). *Илья Григорьевич.*

Жена: Мавра N.

6-е колено

6.1 (1). *Дмитрий Федорович* (ум. [1705/06]).

В 1668—1675 гг. стряпчий, в 1676—1692 гг. стольник. В 1682 г. учинен был ему оклад 600 чети и 30 рублей, за службу 1671 г. придачи 80 чети и 7 рублей, за объявление царевича Федора Алексеевича 1 сентября 1674 г. 100 чети и 12 рублей, за Троицкий поход (1683) 50 чети и 5 рублей, за Путивльскую службу (1674—1678) 100 чети и 10 рублей.

По даче 1688 г. за Дмитрием Федоровичем состояло 500 чети отцовского поместья, а всего 1135 чети, из которых он в 1689 г. продал 235 чети лейб-гвардии майору Андрею Ушакову.

В 1692 г. Иван и Андрей Осиповичи Мертваго заложили за 200 рублей и просрочили Дмитрию Федоровичу 138,5 чети в селе Мурзицах, в деревнях Нестерове, Кожине, Митине.

В 1706 г. за Прокофием и Григорием Ивановичами справлено поместье, просроченное их отцом Иваном Осиповичем, по поступке вдовы Дмитрия Федоровича.

Жена: Федора Богдановна N. В 1706 г. вдова, получила прожиточное поместье. В 1717 г. продала строения капитану Илье Афанасьевичу Желябужскому.

6.2 (1). *Борис Федорович.*

В 1676 г. 3 марта пожалован в стряпчие. В 1679 г. 2 сентября в числе стряпчих, которые были при Троицком отъезде царя Федора Алексеевича.

6.3 (3). *Савва Матвеевич.*

В 1658 г. дворянин московский.

6.4 (3). *Никита Матвеевич.*

Жена: Марфа Прокофьевна Мусина-Пушкина. Дочь Прокофия Даниловича Мусина-Пушкина, убитого вместе с сыном Степаном в 1671 г. в «бунт воровских казаков». Принадлежавшая ему деревня Устимовка-Борятино на реке Суре в 1681 г. отказана внукам его Богдану и Федору Никитичам Мертваго.

6.5 (4). *Борис Петрович.*

В 1681 г. в начальных людях. 11 марта 1703 г. учинен оклад 400 чети и 10 рублей. За Чигиринский поход (1678—1679) придача 100 чети и 10 рублей, за мир с Польшей (1686) 200 чети и 20 рублей.

6.6 (5). *Ульян Васильевич.*

Стряпчий в 1691/92 г.

6.7 (5). *Максим Васильевич.*

В 1680 г. пожалован по московскому списку. В 1683 г. 20 мая оклад его был 500 чети и 18 рублей. За Чигиринскую службу (1678—1679) придача 100 чети и 10 рублей, за объявление царевича Федора Алексеевича 1 сентября 1674 г. 100 чети и 12 рублей, за киевскую службу (1679—1680) 50 чети и 5 рублей, за мир с Польшей (1686) 70 чети и 27,5 рублей, за Крымский поход (1687—1689) 51,5 рублей.

Жена: Матрена N.

6.8 (5). *Степан Васильевич.*

В 1686 г. дворянин московский. Упоминается в 1692 г.

6.9 (6). *Михаил Леонтьевич* (ум. 1695/96).

Жены: 1. Марья с 1672 г. (третий ее брак). В первом браке была за Богданом Волокитиным Нестеровым (ум. 1660). С 1665 г. за Матвеем Тимофеевичем Кречетниковым (ум. 1670).

2. Анисья. Вдова в 1696 г. 28 ноября 1700 г. прожиточное поместье ее, состоявшее в 75 чети при селе Мурзицах и в селе Нестерове-Кожине, отказано за жениха ее Ивана Большого Семеновича Захарова.

6.10 (6). *Анисим Леонтьевич.*

В 1670—1671 гг. на службе против Степана Разина в Симбирске, где был ранен. В 1671—1677 гг. дворянин московский. В 1673 г. оклад 450 чети и 15 рублей. За объявление царевича Федора Алексеевича 1 сентября 1674 г. придача 100 чети и 12 рублей, за Чигиринскую службу (1678—1679) 100 чети и 10 рублей, за Киевскую службу (1679) 50 чети и 5 рублей, за Троицкий поход (1683) 50 чети и 5 рублей.

В 1684 г. стольник, полковник московских стрельцов. 4 марта того же года отказано ему из поместья чебоксарян Давыда и Захария Григорьевичей Суриных в деревне Жуковой Алаторского уезда 50 чети к старому его алаторскому и курмышскому поместью 130 чети в его оклад 450 чети, а также 22 чети в деревне Кречкове Кишского стана Алаторского уезда, коими Филипп Григорьевич Котов поступился за 30 рублей.

За А. Л. Мертваго была также земля при селе Пице Косикине Нижегородской округи, которая позднее перешла во владение его вдовы, вышедшей замуж за стряпчего Панкрата Сумарокова, а от него по купчей Дмитрию Зубатову.

6.11 (9). *Иван Осипович.*

В 1692 г. стряпчий, оклад его 450 чети и 17 рублей. За Крымский поход (1678) 150 чети и 15 рублей, за Чигиринскую службу (1678—1679) придачи 100 чети и 10 рублей, за Киевскую службу (1679—1680)

50 чети и 5 рублей, за мир с Польшей (1686) 200 чети и 20 рублей, за второй Крымский поход (1689) 50 чети и 26,5 рублей.

В 1715 г. повелено было ему присланных из Нижегородской губернии рекрут (594 человек) у комиссарства свидетельствовать. Явилось 310 человек. По сказкам Мертваго «из приводных наличных рекрут в пути до Санкт-Петербурга бежало 278 человек, умерло 2, а отчего оные рекруты побег учинили, про то как приводец, так и рекруты не знают, а ведши дорогой он, приводец, обид и налог им никаких не чинил и взяток с них никаких не брал и в услуги себе не употреблял, а караул за оными рекрутами был обычайный». Остальных рекрут приказано было И. О. Мертваго вести в Ригу в 1716 г.

По переписным книгам 1678 г. за Иваном Осиповичем в Алаторском уезде в Нижсурском стане в селе Мурзицах 11 дворов, из того числа 5 дворов были переведены в новопоселенную деревню Волчиху и достались Шепелевым. В 1703 г. купил у вдовы Никиты Ивановича Окулова Авдотьи 17 чети в селе Мурзицах и в деревне Овсянниковой Галицкого уезда 9 чети. В 1716 г. купил у вдовы Михаила Никитича Окулова Марьи Михайловны недвижимое имение в деревне Овсянниковой Галицкого уезда с крестьянами.

Жена с 1675 г.: Марья Александровна Бахметева, дочь Александра Абрамовича Бахметева и Соломониды Даниловны N.

6.12 (9). *Андрей Осипович.*

В 1682—1692 гг. стряпчий. В 1699 г. оклад его 500 чети и 20 рублей. Участник Троицкого (1683), Крымских (1687 и 1689) и Азовского (1695—1696) походов.

В декабре 1691 г. отказано ему и Прокофию Ивановичу Мертваго поместье Прокофия Семеновича в деревне Лопатине, что была пустошь Войковская, 36 чети, да в деревне Мурзицах 52 чети. В ноябре 1696 г. выменил у Ивана Григорьевича Полушкина 75 чети в Арзамасском уезде. В 1702 г. обменивал земли в разных местах с Василием Дмитриевичем Козминым.

Жена: Устинья Гавриловна Соловцова, дочь Гаврилы Андреевича Соловцова. В 1703 г. отказано за ней в Мурзицах и Митине 93 чети с крестьянами.

6.13 (12). *Иван Ильич.*

В 1686—1692 гг. стольник. В 1692 г. оклад 600 чети и 30 рублей.

7-е колено

7.1 (2). *Авдотья Борисовна.*

В 1721 г. справлены за ней принадлежавшие деду Федору Степановичу Мертваго и дяде Дмитрию Федоровичу 900 чети в селе Астрадамовке-Троицком.

Мужья: 1. Стольник Василий Иванович Толстой (ум. до 1707). От этого брака сын гвардии капитан Иван Васильевич Толстой, убитый под Очаковым в 1734 г.

2. Семен Сукин. От этого брака две дочери Елена и Анна (девицы в 1734). Елена, которой досталось по разделу все имение в селе Астрадамовке, в первом браке была за Петром Андреевичем Сабуровым, во втором за Дмитрием Философовым.

7.2 (3). *Федор Саввич.*

Около 1650 г. купил в московском Приказе книжного печатного дела книгу «Уложение судных дел» за 1 рубль.

Жена: Лукерья N.

7.3 (4). *Богдан Никитич.*

В 1681 г. ему с братом Федором отказано поместье, оставшееся после их деда Прокофия Даниловича Мусина-Пушкина деревня Устиновка и 110 чети в пустошах, в деревнях Улешовской, Пахмусовской и Глушевской с сенными покосами. Доля Богдана Никитича была в Улешах. В 1696 г. в начальных людях, в 1700 г. оклад 400 чети и 10 рублей. Умер бездетным.

7.4 (4). *Федор Никитич.*

В отказанном ему с братом имении деда его, Прокофия Даниловича Мусина-Пушкина, доля его состояла из 63,5 чети в деревне Устиновке.

Жена: Наталья N. Кашкарова.

7.5 (5). *Федосий Борисович.*

7.6 (5). *Петр Борисович.*

7.7 (5). *Ефим Борисович.*

7.8 (5). *Авдотья Борисовна.*

В приданое получила Курмышского уезда Имзенского стана село Негоново и Алаторского уезда село Богородское. Около 1767 г. получила поместье Федора Никитича Мертваго в Устиновке.

Умерла после мужа.

Муж: Иван Семенович Пазухин (ум. до 1766). В службу вступил в 1717 г. гардемарином. Мичман галерного флота в 1728 г. Переведен в корабельный флот около 1733 г. Уволен по болезни. Владелец села Араповка и деревни Булгаково Алаторского уезда и села Новое Костромской губернии. У них дети:

1. Анна, была замужем за Алексеем Зимнинским.

2. Николай (р. 1720), подполковник.

3. Иван (р. 1729), флота капитан-лейтенант.

4. Егор (р. 1731), убит Пугачевым.

5. Пелагея, замужем за Петром Филатовым.

7.9 (6). *Иван Ульянович.*

7.10 (7). *Василий Максимович.*

Капитан в 1765 г.

7.11 (8). *Федор Степанович.*

Асессор Уфимской провинциальной канцелярии, бывший воеводский товарищ, назначенный в 1743 г. к уфимскому вице-губернатору Аксакову.

7.12 (9). *Афимия Михайловна.*

От первого брака отца. В 1698 г. отказано за ней поместье Михаила Леонтьевича 41 чети в деревне Новой Усаде. В 1716 г. за ней имение в селе Мурзицах, селе Нестерове-Кожине, деревне Новой Усаде, пустоши Губина, жеребий пустоши Балковой, жеребий села Пица-Косикиной.

Мужья: 1. С 1701 г. Прокофий Иванович Мертваго.

2. С 1716 г. Савва Филиппович Пересекин.

7.13 (11). *Прокофий Иванович* (ум. до 1716).

В 1691 г. отказано ему вместе с дядей поместье Прокофия Семеновича Мертваго Алаторского уезда в деревне Лопатино 36 чети и деревне Мурзицах 52 чети.

Жена с 1701 г.: Афимия Михайловна Мертваго.

7.14 (11). *Василий Иванович* (ум. 1774).

Прапорщик. С женой Пелагеей Ивановной N. убиты в Пугачевский бунт в своем имении Алаторского уезда Симбирской губернии. Упомянуты в «Истории Пугачева» А. С. Пушкина.

7.15 (11). *Григорий Иванович.*

7.16 (11). *Иван Иванович.*

7.17 (11). *Прасковья Ивановна.*

Муж: Григорий Анисимович Анненков. У них дочери:

1. Ульяна, замужем за Василием Даниловичем Чевкиным.

2. Авдотья, в замужестве Зимнинская.

7.18 (11). *Анна Ивановна.*

Муж: Иван Григорьевич Веригин. Надворный советник в 1756 г., владелец села Настасово.

7.19 (12). *Яков Андреевич.*

7.20 (12). *Дмитрий Андреевич* (ум. до 1762).

В 1715 г. драгун. Помещик села Каменки Саранского уезда. Отставной капрал.

Жены: 1. Агафья Семеновна Хоненева.

2. Анастасия Михайловна N. В 1762 г., будучи вдовой, продала 75 чети в селе Каменке Заинсарского стана Симбирской губернии Степану Максимовичу Агафонникову.

7.21 (12). *Степан Андреевич.*

В 1715 г. помещик села Сергиевского-Каменки Саранского уезда.

Жена: Пелагея Еремеевна Нечаева.

7.22 (13). *Борис Иванович.*

7.23 (13). *Прасковья Ивановна.*

Муж: Федор N. Дубасов. Первая его жена. Их дочь Варвара Федоровна была замужем за капитаном Адрианом Ивановичем Киселевым. В 1764 г. продала доставшиеся ей после матери и родного дяди Бориса Ивановича Мертваго 21 чети в селе Мурзицах и 12 чети в пустоши Стрелке за 30 рублей отставному поручику Алексею Ильичу Мертваго.

8-е колено

8.1 (5? 6? 7?). *Федосья.*

Отец ее Федосий, либо Петр, либо Ефим Борисовичи Мертваго. В 1767 г. получила оставшиеся после Федора Никитича Мертваго в деревне Устимовке 56,5 чети.

Муж: Семен Иванович Смагин.

8.2 (9). *Марья Ивановна* (ум. до 1782).

Мужья: 1. Тимофей Иванович Дурасов (ум. до 1739). Женился на М. И. Мертваго около 1724 г. Служил в Симбирском драгунском полку, позднее был поручиком шквадрона его величества в Низовом корпусе. Их сын Зиновий Тимофеевич умер 26 августа 1790 г. на 66-м году жизни.

2. Поручик N. Хомутов.

8.3 (10). *Маргарита Васильевна.*

8.4 (11). *Борис Федорович* (ум. 1774).

Майор, убит в Пугачевский бунт в своем имении Алаторского уезда Симбирской губернии. Упомянут в «Истории Пугачева» А. С. Пушкина.

Жены: 1. Елизавета Никитична Болтина, сергачская помещица.

2. Марья Михайловна Мартынова (15 июля 1737 — 1817). Дочь Михаила Ильича Мартынова (28 октября 1719, село Липяги Пензенского уезда — 31 марта 1788) и первой его жены Марьи Алексеевны Гурьевой (ум. 8 июня 1746). Венчались в Борской крепости 3 ноября

1753 г. После гибели мужа жила в Алатыре и своей деревне Старая Мертовщина Бугульминского уезда Оренбургской губернии.

8.5 (13). *Илья Прокофьевич* (ум. 1742).

В 1740 г. мать его, Афимия Михайловна, вторично вышедшая замуж за Савву Филипповича Пересекина, по раздельной записи передала Илье Прокофьевичу все, что ей надлежало взять после первого мужа на прожиток, а все ее приданое перешло сыну от второго брака Михаилу Савичу Пересекину.

Жены: 1. Ирина Алексеевна N. В 1755 г. сын ее Алексей Ильич просил справить за ним имение, оставшееся после отца и матери Ирины Алексеевны.

2. Авдотья Афанасьевна N.

8.6 (21). *Степанида Степановна* (ум. до 1772).

В 1751 г. продала Алексею Ильичу Мертваго дворовых людей из села Мурзиц, доставшихся ей от отца. Умерла после мужа.

Муж: придворный архитектор подполковничьего ранга Алексей Петрович Евлашев.

8.7 (22). *Илья Борисович.*

9-е колено

9.1 (4). *Александра Борисовна* (1755 — ум. до 1807).

Муж с 1778 г.: подпоручик Петр Егорович Мартынов (1754 — после 1807), пензенский и саратовский помещик. Жил преимущественно в имении Тоштокомяк-Дьячевка. У них дети:

1. Степан (1779 — 26 февраля 1832).
2. Борис (р. 1781).
3. Александр (р. 1782).
4. Павел (17 августа 1782 — 14 февраля 1838).
5. Елизавета (1791 — после 1829).
6. Мария (1793—1806).
7. Николай (1794—1856).
8. Алексей (р. 1798).
9. Семен (р. 1799).
10. Варвара (р. 1800).
11. Дмитрий (р. 1801).

9.2 (4). *Дмитрий Борисович* (5 августа 1760, сельцо Мертовщина Ардатовского уезда Симбирской губ.— 23 июня 1824, Москва).

В службу записан унтер-офицером в лейб-гвардии Преображенский полк в 1775 г.; каптернамус в 1779 г., сержант того же полка в 1780 г.

Отставлен от военной службы в 1781 г. поручиком. В 1782 г. определен прокурором в Оренбургскую верхнюю расправу. В 1787—1797 гг. служил советником уфимского наместнического правления. Коллежский советник с 1797 г. Член Провиантской экспедиции в 1797—1802 гг. Генерал-майор с 1799 г. В 1800 г. пожалованы ему 5000 десятин из казенных земель в Саратовской губернии. С 1802 г. начальник крымских соляных промыслов, в 1803—1807 гг.— таврический гражданский губернатор. В 1807 г. назначен генерал-провиантмейстером. Оставил эту должность в марте 1810 г. из-за столкновений с А. А. Аракчеевым. В 1812 г. предполагалось определение Мертваго начальником нескольких объединенных губерний (проект не был осуществлен). В то же время дворянство Оренбургской губернии выбрало его в начальники своего ополчения, но ополчение это не собиралось. Сенатор московских департаментов и тайный советник с 1817 г. По личному распоряжению Александра I участвовал в расследованиях злоупотреблений чиновников во Владимирской, Астраханской губерниях и на Кавказе. *Автор «Записок».* Последние годы жизни близко сошелся с митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым). Похоронен в Москве в Симоновом монастыре с западной стороны собора, по левую руку паперти.

Жена с 14 февраля 1804 г.: Варвара Маркова Полторацкая (1772 — 22 июля 1845), дочь полковника «вспевальной» музыки Марка Федоровича Полторацкого (ум. 1795) и его жены Агафоклеи Александровны Шишковой (ум. 1822). Похоронена в Казани в Кизическом монастыре.

9.3 (4). *Степан Борисович* (1764 — ум. до 1847 [?]).

В 1779 г. каптернамус лейб-гвардии Преображенского полка, с 29 июля 1781 г. сержант того же полка. В 1785 г. капитан Уфимского батальона. Секунд-майор с 13 апреля 1792 г. Уволен тем же чином 27 января 1797 г. Был избран бугульминским уездным предводителем дворянства 4 января 1800 г. Указом Правительствующего Сената 15 марта 1801 г. назначен вторым членом во временный департамент Межевой канцелярии с переименованием в коллежские асессоры. Пожалован в надворные советники 31 декабря 1801 г. Уволен от дел 8 мая 1803 г. Назначен советником Оренбургской казенной палаты 18 июня 1803 г. Уволен от службы коллежским советником 18 октября 1803 г. Избирался оренбургским губернским предводителем дворянства на 9-е трехлетие 31 декабря 1805 г. и на 14-е трехлетие 19 января 1821 г. Владелец имения село Михайловское — Новая Мертовщина Бугульминского уезда Оренбургской губернии (128 душ). *Составил краткое «биографическое сведение» о Д. Б. Мертваго.*

Жена: Надежда Степановна Кроткова, дочь коллежского асессора Степана Егоровича Кроткова и второй его жены Анны Афанасьевны Давыдовой.

9.4 (4). *Екатерина Борисовна* (1766 — не ранее 1813).

Муж с 1794 г.: Петр Иванович Чичагов, вторая его жена. По суду был лишен дворянства и сослан на жительство в Уфу. По ходатайству Г. Р. Державина прощен, однако в службу его было повелено не определять и въезд в столицы был запрещен. Отставной майор в 1803 г.

9.5 (4). *Иван Борисович* (р. 1767).

В службу вступил в лейб-гвардии Преображенский полк каптенармусом в 1779 г. Произведен в сержанты в 1781 г. Переведен в Уфимский батальон капитаном в 1785 г. Секунд-майор в 1793 г., заседатель во 2-м департаменте верхнего земского суда Уфимского наместничества. В 1794 г. упоминается, как душевнобольной.

9.6 (4). *Борис Борисович* (р. 1 июля 1774).

9.7 (5). *Алексей Ильич.*

От первого брака отца. В службу вступил в 1754 г. солдатом лейб-гвардии Преображенского полка. Капрал в 1757 г. Отставной поручик в 1763 г. Отказаны ему в 1764 г. купленные прадедом Иваном Осиповичем Мертваго в 1717 г. земли в селе Мурзицах 26 чети и вымененные 37 чети. Купил 23 декабря 1764 г. у В. Ф. Киселевой 21 чети в селе Мурзицах и в пустоши Стрелке 12 чети.

Жена: Анна Сергеевна N.

10-е колено

10.1 (2). *Николай Дмитриевич* (24 апреля 1805, Симферополь — 19 октября 1865, Казань).

Крещен в Симферопольской Цареконстантиновской церкви, восприемник — отставной майор П. И. Чичагов. Лицеист 4-го курса (среди других сделал запись в альбоме директора Лицея Е. А. Энгельгардта). В службу вступил прапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк 24 ноября 1826 г. Участвовал в Турецкой кампании (1828—1829), подпоручик с 21 апреля 1830 г., поручик с 28 января 1832 г., штабс-капитан с 1 января 1834 г. Уволен по домашним обстоятельствам капитаном 13 октября 1835 г. Назначен чиновником при московском военном генерал-губернаторе 22 сентября 1840 г. Чиновник для поручений при комиссариатском департаменте с 13 сентября 1843 г. Член Московской комиссариатской комиссии с 12 октября 1843 г. Переименован в майоры 23 октября 1843 г. Уволен по домашним обстоятельствам подполковником

8 сентября 1847 г. По увольнении занялся предпринимательской деятельностью. Причислен к Министерству госимуществ с переименованием в коллежские асессоры 21 апреля 1856 г.

Родовое имение — полотняная фабрика в Ольховцах Московской губернии. Основатель механического льнопрядения в России. Вследствие неблагоприятных обстоятельств потерял на предприятии почти все свое состояние и приданое жены и вынужден был приобретать средства для жизни служебным трудом. Благоприобретенное имение — 52 души в Муромском уезде. Коллежский советник, член московского мануфактурного совета Министерства финансов. Похоронен на Арском кладбище в Казани.

Жена: Сусанна Александровна Соймонова (8 июля 1815, Москва — 2 июля 1879, Казань), дочь гвардии сержанта Александра Николаевича Соймонова (18 апреля 1780—1856) и Марии Александровны Левашовой (28 января 1794 — 15 апреля 1869). Художница-портретистка. Отец ее, московский дворянин, дал ей хорошее образование. Детские годы ее прошли за границей, преимущественно в Италии. В годы замужества, долго не имея собственных детей, взяла на воспитание сиротку и воспитала ее. В годы материальных лишений, когда ее муж разорился, стремясь помочь ему в приобретении средств к существованию, стала думать о служебной деятельности. Во время проезда через Вышний Волочек принца Ольденбургского испросила позволения представиться его императорскому высочеству и ходатайствовала о месте. Через некоторое время после этого, а именно 29 апреля 1859 г., когда родная сестра мужа Е. Д. Загоскина, начальница Казанского Родионовского института, просила о назначении себе помощницы по причине болезненного своего состояния, Сусанна Александровна была назначена инспектрисой, а 22 ноября 1861 г. по выходе в отставку Загоскиной утверждена начальницей института. В течение 19-летней службы была удостоена 4-х почетных наград: 3-х драгоценных браслетов и броши, сопровождаемых высочайшими рескриптами. Неоднократно поощрялась денежными подарками; в 1874 г. награждена Мариинским знаком отличия за 15-летнюю беспорочную службу. В брошюре, изданной по поводу кончины С. А. Мертваго, прежде всего сказано: «Стойко держать знамя воспитания — задача трудная, требующая от лица, призванного к руководящему педагогическому посту таких качеств, которые свойственны немногим. Небогато наше время подобными личностями, но тем не резче выделяются они, тем больше приходится ценить их деятельность. К числу таких редких личностей, на которых с отрадою может остановиться взор

современника, принадлежала, несомненно, и С. А.» (*Пономарев П. О* жизни и деятельности бывшей начальницы Казанского Родионовского института Сусанны Александровны Мертваго. Казань, 1879. С. 5). Об С. А. Мертваго вспоминает Вера Николаевна Фигнер (1852—1942), учившаяся в Родионовском институте, в своих мемуарах «Запечатленный труд» (Т. 1—2. М., 1964).

Благоприобретенное имение в Смоленской губернии в Ельнинском уезде 240 душ, в Поречском — 510 душ. В 1848 г. получила ссуду под залог 190 душ в деревне Тишкове Поречского уезда. В 1875 г. Московская сохранная казна объявляла о продаже с аукциона заложенного и просроченного имения С. А. Мертваго Поречского уезда в сельце Александровском, Скоблино тож, в деревнях Лазаревщине, Дегтях, Лучинах, всего 2405 десятин земли. Умерла от воспаления легких. Погребена с мужем.

10.2 (2). *Марья Дмитриевна* (5 июня 1806, Симферополь — июнь 1865).

Муж с 1829 г.: Дмитрий Николаевич Маслов (21 октября 1796 — 13 февраля 1856, Петербург). Лицеист 1-го курса. Директор департамента разных податей и сборов в конце 1840-х — начале 1850-х гг. Действительный тайный советник. Похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря в Петербурге. У них дети:

1. Николай (1833—1892).
2. Ольга (р. 1838).
3. София (р. 1839), в замужестве Носович.
4. Елизавета (1836, по другим данным 1834 — 1881), в замужестве Безобразова.

10.3 (2). *Екатерина Дмитриевна* (1 октября 1807, Торжок [?] — 6 мая 1885).

Была начальницей Казанского Родионовского института до 1861 г.

Муж: инженер-полковник Николай Николаевич Загоскин (ее двоюродный дядя). Венчались 29 апреля 1831 г. в церкви села Демьянова Клинского уезда Московской губернии. У них дети:

1. Владимир.
2. Варвара, в замужестве Оголина.
3. Софья.

10.4 (2). *Софья Дмитриевна* (29 декабря 1808, Петербург — 26 мая 1867).

Замуж не выходила. Погребена в селе Аннино Рузского уезда Московской губернии. После ее смерти в Санкт-Петербургской конторе

Госбанка остался вклад. 38 лет никто из наследников покойной не получал наследства и лишь в феврале 1905 г., когда капитал достиг 25 000 рублей, в правах стали утверждаться племянники: подполковник Борис Петрович и его брат Александр. Оказалось, однако, что за полтора месяца до подачи ими прошения капитал получил помощник присяжного поверенного З. Л. Монфред по доверенности, якобы собственноручно подписанной Софьей Дмитриевной, в действительности умершей сорок лет назад.

10.5 (2). *Надежда Дмитриевна* (р. 28 апреля 1810, Петербург).

Умерла в детстве.

10.6 (2). *Варвара Дмитриевна* (10 февраля 1812, село Демьяново — 2 января 1848).

Смолянка 19-го выпуска (1830).

Муж: Иван Федорович Воейков, брат писателя Александра Воейкова. Оба похоронены в Саввином Сторожевском монастыре Звенигородского уезда Московской губернии.

Их старший сын Александр Иванович Воейков (8 мая 1842 — 28 января 1916, Петербург) был известным метеорологом, профессором физической географии, председателем Метеорологической комиссии Императорского Русского географического общества. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. В 1949 г. поселок Сельцы под Ленинградом (Санкт-Петербургом) переименован в Воейково в честь 100-летия основанной там Главной геофизической обсерватории, в которой с 1914 г. работал А. И. Воейков. В 1957 г. перед зданием обсерватории установлен памятник ученому (скульптор М. К. Аникушин, архитектор Ф. А. Гепнер).

Младший сын Дмитрий Иванович Воейков (26 августа 1843 — 4 декабря 1896). Правитель дел министра внутренних дел Н. П. Игнатьева. Жена: Ольга Александровна Толстая, дочь сызранского помещика Александра Васильевича Толстого; родная сестра жены Бориса Петровича Мертваго.

10.7 (2). *Петр Дмитриевич* (23 марта 1813, село Демьяново — не ранее 1869).

Восприемником при крещении был брат, Н. Д. Мертваго. В службу вступил подпрапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк 25 мая 1829 г. Был переведен 13 апреля 1831 г. в пехотный князя Варшавского полк. В 1831—1832 гг. участвовал в боевых действиях на Кавказе. 25 июля 1833 г. за отличие в сражении был произведен в прапорщики. Подпоручик с 7 декабря 1835 г. Переведен в Киевский гусарский полк

корнетом 4 ноября 1836 г. Поручик с 23 апреля 1837 г. Назначен адъютантом к Казанскому военному губернатору 30 апреля 1839 г. Штабротмистр с 9 июня 1842 г. Был уволен в бессрочный отпуск с зачислением в резерв армии 11 сентября 1844 г. Уволен от службы ротмистром 14 декабря 1845 г. Отставной ротмистр гвардии в 1864 г., вместе с малолетними детьми Борисом, Николаем, Дмитрием, Александром, Софьей, Марьей владелец 1649 десятин земли в Лаишевском уезде Казанской губернии при селе Корноухове с отхожей пустошью Тобай, доставшихся им как наследникам умершей жены и матери. В 1869 г. проживал в Корноухове.

Определен 15 декабря 1822 г. в 6-ю часть московской дворянской родословной книги, 28 сентября 1851 г. в ту же часть казанской.

Жена: Марья Николаевна Депрейс (ок. 1823 — 18 мая 1860), дочь надворного советника Николая Исаевича Депрейса. Венчались 18 октября 1844 г. в церкви села Шапши Казанского уезда.

10.8 (2). *Дмитрий Дмитриевич* (2 февраля 1815, Москва — 26 октября 1864, Москва).

Крещен в церкви св. Харитона Исповедника, что в Огородниках. Восприемниками были брат, Н. Д. Мертваго, и вдова подполковника Мария Дмитриевна Блохина. Лицеист 7-го курса, окончил 10-й класс 31 октября 1835 г. Определен в канцелярию Комитета министров 4 декабря 1835 г. Переведен в Военно-походную канцелярию 16 апреля 1836 г. Назначен помощником секретаря Канцелярии военного министра 28 октября 1836 г. Уволен 5 марта 1837 г. Служил по выбору судьей Клинского уездного суда с 1 февраля 1838 г. С этой должности перемещен 11 ноября 1840 г. вновь в Военно-походную канцелярию. Командирован 3 февраля 1842 г. при статс-секретаре Позене для ревизии Закавказского края. Из командировки возвратился 15 августа 1842 г. Назначен младшим чиновником временного отделения Собственной его императорского величества канцелярии 27 октября 1842 г. Уволен 22 апреля 1844 г. Назначен председателем 2-го департамента Московской палаты гражданского суда 3 октября 1850 г. Впоследствии действительный статский советник, обер-прокурор 7-го департамента Сената. В 1861—1863 гг. член Петербургского Английского клуба.

Родовое имение в Клинском уезде, 468 душ.

Умер холостым. Похоронен вместе с отцом в Симоновом монастыре в Москве. Сохранился фрагмент его надгробной плиты.

10.9 (3). *Александра Степановна.*

Муж: Александр Дмитриевич Мордвинов, отставной поручик, оренбургский губернский предводитель дворянства (1825—1830).

10.10 (3). *Михаил Степанович* (4 января 1796, Оренбургская губ.— 1869).

Поступил в московский университетский благородный пансион в 1809 г. Студент с 1811 г. С 14 июля 1814 по 20 сентября 1816 г. состоял на службе в Экспедиции кремлевского строения. «Пропитание» имел от родителей. В мастерской Военно-рабочей бригады с 20 декабря 1816 по 23 апреля 1819 г. Губернский секретарь с 31 декабря 1818 г.

3 ноября 1816 г. посвящен в московскую ложу Нептуна. Страж этой ложи в 1818 г.; неоднократно выполнял обязанности обрядоначальника, 1-го и 2-го надзирателей, ритора в 1819—1820 гг. Посетитель петербургской ложи Елизаветы и добродетели в марте-апреле 1817 г. Посетитель московской ложи Ищущих манны в марте-апреле 1818 г. Возведен 23 апреля 1819 г. в старшего шотландского мастера московской ложи Феникс; обрядоначальник этой ложи с 15 мая 1819 г., 2-й надзиратель — с 30 ноября 1819 по 1820 г. Посвящен 3 мая 1821 г. в теоретический градус московской ложи Теоретический градус.

Был избран депутатом дворянства Бугульминского и Белебеевского уездов в 1833—1836 гг. В чине губернского секретаря в 1848—1853 гг. был членом совета Нижегородского Мариинского института благородных девиц по хозяйственной части.

Владел имением при селе Александровка Сергачского уезда Нижегородской губернии, в котором было 175 душ по 10-й ревизии, включавшем также пустоши Десятово, Замятнина и отхожую пустошь при водяной мельнице. Свидетельство о дворянстве было выдано ему согласно определению Оренбургского дворянского депутатского собрания 23 октября 1808 г. В качестве помещика села Александровки Сергачского уезда 30 октября 1844 г. внесен в 6-ю часть дворянской родословной книги Нижегородской губернии.

Жена: Екатерина Ивановна N. 10 октября 1869 г. вместе с дочерьми утверждена в правах наследства, доставшегося от мужа (имение при селе Александровке). В 1880 г. владела этим имением вместе с дочерью Варварой.

10.11 (3). *Андрей Степанович* (ок. 1799 — до 1845).

10.12 (3). *Степан Степанович* (ок. 1804 — до 1845).

Свидетельство о дворянстве выдавалось по определениям оренбургского дворянского депутатского собрания 20 мая 1814 г. и 23 декабря 1819 г.

10.13 (3). *Марья Степановна.*

Муж: Лев Николаевич Воецкий (р. 1798), первая его жена. Служил в Вятской жандармской команде с 9 августа 1829 г. Полицмейстер в Уфе

в 1832—1833 гг. Отставной майор в 1836 г. Бугульминский уездный предводитель дворянства в 1839 г. У них дети:

1. Павел.

2. Мария (р. 1826).

3. Александра (р. 1833).

Второй женой Л. Н. Воецкого была Вера Евграфовна Ростовская.

10.14 (3). *Федор Степанович* (14 апреля 1806, Самарская губ.— после 1874, Самара).

Восприемниками при крещении были губернский секретарь Михаил Степанович Мертваго и порутчица Александра Степановна Мордвинова. Поступил в Морской корпус кадетом 14 апреля 1820 г. Гардемарин с 15 мая 1821 г. Мичман 2-го флотского экипажа с 22 февраля 1823 г. Награжден в 1827 г. орденом св. Анны III степени с бантом за участие в Наваринском сражении на фрегате «Проворный». В 1829 г. был при блокаде Дарданелл на корабле «Александр Невский». Лейтенант с 11 сентября 1829 г. На бриге «Улисс» в 1830—1833 гг. крейсировал в Архипелаге и участвовал в сражениях у острова Поро, после чего перешел к Константинополю и, поступив в эскадру вице-адмирала Лазарева, с десантными войсками прибыл в Феодосию, а затем сухим путем возвратился в Кронштадт. В 1834 г. награжден орденом св. Владимира IV степени. В 1834—1839 гг. командовал пароходами «Геркулес», «Надежда» и «Ладога». Капитан-лейтенант с 6 декабря 1839 г. Уволен от службы 1 мая 1840 г. Назначен окружным лесным ревизором Казанской губернии 24 мая 1840 г. Зачислен в корпус лесничих майором 10 марта 1841 г. Назначен старшим адъютантом штаба отдельного Оренбургского корпуса с зачислением по армии 26 ноября 1841 г. Дежурный штаб-офицер с 28 августа 1843 г. Пожалован в подполковники 18 февраля 1847 г. Брал ссуду в 1847 г. под залог деревни Федоровки, Павловка тож, в которой было 51 душа и 882 десятины земли. Уволен от службы полковником 13 октября 1849 г. Был избран депутатом от дворянства в Самарскую строительную и дорожную комиссию в 1855 г. Бугульминский уездный предводитель дворянства в 1858—1866 гг.

В 1864 г. полковник, владелец 450 десятин при селе Михайловском (Новая Мертовщина). В 1866 г. владел 1176 десятинами земли в Самарской губернии. В 1870 г. почетный мировой судья Николаевского уезда и гласный губернского земского собрания от Бугульминскго уезда Самарской губернии. Свидетельство о дворянстве для него было выдано по определению оренбургского дворянского депутатского собрания от 29 января 1817 г. Определением от 28 января 1859 г. внесен в 6-ю часть дворянской родословной книги Самарской губернии.

Жена: Александра Павловна Чистякова, дочь контр-адмирала Павла Григорьевича Чистякова.

10.15 (3). *Егор Степанович* (1807, Оренбург. губ.— до 1 июня 1839).

Восприемником при крещении был брат, М. С. Мертваго. Поступил в 1820 г. в Морской корпус кадетом. Гардемарин с 1 мая 1822 г. Мичман Черноморского флота с 27 февраля 1826 г. Участвовал на фрегате «Поспешный» в сражениях при Педераклии, Ачкесарах и при покорении турецких городов Василько, Агатополя и Инады. В 1829 г. награжден орденом св. Анны IV степени. За отличие 11 декабря 1829 г. произведен в лейтенанты. Уволен капитан-лейтенантом 2 марта 1832 г.

Жена: Зинаида Николаевна Рычкова (первый ее брак), дочь Николая Васильевича Рычкова (1775 — ум. 1830 от холеры в Петербурге) и Вильгельмины Васильевны фон Нотбек (ум. 1868). Вторым браком была за И. В. Силичем

По отдельной записи 8 июня 1839 г., явленной в Бугульминском уездном суде, Степан Борисович Мертваго отделил детям умершего сына капитан-лейтенанта Е. С. Мертваго — сыну Владимиру и дочери Анне, а также матери их Зинаиде Николаевне в селе Михайловском (Новая Мертовщина) 29 душ и землю для поселения крестьян Бугульминского уезда, отмежеванную к селу Богородскому-Лукину, доставшуюся ему по купчим крепостям от княгини Девлет-Кильдеевой в 1795 г. и от штабс-капитана Лукина в 1834 г., всего 525 десятин.

По отдельной записи 21 августа 1846 г., явленной в Оренбургской палате гражданского суда, Надежда Степановна Мертваго наделила внука Владимира и внучку Анну (по 600 десятин земли и по 50 душ каждому) из имений при селе Михайловском (Новая Мертовщина), доставшегося ей от матери Анны Афанасьевны Кротковой, и при селе Борисоглебском (Старая Мертовщина), доставшегося ей по купчей от тайной советницы Варвары Марковны Мертваго. В 1866 г. Зинаида Николаевна владела 638 десятин земли в Самарской губернии.

10.16 (3). *Иван Степанович* (1809 — до 1845).

Свидетельство о дворянстве выдано ему по определению оренбургского дворянского депутатского собрания от 21 июля 1821 г.

10.17 (3). *Надежда Степановна.*

Восприемница племянников Елизаветы и Степана.

10.18 (3). *Павел Степанович* (25 июня 1811, Новая Мертовщина — 13 января 1876).

Гардемарин с 26 марта 1829 г. Мичман с 1 января 1831 г. С переводом в Гвардейский экипаж 28 марта 1836 г. пожалован в лейтенанты.

Уволен от службы капитан-лейтенантом 14 февраля 1845 г. Поступил во 2-й линейный Оренбургский батальон с переименованием в поручики в 1846 г. Положил начало исследованию Аральского моря: на построенной под его наблюдением шхуне «Николай» описал море и произвел топографическую съемку восточного берега Сыр-Дарьи в 1847 г. Штабс-капитан с 1 ноября 1847 г. В 1848 г. штабс-капитан линейного Оренбургского 2-го батальона, получил ссуду 3640 рублей серебром из Оренбургского приказа общественного призрения под залог деревни Федоровка, Павловка тож, Бугульминского уезда. Был прикомандирован к оренбургскому Неплюевскому кадетскому корпусу в 1848—1850 гг. Начальник дружины № 317 Самарского ополчения в 1855—1857 гг. Вновь был принят на службу с прежним чином лейтенанта 25 марта 1857 г. Капитан-лейтенант с 1 января 1858 г. Назначен старшим адъютантом штаба 2-й флотской дивизии с 2 июня 1858 г. Непременный асессор комиссии военного суда при Кронштадтском порте с 23 мая 1860 г. Капитан 2-го ранга с 1 января 1865 г. Назначен судьей в Кронштадтский военно-морской суд 1 августа 1867 г. Капитан 1-го ранга с 1 января 1869 г. Награжден в 1873 г. орденом св. Владимира IV степени с бантом.

В 1866 г. владел 1061 десятинами земли в Самарской губернии. Решением Нижегородского окружного суда 4 декабря 1870 г. был устранен от наследства после матери по иску вдовы губернского секретаря Екатерины Ивановны Мертваго, вдовы статского советника Елизаветы Михайловны Сомовой и жены штабс-капитана Варвары Михайловны Лебле. В обеспечение этого иска на имение Павла Степановича при селе Александровском Сергачского уезда было наложено запрещение.

10.19 (7). *Николай Алексеевич* (ум. до 1802).

Капрал лейб-гвардии Преображенского полка в 1775 г. Поручик в 1786 г., заседатель уездного суда в городе Курмыше Симбирского наместничества.

Его имения перешли по наследству к прапорщику Николаю Васильевичу Чевкину, от которого в 1811 г. за выделом вдовьей части, половина малолетним Пересекиным, а другая половина Дмитрию Борисовичу и Степану Борисовичу Мертваго.

Жена: Марья Александровна Анненкова (22 июля 1775 — 6 июля 1834), дочь пензенского и симбирского помещика Александра Васильевича Анненкова (1741—181?) и Евдокии Васильевны Чирковой. Приданое — село Троицкое Ардатовского уезда Симбирской губернии.

В 1806 г. продала гвардии подпоручику Григорию Михайловичу Пересекину доставшуюся ей после мужа часть в селе Мурзицах Курмышского

уезда. В 1820 г. в память о муже решила построить храм — Успенский военный собор в Нижнем Новгороде. С этим предложением она обратилась к Александру I. Он лично курировал проектирование и начальный этап строительства. 25 августа 1820 г. Мертваго представила в Департамент государственного имущества и публичных зданий фасады собора вместе с планом Нижегородского кремля, которые рассматривались царем, сделавшим ряд поправок. Дорабатывался проект членом Строительного комитета профессором Академии художеств А. И. Мельниковым, выполнившим однокупольное, четырехстолпное здание с четырьмя дорическими портиками по странам света. Новый проект утвердили 9 января 1821 г., закладка фундамента состоялась 22 марта. Надзор за работами осуществлял губернский архитектор И. Е. Ефимов. Кирпич поставляла нижегородка Н. Г. Кокорева, кладку вел со своей артелью крестьянин деревни Черниц Балахнинского уезда П. Г. Снегирев. М. А. Мертваго выделила на строительство 80 тысяч рублей, но после изменения планов фасадов работы вздорожали. 3 июля 1822 г. Мертваго заложила в Опекунский государственный совет свое имение: села Троицкое и Керамзурки Симбирского уезда, деревню Озерки Арзамасского уезда с 299 крепостными. Полученные 30 тысяч рублей пошли на отделку здания. 25 сентября 1827 г. был освящен в честь Успения Божьей Матери главный престол. Для устройства иконостасов еще двух приделов требовалось дополнительно 50 тысяч рублей, которых Мертваго просила через Синод в Опекунском совете. Лишь в 1831 г. собор был окончательно отделан и освящен, стал гарнизонным храмом. В настоящее время храм не существует.

М. А. Мертваго умерла бездетной и похоронена в Высокогорской Вознесенской мужской пустыни в Арзамасе под северным приделом Покровской церкви. После смерти ее имения перешли к племянникам, детям брата Василия Александровича Анненкова.

11-е колено

11.1 (1). *Марья Николаевна* (р. 3 августа 1848).

Муж: казанский помещик Александр Николаевич Булыгин (ум. 4 апреля 1904, село Языково Спасского уезда), двоюродный брат помощника московского генерал-губернатора Александра Григорьевича Булыгина. В 1870 г. отставной поручик, мировой посредник 1-го участка Казанского уезда. Лифляндский вице-губернатор с 10 декабря 1892 г. по 21 декабря 1901 г. Действительный статский советник в 1900 г. У них дети:

1. Мария, в замужестве графиня Татищева (р. 23 октября 1869, Казань).

2. Екатерина (р. 18 марта 1871).

3. Дмитрий (р. 2 июня 1872).

4. Александр (р. в декабре 1877).

11.2 (7). *Борис Петрович* (8 февраля 1847, Казань — 31 марта 1909, Симбирск).

Крещен в Покровской церкви Казани. Определением от 10 марта 1877 г. внесен в 6-ю часть дворянской родословной книги Самарской губернии. В 1884 г. ротмистр, управляющий Уфимской государственной заводской конюшней, в 1894 г. подполковник. В 1903 г. управляющий Симбирской государственной заводской конюшней в чине подполковника. Похоронен в Покровском монастыре в Симбирске.

Жена: Александра Александровна Толстая (7 февраля 1856 — 28 июня 1918, Репьевка), дочь сызранского помещика инженер-подпоручика Александра Васильевича Толстого (3 декабря 1821 — 26 декабря 1908) и Анны Павловны N.; родная сестра жены Дмитрия Ивановича Воейкова. Была убита вместе с дочерью в своем имении при селе Репьевке Сызранского уезда Симбирской губернии.

11.3 (7). *Николай Петрович* (13 декабря 1848, Казань — 27 января 1887, Московская губ.).

Крещен в Покровской церкви в Казани. В 1868—1869 гг. обучался во 2-й Казанской гимназии. В 1869—1873 гг. действительный студент Казанского университета. В 1873 г. коллежский секретарь. В 1879 г. по раздельному акту получил 1554 десятины земли при селе Корноухове и в пустоши Табай Лаишевского уезда Казанской губернии, а также винокуренный завод и мукомольную мельницу. Ранее это имение было в совместном владении Николая, Александра и Дмитрия Петровичей Мертваго. В 1880 г. надворный советник. Умер холостым.

11.4 (7). *Владимир Петрович* (31 декабря 1849, Казань — ум. до 1864).

Крещен в Воскресенской церкви в Казани.

11.5 (7). *Софья Петровна* (р. 19 ноября 1851, Казань).

Восприемники при крещении Николай Исаевич Депрейс и вдова полковника Екатерина Дмитриевна Загоскина. Смолянка 36-го выпуска (1868). Начальница Русского женского института императрицы Марии в Цетинье (Черногория) с 1888 по 1913 гг. Институт был закрыт по решению черногорского короля Николая. Бывшим воспитанницам не было разрешено даже проститься со своей учительницей для того, чтобы

еще больше унизить начальницу русского государственного учреждения, а в ее лице Россию. Софья Петровна перебралась из Черногории в Сербию, где пыталась организовать в одном из городов новый институт.

11.6 (7). *Дмитрий Петрович* (22 декабря 1853, Казань — 28 июня 1892).

Крещен в казанской Грузинской церкви, восприемники гвардии прапорщик Вадим Владимирович Молоствов и девица Екатерина Николаевна Депрейс. В 1866 г. проживал в Московской губернии, по прошению тетки, вдовы полковника Екатерины Дмитриевны Загоскиной, был принят в Императорское училище правоведения, которое закончил в 1877 г. (38-й выпуск). В 1878 г. губернский секретарь. В 1884 г. титулярный советник, уездный судья Туркестанского уезда Сыр-Дарьинской области. Товарищ председателя Кутаисского окружного суда, надворный советник.

Жена: Ольга Николаевна Болотникова. Брак бездетен.

11.7 (7). *Александр Петрович* (8 августа 1856, Казань — не ранее 1918).

Крещен в Покровской церкви в Казани. Восприемники прапорщик Николай Николаевич Депрейс и девица Варвара Николаевна Депрейс. В 1868 г. учился в пансионате при Императорском училище правоведения в Петербурге. В 1869 г. по прошению отца принят в приготовительный класс Училища правоведения на собственное содержание. В 1871 г. из училища уволен. До 1875 г. учился во 2-й Казанской гимназии, которую не окончил.

Помещик Дорогобужского уезда Смоленской губернии (деревня Буково). Прошел школу хозяйствования в имении Батищево известного ученого-химика Александра Николаевича Энгельгардта (1832—1893), в котором был наемным работником в 1879—1880 и 1882—1883 гг. Находился под негласным надзором полиции с 1879 по 1886 г. Изучал во Франции огородничество в 1881—1882 гг., слушал лекции в Сорбонне.

Автор известных работ по сельскому хозяйству. Первая публикация — статья «Кулак ли разоряет крестьян?» (Новое время. 1880. 6 марта). В 1887—1893 гг. печатался в «Земледельческой газете», «Журнале сельского хозяйства и лесоводства», «Новом времени» и др. Был знаком с И. С. Аксаковым, Л. Н. Толстым (после смерти которого помогал разбирать его архив), И. А. Буниным.

Издатель и редактор журналов «Хозяин» (выходил в Петербурге с 1894 по 1905 гг.) и «Нужды деревни» (там же, с 1906 по 1911 гг.).

Работал над освоением неиспользуемых земель (пустошей) в нечерноземной полосе. Опубликовал мемуары: «Не по торному пути» (СПб., 1895; 3-е изд. 1900); «Сельскохозяйственные воспоминания (1879—1893)» (СПб., 1897). В 1906 г. за напечатание в журнале «Нужды деревни» статьи «Ближайшие задачи общественной деятельности в деревне» был привлечен к судебной ответственности. Статистические данные о земельном фонде России из брошюры А. П. Мертваго и С. Н. Прокоповича «Сколько в России земли и как мы ею пользуемся» (М., 1907) приведены в книге В. И. Ленина «Аграрная программа социал-демократии в Первой русской революции 1905—1907 годов» (СПб., 1908; конфискована) и его же работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» (1908; впервые напечатана в 1918).

С 1910 г. А. П. Мертваго регулярно печатался в газете «Утро России». В 1911 г. тяжело заболел. Последнее прижизненное упоминание — 18 января 1918 г.

11.8 (7). *Марья Петровна* (29 апреля 1860, село Корноухово — 22 октября 1936, Париж). *Автор воспоминаний «Быль минувшего».*

Крещена в Николаевской церкви села Корноухова Лаишевского уезда. Похоронена на кладбище Сент-Женевьев де Буа.

Муж: Эммануил Александрович Ватаци (ум. 1919, Петроград). Правовед 38-го выпуска (1877). Помощник по гражданской части наместника на Кавказе. Гофмейстер, сенатор, тайный советник с 1906 г. В отставке с 1914 г. Умер в петроградской тюрьме Кресты. У них дети:

1. Елизавета (р. 28 июня 1885).
2. Александр (р. 17 апреля 1887).
3. Екатерина (р. 17 апреля 1890).
4. Дмитрий (р. 3 марта 1895).

11.9 (10). *Елизавета Михайловна* (р. 1825, село Новая Мертовщина).

Восприемница при крещении тетка Надежда Степановна Мертваго. 10 октября 1869 г. вместе с матерью и сестрой Варварой утверждена в правах наследства (имение при селе Александрове Сергачского уезда), доставшегося от отца. По-видимому, умерла до 1880 г., так как владелицами указанного имения в 1880 г. значились только ее мать и сестра Варвара.

Мужья: 1. Сомов (ум. до 1870), статский советник.

2. Соловьев.

11.10 (10). *Степан Михайлович* (р. 2 февраля 1829, село Новая Мертовщина).

Восприемниками при крещении были Степан Борисович Мертваго и его дочь, девица Надежда. В 1847 г. был определен на службу в драгунский

наследного принца Виртембергского полк. В чине поручика подвергался взысканию за участие в дуэли. По-видимому, умер до 1869 г., так как в списке наследников имения при селе Александрове, принадлежавшем отцу, не значится. В дворянскую родословную книгу Оренбургской губернии внесен определением от 29 ноября 1835 г., Нижегородской губернии (в 6-ю часть) — 28 февраля 1850 г.

11.11 (10). *Варвара Михайловна* (р. 15 августа 1831, село Березовка Уфимского уезда).

Восприемниками при крещении были Степан Борисович Мертваго и вдова надворного советника Елизавета Андреевна Булгакова.

Муж: N. Лебле, в 1870 г. штабс-капитан.

11.12 (14). *Дмитрий Федорович* (р. 15 января 1841, Казань).

Крещен в казанской Грузинской церкви. Восприемниками были управляющий удельной конторой коллежский асессор Всеволод Иванович Панафидин и дочь его Анна Всеволодовна. Воспитывался в морском кадетском корпусе, о котором опубликовал воспоминания. Мичман в 1859 г., лейтенант в 1863 г., капитан-лейтенант в 1874 г. Был назначен 30 сентября 1872 г. помощником редактора журнала «Морской сборник». Он писал часть статей по зарубежной морской хронике (самая первая его статья в «Морском сборнике» появилась еще в 1865 г.), а с 1874 г., произведенный 1 января в капитан-лейтенанты, руководил всем отделом «Морской хроники». Как отметил известный военно-морской ученый Евгений Шведе: «Мертваго «Морской сборник» обязан совершенным преобразованием иностранного отдела». Сведения об иностранных флотах начали преподноситься читателю в более систематизированном виде, стали публиковаться военно-морские бюджеты различных стран. Во время русско-турецкой войны в рубрике помещались сведения о турецком флоте и подробно описывались боевые действия. С мая 1879 г. Д. Ф. Мертваго командовал отрядом миноносцев. В 1880 г. совместно с тещей, Платонидой Николаевной Карамышевой, вдовой действительного статского советника, а также братьями и сестрами первой жены, владел недвижимостью в Лугском и Гдовском уездах Санкт-Петербургской губернии. В мае 1882 г. он был назначен старшим флаг-офицером при командующем отрядом судов в Тихом океане контр-адмирале Н. В. Копытове. С 1885 г. Д. Ф. Мертваго, произведенный к тому времени в капитаны 2-го ранга, снова служил на Балтике. В 1887—1888 гг. он командовал крейсером «Азия». 1 января 1888 г. был произведен в капитаны 1-го ранга, а в марте того же года стал командиром Свеаборгского порта. В 1891 г. отдал дочь Марию на воспитание в петербургское Екатерининское училище за свой счет.

В 1893 г. назначен морским агентом Императорской русской миссии в Вашингтоне. Помимо своих официальных обязанностей, Д. Ф. Мертваго вместе с лейтенантами Колбасьевым и Оглобинским должен был также представлять российское Морское ведомство на Всемирной выставке в Чикаго. Д. Ф. Мертваго отправился в США 7 марта 1893 г., прибыл в Нью-Йорк 20 апреля. Круг обязанностей морского агента в США был довольно широк — наблюдение за военными верфями, военно-морскими учебными заведениями, флотскими маневрами; просмотр периодики на военно-морскую тему; контакты с представителями американского флота и т. д. Все, что представляло интерес для российского флота, необходимо было выяснить, проверить и сообщить в Главный морской штаб. Однако его деятельность по сбору информации протекала иногда не слишком гладко. Петербургский историк Р. В. Кондратенко пишет о работе Д. Ф. Мертваго во время испано-американской войны: «Американцы неохотно делились соответствующими сведениями, а Мертваго уже был тяжел на подъем и предпочел ограничиться газетными публикациями». Д. Ф. Мертваго сам в своих донесениях отмечал нежелание некоторых американских офицеров идти с ним на контакт.

За отличия по службе Мертваго 6 декабря 1895 г. был произведен в генерал-майоры по Адмиралтейству. В ноябре 1898 г. на посту морского агента его сменил капитан 2-го ранга барон Ферзен. В 1900—1902 гг. в чине генерал-майора начальник отдела сооружений Главного управления кораблестроения и снабжений. Уволен 5 августа 1902 г. в чине генерал-лейтенанта. В 1908—1909 гг. проживал в Петербурге по адресу: Фонтанка, д. 116, кв. 4.

Жены: 1. Софья Арсеньевна Карамышева (ум. 30 сентября 1872, Петербург), дочь действительного статского советника Арсения Дмитриевича Карамышева (8 августа 1804 — 24 июля 1867) и Платониды Николаевны N. (29 марта 1819 — 22 июля 1886). Похоронена на Смоленском православном кладбище в Петербурге.

2. Валентина Николаевна Белима-Колосовская (ум. 8 декабря 1909, Лозанна). Была членом комитета благотворительного отдела Русского женского общества. Похоронена в Лозанне.

11.13 (14). *Софья Федоровна* (р. 5 июня 1842, Оренбург).

Крещена в военной Петропавловской церкви в Оренбурге. Восприемниками были обер-провиантмейстер 5-го класса Николай Андреевич Немятов и жена командующего Башкиро-мещерякским войском подполковника Николая Васильевича Балкашина Варвара Александровна.

11.14 (14). *Борис Федорович* (р. 31 мая 1845, Оренбург).

Крещен в военной Петропавловской церкви Оренбурга. Восприемниками были председатель Оренбургской пограничной комиссии генерал-майор Михаил Васильевич Лодыженский и вдова штаб-ротмистра Ивана Григорьевича Самойлова Марья Илларионовна. Воспитывался в Морском кадетском корпусе, но курса не окончил и был уволен на попечение родителей. 30 сентября 1863 г. был определен в штат самарского и оренбургского генерал-губернатора канцелярским служителем. Исполнял должность помощника столоначальника со 2 апреля 1865 г. Уволен 30 июня 1866 г. Назначен секретарем съезда мировых судей Николаевского уезда Самарской губернии с 21 мая 1869 г. Столоначальник в управлении госимуществ Самарской губернии с 1 сентября 1877 г. Коллежский асессор с 12 ноября 1880 г. В управлении госимуществами по Самарской губернии в 1881 г. Пристав 4-го стана Верхнеуральского уезда с 4 апреля 1881 г., 1-го стана того же уезда с 26 марта 1883 г. Пристав 5-го стана Оренбургского уезда с 6 октября 1884 г. Был признан в 1893 г. виновным в присвоении денег, лишен всех прав и заключен в тюрьму сроком на один год.

Жены: 1. N.

2. Вера Григорьевна Нианцева (р. ок. 1853). Дочь священника. В 1903 г. с младшими детьми проживала в селе Михайловском (Новая Мертовщина). По ее ходатайству детям 5 августа 1905 г. возвращены права.

11.15 (14). *Марья Федоровна* (р. 16 июля 1846, Оренбург).

Крещена в военной Петропавловской церкви в Оренбурге. Восприемниками были инспектор классов Оренбургского кадетского корпуса Петр Васильевич Митурич и девица Людмила Антоновна Колышко, дочь корпусного доктора.

11.16 (14). *Степан Федорович* (р. 26 октября 1849, село Михайловское — Новая Мертовщина).

Крещен в церкви села Михайловского. Восприемниками были войсковой старшина Оренбургского казачьего войска Андрей Антонович Селецкий и девица Александра Львовна Воецкая.

11.17 (14). *Павла Федоровна* (р. 11 января 1859, Бугульма).

Крещена в Николаевском соборе Бугульмы. Восприемниками были брат Степан Федорович и сестра Софья Федоровна Мертваго. В дворянскую родословную книгу Самарской губернии внесена определением от 12 ноября 1873 г. Публицистка. Писала сатирические стихотворения.

Муж: N. Лукин.

11.18 (15). *Владимир Егорович* (р. декабрь 1836, Бугурусланский уезд).

Крещен 13 декабря 1836 г. в церкви села Лукино Бугурусланского уезда. По окончании оренбургского Неплюевского корпуса был

произведен в офицеры с назначением в Башкирский полк. По выходе в отставку был мировым посредником в Бугульминском уезде, а затем исправником в Белебее.

В 1870 г. поручик, владелец 1194 десятин земли при деревне Владимировка Бугульминского уезда. В 1880 г. поручик, предоставлял в залог 300 десятин земли при деревне Лукинка Бугульминского уезда. В 6-ю часть дворянской родословной книги Оренбурга был внесен определением от 4 марта 1849 г.

Жена: Ольга Михайловна Микулина.

11.19 (15). *Анна Егоровна* (ум. 18 апреля 1865, Казань).

Похоронена на Арском кладбище в Казани.

Муж: Киприан Фаустинович Кретковский, жандармский штаб-офицер в Самаре, затем Петрозаводске. У них дети:

1. Вера.
2. Анна.
3. Надежда.

11.20 (18). *Константин Павлович* (1854—1914).

В 1879 г. закончил Военно-медицинскую академию в Петербурге с отличием, лекарь. В 1884 г. коллежский асессор, младший врач 50-го пехотного Белостокского полка, получил ссуду 3000 рублей на 3 года в Севастопольском городском общественном банке под залог дома в Севастополе на Малой Морской улице. В 1884—1894 гг. врач в реальном училище Севастополя. С 1888 по 1898 г. старший врач Севастопольской городской больницы. В 1889 г. надворный советник, врач, владелец дворового места с постройками в 1-й части Севастополя, под залог которого получал ссуду в земельном банке Таврической губернии. В 1898 г. статский советник, городской голова Севастополя, поздравил Военно-медицинскую академию от севастопольского городского управления с юбилеем. В 1900 г. в том же чине председатель Севастопольского городского по воинской повинности присутствия, член особого комитета попечительства о народной трезвости, особого по городским делам присутствия; городской голова (1898—1901).

12-е колено

12.1 (2). *Екатерина Борисовна* (8 июня 1885—28 июня 1918, Репьевка).

Была убита вместе с матерью в имении при селе Репьевка Сызранского уезда Симбирской губернии. Панихида состоялась 3 августа 1918 г. в Суворовской церкви на Таврической ул. в Петрограде.

12.2 (12). *Мария Дмитриевна* (р. 3 апреля 1878).

От второго брака отца. С 1891 г. своекоштная ученица петербургского Екатерининского училища. Доверенное лицо и поручительница по оплате за обучение — родная тетка Зинаида Николаевна (ум. 25 ноября 1901), жена инженера путей сообщения Ивана Васильевича Силича (ум. 28 июня 1898). Закончила училище в апреле 1895 г. В 1902 г. вместе с матерью получила в наследство от З. Н. Силич дом в Петербурге по адресу: Спасский пер., д. 12. После смерти матери дом перешел в полную собственность Марии Дмитриевны. В 1909 г. жила в Петербурге по адресу: Фонтанка, д. 120.

Мужья: 1. Михаил N. Карпинский (с 3 июня 1902).

2. Михаил Павлович Ганенфельдт, в 1902 г. полковник.

12.3 (14). *Федор Борисович* (р. 4 августа 1874).

12.4 (14). *Степан Борисович* (р. 24 ноября 1879).

12.5 (14). *Ольга Борисовна* (р. ок. 1881).

В 1903 г. продавщица в казенной винной лавке.

12.6 (14). *Александра Борисовна* (р. ок. 1883).

12.7 (14). *Надежда Борисовна* (р. ок. 1888).

12.8 (14). *Софья Борисовна* (р. ок. 1890).

В 1903 г. обучалась в Оренбургском институте.

12.9 (14). *Елена Борисовна* (р. ок. 1892).

12.10 (14). *Елизавета Борисовна* (р. 16 августа 1895).

Родилась после осуждения отца. По прошению матери была восстановлена в правах.

12.11 (18). *Надежда Владимировна* (р. 9 июня 1859, Бугульминский уезд).

Крещена в церкви села Микулино Бугульминского уезда. Восприемниками были Михаил Федорович Микулин и помещица деревни Шорламы Александра Николаевна Пасмурова.

12.12 (18). *Марья Владимировна* (р. 9 февраля 1862, Бугульминский уезд).

Крещена в церкви села Микулино. Восприемниками были Михаил Федорович Микулин и штаб-ротмистра Дмитрия Микулина жена Марья Львовна.

Муж: N. Андронников.

12.12 (18). *Борис Владимирович.*

12.14 (20). *Константин Константинович* (19 апреля 1882 — 16 сентября 1958, Нью-Йорк).

Закончил морской кадетский корпус. Мичман с 6 мая 1901 г. Старший артиллерийский офицер линейного корабля «Пантелеймон» в 1907 г. Капитан 2-го ранга с 6 декабря 1913 г.

12.15 (20). *Борис Константинович.*

Закончил севастопольское Константиновское реальное училище (6 классов и 7-й дополнительный). В 1893 г. зачислен вольнослушателем в Петербургский университет, где слушал лекции физико-математического отделения. За него ходатайствовал директор петербургских народных училищ Латышев, указавший, что лично знает Б. К. Мертваго и что он будет жить у ближайших родственников. В 1903 г. коллежский секретарь в техническом отделе управления железных дорог. В 1913 г. надворный советник, инженер путей сообщения.

Не вошли в список:

Степан Павлович.

Голова у пеших стрельцов в Астрахани в 1621 г.

Петр Степанович.

В 1629 г. стольник патриаха. В 1636—1640 гг. дворянин московский. В 1650 г. сопровождал царицу Марью Ильиничну.

Источники

Архивные:

1. *Сиверс А. А.* Генеалогические разведки. Вып. 1. СПб., 1913 (экземпляр с пометками автора: СПб ИИ РАН. Ф. 121. Оп. 1. Д. 185).

2. *СПб. ИИ РАН.* Ф. 121. Оп. 1. Д. 184. Т. 3 (материалы к родословной Мертваго).

3. *РО ИРЛИ.* Ф. 57. Оп. 2. Д. 140 (письмо Екатерины Борисовны Чичаговой князю Г. С .Волконскому от 23 января1813).

4. *РО ИРЛИ.* Картотека Б. Л. Модзалевского.

5. *ЦГИА СПб.* Ф. 3. Оп. 1. Д. 2985 (Личное дело Марьи Дмитриевны Мертваго).

6. *ЦГИА СПб.* Ф. 355. Оп. 1. Д. 2035 (личное дело Александра Петровича Мертваго).

7. *ЦГИА СПб.* Ф. 355. Оп. 1. Д. 2036 (личное дело Дмитрия Петровича Мертваго).

8. *ЦГИА СПб.* Ф. 14. Оп. 15. Д. 185 (личное дело Бориса Константиновича Мертваго).

9. *ЦГИА СПб.* Ф. 515. Оп. 1. Д. 765а (о залоге дома, принадлежавшего Мертваго в Санкт-Петербургском городском кредитном обществе).

10. *ОР РНБ.* Ф. 550. QIV-231 (Писцовая книга города Мурома 1636 г.).

11. *ОР РНБ.* Ф. 532. Д. 4086 (Письмо, выданное Андреем Мертваго Ивану Григорьевичу Полушкину).

Печатные:

12. *Адрес-календарь Российской империи на 1786 г.* [СПб., 1786].

13. *Адрес-календарь Российской империи на 1793 г.* [СПб., 1793].

14. *Пассек В. В.* Погребенные в Симоновой обители // *Пассек В. В.* Историческое описание Московского Симонова монастыря. М., 1843. С. 110.

12 Зак. 3729

15. *Санкт-Петербургские сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения.* СПб., 1848.
16. *Санкт-Петербургские сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения.* СПб., 1864.
17. *Список гг. дворян, владеющих землею в Самарской губернии в 1866 г.* / Сост. В. Чарыков. Самара, 1867.
18. *Арнольдов М.* Дмитрий Борисович Мертваго // *Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии:* Прил. к Памятной книжке на 1868 г. Симбирск, 1868. С. 231—234.
19. *Адрес-календарь на 1870 г.* СПб., 1870.
20. *Календарь Самарской губернии на 1870 г.* Самара, 1870.
21. *Санкт-Петербургские сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения.* СПб., 1870.
22. *Санкт-Петербургские сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения.* СПб., 1871.
23. *Историческая записка о 2-й Казанской гимназии* / Сост. П. П. Гвоздев. Казань, 1876.
24. *Пономарев П.* О жизни и деятельности бывшей начальницы Казанского Родионовского института Сусанны Александровны Мертваго. Казань, 1879.
25. *Санкт-Петербургские сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения.* СПб., 1880.
26. *Адрес-календарь на 1881 г.* СПб, 1881.
27. *Адрес-календарь на 1884 г.* СПб, 1884.
28. *Санкт-Петербургские сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения.* СПб., 1885.
29. *Азбучный указатель имен русских деятелей* (указатель к «Русскому биографическому словарю»). СПб, 1888.
30. *Санкт-Петербургские сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения.* СПб., 1889.
31. *Адрес-календарь на 1894 г.* СПб., 1894.
32. *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1895.
33. *История Императорской Военно-медицинской академии за сто лет.* СПб., 1898.
34. *Адрес-календарь на 1900 г.* СПб., 1900.
35. *Календарь и памятная книжка Таврической губернии на 1900 г.* Симферополь, 1900.

36. *Юбилейный сборник Императорской Военно-медицинской академии.* СПб., 1902.

37. *Нижегородский Мариинский институт благородных девиц.* 1852—1902 / Сост. В. И. Снежевский. Ниж. Новгород, 1902.

38. *Адрес-календарь на 1903 г.* СПб., 1903.

39. *К столетней годовщине Казанского университета* (1804—1904). Ч. 1. Вып. 2 (1865—1884). Казань, 1904.

40. *Нарцов А. Н.* Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых, с их ветвями. Тамбов, 1904.

41. *Биржевые ведомости.* 1906. № 9347. 17 июня.

42. *Николай Михайлович, вел. кн.* Московский некрополь. Т. 2. СПб., 1908.

43. *Татищев Ю. В.* Местнический справочник XVII века. Вильна, 1910.

44. *Шереметьевский В. В.* Русский провинциальный некрополь великого князя Николая Михайловича. Т. 1. Губернии Архангельская, Владимирская, Вологодская, Костромская, Московская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, С.-Петербургская, Тверская и Ярославская, с присоединением Валаамского и Коневского монастырей. М., 1914.

45. *Мертваго Д. Ф.* Из записок о Морском кадетском корпусе // *Морской сб.* 1918. Т. CDVI. № 12. С. 45—61.

46. *Материалы по истории Татарской АССР.* Писцовые книги г. Казани 1565—1568 и 1646 г. Л., 1932.

47. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: [В 90 т.]. Т. 47. М., 1937. С. 234, 375; Т. 48. М., 1952. С. 41, 464; Т. 59. М., 1935. С. 101, 102.

48. *Пушкин А. С.* История Пугачева // *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 9 (1). М., 1938.

49. *Большая Советская энциклопедия.* 2-е изд. Т. 27. М., 1954.

50. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений: [В 55 т.]. 5-е изд. Т. 16, 17. М., 1961.

51. *Разрядная книга 1475—1598.* М., 1966.

52. *Большая Советская энциклопедия.* 3-е изд. Т. 16. М., 1974.

53. *Веселовский С. Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

54. *Разрядная книга 1550—1636.* Т. 2. М., 1975.

55. *Руденская М. П., Руденская С. Д.* Они учились с Пушкиным. Л., 1976.

56. *Вацуро В. Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750—1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 3—56.

57. *Приходно-расходные книги московских приказов.* 1619—1621. М., 1983.
58. *Черейский А. А.* Маслов Дмитрий Николаевич // Черейский А. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988. С. 256.
59. *Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград*: Энциклопед. справочник. М., 1992.
60. *Исторические кладбища Петербурга*: Справочник-путеводитель / Сост.: А. В. Кобак, Ю. М. Пирютко. СПб., 1993.
61. *Документы Печатного приказа* (1613—1615). М., 1994.
62. *Акты служилых землевладельцев.* XV — нач. XVII в. Т. 2. М., 1998.
63. *Алтабаева Е. Б.* Потомству в пример: Севастополь от основания до начала XX в. Симферополь, 1999.
64. *Русские писатели.* 1800—1917: Биогр. словарь. Т. 4. М.,1999.
65. *Флерова Г. В.* С. А. Мертваго и ее работы в собрании Всероссийского музея А. С. Пушкина // *Пушкинский музеум:* Альм. Вып. 2. СПб., 2000. С. 103—108.
66. *Есафов В. И.* Александр Николаевич Энгельгардт. 1832—1893. Екатеринбург, 2001.
67. *Казанское дворянство 1785—1917 гг.* / Сост. Г. А. Двоеносова. Казань, 2001.
68. *Мартиролог русской военно-морской эмиграции:* По изданиям 1920—2000 гг. / Сост.: И. М. Алабин и др. М.; Феодосия, 2001.
69. *Серков А. И.* Русское масонство. 1731—2000: Энциклопед. словарь. М., 2001.
70. *Акты служилых землевладельцев.* XV — нач. XVII в. Т. 3. М., 2002.
71. *Незабытые могилы.* Российское зарубежье: Некрологи. 1917—1999 / Сост. В. Н. Чуваков. Т. 4. М., 2004.
72. *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2004.
73. *Завьялова Л. В.* Петербургский Английский Клуб. СПб., 2005.
74. *Сысоев В. И.* Поэта первая любовь: Екатерина Павловна Бакунина. Тверь, 2006.
75. *Тимошина Л. А.* Приходная книга Приказа книжного печатного дела. 1649/50—1653/54 // *Очерки феодальной России.* Вып. 10. М.; СПб., 2006. С. 178—313.

Указатель имен

Абрамов Е. М.— 246, 247
Агафонников С. М.— 315
Аксаков Г. В.— 309
Аксаков Г. Г.— 309
Аксаков И. С.— 329
Аксаков С. М.— 251
Аксаков С. Т.— 7—13, 50, 207, 237, 238, 244, 245, 247, 250, 251
Аксаков Т. С., отец С. Т. Аксакова — 10, 314
Аксакова (?) (Мертваго) А. С.— 311
Аксакова (Зубова) М. Н., мать С. Т. Аксакова — 8—10, 245, 251
Аксенов А. И.— 256
Алабин И. М.— 340
Александр Виртембергский (Вюртембергский), герцог — 92, 271
Александр I (Александр Павлович), император — 12, 15, 16, 80, 91—93, 98, 103, 107—109, 121, 123, 129, 131, 132, 134, 135, 137, 150, 152, 158, 160—165, 167—171, 174—179, 181—183, 188—197, 201, 202, 205—209, 212—216, 218—222, 226, 242, 243, 248, 266, 269, 271, 278, 284, 285, 287—289, 293—295, 298, 317, 327
Александр Македонский — 166
Александра Павловна, великая княгиня — 95, 99, 272, 273
Александра Феодоровна (Шарлотта Каролина Прусская), императрица — 216, 286
Алим-Гирей — 280—282
Алпатова Т. А. — 241, 256
Алтабаева Е. Б.— 340
Алтын, государь сибирский — 306
Андронников — 335
Андронникова (Мертваго) М. В.— 335
Аникушин М. К.— 321
Анненков А. В.— 326
Анненков В. А.— 327
Анненков Г. А.— 314
Анненкова А. Г. *см.* Зимнинская А. Г.
Анненкова (Чиркова) Е. В.— 326
Анненкова М. А. *см.* Мертваго М. А.
Анненкова (Мертваго) П. И.— 314
Анненкова У. Г. *см.* Чевкина У. Г.
Анчапов, мальчик-дворянин — 35, 256
Апраксин В. В.— 307

Аракчеев А. А., граф — 12, 13, 15, 16, 158—196, 203—205, 209, 213—215, 219, 220, 222, 236, 240, 243, 248, 287—290, 299, 317
Аракчеевы — 287
Арбузов Е. Ф.— 269
Арнольдов М.— 254, 338
Ахматов, управитель заводов Лугининых — 110, 111

Бабкин, камер-фурьер — 215
Багратион П. И., князь — 299
Бакеев П. Ф.— 307
Бакунин А. М.— 120, 277
Бакунина Е. П.— 340
Бакунины — 277
Балашов А. Д.— 16, 208, 209, 212, 213, 293
Балкашин Н. В.— 332
Балкашина (N.) В. А.— 332
Бальмен де, генерал-поручик — 281
Бантыш-Каменский Д. Н.— 248
Барклай-де-Толли М. И.— 15, 195—197, 202, 209, 291, 294
Бартенев П. И.— 7, 18, 41—44, 48—50, 54, 58, 59, 66, 67, 76, 90, 91, 97, 110, 113, 117—121, 123, 125, 127, 130, 131, 134, 150, 162, 168, 173, 174, 178, 188, 196, 197, 201, 207, 209, 211, 212, 216, 219, 222—225, 227, 231, 232, 240, 243, 249, 258, 274
Бастидон Е. Я. *см.* Державина Е. Я.
Батырь-Гирей — 279, 281
Батюшков К. Н.— 269
Бахметев А. А.— 312
Бахметева М. А.— *см.* Мертваго Марья Алексадровна
Бахметева (N.) С.— Д. 312
Башев И. Ф.— 307
Баязет-бей — 15, 133, 134
Бегичев Ф. Д.— 307
Безбородко А. А., граф — 59, 60
Безобразов В. П.— 7, 18, 236—238, 240, 243, 299
Безобразов П. Н.— 237
Безобразова (Маслова) Е. Д.— 236, 320
Безобразова (Полторацкая) Е. П.— 237
Безродные — 270
Безродный В. К.— 91, 270
Беклемишев С. В.— 224
Беклешов А. А.— 113, 117, 274
Белима-Колосовская В. Н. *см.* Мертваго Валентина Николаевна
Белокопытов М.— 14, 29—38, 223, 255
Беннигсен Л. Л.— 269, 287
Бернадотт Ж. Б. Ж. *см.* Карл XIV Юхан, король Швеции
Благоден, золотоордынский царевич — 303
Блохина М. Д. (М. П.) — 211, 295, 322
Болотникова О. Н. *см.* Мертваго О. Н.
Болтина Е. Н. *см.* Мертваго Елизавета Никитична
Болховитинов Е. А. *см.* Евгений, преосвященный
Бонапарт *см.* Наполеон Бонапарт
Боровиковский В. Л.— 299
Бороздин К. М.— 257
Бороздин Н. М.— 269

Борсук Н. В.— 295
Бочкарева И. А.— 270
Брадке Е. Ф. фон — 288
Будберг А. Я., барон — 150, 285
Буксгевден Ф. Ф.— 158, 159, 161, 162, 165—167, 171, 172, 287
Булыгин А. А.— 328
Булыгин А. Г.— 327
Булыгин А. Н.— 327
Булыгин Д. А.— 328
Булыгина Е. А.— 328
Булыгина М. А. *см.* Татищева М. А.
Булыгина (Мертваго) М. Н.— 327
Бунин И. А.— 329
Бутурлина Н. П. *см.* Энгельгардт Н. П.
Бухарин И. Я.— 15, 168, 169

Василий Петрович N.— 266
Васильев А. И., граф — 75—77, 85, 266
Васильчикова М. В. *см.* Кочубей М. В.
Васнецов А. М.— 298
Ватаци А. Э.— 330
Ватаци Д. Э.— 330
Ватаци Екатерина Э.— 330
Ватаци Елизавета Э.— 330
Ватаци (Мертваго) М. П.— 236, 250, 258, 286, 300, 322, 330
Ватаци Э. А.— 330
Вацуро В. Э.— 339
Веревкин М. И.— 245
Веригин И. Г.— 314
Веригина (Мертваго) А. И.— 314
Веройтер Ф.— 285
Веселовский С. Б.— 339
Вигель Ф. Ф.— 259
Вителев С. Е.— 259
Вителева А. Е.— 259
Владимир, великий князь Киевский — 283
Воейков А. И.— 321
Воейков А. Ф.— 321
Воейков Д. И.— 321, 328
Воейков И. Ф.— 321
Воейкова (Мертваго) В. Д.— 208, 321
Воейкова (Толстая) О. А.— 321, 328
Воецкая А. Л.— 324, 333
Воецкая (Ростовская) В. Е.— 324
Воецкая М. Л.— 324
Воецкая (Мертваго) М. С.— 323
Воецкий Л. Н.— 323, 324
Воецкий П. Л.— 324
Возгрин В. Е.— 284
Волкова М. А.— 296
Волконская (Репнина) А. Н., княгиня — 216, 298
Волконская В. А., княжна — 297
Волконская С. Г.— 298
Волконский Г. С.— 298, 337
Волконский П. М., князь — 215, 298
Волконский С. Г.— 270
Вольтер (Аруэ Ф. М.) — 286
Ворожейкина А. Н.— 297
Воронцов А. Р., граф — 49
Вульф Е. И. *см.* Полторацкая Е. И.
Вяземский А. А., князь — 43, 47, 61, 66, 224, 260
Вязмитинова (Энгельгардт) А. Н.— 83, 267
Вязмитинов С. К.— 14, 68—77, 83, 157, 158, 213, 262, 266, 267, 293

Гааз Ф. П.— 300, 301

Габлиц К. И.— 15, 122, 123, 278, 279
Гагемейстер А. А.— 48
Гакс, полковник — 282
Ганенфельдт (Мертваго, в первом браке Карпинская) М. Д.— 331, 335
Ганенфельдт М. П.— 335
Ганнибал, генерал — 281, 282
Гасвицкий П. А.— 265
Гвоздев П. П.— 338
Гейтинг, генерал-поручик — 282
Георги И.-Г. (И. И.) — 261, 262, 285
Гепнер Ф. А.— 321
Герман — 282
Гермес Б. А.— 220, 221, 299
Гибш, барон — 148
Глинка Д. Ф.— 267
Голицын А. Н., князь — 217—219, 299
Голицын Б. А., князь — 309
Голицын С. Ф., князь — 189
Гомер — 293
Гораций (Квинт Гораций Флакк) — 246
Гордин А. М.— 278
Горич Большой, бригадир — 280
Горчаков А. И., князь — 209, 294
Гревенс И. И.— 267
Грот Я. К.— 223, 246, 254, 257, 263—265, 275, 276, 283, 299
Гудович И. В., граф — 58, 151, 200, 263, 286, 292
Гуковский Г. А.— 290
Гурьева М. А. *см.* Мартынова М. А.
Густав III, король Швеции — 173, 188, 289, 290
Густав IV Адольф, король Швеции — 99, 188, 273, 290
Давыдов Д. В., партизан-поэт — 44
Давыдова А. А. *см.* Кроткова А. А.
Давыдова (Чиркова) С. Н.— 44
Двоеносов Г. А.— 340
Девлет-Кильдеева, княгиня — 325
Депрейс В. Н.— 329
Депрейс Е. Н.— 329
Депрейс М. Н. *см.* Мертваго Марья Николаевна
Депрейс Н. И.— 322, 328
Депрейс Н. Н.— 329
Державин Г. Р.— 10, 11, 14, 15, 58—60, 63, 65—69, 77, 113—118, 212, 222, 224, 236, 237, 239, 246, 247, 254, 257, 262—266, 268, 272, 274—277, 283, 290, 296, 299, 318
Державина (Дьякова) Д. А.— 257, 290, 296
Державина (Бастидон) Е. Я.— 14, 59, 66, 224, 263—264
Державины — 304
Димитрий (Туптало), митрополит Ростовский и Ярославский — 68, 265
Длуголенский Я.— 267
Дмитриев А. И.— 258
Дмитриев И. И.— 258, 264, 269
Дмитриев М. А.— 36, 223, 258, 293—295
Дмитриева (Пиль) М. А.— 36, 258
Долгорукий П. П., князь — 174
Дорофея (Мартынова), игумения — 259—260
Дроздов В. М. *см.* Филарет, митрополит Московский
Дубасов Ф. N.— 315
Дубасова В. Ф *см.* Киселева В. Ф.

Дубасова (Мертваго) П. И.— 315
Дурасов З. Т.— 315
Дурасов П. С.— 305
Дурасов Т. И.— 315
Дурасова (Мертваго) М. И. *см.* Хомутова М. И.
Дьякова А. А. *см.* Капнист А. А.
Дьякова Д. А. *см.* Державина Д. А.
Дюк де Ришелье *см.* Ришелье А. Э. (Э. О.) дю Плесси, герцог

Евгений (Болховитинов), преосвященный — 10, 246, 247
Евлашев А. П.— 316
Евлашева (Мертваго) С. С.— 316
Екатерина II (Екатерина Алексеевна; Софья Фредерика Августа Анхальт-Цербская), императрица — 30, 45, 51, 53, 54, 57, 59, 66—68, 70, 74, 92, 94, 124, 129, 137, 173, 218, 254, 257, 260, 262, 264, 266, 273, 279, 280, 281, 283, 285, 292, 293, 299, 300
Елагин А. А.— 249
Елагина (Юшкова, по первому браку Киреевская) А. П.— 13, 249, 250, 258
Елизавета Алексеевна (Луиза Августа Баденская), императрица — 121, 178, 214—218.
Емельянова В. В.— 249
Ермолов А. П.— 16, 220, 299
Ермолов Большой Л.— 309
Есафов В. И.— 340
Ефимов И. Е.— 327

Желябужский И. А.— 310
Жуковский В. А.— 249, 269

Завьялова Л. В.— 340
Загоскин В. Н.— 320
Загоскин Н. Н.— 320
Загоскина В. Н. *см.* Оголина В. Н.
Загоскина (Мертваго) Е. Д.— 154, 286, 287, 319, 320, 328, 329
Загоскина С. Н.— 320
Засецкая (N.) И. С.— 309
Захаров И. Большой С.— 311
Зимнинская (Анненкова) А. Г.— 314
Зимнинская (Пазухина) А. И.— 313
Зимнинский А.— 313
Злобин В. А., купец, откупщик — 15, 60, 61, 64, 68, 112, 115, 225, 263, 266, 274, 276
Зубатов Д.— 311
Зубов В. А.— 271, 272
Зубов Н. А.— 271
Зубов Н. Ф.— 50, 251
Зубов П. А., князь — 14, 59, 67, 68, 92, 93, 128, 265, 269, 271, 272
Зубова М. Н. *см.* Аксакова М. Н.
Зубовы, графы — 15, 92, 94

И-н А.— 242
Иван IV Грозный — 129, 303
Иванов А. Г.— 262
Игельстром Осип (И.) А., барон — 14, 42, 43, 45, 46, 51—58, 110, 124, 261, 279
Игнатьев Н. П.— 321
Ильин В. В.— 177, 192, 289
Ильина (N.) П. И.— 289
Иосиф, эрцгерцог Австрийский — 95, 272
Ишим, киргиз-кайсацкий хан — 262

Кабрит Ф.— 54
Казы-Ескер — 137—139
Калашников А. М.— 247
Капнист (Дьякова) А. А.— 296
Капнист В. В.— 264, 296
Капцевич (Канцевич) П. М.— 13, 240, 248
Карамышев А. Д.— 332
Карамышева (N.) П. А.— 331, 332
Карамышева С. А. *см.* Мертваго Софья Арсеньевна
Карл XIII, король Швеции (герцог Зюдерманландский) — 273, 290
Карл XIV Юхан, король Швеции — 291
Карпинская (Мертваго) М. Д. *см.* Ганенфельдт М. Д.
Карпинский М. N.— 335
Катков М. Н.— 237, 240
Кашкарова Н. N. *см.* Мертваго Наталья N.
Келеш-бей — 148—150
Керн (Маркова-Виноградская) А. П.— 277, 278, 292
Киреевская А. П. *см.* Елагина А. П.
Киреевский И. В.— 13, 207, 249
Киреевский П. В.— 13, 249
Кириченко Е. И.— 289
Киселев А. И.— 315
Киселева (Дубасова) В. Ф.— 315, 318
Клокачев, адмирал — 282
Кнауф, англичанин-заводчик — 112
Кобак А. В.— 340
Козмин В. Д.— 312
Кокорева Н. Г.— 327
Колбасьев, лейтенант — 332
Колычев С.— 305
Колышко Л. А.— 333
Комаровский Е. Ф.— 134
Кондратенко Р. В.— 332
Копнин С. Н.— 304
Копьев А. Д.— 15, 162
Копытов Н. В.— 331
Корсаков, полковник — 282
Корф, барон, тайный советник — 185, 187
Костомаров Н. И.— 274
Котов Ф. Г.— 311
Кочубей (Васильчикова) М. В., графиня — 123
Кочубей В. П, граф — 15, 117, 121, 122, 134—137, 139—142, 154, 213, 276, 284
Кошелев А. И.— 212
Кошелев Р. А.— 212, 213, 217
Краусова И. В.— 249
Крейтер, обер-секретарь Сената — 130
Кретковская (Мертваго) А. Е.— 334
Кретковская А. К.— 334
Кретковская В. К.— 334
Кретковская Н. К.— 334
Кретковский К. Ф.— 334
Кречетников М. Т.— 311
Кривская А. Г. *см.* Мартынова А. Г.
Кривский В. N.— 259
Кристиан (Карл) Август Августенбургский, принц — 290
Кровков С. В.— 305
Кротков С. Е.— 318
Кроткова (Давыдова) А. А.— 318, 325
Кроткова Н. С. *см.* Мертваго Надежда Степановна
Крылов И. А.— 256, 257
Кузуватов Е.— 305
Кутайсов И. П., граф — 85, 267, 268

Кутузов М. И.— 285, 294
Кучина Т. П. *см.* Пассек Т. П.

Лаба Н. О.— 196
Лабзин А. Ф.— 44
Лавров, генерал — 183, 184
Лазарев, вице-адмирал — 324
Ламб И. В.— 15, 91, 102, 108, 109, 270
Ланская (Одоевская) В. И.— 296
Ланской, обер-прокурор — 130
Латышев — 336
Лебле, штабс-капитан — 331
Лебле (Мертваго) В. М.— 323, 326, 330, 331
Левашова М. А. *см.* Соймонова М. А.
Левенштейн О. Г.— 262
Ленин В. И.— 330, 339
Лешерн, генерал — 16, 202—206
Ливен (Поссе фон или Гаугребен фон) Ш. К., светлейшая княгиня — 217, 298
Лобанов-Ростовский А. Б.— 338
Лодыженский М. В.— 333
Лонгинов М. Н.— 168
Лопатин В. С.— 273
Лопухин И. В.— 15, 113, 130—132, 135, 284
Лопухин П. В., князь — 14, 82, 83, 267
Лугинины, заводчики — 110
Лукин, штабс-капитан — 325
Лукин Я. Б.— 305
Лукин N.— 333
Лукина (Мертваго) П. Ф.— 333
Львов Д. П.— 306
Львов Л. Н.— 257
Львов Н. А.— 264, 277
Львов Ф. П.— 257
Львова Е. Н.— 257
Львова П. Н.— 296
Львова А. П.— 270
Львовы — 270, 304

Мавродин В. В.— 256
Магомет, пророк — 135
Мажаров М. Е.— 54
Македонец В. И.— 246
Мария Магдалина — 254
Мария Феодоровна (София Доротея Августа Виртембергская), императрица — 16, 121, 178, 214—218, 220, 269, 298
Маркевич А.— 279
Маркова-Виноградская А. П. *см.* Керн А. П.
Мартынов Александр П.— 316
Мартынов Алексей П.— 316
Мартынов Б. П.— 316
Мартынов Д. П.— 316
Мартынов М. И.— 39, 41, 258—260, 315
Мартынов Н. М.— 259
Мартынов Н. П.— 316
Мартынов П. Е.— 316
Мартынов П. П.— 316
Мартынов С. М.— 259
Мартынов Семен П.— 316
Мартынов Степан П.— 316
Мартынова (Мертваго) А. Б.— 22, 28, 32, 36, 316
Мартынова (Кривская) А. Г.— 259
Мартынова В. П.— 316
Мартынова Д. М. *см.* Дорофея, игумения
Мартынова (Нелюбова) Е. И.— 259, 260
Мартынова Е. П.— 316

Мартынова (Гурьева) М. А.— 259, 315
Мартынова М. М. *см.* Мертваго Марья Михайловна
Мартынова М. П.— 316
Мартыновы — 260, 339
Марья Ильинична, царица — 306, 336
Маслов Д. Н.— 237, 258, 320, 340
Маслов Н. Д.— 320
Маслова Е. Д. *см.* Безобразова Е. Д.
Маслова (Мертваго) М. Д.— 136, 237, 258, 320, 337
Маслова О. Д.— 320
Маслова С. Д. *см.* Носович С. Д.
Меллин К., граф — 31, 32, 256
Мельгунова П. Е.— 241
Мельников А. И.— 327
Меншиков А. Д., князь — 178, 289, 290
Мерсье Л. С.— 44

Мертваго:
— (N.) Авдотья Афанасьевна — 316
— Авдотья Борисовна *см.* Пазухина А. Б.
— Авдотья Борисовна *см.* Сукина А. Б.
— (Черткова) Авдотья Гавриловна — 307
— (Хоненева) Агафья Семеновна — 315
— (N.) Аксинья Алексеевна — 307
— Александр Петрович — 321, 322, 328—330, 337
— (Толстая) Александра Александровна — 328, 334
— Александра Борисовна — 335
— Александра Борисовна *см.* Мартынова А. Б.
— (Чистякова) Александра Павловна — 325
— Александра Степановна *см.* Мордвинова А. С.
— Алексей Ильич — 316, 318
— (N.) Анастасия Михайловна — 315
— Андрей Михайлович — 308
— Андрей Осипович — 310, 312, 337
— Андрей Степанович — 323
— Анисим Леонтьевич — 311
— (N.) Анисья N.— 311
— Анна Егоровна *см.* Кретковская А. Е.
— Анна Ивановна *см.* Веригина А. И.
— Анна Семеновна *см.* Аксакова (?) А. С.
— (N.) Анна Сергеевна — 318
— (N.) Анна N.— 306
— Афимия Михайловна *см.* Пересекина А. М.

— Богдан Никитич — 310, 313
— Борис Борисович — 254, 318
— Борис Владимирович — 335
— Борис Иванович — 315
— Борис Константинович — 336, 337
— Борис Петрович (XVII в.) — 310
— Борис Петрович (XIX—XX в.) — 321, 322, 328
— Борис Федорович (XVII в.) — 310

— Борис Федорович (XVIII в.) — 14, 15, 18—23, 28, 29, 31, 33, 34, 110, 111, 201, 224, 252, 255, 315
— Борис Федорович (XIX в.) — 332, 333, 335
— Булгак-Савва Дмитриевич — 304

— (Белима-Колосовская) Валентина Николаевна — 332
— (Полторацкая) Варвара Марковна — 10—12, 15, 18, 118—121, 124, 136, 154, 175, 183, 196, 198—201, 210, 211, 217, 218, 228, 233, 234, 237, 239, 249, 286, 292, 297, 301, 317, 325
— Варвара Дмитриевна *см.* Воейкова В. Д.
— Варвара Михайловна *см.* Лебле В. М.
— Василий Иванович (XVII в.) — 307, 308
— Василий Иванович — 255, 314
— Василий Максимович — 314
— Василий Савич, Булгаков сын — 304
— (Нианцева) Вера Григорьевна — 333
— Владимир Егорович — 325, 333
— Владимир Петрович — 328

— Григорий Иванович — 310, 314
— Григорий Ильич — 306

— Дмитрий Андреевич — 314, 315
— Дмитрий Дмитриевич — 208, 236, 237, 295, 322
— Дмитрий Петрович — 322, 328, 329, 337
— Дмитрий Федорович (XVIII в.) — 307, 310
— Дмитрий Федорович (XIX в.) — 331, 332, 339
— Дмитрий Яковлевич — 304

— Егор Степанович — 325
— Екатерина Борисовна (XIX—XX вв.) — 328, 334
— Екатерина Борисовна *см.* Чичагова Е. Б.
— Екатерина Дмитриевна *см.* Загоскина Е. Д.
— (N.) Екатерина Ивановна — 323, 326, 330
— Елена Борисовна — 335
— Елизавета Борисовна — 335
— Елизавета Михайловна *см.* Соловьева Е. М.
— (Болтина) Елизавета Никитична — 315
— Ефим Борисович — 313, 315

— (Рычкова, во втором браке Силич) Зинаида Николаевна — 325, 335

— Иван Борисович — 9, 22, 23, 25, 26, 32, 33, 60, 62, 64, 239, 318
— Иван Булгакович — 304
— Иван Васильевич — 306
— Иван Гаврилович — 305
— Иван Иванович — 314
— Иван Ильич — 312
— Иван Осипович — 309, 310—312, 318
— Иван Савич — 305
— Иван Степанович — 325
— Иван Третьякович — 304, 305
— Иван Ульянович — 314

— Илья Борисович — 316
— Илья Булгакович — 304
— Илья Григорьевич — 310
— Илья Прокофьевич — 316
— Илья Савич — 305
— Илья Семенович — 305
— (N.) Ирина Алексеевна — 316

— Константин Константинович — 335
— Константин Павлович — 334
— (N.) Ксения N.— 306

— Леонтий Семенович — 308
— (N.) Лукерья N.— 313

— (N.) Мавра N.— 310
— Маргарита Васильевна — 315
— Максим Васильевич — 311
— Мария Дмитриевна *см.* Ганенфельдт М. Д.
— Марфа Ивановна — 306
— (Мусина-Пушкина) Марфа Прокофьевна — 310
— (Анненкова) Марья Александровна — 326, 327
— (Бахметева) Марья Александровна — 312
— Марья Владимировна *см.* Андронникова М. В.
— Марья Дмитриевна *см.* Маслова М. Д.
— (N., в первом браке Нестерова, во втором Кречетникова) Марья Ивановна — 309, 311
— Марья Ивановна *см.* Хомутова М. И.
— (Мартынова) Марья Михайловна — 8, 14, 19, 22, 26—29, 31—41, 61—66, 199, 201, 202, 210, 214, 223, 244, 245, 251, 258, 260, 315
— (Мещеренинова) Марья Наумовна — 308
— Марья Николаевна *см.* Булыгина М. Н.
— (Деприейс) Марья Николаевна — 322
— Марья Петровна *см.* Вataци М. П.
— Марья Степановна *см.* Воецкая М. С.
— Марья Федоровна — 333
— Матвей Иванович — 307
— (N.) Матрена N.— 311
— Михаил Леонтьевич — 311, 314
— Михаил Никифорович — 306
— Михаил Семенович — 304, 305
— Михаил Степанович (XVII в.) — 307
— Михаил Степанович (XIX в.) — 210, 323—325, 330

— Надежда Борисовна — 335
— Надежда Владимировна — 335
— Надежда Дмитриевна — 200, 321
— Надежда Степановна — 325, 330
— (Кроткова) Надежда Степановна — 318
— (Кашкарова) Наталья N.— 313
— Никита Матвеевич — 310
— Никифор Булгакович — 304
— Никифор Савич — 305
— Николай Алексеевич — 326
— Николай Дмитриевич — 136, 213, 214, 286, 287, 318, 319, 321, 322
— Николай Петрович — 322, 328

— Ольга Борисовна — 335
— (Микулина) Ольга Михайловна — 334
— (Болотникова) Ольга Николаевна — 329
— Осип Михайлович — 308
— Осип Семенович — 308, 309

— Павел Степанович — 325, 326
— Павла Федоровна *см.* Лукина П. Ф.
— (Нечаева) Пелагея Еремеевна — 315
— (N.) Пелагея Ивановна — 255, 314
— Петр Борисович — 313, 315
— Петр Дмитриевич — 208, 321, 322
— Петр Иванович — 307
— Петр Ильич — 306
— Петр Степанович — 336
— Прасковья Ивановна *см.* Анненкова П. И.
— Прасковья Ивановна *см.* Дубасова П. И.
— (Растригина) Прасковья Яковлевна — 309
— Прокофий Иванович — 310, 312, 314
— Прокофий Семенович — 308, 309, 312, 314

— Савва Матвеевич — 310
— Семен Васильевич — 306
— Семен Дмитриевич (?) — 304
— Семен Ильич — 306, 308
— (Карамышева) Софья Арсеньевна — 331, 332
— Софья Борисовна — 335
— Софья Дмитриевна — 175, 183, 301, 320, 321
— Софья Петровна — 322, 328, 329
— Софья Федоровна — 332, 333
— Степан Андреевич — 315
— Степан Борисович, брат *автора «Записок»* — 7, 9, 18, 22, 23, 25, 26, 32, 33, 60, 64, 210, 237, 303, 317, 325, 330
— Степан Борисович — 335
— Степан Васильевич (XVI в.) — 305, 306
— Степан Васильевич (XVII в.) — 311
— Степан Михайлович — 325, 330, 331
— Степан Павлович — 336
— Степан Степанович — 323
— Степан Федорович — 333
— Степанида Степановна *см.* Евлашева С. С.
— (Соймонова) Сусанна Александровна — 287, 319, 320, 338, 340

— Третьяк Дмитриевич (?) — 304

— Ульян Васильевич — 310
— (Соловцова) Устинья Гавриловна — 312

— Федор Борисович — 335
— Федор Никитич — 310, 313, 315
— Федор Савич — 313
— Федор Степанович (XVII в.) — 306, 310, 313
— Федор Степанович (XVIII в.) — 314

— Федор Степанович (XIX в.) — 324
— (N.) Федора Богдановна — 310
— Федосий Борисович — 313
— Федосья Петровна или Ефимовна *см.* Смагина Ф. П. (Е.?)

— Яков Андреевич — 314

— (Нестерова) N. Ивановна *см.* Чевкина N. И.

Мефодий, ученик Сергия Радонежского — 295
Меценат (Мецен) — 246
Мещеренинов Н. И.— 308
Мещеренинова М. Н. *см.* Мертваго Марья Наумовна
Мещеренинова (N.) Н. (N.) — 308
Мещерский П. В., князь — 268
Микулин Д.— 335
Микулин М. Ф.— 335
Микулин Я.— 305
Микулина (N.) М. Л.— 335
Микулина О. М. *см.* Мертваго Ольга Михайловна
Минин К. М.— 294
Миртаза-Челебя — 139
Митурич П. В.— 333
Михаил Павлович, великий князь — 214
Михельсон И. И.— 19, 254
Молоствов В. В.— 329
Монфред З. Л.— 321
Модзалевский Б. Л.— 337
Мордвинов А. Д.— 322
Мордвинов Н. С.— 196, 291
Мордвинова (Мертваго) А. С.— 322
Мордвинова В. П. *см.* Пукалова В. П.
Морков И. И.— 294
Морозова Н. П.— 263
Муравьев Н. Н.— 219, 299
Мусин-Пушкин П. Д.— 310, 313
Мусин-Пушкин С. П.— 310
Мусина-Пушкина М. П. *см.* Мертваго Марфа Прокофьевна
Мустафа, султан — 148, 151, 152

Наполеон Бонапарт — 96, 136, 168, 174, 208, 285, 287, 289, 295, 298
Нарцов (Норцов) А. Н.— 258, 260, 339
Наталья Кирилловна, царица — 307
Некер (Неккер) Ж.— 129, 284
Нелединский-Мелецкой Ю. А.— 90, 269
Нелидова Е. И.— 217, 269, 298
Нелюбов И. Ф.— 259
Нелюбова Е. И. *см.* Мартынова Е. И.
Немятов Н. А.— 332
Нестеров Б. В.— 311
Нестерова (N.) М. И. *см.* Мертваго Марья Ивановна
Нестерова N. И. *см.* Чевкина N. И.
Нечаева П. Е. *см.* Мертваго П. Е.
Нианцева В. Г. *см.* Мертваго Вера Григорьевна
Николай, король Черногории — 328
Николай Михайлович, великий князь — 339
Николай Павлович, великий князь (Николай I) — 216, 298, 299

Новиков Н. И.— 260
Новосильцев Н. Н.— 129, 284
Норов А. С.— 240
Норцов А. Н. *см.* Нарцов А. Н.
Носович (Маслова) С. Д.— 320
Нотбек В. В. фон *см.* Рычкова В. В.

Обольянинов П. Х.— 14, 15, 76—94, 97, 103, 109, 110, 113, 160, 266, 268, 270
Овчинников Р. В.— 254, 256, 257
Огинский М. К.— 100, 274
Оглобинский, лейтенант — 332
Оголина (Загоскина) В. Н.— 320
Одоевская В. И. *см.* Ланская В. И.
Окулов М. Н.— 312
Окулов Н. И.— 312
Окулова (N.) Авдотья N.— 312
Окулова (N.) М. М.— 312
Олег Рязанский, князь — 303
Оленин А. Н.— 119, 121, 239, 247, 292
Оленина (Полторацкая) Е. М.— 11, 118—120, 239, 247, 291
Ольденбургский, принц — 319
Орнатская Т. И.— 289
Островская Н.— 241

Павел I (Павел Петрович), император — 15, 18, 74—77, 82, 85, 86, 87, 89—92, 95—97, 103, 106, 129, 159, 160, 183, 236, 242, 258, 267—274, 298
Пазухин Е. И.— 314
Пазухин И. И.— 314
Пазухин И. С.— 313
Пазухин Н. И.— 314
Пазухина (Мертваго) А. Б.— 313
Пазухина А. И. *см.* Зимнинская А. И.
Пазухина П. И. *см.* Филатова П. И.
Пален П. А. фон дер, граф — 93, 271, 272
Панафидин В. И.— 331
Панафидина А. В.— 331
Панин Н. И., граф — 258
Панин Н. П.— 271
Панин П. И., граф — 14, 37—39, 258
Паскевич-Эриванский И. Ф., граф — 299
Пасмуров Ф. Л.— 308
Пасмурова А. Н.— 335
Пассек В. В.— 337
Пассек (Кучина) Т. П.— 297
Пересекин Г. М.— 326
Пересекин М. С.— 316
Пересекин С. Ф.— 316
Пересекина (Мертваго) А. М.— 316
Пересекины — 326
Перфильев О. М.— 265
Пёрышкин М. Ю.— 262
Петинова Е. Ф.— 268
Петр I (Петр Алексеевич), император — 290
Петр III (Петр Федорович), император — 253, 254, 260
Пеутлинг А. А.— 14, 44, 46—49, 51—54, 56, 57, 60, 61, 65, 66, 68—70
Пиль А. А.— 258
Пиль (N.) Е. И.— 39, 40, 223, 258
Пиль И. А.— 14, 36—40, 223, 258
Пиль М. А.— *см.* Дмитриева М. А.
Пирютко Ю. М.— 340
Плещеев А. В.— 307
Подольская И. И.— 270
Подушков Д. Л.— 288

Пожарский Д. М., князь — 294
Позен, статс-секретарь — 322
Политковский Ф. Г.— 249
Полторацкая (Шишкова) А. А.— 15, 16, 118—121, 123, 154, 199—201, 207, 231—233, 277, 278, 291, 292, 317
Полторацкая А. М. *см.* Сухарева А. М.
Полторацкая (Хлебникова) А. П.— 211
Полторацкая В. М. *см.* Мертваго Варвара Марковна
Полторацкая (Вульф) Е. И.— 278
Полторацкая Е. М. *см.* Оленина Е. М.
Полторацкая Е. П. *см.* Безобразова Е. П.
Полторацкие — 286
Полторацкий Д. М.— 211
Полторацкий К. М.— 196, 269
Полторацкий М. Ф.— 118, 247, 277, 317
Полторацкий Павел М.— 237
Полторацкий Петр М.— 277, 278
Полушкин И. Г.— 312, 337
Пономарев П.— 320, 338
Попадейкин В. И.— 298
Попов В. С.— 15, 154, 156—159, 161, 287
Потемкин-Таврический Г. А., светлейший князь — 124, 125, 127—129, 138, 178, 279—284
Прокопович С. Н.— 330
Прохоров М. Ф.— 256
Пугачев Е. И.— 14, 18—41, 223, 236, 237, 240, 241, 250, 252—259, 274, 278, 314, 315, 339
Пукалов И. А.— 248
Пукалова (Мордвинова) В. П.— 12, 240, 248
Пушкин А. С.— 236, 249, 255—258, 261, 269, 274, 297, 314, 315, 339, 340
Пушкин В. Л.— 297
Пушкина Е. Л. *см.* Сонцова Е. Л.
Пэнэжко О.— 298

Разин С. Т.— 311
Растрелли Ф. Б. (В. В.) — 277
Растригин Я. В.— 309
Растригина П. Я. *см.* Мертваго Прасковья Яковлевна
Ратенберг, англичанин-заводчик — 112
Репнина А. Н. *см.* Волконская А. Н.
Римская-Корсакова, девица — 244
Римская-Корсакова Е. П. *см.* Янькова Е. П.
Ришелье А. Э. (Э. О.) дю Плесси (Дюк де Ришелье), герцог — 133, 136—138, 141, 142, 147—150, 284
Рогинский В. В.— 291
Розенберг А. Г.— 15, 134—136, 285
Романов Ф. Н. *см.* Филарет, патриарх
Романюк С. К.— 249
Ростовская В. Е. *см.* Воецкая В. Е.
Ростопчин Ф. В., граф — 209, 210, 293—295
Руденская М. П.— 339
Руденская С. Д.— 339
Румянцев Н. П., граф — 188, 291
Румянцев-Задунайский П. А., граф — 124, 279, 291

Рычков Н. В.— 325
Рычкова (Нотбек фон) В. В.— 325
Рычкова З. Н. *см.* Мертваго Зинаида Николаевна

Саблин А. Н.— 220, 299
Сабуров П. А.— 313
Сабурова (Сукина) Е. С. *см.* Философова Е. С.
Салтыков Н. И., князь — 76, 213, 266, 267
Самойлов А. Н.— 125, 279—282
Самойлов И. Г.— 333
Самойлова (N.) М. И.— 333
Сафонов, коллежский советник — 15, 115, 116, 276
Светенко А. С.— 254
Свечин Н. С.— 15, 97—99, 101, 102, 104—108, 110, 273
Свечина (Соймонова) С. П.— 97, 273
Себастиани Ф. О. Б.— 142
Северный Н.— 246
Селецкий А. А.— 333
Селим III, султан — 148, 151, 152, 285
Сенявин Д. Н.— 11, 12, 146, 147, 239, 240, 247, 248, 285
Сергий Радонежский — 295
Сердешев Е. З. *см.* Сулдешев Е. З.
Серков А. И.— 340
Сиверс А. А.— 337
Сивков К. В.— 241
Сидоров Н. П.— 241
Силич (Рычкова) З. Н. *см.* Мертваго З. Н.
Силич И. В.— 325, 335
Сицкий В. А., князь — 304
Скрябин А. Н.— 298
Слепцовы — 260, 339
Смагин С. И.— 315
Смагина (Мертваго) Ф. П. (Е.?) — 315
Смирнова Э. А.— 304
Снегирев П. Г.— 327
Снежевский В. И.— 339
Собакин С. А.— 309
Соймонов А. Н.— 319
Соймонова Е. А.— 287
Соймонова (Левашова) М. А.— 319
Соймонова С. А. *см.* Мертваго С. А.
Соймонова С. П. *см.* Свечина С. П.
Соймоновы — 304
Сокоротова Ю. В.— 274
Соловцов Г. А.— 312
Соловцова У. Г. *см.* Мертваго Устинья Гавриловна
Соловьев — 330
Соловьева (Мертваго, в первом браке Сомова) Е. М.— 325, 326, 330
Сомов, статский советник — 330
Сомова (Мертваго) Е. М. *см.* Соловьева Е. М.
Сонцов М. М.— 249
Сонцова (Пушкина) Е. Л.— 249
София Доротея Виртембергская, герцогиня — 271
София Доротея Августа Виртембергская, герцогиня *см.* Мария Феодоровна, императрица
Ставицкий, генерал-майор — 178
Стародуб К. В.— 249
Столыпин — 226
Страбон, древнегреческий географ и историк — 124, 279
Страхов А. В.— 265

Страхов Н. И.— 225, 226, 228
Страхова В. Д.— 226
Строганов П. А.,— граф 122, 123, 278, 284
Струков В. В.— 298
Суворов А. В.— 95, 271—273, 285, 287, 299
Сукин С.— 313
Сукина (Мертваго, в первом браке Толстая) А. Б.— 312, 313, 321
Сукина А. С.— 313
Сукина Е. С. *см.* Философова Е. С.
Сулдешев (Сердешев) Е. З.— 14, 30—32, 255, 256
Сумароков А. П.— 8, 239, 245, 253, 292
Сумароков Павел И.— 130, 284
Сумароков Панкрат — 311
Сурин Д. Г.— 311
Сурин З. Г.— 311
Сухарев А. Д.— 239, 247, 292
Сухарева (Полторацкая) А. М.— 11, 239, 247, 292
Сухтелен П. П.— 270
Сысоев В. И.— 277, 340

Танеев В. И.— 298
Танеев С. И.— 298
Тарунов А. М.— 298
Татищев П. А.— 44, 260
Татищев Ю. В.— 339
Татищева Е. П. *см.* Чиркова Е. П.
Татищева (Булыгина) М. А.— 328
Таяр-бей (Таяр-паша) — 15, 148—154
Тележников И. И.— 249
Тимирязев К. А.— 298
Тимофеев Л. В.— 292
Тимошина Л. А.— 340
Типо Саиб (Типу Султан) — 97, 273
Толбухин С. И.— 272
Толстая А. А. *см.* Мертваго Александра Александровна
Толстая (Мертваго) А. Б. *см.* Сукина А. Б.
Толстая (N.) А. П.— 328
Толстая О. А. *см.* Воейкова О. А.
Толстой А. В.— 321, 328
Толстой В. И.— 313
Толстой И. В.— 313
Толстой Л. Н.— 329, 339
Толстой Н. А., граф — 15, 121, 278
Томсинов В. А.— 287
Тормасов А. П.— 106, 215, 217, 274
Траверсе Ж. Ф. де (И. И.), маркиз — 141, 142, 145, 147, 152, 285
Туманский М.— 130
Тупиков Н. М.— 340
Туптало Д. С. *см.* Димитрий, митрополит Ростовский и Ярославский
Тургенев Н. И.— 289

Ушаков А.— 310
Ушаков П.— 305

Федор Алексеевич, царь — 307—311
Ферзен, барон — 332
Фигнер В. Н.— 320
Филарет (Дроздов), митрополит Московский — 231—234, 243, 317
Филарет (Романов), патриарх — 306, 307
Филатов П.— 314
Филатова (Пазухина) П. И.— 314

Философов Д.— 313
Философова (Сукина, в первом браке Сабурова) Е. С.— 313
Фирсов Д. И.— 14, 30—33, 35—37, 223, 255
Флерова Г. В.— 340
Фридрих Евгений Виртембергский (Вюртембергский), герцог — 271

Ханыков В. В.— 91, 97, 98, 270
Хитрово Б. М.— 307
Хлебникова А. П. *см.* Полторацкая А. П.
Хомутов N., поручик — 315
Хомутова (Мертваго, в первом браке Дурасова) М. И.— 315
Хоненева А. С. *см.* Мертваго Агафья Семеновна
Храповицкий М. Е.— 215, 298

Чайковская О.— 256
Чайковский П. И.— 298
Чарторижский А., князь — 284
Чарыков В.— 338
Чевкин В. Д.— 314
Чевкин Н. В.— 326
Чевкина (Анненкова) У. Г.— 314
Чевкина (Нестерова, в первом браке Мертваго) N. И.— 309
Черейский А. А.— 340
Чертков Г. Г.— 305
Чертков Я. Г.— 307
Черткова А. Г. *см.* Мертваго Авдотья Гавриловна
Чертопруд С. В.— 248
Чингис-хан — 280
Чирков Н. А.— 44, 114, 115, 223
Чиркова Е. В. *см.* Анненкова Е. В.
Чиркова (Татищева) Е. П.— 44
Чиркова С. Н. *см.* Давыдова С. Н.
Чистяков П. Г.— 325
Чистякова А. П. *см.* Мертваго А. П.
Чичагов В. Я.— 67, 264
Чичагов П. И.— 8, 9, 14, 56, 62, 63, 65—68, 224, 244, 245, 252, 265, 266, 318
Чичагова (Мертваго) Е. Б.— 8, 9, 14, 22, 28, 32, 36, 62, 63, 65—67, 210, 224, 237, 244, 245, 252, 265, 318, 339
Чуваков В. Н.— 340
Чучей, наместник Калмыцкий — 226, 227

Шагин-Гирей, крымский хан — 124—126, 279—282
Шварц И. Г. (Е.) — 260
Шведе Е.— 331
Шепелев А. А.— 309
Шепелев И. А.— 309
Шереметьевский В. В.— 339
Шишков, статский советник — 15, 169—171, 173
Шишков А. С.— 247, 294
Шишкова А. А. *см.* Полторацкая А. А.
Штиглиц А. Л.— 201
Штиглиц Н. И.— 201
Шуйский Д. И.— 305

Щекатов А.— 275

Энгельгардт Александр Н.— 329, 340
Энгельгардт Александра Н. *см.* Вязмитинова А. Н.
Энгельгардт Е. А.— 318
Энгельгардт Н. Б.— 267

Энгельгардт (Бутурлина) Н. П.— 267
Эрсилли, киргиз-кайсацкий хан — 262
Юматов И. И.— 305
Юсуф-паша — 148, 152
Юшкова А. П. *см.* Елагина А. П.

Языков Н. М.— 13, 249, 250
Яковлев П. А.— 269
Янькова (Римская-Корсакова) Е. П.— 289, 292, 300

Davidenkoff A.— 247
Kitchen M. T.— 247
Leighton L. G.— 247
Levitsky A.— 247

Содержание

Вместо предисловия. Воспоминания С. Т. Аксакова о Дмитрии Борисовиче Мертваго *(Письмо к В. П. Безобразову)* 7
Содержание записок Д. Б. Мертваго..14
«Записки» Д. Б. Мертваго..17
I. Пугачевщина 19
II. Служба в Оренбургском краю 41
III. Служба в Петербурге в провиантском ведомстве..78
IV. Служба в Крыму..112
V. Служба в должности генерал-провиантмейстера 155
VI. Жизнь в отставке и сенаторство в Москве 198
Дополнения к «Запискам» Д. Б. Мертваго..223
I. <In memoriam> 223
II. <О калмыках> 225
III. <Завещание>..228
Письма Высокопреосвященнейшего Филарета, Митрополита Московского..231
Приложения *(Г. Г. Мартынов, С. Д. Дзюбанов)*..235
Об истории публикации «Записок» Д. Б. Мертваго..236
Комментарии к «Воспоминаниям Сергея Тимофеевича Аксакова о Дмитрии Борисовиче Мертваго»..244
Комментарии к «Запискам» Д. Б. Мертваго 253
Герб рода Мертваго и комментарии к нему..302
Поколенная роспись рода Мертваго 304
Источники 337
Указатель имен 341

Серия «Книжные памятники из фондов БАН»
Выпуск 13

Мертваго Д. Б.
Записки (1760—1824)

Перепечатка с издания 1867 года,
с исправлениями и дополнениями

Главный редактор С. В. Харитонов
Художественный редактор В. Т. Курнос
Технический редактор А. С. Апельчугин
Корректор Т. П. Рындак
Набор Г. Г. Мартынов
Верстка В. А. Рахманов

Подписано в печать 16.11.06. Формат 70х100 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23.
Тираж 1500 экз. Заказ № 3729

Издательство «Русская симфония»
199106, Санкт-Петербург, В. О., 20-я линия, д. 1, оф. 1
тел./факс: (812) 327-61-25, 321-87-98
http://www.rusimfonia.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, д. 12

Книга о святыне

Ко дню возвращения в Россию одной из наиболее почитаемых нашим народом святынь — **Тихвинской иконы Богоматери** — издательство «Русская симфония» по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира, ограниченным тиражом факсимильно воспроизвело хранящуюся в Российской национальной библиотеке **рукопись XVII века** (РНБ, ОЛДП F38) — свод сказаний о чудотворной иконе Богоматери и Тихвинском Успенском монастыре. Рукопись содержит 124 цветных миниатюры.

По мнению ведущих специалистов Российской национальной библиотеки, издательству удалось практически точно воспроизвести оригинал. Сохранены точные размеры рукописи, внешний вид переплета, все визуальные особенности текста и миниатюр, следы времени.

Книга представляет собой фолиант размером 203х325 мм объемом 374 страницы. Фолиант и прилагаемый в виде отдельной книги научный комментарий помещены в специальную коробку. Научный комментарий облегчает прочтение церковнославянского текста Книги, что делает этот памятник рукописной книжности доступным не только для специалистов-филологов, искусствоведов, историков, но и для самого широкого круга читателей.

В рамках конкурса Ассоциации книгоиздателей России **«Лучшая книга 2004 года»** данное издание было удостоено **диплома ЮНЕСКО** за значительный вклад в программу «Культурное общение для диалога и развития».

Массовым тиражом выпущена книга, содержащая **перевод рукописи** на современный русский язык и расширенные примечания.

Работа издательства получила высокую оценку Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, ведущих библиотек и музеев России.

Более подробную информацию о рукописи и книге можно получить на нашем сайте в интернете.

В серии «Книжные памятники» вышли в свет следующие издания:

- ***Н. Ф. Дубровин*** 349-дневная защита Севастополя (1873);
- ***И. Е. Забелин*** Минин и Пожарский: «прямые» и «кривые» в Смутное время (1901);
- ***А. Ф. Петрушевский*** Генералиссимус князь Суворов (1901);
- ***И. Г. Георги*** Описание всех обитающих в Российском государстве народов (1799);
- ***Г. Александровский*** Цусимский бой (1956);
- ***К. П. Победоносцев*** История Православной Церкви (1905);
- ***Св. Иннокений Херсонский*** Избранные сочинения;
- ***Н. Ю. Бубнов*** «Слово о полку Игореве» и поэзия скальдов;
- ***Н. Ю. Бубнов*** Памятники старообрядческой письменности;
- ***Н. В. Гоголь*** Размышления о Божественной Литургии.
- ***М. И. Семевский*** «Слово и дело!» (1700—1725);
- ***Н. А. Полевой*** Русские полководцы (1845);
- ***Р. К. Скаловский*** Жизнь адмирала Ф. Ф. Ушакова (1856).

Тексты книг приведены в соответствие с требованиями современного русского языка.

Книга академика Петербургской Императорской академии наук **Н. Ф. Дубровина** «349-дневная защита Севастополя» (1837—1904) возвращает нас к самой героической странице войны России с европейской коалицией 1853—1856 годов. Эта война, вошедшая в историю под названием Крымской, была, по сути, первой в Новое время попыткой насильственного расчленения нашей страны.

Мужество и готовность к подвигу, вера и доброта русских людей с восхищением и любовью описаны на фоне реальных картин обороны Севастополя. Взгляды автора на причины, ход и итоги войны, долгое время искажавшиеся в угоду политическим интересам, несомненно, заинтересуют современного читателя, который задумывается над судьбами Отечества. Книга дополнена текстом Парижского трактата 1856 года с комментарием академика М. П. Погодина и портретами участников войны.

Книга почетного академика Российской Императорской академии наук **И. Е. Забелина** (1820—1908) «Минин и Пожарский: прямые и кривые

в Смутное время» ярко и всесторонне раскрывает образы русских национальных героев Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского, условия и обстоятельства их деятельности по преодолению Смуты. Не дворцовые интриги, не революции, а нравственный и гражданский поворот общества с «кривых дорог на прямой путь», по мнению автора, позволили установить «покой и тишину, и соединение государству, как было доселе, как было при прежних государях».

Книга **А. Петрушевского** «Генералиссимус князь Суворов» является фундаментальным трудом, посвященным жизни и деятельности великого русского полководца. На основе богатого документального материала автор подробно описывает условия формирования характера и полководческого гения своего героя, позволяя читателю ощутить непередаваемый суворовский дух. Несмотря на то, что этой теме уделялось большое внимание в литературе советского и постсоветского периодов, книга А. Петрушевского дает возможность современному читателю заново открыть для себя А. В. Суворова.

И. Г. Георги свой энциклопедический труд «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» подготовил в 1776—1780 годах, опираясь на собственные наблюдения и используя результаты работ известных российских исследователей С. Г. Гмелина, С. П. Крашенинникова, И. И. Лепехина, Г. Ф. Миллера, П. И. Рачкова и других. Впервые в одной книге были собраны и систематизированы в соответствии с современными автору научными концепциями сведения о различных сторонах культуры и быта народов России. Высокой ценностью являются как сами этнографические описания, так и иллюстрации (около 100 гравюр), дающие полное представление об облике и национальном костюме народов России. Эта работа по праву признана мировым эталоном этнографического исследования. Все четыре части изданной в 1799 году книги включены в один том объемом около 800 страниц и снабжены научным комментарием и примечаниями главного научного сотрудника Российского этнографического музея В. А. Дмитриева.

Переиздавая книгу **Г. Александровского** «Цусимский бой», выпущенную в свет в Нью-Йорке к 50-летию события, издатель делает попытку дать читателю возможность познакомиться с непредвзятым взглядом на трагический эпизод великой российской истории. Кто-то может спросить: зачем вспоминать Цусиму, ведь это наш позор, слабость,

поражение? На этот вопрос хочется ответить словами автора книги: «Нам нечего бояться вспоминать Цусиму. Правде надо смотреть прямо в глаза. Одной правдой является, что нас побили за нашу техническую отсталость. Постараемся никогда об этом не забывать и в будущем не отставать от технического прогресса.

Но в Цусиме есть еще другая правда. Правда, которой мы должны гордиться. Правда, которая показала, что русский народ не потерял своего героического духа. Эта правда — доблестное поведение подавляющей части личного состава Второй Тихоокеанской эскадры. На этой правде мы должны воспитывать нашу смену. Повествование о Цусимском бое должно стать современной версией «Слова о полку Игореве». Эта правда уже в течение тысячи лет является движущей силой русского народа, той живой водой, которая соединяет снова вместе временно разрозненные части русского государства и поднимает страну с одра смертельной болезни, воскрешая ее к новой жизни».

Издатель надеется, что книга Г. Александровского «Цусимский бой» вызовет интерес не только у специалистов-историков, но и у читателей, которые гордятся историей своего Отечества.

В книге **К. П. Победоносцева** «История Православной Церкви» простыми и понятными словами рассказывается о зачастую сокровенных, таинственных событиях — о зарождении и становлении Христовой Церкви, о ее жизни в период единства в течение I тысячелетия по Р. Х. Книга, задуманная автором как учебное пособие, сегодня может быть интересна и полезна читателю любого возраста для получения систематизированных знаний по церковной истории.

Книга **Н. Ю. Бубнова** «“Слово о полку Игореве” и поэзия скальдов» является попыткой нового осмысления великого памятника древнерусской литературы как сочинения, тесно связанного с общеевропейской художественной традицией своего времени. В ходе исследования автору удалось установить, что литературным образцом для анонимного автора «Слова» стала древняя поэзия скандинавских скальдов.

Скандинавская ориентация автора «Слова о полку Игореве» и его двуязычие явились своеобразным ключом для нового прочтения замечательного литературного творения Древней Руси.

Первая часть книги **Н. Ю. Бубнова** «Памятники старообрядческой письменности» посвящена исследованию творческого наследия писателя-

богослова 2-й половины XVII века иеромонаха Геронтия Соловецкого. Публикуемые сочинения содержат развернутую критику церковной реформы патриарха Никона 1653—1658 годов. Во второй части — старообрядческой «Истории о патриархе Никоне» — представлены частная жизнь и реформаторская деятельность Патриарха, рассматриваемые со старообрядческой позиции.

Тексты снабжены комментариями и иллюстрированны миниатюрами из старообрядческих рукописей. Книга предназначена как для профессиональных историков, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей Русской Православной Церкви и желающих лучше понять причины трагического церковного раскола, в XVII веке разделившего Россию на два непримиримых лагеря.

«Размышления о Божественной Литургии» — последнее произведение **Н. В. Гоголя** (1809—1852), увидевшее свет уже после кончины писателя. Оно неоднократно и большими тиражами переиздавалось в дореволюционной России и было настольной книгой для многих православных людей.

Небольшая по объему книжка — это сплав искреннего религиозного чувства и писательского гения. Появление этого очерка было вызвано заботой Гоголя о духовном просвящении молодых людей, которые начали подвергаться искушению индивидуализмом либеральных идей.

Книга будет интересна людям верующим и только вступающим на путь веры, которые хотят понять ход Божественной Литургии и осмысленно участвовать в главной церковной службе. Также в издание включены комментарии и примечания ведущих специалистов-гоголеведов академика Н. С. Тихонравова (1832—1893) и профессора МГУ В. А. Воропаева, что делает книгу полезной для всех интересующихся творчеством Н. В. Гоголя.

Изданная в 1885 году книга «Слово и Дело!» состоит из исторических очерков и рассказов, написанных **М. Семевским** в 1860—1862 годах и напечатанных в различных периодических изданиях. В основе очерков лежат переданные с большой точностью архивные материалы Тайной розыскных дел Канцелярии Петра Великого.

Книга имела большой успех и выдержала несколько переизданий. Современному читателю он дает возможность не только познакомиться с практикой работы Тайной Канцелярии, но и почувствовать атмосферу жизни русского общества в те далекие годы.

Книга известного русского историка и журналиста **Н. А. Полевого** (1796—1846) содержит жизнеописания двенадцати русских полководцев XVIII—XIX веков: Императора Петра Великого, Б. П. Шереметева, А. Д. Меншикова, Б. X. Миниха, П. А. Румянцева, Г. А. Потемкина, А. В. Суворова, М. И. Кутузова, М. Б. Барклая де-Толли, П. X. Витгенштейна, И. И. Дибича, И. Ф. Паскевича, трудами и дарованиями которых умножалась слава русского оружия.

Книга предназначена для всех интересующихся военной историей России.

Изданная в Санкт-Петербурге в 1856 году книга известного русского историка генерал-майора **Р.К. Скаловского** (1811—1873) «Жизнь адмирала Ф.Ф. Ушакова» является одним из первых биографических исследований жизненного пути знаменитого флотоводца. Книга Скаловского была очень популярна среди широкого круга читателей и использовалась практически всеми исследователями биографии Ушакова, а также авторами художественных произведений об адмирале. Документы, опубликованные в приложении к тексту книги, ярко и выразительно характеризуют личность адмирала Ушакова, подчеркивают его выдающиеся качества как военачальника, а также дипломата, защищающего интересы Российского государства.

Состоявшая в ноябре 2000 года канонизация святого праведного воина Феодора (Ушакова) свидетельствует о том, что память о нем живет в сердцах русских людей, всегда относившихся к своему герою с любовью и уважением.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, неравнодушных к героическим страницам русской истории.

Издательство «Русская симфония» и Библиотека Академии наук РФ готовят к выходу в свет в 2007 году следующие издания:

- ***Н. Н. Пекарский*** Михаил Васильевич Ломоносов (из книги «История Академии наук в Петербурге», 1870).
- ***Д. Н. Бантыш-Каменский*** Словарь достопамятных людей Русской земли.
- ***Жак Иоахим Шетарди*** Маркиз де ла Шетарди в России (1862).
- ***Генерал А. П. Ермолов*** Записки (1798—1826).
- ***Священник Василий Гречулевич*** Толкование Четвероевангелия (1859).
- ***Ф. Синельников*** Жизнь, военные и политические деяния генерал-фельдмаршала М. И. Кутузова (1813).
- ***Н. Левитский*** Житие, подвиги, чудеса и прославление преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского Чудотворца (1905).

Отзывы о наших книгах просим направлять по адресу:

Издательство «Русская симфония»
199106, С.-Петербург,
20-я линия В. О., д. 1, оф. 1
тел./факс: (812) 327-61-25, 321-87-98
e-mail: rs@rusimfonia.ru

